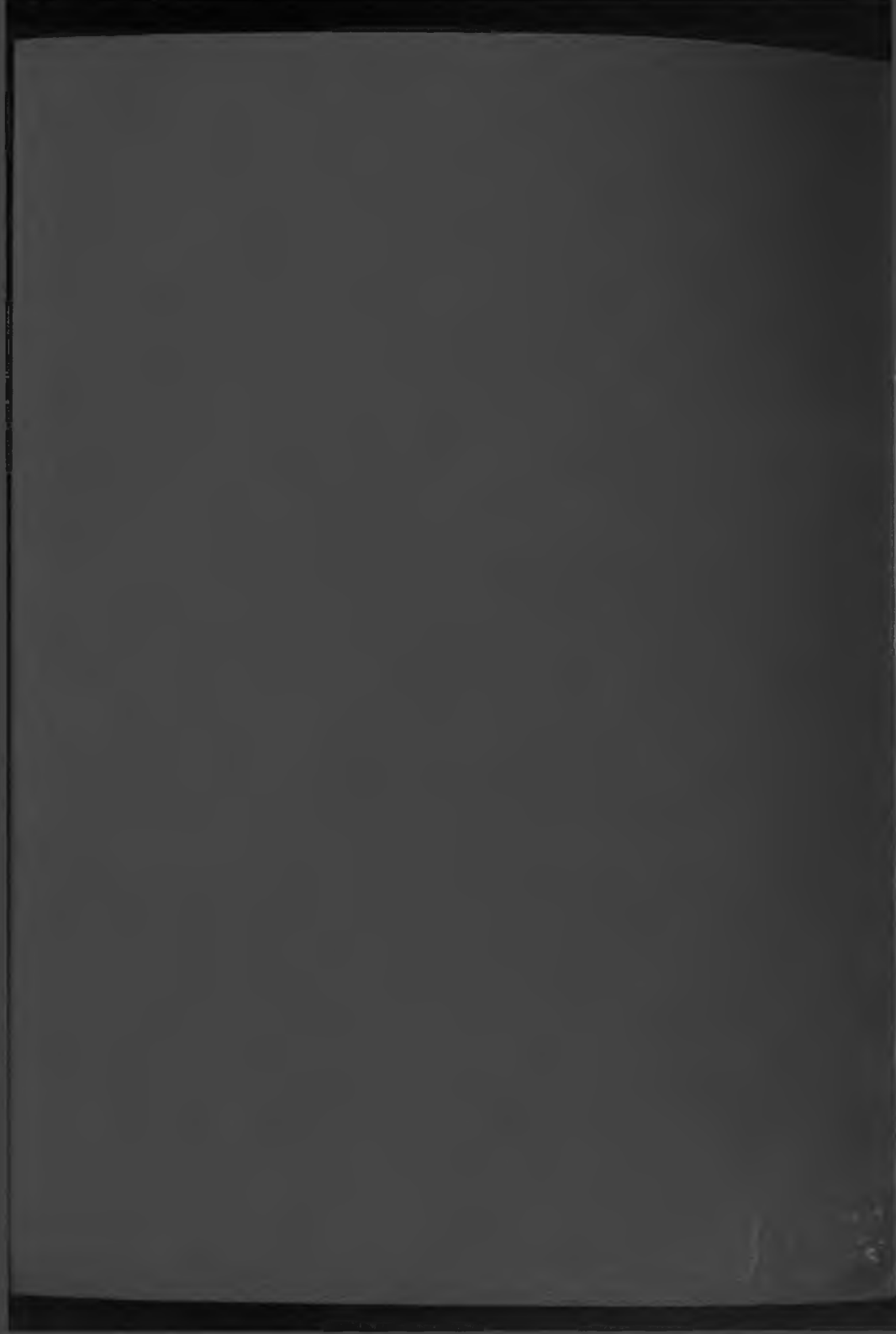




РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**РОССИЯ И МИР
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:
ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

Выпуск четвертый

Москва
2007

Четвертый выпуск сборника «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» посвящен проблемам взаимовосприятия России и мира в течение XX века и состоит из пяти разделов: «Взаимодействие культур»; «Взаимопонимание элит»; «Военный фактор в контексте взаимовосприятия культур»; «Германия и Россия: от сотрудничества к войне»; «США и Россия: в поисках взаимопонимания».

Первый раздел составили статьи, в которых нашли отражение сложные и разнонаправленные процессы взаимодействия культур на протяжении XX века. В работах, вошедших во второй раздел, речь идет о том, какие внешнеполитические представления существовали у тех или иных групп российской и зарубежной элиты, какие усилия предпринимались сторонами для их формирования, и как они влияли на определение текущей политики.

В течение почти всего XX века Россия (СССР) либо находилась в состоянии войны, либо ожидала ее, и отсюда вполне правомерно изучение взаимовосприятия культур именно в этом, военном контексте, чему и посвящен третий раздел сборника.

Четвертый раздел составили статьи, связанные с взаимными представлениями, существовавшими в первой половине века в российском и немецком обществе.

В последний раздел сборника вошли статьи, в которых рассматривается сложный процесс взаимовосприятия России и Америки, с начала века по 30-е годы.

Ответственный редактор

к.и.н. А.В.Голубев

Редколлегия:

*к.и.н. О.Г.Агеева, к.и.н. Н.Н.Аурова, В.А.Барченкова,
к.и.н. А.В.Голубев, д.и.н. В.А.Невежин*

Рецензенты:

*д.и.н. Л.Н.Нежинский
(ИРИ РАН);*

*д.философ.н. И.Г.Яковенко
(Институт социологии РАН)*

Работа подготовлена
в Центре по изучению отечественной культуры ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

В последние годы проблемы взаимовосприятия культур, или, выражаясь языком западных исследователей, проблемы имеджинологии, находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии изучаются все более активно. В частности, появились работы, посвященные механизмам формирования, функционирования, динамике изменения внешнеполитических представлений и стереотипов на материале российской истории. Актуальность этой проблематики, особенно в условиях поиска Россией нового места в мире, трудно переоценить.

С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН работает группа по изучению международных культурных связей России. На ее основе был создан и успешно функционирует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в который входят, помимо основного состава группы, как исследователи из ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России. В 1994-2004 гг. было проведено 11 заседаний «круглого стола» на тему «Россия и внешний мир»¹. На основе их материалов вышли два сборника научных трудов², а также коллективная монография «Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (М., 1998), получивших высокую оценку научной общественности³.

С 2000 г. материалы научного семинара издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (первый выпуск вышел в 2000 г., второй в 2002 г., третий выпуск находится в производстве).

Данный, четвертый выпуск сборника посвящен проблемам взаимовосприятия России и мира в течение XX века и состоит

из пяти разделов: «Взаимодействие культур»; «Взаимопонимание элит»; «Военный фактор в контексте взаимовосприятия культур»; «Германия и Россия: от сотрудничества к войне»; «США и Россия: в поисках взаимопонимания»⁴.

Первый раздел составили статьи, в которых нашли отражение сложные и разнонаправленные процессы взаимодействия культур на протяжении XX века.

Е.Ю.Дубровская показывает, как менялись представления друг о друге у российских военнослужащих и местного населения в Финляндии в годы первой мировой войны. Конечно, Финляндия, хотя и пользуясь высокой степенью автономии, входила в состав Российской империи, но в статье наглядно продемонстрировано, что речь шла о восприятии именно «чужой» культуры, причем с обеих сторон.

Работа Е.В.Жбанковой посвящена довольно неожиданной теме – бытованию европейского салонного танца в Советской России 20-30-х годов. Конечно, по сравнению с другими, именно салонный танец оставался занятием весьма узкого круга, и, тем не менее, определенный диалог между советской и европейской культурой происходил и в этой сфере.

Л.У.Звонарева и Л.С.Кудрявцева поставили своей целью исследовать толкования текста Г.Х.Андерсена российскими художниками-иллюстраторами. Как подчеркивают исследователи, российские иллюстраторы на протяжении многих лет пытались открыть новые смыслы великих сказок.

В работах, вошедших во второй раздел, речь идет о том, какие внешнеполитические представления существовали у тех или иных групп российской и зарубежной элиты, какие усилия предпринимались сторонами для их формирования, и как они влияли на определение текущей политики.

Раздел открывает статья Е.С.Сергеева, в которой анализируются представления одной из наиболее влиятельных социальных групп начала века – элитного корпуса офицеров Генерального штаба – на перспективы дальнейшего существования Государства Российского в геополитическом пространстве с учетом этноконфессионального фактора.

Г.Б.Куликова продолжает изучение деятельности советского политического руководства по созданию позитивного образа страны или культурной дипломатии на высшем уровне. Предмет ее исследования – контакты Сталина и других советских лидеров с видными представителями западной культуры, в частности Б.Расселом, Р.Ролланом, А.Барбюсом и др.

О том, какую роль играли представления советского руководства о ситуации в мире и о европейской социал-демократии в определении государственной политики, пишет на примере поворота в стратегии Коминтерна в середине 30-х годов А.В.Шубин.

Завершает раздел статья С.А.Зубкова, в которой рассматриваются усилия советской дипломатии и пропаганды по формированию в мире (прежде всего на Западе) позитивного образа Н.С.Хрущева как убежденного борца за мир, коммуниста, человека из народа и государственного деятеля.

В течение почти всего XX века Россия (СССР) либо находилась в состоянии войны, либо ожидала ее, и отсюда вполне правомерно изучение взаимовосприятия культур именно в этом, военном контексте, чему и посвящен третий раздел сборника.

В статье М.М.Кудюкиной рассматриваются массовые представления о будущей войне, ее причинах и вероятных противниках на примере Красной Армии, которая, с одной стороны, являлась как бы «слепок» всего советского общества, а с другой – благодарным материалом для пропагандистской работы.

Продолжая тему «военных тревог», А.В.Баранов останавливается на том, как откликнулись на рост международной напряженности в конце 20-х годов разные социальные группы среди крестьянства и казачества Юга России.

Представления об армиях «вероятного противника», т.е. ряда европейских стран и Японии, которые бытовали как среди советских военных-профессионалов, так и среди политических деятелей, в своей статье сравнивает Н.Ю.Кулешова.

Анализу советской политической карикатуры 1939 года, связанной с темой «освободительного похода» Красной Армии на Западную Украину и Западную Белоруссию, посвящена статья В.А.Токарева.

Наконец, в статье Н.Е.Быстровой рассмотрен непростой процесс формирования Организации Варшавского договора, в том числе и с точки зрения взаимного восприятия этого процесса всеми его участниками и заинтересованными сторонами.

Четвертый раздел составили статьи, связанные с взаимными представлениями, существовавшими в первой половине века в российском и немецком обществе.

Так, А.Г.Дорожкин анализирует различные точки зрения, существовавшие среди германских политиков, историков, экономистов на особенности и успехи российской индустриализации начала века.

С другой стороны, статья В.Л.Черноперова посвящена тем оценкам социально-экономического развития Веймарской республики в 20-е годы, которые давались советскими специалистами, побывавшими в Германии.

Образ Германии и немцев в творчестве В.В.Набокова, в частности, в романе «Дар» – предмет исследования О.Е.Фроловой.

Сложную проблему компаративного анализа ментальностей на примере солдатских писем периода Сталинградской битвы, принадлежащих солдатам враждующих армий, ставит Е.С.Сенявская.

В последний, самый обширный по объему раздел сборника вошли статьи, в которых рассматривается сложный процесс взаимовосприятия России и Америки, с начала века по 30-е годы.

Своеобразным прологом служит статья В.И.Журавлевой о том, как предпринимались попытки сформировать благоприятное для России общественное мнение в США начиная буквально с первых лет нового, XX века.

Однако последовавшая революция 1917 года поставила Америку перед лицом новой, совершенно неизвестной России.

С.В.Листиков показывает, как формировалась американская политика в отношении России в 1917 году, и какую роль в этом сыграла так называемая «миссия Элиху Рута».

В 20-30-е годы США занимали особое место в советской пропаганде и массовом сознании. Оставаясь крупнейшей капиталистической страной со всеми присущими западному миру противоречиями, США одновременно являлись примером социально-экономического развития, который вызывал смешанные чувства, вплоть до восхищения.

В статье Н.С.Фроловой приводятся мнения, большей частью позитивные, советской научно-технической интеллигенции об «экономическом чуде» США в 20-е годы.

Отражение различных сторон американской политики, внутренней и внешней, а также американской повседневности в советской политической карикатуре анализирует в своей статье А.В.Голубев.

Завершают сборник две статьи, принадлежащие американским исследователям. Ли Фарроу рассматривает процесс оказания помощи Советской России в начале 20-х годов, во время голода, деятельность АРА и впечатления американцев от новой России на материале личной переписки одного из видных сотрудников АРА.

Наконец, Д.Энгерман дает подробный критический анализ высказываний и оценок американских экспертов 30-х годов относительно успехов, достигнутых СССР в годы первой пятилетки, и цены этих достижений.

* * *

Когда работа над сборником была уже завершена, безвременно и скоропостижно скончалась Валентина Алексеевна Барченкова (1956-2005). Она проработала в Институте российской истории четверть века, начиная с 1980 года. На протяжении многих лет Валентина Алексеевна принимала участие в подготовке и проведении «круглого стола», была членом редколлегии 2-го, 3-го и данного, 4-го выпуска нашего сборника и

до последних дней работала над подготовкой его к печати. Редколлегия сборника, сотрудники института сохраняют о ней самую светлую и добрую память.

-
- ¹ Отчеты о предыдущих заседаниях «круглого стола» см.: Отечественная история. 1995. № 3; 1998. № 3; 1999. № 1, 6; 2001. № 2, 6.
 - ² Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.
 - ³ Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2; 2004. № 6.
 - ⁴ В предыдущих сборниках разделы, затрагивающие двусторонние проблемы взаимодействия культур, были посвящены взаимовосприятию России и Великобритании, США, Японии. См.: Два полюса Европы: Россия и Великобритания глазами друг друга // Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 143-226; Россия и Америка к концу XIX – началу XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 192-270; Япония и российское общество // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 325-399.

I. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Дубровская Е.Ю.

ФИНЛЯНДИЯ, ФИННЫ И РОССИЙСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОБРАЗЫ

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных в Финляндии, представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах военных позволяют представить ту реальность, в которой в 1914-1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и служивших на северо-западном рубеже воюющей Российской империи. Одним из аспектов окружавшей их реальности стало городское пространство финляндской столицы – г. Гельсингфорс (Хельсинки).

Война разрушала традиции имперской политики, параллельное существование в Финляндии гражданских и военных властей вело к постоянным столкновениям и обратному противодействию финляндской гражданской администрации всех уровней начинаниям и требованиям военных. В обстановке революционных потрясений многое во взаимоотношениях жителей Гельсингфорса и военнослужащих определялось стихийными настроениями матросов и солдат, сошедших с кораблей, вышедших из казарм на улицы столицы Финляндии.

Об изменениях, коснувшихся быта и нравов русских войск в Финляндии в 1917-1918 гг., свидетельствуют многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей. Отчеты военных цензоров являются незаменимым источником, позволяющим судить о настроениях военнослужащих, об их отношении к местному населению в первые годы мировой войны и в канун революции.

Благодаря материалам военной цензуры, публикациям читательских писем в русских газетах различных направлений, вышедших в Финляндии в период революции, и особенно при изучении корреспонденции, не попавшей на страницы периодики, становится понятно, как складывался этнический образ финна в представлениях российских военнослужащих ко времени обретения Финляндией независимости на рубеже 1917 и 1918 гг.

Большинство документов такого рода обнаружено среди материалов коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии и в фондах Российского Государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге¹.

Избранная проблема получила то или иное освещение в монографических исследованиях финляндских историков П.Лунтина, О.Маннинена, А.Тансканена, авторов сборников статей «Людские потери 1914-1922 гг. в Финляндии» под редакцией Л.Вестерлунда и др. Их новейшие исследования позволяют увидеть особенности психологии «человека с ружьем», служившего на северо-западной границе империи как в первые годы войны, так и в период российской революции 1917 г.² Однако контакты российских военнослужащих с населением Финляндии во время Первой мировой войны, противоречия, возникавшие между ними и представления, складывающиеся друг о друге, еще не становились предметом специального изучения. Единственным исключением является необычайно интересное монографическое исследование О.Каремаа, рассмотревшей феномен неприязненного отношения к русским в Финляндии в 1917-1923 гг.³

Отечественными историками предпринимались попытки вслед за финскими коллегами исследовать вопрос о взаимоотношениях российских военнослужащих и населения Финляндии на заключительном этапе ее автономии и в период гражданской войны 1918 г. в финляндском государстве, ставшем независимым (работы В.П.Булдакова, Б.И.Колоницкого, И.Н.Новиковой, И.М.Соломеща, В.Ю.Черняева, А.Н.Чистикова и др.)⁴.

История русских войск, располагавшихся в Финляндии, восходит к событиям начала XIX столетия, когда при Александре I Финляндия была завоевана у Швеции и присоединена к Российской империи, получив статус автономного Великого княжества. Водружение в 1808 г. флага с двуглавым орлом над шведской твердыней – Свеаборгской крепостью ознаменовало начало российского периода финляндской истории. Гельсингфорс в 1812 г. был избран императором в качестве столицы княжества как город, ближе расположенный к Санкт-Петербургу и, следовательно, более подходящий для этой роли по сравнению с прежней столицей г. Турку (Або), близким к Швеции и по духу, и географически⁵.

Как отмечают исследователи, в начале XIX века отношения местного населения и русских войск складывались безо всяких проблем. Любопытно, что первыми русскими, начавшими торговлю в Гельсингфорсе, стали жены офицеров, продававшие выпечные изделия не только на территории гарнизона, но и за казарменными воротами. Многие из маркитантов Свеаборга, самых состоятельных и гибко приспособивавшихся к рынку, вскоре поселились в Гельсингфорсе, сделавшись респектабельными горожанами. Разносной торговлей занимались и отслужившие свой срок в армии солдаты⁶.

Представители высшего общества поддерживали многочисленные контакты с русскими офицерами, общаясь с ними на французском языке. Прислуга же быстро усваивала минимальный набор русских фраз, достаточный, чтобы объясниться с унтер-офицерами или рядовыми чинами⁷. Однако в конце XIX в. отношения между русскими военными и местным насе-

лением стали ухудшаться. Отчасти это объясняется возраставшим чувством национального самосознания финнов.

Другим обстоятельством, повлиявшим на изменение отношений, явилось комплектование национальных вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности, проводившейся в соответствии с военной реформой 1878 г. в Финляндии. Теперь русская армия все больше воспринималась финнами, как чужеродное образование. Тем, что окончательно заставило «просвещенный класс» Финляндии порвать отношения с российскими военными, была политика централизации, которая проводилась царским правительством в Великом княжестве и воспринималась здесь как русификация.

Конкретной реальностью периода наступления имперской власти на автономные права Финляндии стал, в частности, роспуск финляндских национальных войск (что, правда, сделало Финляндию единственной страной в Европе, где молодежь была освобождена от воинской повинности). Задачи защиты территории княжества выполняли исключительно русская армия и флот.

Попытки русских властей использовать казачьи войска для разгона демонстраций на Сенатской площади в Гельсингфорсе в период управления краем Н.И.Бобриковым, самым ревностным среди финляндских генерал-губернаторов проводником унификаторской политики правительства, спровоцировали невиданное обострение конфликта между населением княжества и российскими военнослужащими на рубеже XIX-XX вв.

Этнические предрассудки были одной из причин конфликтов русских солдат, матросов и офицеров с населением гарнизонных финляндских городов и их окрестностей. Зачастую окрашенные в негативные цвета представления об этносах-соседах превращались в устойчивые этнические стереотипы, которые в годы революционных потрясений не могли победить агитационные призывы со страниц большевистских, левозерковских и советских газет к классовой солидарности с «революционным финским пролетариатом».

Это обуславливалось еще одним психологическим мотивом. Освобождение от военной службы в России было постоянным источником неприязни со стороны тех, кто служил в армии или их родственников. На северо-западной границе империи объектом такой неприязни оказалась целая нация, поскольку в 1905 г. финляндские подданные были полностью освобождены верховной властью от воинской повинности, за что Великое княжество выплачивало определенную компенсацию в российский бюджет.

В обстановке начавшейся мировой войны эта привилегия, разумеется, порождала в российском обществе постоянные упреки в адрес финляндцев в том, что они, не участвуя в военных действиях, намерены уцелеть за чужой счет.

Первоначально российские войска в великокняжеской столице располагались в островной крепости Свеаборг, затем рядом со Свеаборгским портом на острове Скатудден (Катаанокка) появились морские казармы. Под влиянием Петербурга город виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная столица» княжества, и как центр административного управления. Идеал военной столицы, обуславливавший ее претензии на олицетворение имперской власти в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке»⁸.

Среди достопримечательностей, отмеченных на плане предреволюционного Гельсингфорса, можно обнаружить «Дом сословий», построенный в 1891 г. для собраний недворянских депутатов сейма (до 1906 г. сейм состоял из четырех палат, каким он был и в «шведский» период финляндской истории). Российских военнослужащих, не знакомых с традициями финляндского парламентаризма, военные власти информировали об этом государственном институте с помощью специальных пособий. К ним относится и «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего ее устройства», подготовленный ротмистром Ильиным для унтер-офицеров⁹.

У подножия величественного православного Успенского собора можно было видеть еще один монумент имперской культуры города – «часовню мира». Ее установили в честь заключения мирного договора 1809 г., по которому Швеция уступила Финляндию России. Часовня служила мерилom исторической памяти подданных Российской империи¹⁰. Однако этот символ имперской власти нельзя обнаружить на карте современного Хельсинки. Разрушенный после гражданской войны 1918 г. он, по-видимому, больше других ассоциировался с российской властью, которая ушла в прошлое, но еще раз была подвергнута уничтожению, теперь уже ритуальному. Сходная судьба постигла и православный собор Александра Невского в Свеаборгской крепости, перестроенный сначала в маяк, а затем в лютеранскую церковь.

В августе 1914 г., в первые дни войны, среди населения княжества возникли слухи о том, что Выборг и половина Гельсингфорса сожжены. Крепость Свеаборг, по одной версии, подверглась нападению и была взята, по другой – сама расстреливает Гельсингфорс, а его жители «вследствие невероятных притеснений и лишений бегут, причем все это происходит по вине русских, объявивших войну Финляндии»¹¹.

Восприятие Свеаборга как символа «русскости» и «имперства» отразилось в апрельской 1918 г. публикации шведоязычной газеты «Hufvudstatsbladet». Заметка, появившаяся после занятия Гельсингфорса немецким корпусом, свидетельствует о том, что Свеаборг в восприятии горожан был связан с постоянной военной угрозой со стороны России. Автор с удовольствием отмечал: «Свеаборг уже не русский. Весенние ветры с Финского залива обвевают Эренсвардовские бастионы (построены шведским адмиралом Августином Эренсвэрдом. – Е.Д.), и потрепанный бело-красный флаг, последний признак русских, указывает на это подчинение».

Территория, которая прежде не могла служить местом прогулки репортеров финляндских газет, увиденная автором впервые, даже после вывода войск воспринималась как чужерод-

ный анклав: «Местность производит заметно русское впечатление: церковь и большие белые казармы и офицерские здания. Небольшие низкие дома разбросаны повсюду без всякого плана, часто помещая в себе какую-нибудь лавку и едва ли усиливая собой мощь крепости. Сельская идиллия перемешивается с крепкими военными сооружениями. Громадные, типично русские кучи отбросов с массою пустых банок из-под консервов близ казематов и погребов с боевыми припасами... На наружных бастионах, откуда видно открытое море, за окопами скрываются замысловатые лафеты, дальнобойные пушки, с которых заблаговременно были увезены замки, побежденной нации. Некоторые из колоссов еще остаются и глядят в бесильной ярости вдаль за горизонт. Немецкая комендатура железною рукою восстанавливает порядок»¹².

А.И.Куприн в начале войны служил офицером в Великом княжестве (он посещал Финляндию более десяти раз в различные периоды жизни, неизменно относился к ней с любовью)¹³. В 1933 г. в последней статье, посвященной стране Суоми, он отметил переплетение «своего» и «чужого» в культуре независимой Финляндии, перечислил «знаковые» явления, которые «будут надолго, если не навсегда, напоминать ее жителям о русской культуре»: «Это, во-первых, лиственнная аллея, посаженная Петром I в Куоккала, во-вторых, Сайменский канал, где на последнем шлюзе выгравирована четкая надпись “Построен русскими солдатами по повелению Николая I в таком-то году”, в-третьих, Свеаборгская морская крепость, в-четвертых, памятник императору Александру II против Сената и в-пятых, Александровская улица, Александерсгатан»¹⁴.

Примечательно, что литератор, знакомый с историей края, упомянул крепость, построенную шведами в XVIII в., как памятник русского военно-инженерного искусства. Солдаты же безоговорочно воспринимали Свеаборг как «освоенное» пространство, «островок» России, защищенный от внешнего мира.

И в то же время для моряков и солдат Гельсингфорс был желанным местом отдыха. Матросы, получившие увольнение

на берег, сначала попадали в порт, а затем расходились по знакомым им в городе местам. Самым привлекательным из таких мест был парк развлечений – Брунс-парк, располагавшийся вблизи порта¹⁵.

«Иностранный» характер города беспокоил армейское и флотское командование. По воспоминаниям капитана 1-го ранга С.Н.Тимирева, флаг-капитана командующего Балтийским флотом, Гельсингфорс считался «центром германского шпионажа и разрушительной революционной работы». Одной из причин такого предубеждения стал «состав населения», говорящего «на чуждом языке» и «в некоторых своих слоях –строенного германофильски». Опасение вызывала и продолжительная стоянка больших кораблей (1-я и 2-я бригада линкоров, 2-я бригада крейсеров, эсминцы и миноносцы, всего более ста кораблей действующего флота) в Гельсингфорсе. По словам Тимирева, частые посещения матросами берега давали агитаторам «полную свободу ведения самой широкой революционной пропаганды среди команд»¹⁶.

Однако возможностей сойти на берег у матросов было не так много, в частности, на 1-й бригаде линейных кораблей их увольняли в город раз в 7-10 дней. Один раз в неделю команда того или иного корабля в качестве поощрения за службу выводилась в Гельсингфорс «на прогулку», и это становилось настоящим парадом моряков, проходивших через весь город¹⁷.

Зачастую парады русских войск, призванные демонстрировать силу режима, воздействовали на эстетические чувства населения, не искушенного в политике, вдохновляли эмоционально, а военные оркестры оживляли жизнь гарнизонных городов, влияли на музыкальную культуру великокняжеской столицы¹⁸.

Однако проявлявшееся русскими властями в разгар борьбы с т.н. «панфеннизмом» пренебрежительное отношение к ценностям национальной культуры не оставалось незамеченным жителями Гельсингфорса. Заложниками в этих столкновениях становились российские военные. Финская интеллигенция,

прежде всего, шведоязычная, настроенная антирусски, обвиняла их в непочтительном отношении к национальным святыням. В марте 1914 г. в газете «Nya Pressen» появилась заметка «Русские войска поют на улицах». Автора возмущало, что «русские военные, кажется, считают ул. Рунеберга подходящей для своих променадов»: «в двенадцатом часу дня команда солдат, распевающих во все горло, прошла по северной Эспланаде мимо памятника Рунебергу на Казарменную ул. Нужно бы как можно скорее положить конец этому, почти что ежедневному пению и оранию войск на улицах нашей столицы»¹⁹.

В «Hufvudstadsbladet» некий «Гражданин» выражал негодование по поводу того, что русские моряки стали пользоваться Железнодорожной (Вокзальной) площадью для своих занятий: «Движение на самых оживленных частях города прерывается на несколько часов к большому неудобству публики и к весьма малому удовольствию тех, кто живет у нашей центральной площади». Полемизируя с автором, правительственная «Финляндская газета» писала: «добрая часть этих мест учений бывает заполнена толпой городских обывателей, которым, судя еще и по доброжелательному выражению их лиц, учения эти вовсе не неприятны»²⁰.

Так или иначе, Гельсингфорс оставался для военнослужащих особым, отчужденным от русского культурного контекста миром, и не только в силу иноязычного окружения. Оппозиция «восток/запад» на уровне восприятия символов остро ощущалась выходцами из России, несмотря на государственную и имперскую семиотику центра великокняжеской столицы. С конца XIX в. в Гельсингфорсе строились здания с высокими башнями, толстыми стенами из серого гранита в национально-романтическом стиле северного модерна. Он получил, как и в Германии, название «югенд». Над городом возвышалась католическая церковь Св. Генриха, немецкая кирха, огромная Бергхальская церковь. Необычными казались здание Рыцарского зала в неоготическом стиле, украшенные растительным и животным орнаментом здания Национального музея и Нацио-

нального театра, «Фонтан Вальгрена» – скульптурный комплекс «Хавис Аманда» на Торговой площади, ставший символом города, монумент жертвам кораблекрушения на холме вблизи Обсерваторской горки. С пьедесталов памятников смотрели незнакомые изваяния – собиратель рун эпоса «Калевала» Элиас Леннрут, Фредрик Пациус, написавший музыку гимна «Наш край», поэт-классик Йохан Людвиг Рунеберг, автор текста гимна.

К весне 1917 г. концентрация войск в финляндской столице значительно увеличилась. Еще в марте 1915 г. в Свеаборге насчитывалось 4 тыс. военнослужащих. В казармах на территории Гельсингфорса, в его окрестностях и на островах, составлявших линию обороны города и крепости, – до 5 тыс. чел. Согласно же приказу № 92 по Свеаборгской крепости, к 4 марта 1917 г. численность сухопутных войск, размещенных в городе и крепости, выросла до 20 698 чел.²¹

Из-за недостатка казарменных помещений они занимали здания финских народных школ. В них размещались все батальоны 510-го Волховского и 511-го Сычевского, роты 428-го Лодейнопольского и 509-го Гжатского полков²². Военнослужащие «осваивали» новые городские пространства. Уроженка Гельсингфорса А.Йортикка вспоминала: «Поскольку кладбище Хиетаниemi располагалось поблизости, то солдаты заходили туда – посмотреть и полюбоваться красивыми траурными лентами на венках. Мы ходили поглядеть, как они живут в лагере. Видели, как они разожгли костер, спилили дерево, увидев нас, они заулыбались, т.к. смогли обратиться к нам по-фински»: солдаты произнесли расхожее финское ругательство, по-видимому, единственное из известных им выражений, «а потом пришел еще один солдат, на шее которого красовалась ленточка от венка с надписью “Последний привет от семьи Лунден”»²³.

За более чем вековой период кладбища, где покоились сотни соотечественников²⁴, становились для военнослужащих «кусочком» российской территории и неофициальным местом

поклонения далекой родине. В памяти горожан запечатлелись детские воспоминания, связанные с церемонией проводов простых деревянных гробов, «в сопровождении 6-8 русских солдат и команды трубачей, игравших русский боевой гимн», на солдатское православное кладбище²⁵.

Весной–летом 1917 г. с утратой войсками, находившимися в Финляндии, своей главной задачи – защиты трона и суверенитета империи, в глазах военнослужащих утратила смысл и одна из прежних задач – напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать политический и общественный порядок. Отрицание этикетного поведения, в том числе, и поведения на улице, воспринималось ими на фоне особой значимости для горожан упорядоченной жизни Гельсингфорса. Показательны призывы, звучавшие в 1917 г. со страниц гельсингфорских и абоских «Известий», не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу»²⁶.

Оценка любого из событий повседневности в ставших привычными категориях политических реалий подчас приводила к курьезам. Так, на письме в редакцию гельсингфорских «Известий», автор которого осуждал «дерзкое поведение как казаков, так и артиллеристов со здешними барышнями», член редколлегии летом 1917 г. начертал резолюцию «Неорганизованное братанье артиллеристов с финками – помещать не стоит»²⁷.

Среди множества обращений читателей в редакцию газеты примечательно письмо матроса Недвицкого с ледокола «Трувор». Ледокол входил в состав судов приморского фронта крепости Императора Петра Великого²⁸, а его команда часто имела возможность бывать в портовых городах как северного, так южного побережья Финского залива. Озаглавив свою заметку «Разберитесь, чья кровь!», автор с возмущением писал о том, что «спекулянство и мародерство» моряков-балтийцев в Финляндии «дошло до бесчеловечества», особенно это относилось к приезжавшим из Ревеля (совр. Таллинн).

Матросы привозили в Финляндию и продавали по спекулятивной цене хлеб, мясо и другие продукты первой необходимости, которые из-за их недостатка распределялись среди населения только по карточкам. Очевидец сообщал, что соотечественники-военнослужащие «отбирают марки у полуголодных финнов»: «Разве это не кровопийство, когда купленный в Ревеле хлеб за 2 руб. 50 коп. сюда привозят и продают за 20 марок, не стесняясь, на рынках и кораблях» (по тогдашнему валютному курсу финская марка соответствовала 1 руб. 65 коп.).

Вечером, «награвив таким путем довольно крупную сумму», предприимчивый коммерсант отправлялся в первоклассную кофейню, где, по словам автора письма, «заказывал, не стесняясь, кофей с вином под названием “Негрская кровь” и тратил до двухсот и более марок» — «тех самых кровных марок, которых бедный финский рабочий платил со слезами на глазах, а эти господа их разбазаривают направо и налево, а придя на судно, рассказывают, что они пили вино под названием “Негрская кровь”».

Обращает на себя внимание заключение, которым матрос Недвицкий пытался образумить искателей легкой наживы и положить конец спекулятивной торговле моряков: «они совершенно не хотят понять, что пили не вино, а чистую кровь, только не негрскую, а финскую, кровь своих же братьев, беднейшего пролетариата... Это ведет финский беднейший класс к тому, что из лучших финских рабочих делаются вору, а из честнейших финских женщин делаете проституток. Вы знаете, что безработица и мародерство финских капиталистов многих до этого довели, а вы, товарищи, еще больше укрепляете, чем ставите клеймо на весь русский народ»²⁹.

Однако благожелательные отзывы о населении бывшего Великого княжества встречаются на страницах писем военнослужащих не часто, а привлекательный этнический образ финна оказывается скорее исключением. Гораздо чаще можно увидеть суждения о том, что «неблагодарное финское племя... ничуть не оценит русских героев, которые достали им личную

свободу». Вызывает улыбку простодушное упоминание о некогда не виданных жителях отдаленного Африканского континента в связи с перечислением обид на местное население: «да они еще грубее стали к русским, финское племя очень подходящее к нильским неграм: кто читал про это племя, тот хорошо поймет»³⁰.

В условиях снижения привычной воинской дисциплины и в соответствии с представлениями рядовых о наступившей «свободе» пространство города подчас воспринималось ими как место проведения ежедневного праздника с импровизированными представлениями, привлекавшими как военнослужащих, так и горожан. Подобные «карнавальные» представления с участием казаков-кубанцев летом 1917 г. в течение нескольких дней разворачивались вблизи Артиллерийских казарм и завода Николаева.

Один из трех казаков, «испачкавших лица сажей», по свидетельству очевидца, «одевал на себя искусственное изображение лошади» и «представлял коня и всадника одновременно», «показывал, как лошадь пьет», двое других «погоняли его хворостиной», пытаясь продать «хорошую кобылку» проезжавшим мимо на извозчике финнам, а те «торговались», зараженные общим весельем³¹.

И горожане, и российские военнослужащие — недавние подданные империи, почувствовавшие себя гражданами, зачастую воспринимали политический переворот как ритуальное праздничное «действие», в которое включалось городское пространство финляндской столицы.

Символика великокняжеской столицы, во многом определявшая «лицо города», была призвана формировать как у финляндцев, так и у служивших в Гельсингфорсе военных представления о «единой и неделимой» России и помогала матросам, солдатам и офицерам осваивать пространство «чужого» города, а за ним и всей Финляндии, как «свое».

Такое восприятие военными «себя в городе» становилось причиной их столкновений с жителями Гельсингфорса, усу-

гублявшихся последствиями насаждения чрезвычайных мер военного времени в качестве государственной политики России в Финляндии. Миф восприятия себя как защитников дальних подступов к столице империи и ее северо-западных рубежей сталкивался с мифом финляндцев, которые накануне и в годы войны стали считать русское присутствие в княжестве чуть ли не «оккупацией». Однако взаимные недоверие и недоуженность, противоречия между его жителями и военными не могли свести на нет все контакты горожан с офицерами и рядовыми российской армии и флота.

В пользу этого свидетельствуют факты восприятия нижними чинами традиций протестных действий населения Гельсингфорса весной–летом 1917 г., совместное с горожанами освоение коммуникативного пространства финляндской столицы в дни Февральской революции, во время массовых ритуальных шествий и проведения новых праздников.

¹ Kansallisarkisto (далее КА) – Национальный архив Финляндии. «Русские военные бумаги». Д. 11970; РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Письма читателей в редакцию «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих».

² *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Fleet in Finland, 1808–1918. Helsinki, 1997; *Manninen O.* Kapina, kansalaissota, vapaussota; Sodanjohdanto ja strategia; Taistelevat osapuolet // *Itsenäistymisen vuodet, 1917–1920. Osa II.* Helsinki, 1993; *Tanskanen A.* Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; *Venäläissurmat Suomessa, 1914–22: Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja.* Helsinki, 2004. Osa 1, 2.

³ *Karemaa O.* Vihollisia, vainooja, syäpäläisiä: venäläisviha Suomessa, 1917–1923. Helsinki, 1998.

⁴ *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 119–139, 145; *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; *Он же.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции. СПб., 2001; *Новикова И.Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). М., 1997. С. 130–

- 148; Она же. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы первой мировой войны. СПб., 2002; *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск, 1992; *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие в период самоопределения Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 308-323; *Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // *Интервенция на Северо-западе России, 1917-1920.* СПб., 1995. С. 159-174; и др.
- ⁵ *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 64-65; *Кеттола Э.* Русская революция и независимость Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 292-293; *Хяккинён И., Цеттерберг С.* Финляндия вчера и сегодня: Краткий исторический очерк. Йошкар-Ола, 1997. С. 72.
- ⁶ *Lampinen M.L.* Russian Influence in Helsinki // *Venäläisyys Helsingissa 1809-1917.* Helsinki, 1984. S. 97; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland, 1808-1918. Helsinki, 1997. P. 49-54.
- ⁷ *Melkko M.* Venäläinen sotaväki Helsingissa // *Venäläisyys...* S. 51.
- ⁸ Подробнее см.: *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208–220; Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб., 2003. С. 230–231; *Hellberg-Hirn E.* Символика Петербурга: тема пространства // *Studia Slavica Finlandensia.* Т. XIII. 1996. С. 68-88.
- ⁹ КА. «Русские военные бумаги». Д. 17247; Подробнее см.: *Дубровская Е.Ю.* Российские войска в Финляндии накануне Первой мировой войны // *Скандинавские чтения 2000 года: этнографические и культурно-исторические аспекты.* СПб., 2002. С. 467-478.
- ¹⁰ См. об этом также: *Кудрявцева Л.* Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателю Выборга Торгильсу Кнутсону // *Ab Imperio.* 2004. № 2. С. 417-434.
- ¹¹ КА. ККК Fb 916 («Бумаги финляндского генерал-губернатора»).
- ¹² Цит по: *Русский вестник.* [Гельсингфорс], 1918. 24 апреля.
- ¹³ *Хеллман Б.* Александр Куприн в Хельсинки // *Куприн А.И.* Мы, русские беженцы в Финляндии... СПб., 2001. С. 7-22.
- ¹⁴ Цит. по: *Куприн А.И.* Там же. С. 344, 424.
- ¹⁵ *Бажанов Д.А.* Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914-1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 155-164.
- ¹⁶ *Тимирев С.Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 71.

- ¹⁷ *Бажанов Д.А.* Указ. соч. С. 155-157.
- ¹⁸ *Luntinen P.* Op. cit. P. 406.
- ¹⁹ Den Rysska militärens sjungande på gatorna // *Nya Pressen*. 1914. 6 Mars.
- ²⁰ Цит по: Обыкновенная история // *Финляндская газета*. 1914. 8 (21) марта.
- ²¹ *Eerola Ja.* «Siunattu olkoon turvamme tuoja...»: Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsingin yliopisto. Humanistinen tiedekunta, Historian laitos. Pro-gradu työ, 1995. Liite 2; *Дубровская Е.Ю.* Роль Балтийского флота в обеспечении безопасности Петрограда в 1914-1917 годах // *Петербургские чтения*, 98-99. СПб., 1999. С. 639.
- ²² *Eerola Ja.* Op. cit. Liite 7; *Звонарев Г.* Наши пехотные части в Гельсингфорсе: (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс, 1917. С. 2.
- ²³ SKS Arkisto. Op. cit. S. 95.
- ²⁴ *Halen H.* Helsingin venäläinen sotilashautausmaa Taivallahdessa, 1826-1918. Helsinki, 2001.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ КА. «Русские военные бумаги». Д. 11970; РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21; *Дубровская Е.Ю.* Символы революции 1917 г. в письмах российских военнослужащих в Финляндии // *Россия в XX веке: Реформы и революция*. Т. 1. М., 2002. С. 336-344.
- ²⁷ КА. «Русские военные бумаги». Д. 11970.
- ²⁸ *Амирханов Л.И.* Морская крепость Императора Петра Великого. СПб., 1995. Приложение 6; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland, 1808-1918. P. 415.
- ²⁹ КА. «Русские военные бумаги». Д. 11970.
- ³⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Д. 21. Л. 75.
- ³¹ Там же.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА САЛОННОГО ТАНЦА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-1930-х ГОДОВ

Культура салонного танца России в начале XX века традиционно развивалась в русле общеевропейской и находилась на довольно высоком уровне. После 1917 года, естественным образом, в этом вопросе произошли кардинальные изменения, связанные со строительством новой общественной системы и сменой нравственных ценностей. На первый взгляд может показаться, что молодому государству диктатуры пролетариата совсем были не нужны «родимые пятна капитализма» в виде такого досуга, как бал, предполагающий обязательное умение танцевать бальные танцы и знание хороших манер. Однако проблема общественного танца в советской России, так же как и любая другая из области художественной культуры, решается далеко не так просто. Чтобы в достаточной степени объективно судить о процессах, шедших в первые годы советской власти в сфере бытовой хореографии, нужно иметь основательные представления о том, что происходило в самой бальной культуре рубежа и начала XX века, а также какое место отводилось теоретиками советской власти хореографической подготовке в деле построения нового социалистического общества.

Конец XIX – начало XX века ознаменован в общеевропейской бальной хореографии глобальной сменой ориентиров. Если до этого времени на протяжении почти четырех веков законодательницей мод в европейской салонной культуре была Франция, то теперь на смену ей приходит Америка, причем и Северная, и Южная.

В 70-х годах XIX в. на европейских балах распространяется американский бостон – танец мерного скользящего шага. «Бостонируется» и полька, и кадрили, и мазурка, и вальс.

В начале XX века на русском балу танцуются следующие танцы: обязательный вальс, причем в трех вариантах – в два па, в три па (основной) и юпсер-вальс (с подпрыгиванием). Исполняются также традиционные полька, мазурка, французская кадриль, кадриль лансье, менуэт-вальс. Из новых танцев, возникших на рубеже веков, танцуются падекатр, падеграс, падеспань, падетруа и миньон, связанные с именами артистов петербургского Мариинского и московского Большого театров, сочинивших эти танцы, Е.Иванова, А.Бычкова и Н.Гавликовского. Кроме этого исполняются танцы, напоминающие своими движениями народные: малороссийская пляска, варшавянка, цыганская пляска, белорусская пляска, камаринская, бальная лезгинка и пр.¹

Однако самыми популярными танцами в это время являются все же танцы, попавшие в Европу, и соответственно в Россию, из Америки.

В 1890-х годах в Европе появляется танец матчиш, развившийся из народного танца бразильских негров, а также танец кекуок – негритянский праздничный танец-игра. Об этих танцах в России в повсеместно распространившихся кафешантах пели:

Матчиш в Париже в моде
Давно привился, –
И в нашем переводе
Теперь явился...
Мы дружественным узам
Не изменяем, –
И потому французам
Все подражаем...

.....

Кек-уок всем известно
В моде повсеместно,
Барышни-красотки
Швейки и кокотки
Все изображают –
Неграм подражают:
Лихо представляют –
Кек-уок!²

Популярными в самом начале XX века стали уан – и тустеп (от *step* – шаг). До сих пор танец, основанный на ритмичных ударах ног об землю и переборах называется степом, или, что привычнее русскому уху, чечеткой. Исследователи считают, что повсеместное увлечение танцами на основе степа отражает общую тенденцию тотальной американизации Европы. Это относится и ко всеобщей урбанизации, и к индустриализации, и к машинизации, и к усовершенствованию путей сообщения и пр.³

Журналистика накануне первой мировой войны огромное внимание уделяла атмосфере светского общества и чутко реагировала на новомодные веяния в культуре общественного танца. Известный публицист того времени М.Бонч-Томашевский неоднократно писал, что американизация есть самая яркая очевидность тех дней. Он говорил о том, что в современность «шествует гордый и бездвижный, давящий все подошвою своего стального ботинка, одетый в словно высеченный из серого камня костюм американец... Американизируются наши мысли, непрерывно возбуждаемые звонками телефонов и стуками телеграфных и радиографных аппаратов. Американизируемся и мы, приобретая те же сухие нервные лица, ту же остроту взгляда, то же, закаленное новым спортом, железное тело и, наконец, ту же психику, что и гордые сыны звездной республики. И наряду с американизацией нашей жизни, под триумфальным флагом нового человечества, в Европу проникает американский танец, начинающий свою эпоху со “стэпа”, столь странного и загадочного, напоминающего нашу старинную “чечетку” и танцующегося только нервно выбивающими дробь ногами при полной неподвижности всего тела. Этот смешной и жуткий танец окаменелого человека с восторгом принимается жителями наиболее крупных европейских городов»⁴.

По этим строкам чувствуется, что эпоха классического салона прошла, что в начале XX века общество отошло от привычек и манер предыдущего века, когда в центре внимания в бальном танце была пара или несколько пар. Даже в группо-

вых (массовых) танцах XIX века основную роль играл один человек – дирижер, который руководил общим движением и задавал последовательность фигур, темп и характер музыкального сопровождения.

В танце нового времени человеческая личность уходит даже не на второй план, она практически растворяется в толпе себе подобных, в которой каждый ищет доступные ему способы самовыражения, не особенно беспокоясь о соблюдении правил старинного бального этикета. Эту тенденцию можно объяснить инстинктивным стремлением людей к объединению в условиях глобализации и типичным для этого процесса усреднением индивидуальности. Другими словами, это есть своеобразное проявление одной из сторон массовой культуры – самой характерной приметы XX века.

Действительно, если в XIX в. хореографический текст салонных танцев был довольно сложен и требовал серьезной специальной подготовки и обучения перед исполнением, то танцы начала XX века для массового исполнения в танцевальном зале базировались на двух-трех достаточно примитивных движениях, освоить которые мог практически любой человек, не имеющий для этого специальной подготовки. Этому не мешало то, что в основе этих танцев лежит степ – танец, который очень прост в исполнении, если смотреть, как его танцуют артисты-профессионалы. В этом и заключается основная проблема, вставшая перед бальным танцем в новом веке: уходит класс, уходит стиль, уходит индивидуальность, но зато появляется чувство единения и своей похожести на других в этом огромном индустриальном многонаселенном мире, где практически никто не знает друг друга.

В начале XX века танцевали не только степовые танцы. Танцем, противостоящим им по сути и манере исполнения, был танго. Он появился в Европе в начале XIX в., а в 1909 г. был официально признан бальным танцем. Родоначальником европейского варианта танго считается французский хореограф и композитор Камиль де Риналь. Именно он освободил

этот танец от излишних экзотических черт, упростил его и сделал доступным для широкого круга⁵.

Танго был завезен в Европу из Латинской Америки. В Аргентину танго попал в XVI в. вместе с цыганскими племенами, переселившимися туда из Испании. Цыгане в свою очередь переняли этот танец у мавров, под властью которых Испания находилась в XV в., времени, которым датируется происхождение танго. Популярность танго в Южной Америке была настолько велика, что этим словом стали называть некоторые народные танцы в Аргентине, Бразилии, Мексике и на Кубе⁶.

С 1909 г. танго распространяется во Франции, с 1911 г. – в Англии, с 1912 г. – в Германии, затем в России и других странах Европы. К 1914 г. эпидемия танго охватила все европейские страны. У этого танца образовалось огромное количество поклонников, но было также и множество противников. Эти последние считали танго танцем чрезмерно чувственным и потому не соответствующим этикету классического бального зала. Сторонники танго, напротив, с позитивной стороны подчеркивали сексуальность танца, видя в нем отражение самобытности эпохи, определяя этим танцем общий художественный стиль XX века. По их мнению, танго – танец, требующий безукоризненного внешнего облика исполнителей: мужского фрака и женского обтягивающего платья, придающего женщине змеевидный облик. Эти костюмы диктуют манеру исполнения танца. В танго нет откровенных жестов, кавалер держит даму на известном расстоянии от себя. В танце партнеры находятся на дистанции друг от друга, но это разъединение как раз и символизирует их сильное взаимное притяжение. Комплекс специальных движений создает некий невидимый, но хорошо ощущаемый электрический ток чувства, в котором и заключается пресловутая чрезмерная сексуальность танго. «Если мы не замечаем момента чувственности в наших танцах, то происходит это по единственной причине: мы привыкли к тому, что в вальсе мужчина обнимает даму, и даже самый отъявленный ревнивец не устроит по этому поводу истории своей возлюб-

ленной. Мы привыкли к тому, что в польке ноги мужчины все время скрещаются с ногами женщины, и никому не придет в голову сетовать о падении наших нравов, если бы все неожиданно не увлеклись полькой. Внешне танго в тысячу раз целомудреннее всех прежних танцев, ибо в танго кавалер едва касается дамы оборотом ладони, в то время как те танцы требуют крепкого объятия, ибо все переходы и все “па” танго, если только они не танцуются с подчеркнутой чувственностью, не допускают даже встречи ног партнеров, ибо все они суть только преддверие того чувства, которое наглядно изображают все наши нравственные танцы»⁷. Именно эта внешняя формальность и сдержанность в проявлениях при сильном кипении страстей внутри и определяли, по мнению многих современников, нравственные каноны эпохи начала XX века. Этот танец как нельзя лучше вписался в жизнь салонов периода первой мировой войны, эпохи разрушения привычного жизненного уклада, отрицания устоявшихся форм и поисков нового.

Подтверждения небывалой популярности танго-танца и танго-стиля в России встречаются в периодике начала XX века, в художественной литературе и в мемуарах. Так, например, Александр Вертинский в своих воспоминаниях о 1910-1912 гг., рассказывая о начале своего творческого пути в Москве в Театре миниатюр, подчеркнул, что первых своих успехов он добился, выступая с пародиями на злобу дня после концертных номеров в представлениях театра. Главной заботой дня, по его словам, было танго, танец, к которому было приковано внимание московской общественности. Первой его пародией была «Танго – танец для богов». Именно после этих выступлений начинающий артист был отмечен в рецензиях и назван «остроумным и жеманным Александром Вертинским»⁸.

Октябрь 1917 года, безусловно, изменил ситуацию в сфере общественного танца. Молодое государство диктатуры пролетариата, строящее социализм, конечно, отказалось от ненужного балласта буржуазного прошлого в виде бала с его устоявшимся этикетом. Фактически балльный танец был запрещен,

как недостойное пролетариата развлечение и наиболее распространенная форма досуга высшего общества царской России. Негативное отношение к бальному танцу еще более усилилось в период гражданской войны.

Однако отношение к общественному танцу в целом было далеко не таким однозначным даже в те труднейшие годы. Несмотря на то, что установочно эта область общественной жизни считалась заведомо буржуазной, самые широкие народные массы (даже пролетарские) стремились к коллективной хореографии. Этим в очередной раз подтверждался древний тезис о том, что гармоничное развитие человеческой личности без культуры тела невозможно, что именно в групповом танце лучше всего проявляется физическое и духовное развитие человека, а также его способность существовать в обществе себе подобных. Радость от организованных и эстетически оформленных телодвижений испытывает любой человек, независимо от его происхождения и степени образованности.

В первые годы советской власти при формальном запрете классических балльных танцев и общем негативном отношении к «салону» начинается поиск новых форм общественного танца, который, по мысли людей, его изобретающих, должен соответствовать атмосфере эпохи строительства нового общества. Один из крупнейших специалистов в области танца тех лет А.А.Сидоров так высказывался о нем: «Мы считаем прежде всего чрезвычайно существенным затронуть самый вопрос о правомерности всего обследованного нами танца в условиях строимой нами революционной культуры. Горе кто забудет в какое время он живет!... Из того, что в танце кто-либо не может и не хочет видеть всех особенностей художественной формы, не подобает делать выводов, что, например, танец — только «для услаждения гурманов»... В танце может быть достигнута всяческая любезная прошлому «тоска по идеалу» и искомые новые порывы к борьбе и победе. Нужен ли танец пролетарской России? Да, нужен, ответим мы со всею убежденностью, на которую мы только способны. Танец есть художественная

организация физической культуры, против необходимости которой не возразит никто»⁹.

Иными словами, общественный танец в новых условиях был также нужен, как и в прошлые времена, только с другими ценностными ориентирами. Если в периоды расцвета бальной культуры обучение салонным танцам в конечном счете сводилось к более гармоничному ощущению человеком своей индивидуальности в обществе, то теперь общественный танец нужен был человеку как способ физического совершенствования, чтобы гармонически развитая человеческая личность стала достойным элементом общества.

Эти идеи были весьма созвучны общим тенденциям формирования новой пролетарской культуры будущего, стремления создать грандиозное новое массовое агитационное искусство, неотъемлемой частью которого должен был стать общественный танец. А.В.Луначарский в качестве наркома просвещения неоднократно отмечал постоянное тяготение самых широких народных масс к хореографии¹⁰. Луначарский считал, что в первые послереволюционные годы искусство в целом должно преследовать в первую очередь агитационные цели, чтобы помочь сохранить власть в руках победившего пролетариата. Наиболее действенной и синтетической формой агитационного искусства он считал массовые праздники, в которых общественному танцу отводилась значительная роль. В перспективе, мечтая о культуре и искусстве будущего, он видел их непременно коллективными и синтетическими, где танец занимал бы по-прежнему важное место. «В результате коллективного творчества одинаково мыслящих сограждан и сохуждожников возникнут дивные драмы, процессии, церемонии, выражающие ту или иную культурную тенденцию»¹¹.

Очень важными для понимания места общественного танца в деле строительства культуры социализма были идеи теоретиков Пролеткульта. А.А.Богданов – основатель теории «пролетарской культуры» – в статьях «Пролетариат и искусство», «О художественном наследстве», «Критика пролетарского искус-

ства», написанных после 1917 года, основное внимание уделял обоснованию принципа коллективизма в искусстве. По его мнению, буржуазное искусство имело своим постоянным героем личность, ведущую борьбу за себя, воспитывало индивидуалистов. Ни того, ни другого пролетариату, по Богданову, не нужно. Ему необходимо искусство «коллективистическое», которое воспитывало бы людей в духе глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, тесного братства борцов и строителей, связанных общим идеалом. Художественный талант индивидуален, но творчество социально: исходит из коллектива, в него же и возвращается¹².

Одна из главных перспектив социалистического искусства будущего состояла в том, что художественным творчеством будут заниматься не только художники-профессионалы, а в обязательном порядке самые широкие народные массы. В обществе справедливости и равных социальных возможностей все люди смогут (и должны) быть талантливы, всесторонне развиты для того, чтобы быть производителями не только материальных, но и духовных ценностей. Это одна из основных причин, по которой искусство социализма, иными словами, искусство пролетариата, называлось коллективным искусством.

Важнейшей стороной воспитания трудящихся масс и подготовки их к будущей осознанно творческой жизни было физическое воспитание. В социалистическом обществе граждане должны быть гармонично развиты, сочетать в себе «духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство». Система Пролеткульта, которая и была создана для решения всех вопросов формирования новой пролетарской коллективистской культуры, большое внимание, в частности, уделяла именно физическому воспитанию трудящихся. Проблема существования культуры бытового танца как части общефизической подготовки была поэтому в компетенции Пролеткульта. Бальный танец для идеологов Пролеткульта являлся частью культуры прошлого. В данной работе мы не будем останавли-

ваться на вопросе отношения Пролеткульта к культурному наследию. Напомним лишь некоторые решения I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, в которых утверждалась необходимость сохранения культуры прошлого, но с обязательным критическим переосмыслением. «Сокровища старого искусства не должны приниматься пассивно; тогда они воспитывали бы рабочий класс в духе культуры господствующих классов и тем самым в духе подчинения созданному ими строю жизни. Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем критическом освещении, в своем новом истолковании»¹³.

С этой точки зрения становится сомнительной потребность культуры бального танца пролетариату, так как, что было отмечено нами ранее, это есть наследие буржуазного общества. Однако опытом физического воспитания, содержащегося в методиках обучения салонным танцам, воспользоваться все же было бы рационально. Поэтому Пролеткульт, который, с одной стороны, отрицал все старые «буржуазные» системы физической культуры¹⁴, с другой стороны, стал считать общественный танец средством художественной физкультуры. Но руководители РКСМ и Высшего совета физической культуры в ряде дискуссий, посвященных танцу (термин «бальный» в 20-е годы не употреблялся), пришли к выводу, что для развития пролетариата гораздо более важными, чем танец, все же являются спортивные игры и развлечения. Поэтому в начале 20-х годов бытовой танец как официальное времяпрепровождение – явление весьма редкое¹⁵.

Несмотря на фактическое отсутствие общественного танца как формы досуга, в первые годы советской власти широкое развитие получает студийное движение в сфере современного танца. Идеи воспитания человека будущего как всесторонне развитой личности, которые увлекали руководителей государства, дали возможность существованию разного рода кружков и объединений, которые базировались на разного рода новейших теориях в области хореографии.

Одна из основных теорий, у которой в первые годы советской власти было очень много последователей, – это школа А.Дункан. Идеи знаменитой «босоножки», заключавшиеся в хореографическом самовыражении личности, освобожденной от академических предрассудков, воплощенные в легком беге, прыжках, выразительных позах и жестах, были созвучны пафосу создания нового человека. Она говорила: «Если вы научите человека вполне владеть своим телом, если вы при этом будете упражнять его в выражении высоких чувств, сделаете так, что движения его глаз, головы, рук, туловища, ног будут выражать спокойствие, глубокую мысль, любовь, ласку, дружбу или гордый жест величавого отказа от чего-нибудь презренного, враждебного и т.д., то это отразится воспитательно на самом его сознании, на его душе». Она также говорила, что человек, привыкший благородно двигаться, не только научается благородно чувствовать, но начинает с величайшим нетерпением сносить окружающее безобразие, устремляется к тому, чтобы соответственно этим движениям одеваться, соответственно им устроить свое жилище, у него меняется отношение ко всем окружающим людям¹⁶.

Под влиянием идей А.Дункан в советской России возникают хореографические студии, в которых люди пытаются овладеть танцевальными основами, чаще всего не для профессиональной деятельности, а в силу своего личного интереса. В Москве подобных студий насчитывалось около пятнадцати, в том числе и школа приемной дочери Дункан, Ирмы.

Наиболее значительной среди студий, основу работы которых составляли идеи Дункан, была студия пластического танца «Гептахор». Название ее происходило от греческого «Hepta» – семь – по числу основателей коллектива и «choros» – пляска. Задача, которую ставил перед собой «Гептахор», выражалась в развитии музыкально-двигательного рефлекса, который есть у всех людей. В работе члены студии исходили из музыкального материала. Он диктовал движения, которые никогда специально не задавались руководителем. Фактически, танец был им-

провизационным. Чтобы эта импровизация имела право на существование, в студии значительное время уделяли тренировке тела, чтобы оно было пластичным, дыханию, чтобы танцующий смог выдержать длительное движение, музыке, чтобы научиться ее слушать, и живописи, чтобы развивалось художественное чувство.

Несколько иные задачи ставили перед собой основатели других студий пластического танца. Здесь за основу брался музыкальный и танцевальный ритм. В начале 20-х годов в среде деятелей художественного творчества различных направлений были весьма популярны идеи общей ритмизации жизни. Так например, практически бестселлером тех лет была книга «Работа и ритм» немецкого экономиста Карла Бюхера, изданная в России в 1899 г. и переизданная в 1923 г. В этой книге обосновывалось значение ритмической деятельности человека для эволюции любого вида трудовой деятельности на примерах древних трудовых песен разных народов мира. В советской России теории ритма попали на благодатную почву и становились обоснованием всеобщей идеи коллективизма. По мнению «ритмистов», ритм регулирует движения в работе и способствует ее продуктивности. Особенно это заметно в общественной работе, где движения одного работника связаны с целым коллективом. Здесь каждый сотрудник чувствует связующее значение ритма, становится частью целого и начинает осознавать, что, нарушая ритм движения в своей работе, он вредит общему делу. Этим сознанием воспитывается общественный инстинкт в человеке, чувство коллективизма. Условия прошлых веков, экономическая обстановка в разных странах вытеснили ритм из жизни и труда, подменив его индивидуализмом. В новых условиях советской России возможно возрождение ритма, восстановление его прежнего значения в жизни общества и стабилизирующей и развивающей коллективизм функции. Ритм и хореография связаны нераздельно, поэтому необходимо обучение этому ритму в хореографических студиях.

Студии свободного танца, основанные на системе обучения Ж.Далькроза, возникли в России еще до революции. Далькроз – композитор и создатель Института ритмической гимнастики в Хеллерау, близ Лейпцига. В процессе своей работы с учениками консерватории Ж.Далькроз открыл воспитательно-педагогическое значение ритма. Желая облегчить учащимся некоторые задания на уроках сольфеджио, он стал прибегать к движению; сначала просто к отбиванию такта, затем, когда встречались затруднения в исполнении музыкального ритма, он стал добиваться воплощения его в движении. Эти упражнения получили название «faire le pas». Постепенно эти занятия привели к появлению целой системы, воплотившейся позднее в создании Института. Теоретический смысл занятий по системе Далькроза сводился к воспитанию воли в ученике, что способствовало изучению собственного «я» и приближало к управлению им. Внимание и волю можно развить, тренируя четыре умения: услышать, понять, приказать своему телу, исполнить. Одновременно развивается слух, мышление, воля и моторная деятельность¹⁷.

В 1913 г. Далькроз был в России, где возникла целая группа его последователей. Из частной школы в Петербурге в мае 1920 г. был основан Институт Ритма при подотделе единой трудовой школы ПГОНО после ходатайства руководителей школы перед наркомом просвещения Луначарским. Они продемонстрировали перед ним навыки учеников и объяснили теоретические положения системы. Луначарскому это показалось очень интересным, и Институт был создан. Цель его существования заключалась в подготовке педагогов-ритмистов для советской школы. В институте преподавали пластику, шведскую гимнастику, методику ритмики, хоровое пение, сольфеджио, историю музыки, психологию, биомеханику, историю искусства и пр.

В 1922 г. в связи с сокращением учебных заведений в советской Республике Институт Ритма стал отделением в Институте Сценических Искусств, но его учебный план был сохранен

и даже расширен политическими предметами. Выпускники ритмического отделения направлялись в трудовые школы, детские дома, дошкольные учреждения, клубы, художественные школы, кружки для преподавания там ритмики и свободного танца, чтобы с большим размахом воспитывать человека будущего.

Еще одна система обучения свободному танцу в 20-х годах заслуживает внимания. Это так называемый тафиятренаж Н.Фореггера, режиссера, балетмейстера, художника. Тафиятренаж означает сочетание танцев и физических тренировок. Фореггер считал, что для современного человека необходима основательная физическая подготовка для развития мышц всего тела, чтобы оно было подвластно хозяину, а также нужна постоянная тренировка психофизиологических возможностей (волевых импульсов, рефлекторной возбудимости, функций контроля торможения и пр.). Все это мог дать любому человеку, а не только профессиональному танцовщику, тафиятренаж. Фореггер говорил: «Современная эпоха – рабочая эпоха, каждый день, каждый час – новый бросок вперед, новый удар по отмирающему. Простота, точность, целесообразность – вот требования, предъявляемые к произведениям искусства. “Искусство для искусства” – фраза, забытая ныне. Музы стали производственными и разошлись по профсоюзам, место их встречи не Олимп, а ВЦСПС, и созывает их не Аполлон, а Томский. Танец выполняет определенные функции, усиливает организующее начало в массах, дает навык в усвоении и овладении ритмом (массовые танцы), так необходимом во всех трудовых процессах. Можно сказать, что работа НОТа есть установление танцевального инстинкта в производстве (производит зарядку бодрости и активности)»¹⁸.

В 1920-1921 гг. курс тафиятренажа был введен в программу Московского Пролеткульта и Центральной Красноармейской студии (1-й Самодеятельный театр). В 1921-1924 гг. в Москве существовала Мастерская Фореггера (Масфор), которая после пожара 1925 г. в здании Масфора на Арбате была переведена в Ленинград.

На фоне этой интенсивной деятельности по формированию новых форм общественного танца, подходящих для победившего пролетариата, бывшие салонные (бальные) танцы продолжали свое полулегальное существование в непролетарской среде. Особенно в советской России «затанцевали» с началом нэпа. В этот момент западные танцы, как и в прошлые времена, весьма активно стали внедряться в быт советских нэпманов.

20-е годы – это время фокстрота. Танец фокстрот впервые появился в Америке в 1912 г. Его сочинение приписывают американскому хореографу Вернону Кэстлю. Название танца происходит от словосочетания fox-trot – лисий шаг, так как основной шаг танца первоначально подражал лисьей походке. По другой версии этот танец был придуман Гарри Фоксом (и его фамилия осталась в названии) для выступления в шоу в Нью-Йорке. Как бы там ни было, фокстрот, появившийся в Европе после окончания Перовой мировой войны, послужил основой для создания целого ряда бальных танцев, модных в 20-е годы: шимми, чарльстон, линди-хоп, black bottom, а также блюз, слоу-фокс, квик-степ, марш-фокс, блюз-фокс и пр. Все эти танцы постепенно начинают исполняться и в СССР на вечеринках, в ресторанах, в кинотеатрах, на эстраде.

Пролетарская молодежь, несколько испуганная размахом политизации и физкультуризации, начинает проявлять неподдельный интерес к буржуазным развлечениям, несмотря на строжайшее осуждение подобного времяпрепровождения. Этот факт становится невозможно игнорировать, и советские культработники пытаются понемногу внедрять танцевальные элементы в свои мероприятия. В середине 20-х годов после дискуссий, посвященных танцу, в периодической печати, а также после работы I Всероссийского совещания по художественной работе, проводимого Главполитпросветом, после II Всесоюзного культсовещания профсоюзов и Всесоюзного совещания комсомола по клубной работе танец был официально допущен в практику работы культучреждений¹⁹.

В этих учреждениях разрешалось разучивание и исполнение на мероприятиях тех танцев дореволюционной России, которые своими движениями «подходили» пролетариату, и не допускались те танцы, которые были явно «буржуазными». Главным в деле общественной хореографии было создание новых советских массовых танцев. К исполнению были рекомендованы следующие (бывшие бальные) танцы: падепатинер, краковяк, венгерка, полька, кадриль, гавата, вальс, мазурка, русская, казачок, лезгинка, коханочка, метелица, тарантелла, хав-тайм и матлот. Здесь не было ни одного модного современного западного танца, которые, конечно, подвергались строгому осуждению. М. Горький, к примеру, в знаменитом фельетоне 1928 г. «О музыке толстых» писал: «Это музыка для толстых... Это – эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от музыки Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров, которые, наверное, тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят все дальше...

Нечеловеческий бас ревет английские слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминая крики обозленного верблюда, грохочет барабан, верещит скверненькая дудочка, раздирая уши, крикает и гнусаво гудит саксофон. Раскачиваются жирные бедра, шаркают и топают тысячи, десятки тысяч жирных ног»²⁰.

В начале 1930-х годов ситуация в области общественного танца изменилась. Танцы вновь начинают называться бальными и выводятся из сферы общей физической культуры. Был значительно расширен репертуар бальных танцев. Вначале было разрешено исполнять дореволюционные отечественные бальные танцы, такие как падеграс, падекатр, падетруа и пр., затем были разрешены и современные зарубежные бальные танцы. К ним относились медленный вальс, танго, слоуфокс, квикстеп, марш-фокстрот, блюз, румба и др.²¹

В памятке для инструкторов и затейников, составленной научно-методическим центром Центрального парка культуры и отдыха им. М.Горького, даются методические указания и пояснения для исполнения некоторых танцев. Это хороводы «Страдание» и «Диковинка», русская, гопак, камаринская, норвежский и татарский танцы, кабардинская лезгинка, трепак, краковяк, тустеп, падекатр, турбильон, лаун-теннис, таити-трот и др.²²

Показательно, что в отличие от многочисленных методических разработок, руководств и самоучителей бальных танцев XIX в., предназначенных для любого желающего научиться танцевать модные новинки, эта методическая разработка предварялась указанием «Только для специалистов. Не знакомым с техникой танца – не рекомендуется». Это примечание позволяет понять, что дело обучения общественному танцу в советской России 30-х не могло быть поставлено на самотек. Руководители клубных учреждений должны были контролировать не только репертуар бальных танцев, но и следить за тем, чтобы движения показывали специально подобранные и обученные люди.

В 30-е годы интерес к бальному танцу был чрезвычайно высок, количество кружков и студий исчислялось сотнями. Пройти мимо этого явления было невозможно, поэтому и происходило расширение репертуара, а также официальное разрешение исполнения зарубежных бальных танцев. Однако главной мыслью в теории советского бального танца была идея о том, что советские танцы кардинально отличаются от бальных танцев всего мира. Главное их отличие заключается в том, что в них совсем не должно быть никакой сексуальности. Эротический характер общественного танца резко отрицался и осуждался. Не случайно даже в художественной литературе только однозначно отрицательные персонажи всегда танцевали с подчеркнуто эротическим подтекстом. Так, в романе В.Кетлинской «Мужество», посвященному строительству комсомольцами города в дальневосточной тайге в 30-х годах, выведен

образ жены комсомольского вожака Круглова Дины, которая была очень красива, любила танцевать, но совершенно не вписывалась в трудовые будни строительства. Ее стремление проводить праздное время в развлечениях и модных танцах с эротической окраской привело к разрыву с мужем.

«Круглов отстранил его и подошел к Дине. Дина перестала танцевать, но Слепцов все еще держал ее, и казалось, она лежит в его объятиях.

— Я за тобой, Дина, — сказал Андрей мрачно...

— Подожди, Андрюша, — нежно попросила она, но радостный свет уже померк в ее глазах. — Еще полчаса потанцую, и пойдем. Согласен?

Он сразу согласился. Он был благодарен ей за то, что она согласна уйти через полчаса.

Она танцевала со Слепцовым медленное танго. Андрей смотрел с неприязнью и невольным восхищением, как изгибались и кружились, в лад с ногами Слепцова ее длинные стройные ноги. Когда он поднял глаза, краска ударила ему в лицо: Дина танцевала, прильнув щекой к щеке Слепцова, полуоткрыв рот, с опущенными ресницами, из-под которых томно светились глаза.

Пластинка докрутилась до конца. Дина отстранилась, вздохнула и невнятно сказала:

— Хорошо.

Она увидела Круглова. Улыбка наслаждения сошла с ее лица. Она дружески кивнула ему и подошла к зеркалу снимать венок. Слепцов удерживал ее.

— Нет, нет, я ухожу, — говорила Дина. — Это было слишком хорошо, больше так не выйдет»²³.

Вместо социальной функции общения и сближения мужчины и женщины, которая классически присуща бальному танцу, в советском государстве, по мнению официальных лиц, стремление людей танцевать вызвано колоссальной радостью народов, обретших свое счастье жить в справедливо устроенном обществе. Каждый хочет поделиться своей радостью друг с

другом, каждому хочется объединиться не с представителем противоположного пола, чтобы решить свои личные проблемы, а с как можно большим количеством людей в едином чувстве ликования по поводу радости жизни в самой лучшей стране мира. Бальный танец в Советском Союзе в этом случае из формы досуга, традиционно способствующей коммуникации, приобретает огромное и, заметим, совсем не свойственное ему социальное значение объединяющего коллективизирующего фактора²⁴. Поэтому перед руководителями студий и профессионалами общественными органами сознательно ставилась огромная в своей социальной заостренности проблема создания нового бального коллективного танца, который был бы и массовым, и простым в исполнении, и радостным, символизирующим идеи коллективизма, и лишенным какой-либо чувственности. На самом деле бальный танец не в состоянии, да и не должен, решить такого комплекса задач и дальнейшая эволюция бального танца в нашей стране продемонстрировала это довольно убедительно.

Итак, в СССР в 20-30-х годах XX века высокоразвитая русская дореволюционная культура бального танца не погибла. Она продолжала развиваться в соответствующих исторической обстановке формах, в теории сильно отличных от мировых стандартов. Но, как это ни парадоксально, развитие советского бального танца все равно оставалось в общем русле эволюции мировой культуры общественного танца под серьезным влиянием американской и европейской моды.

¹ Новейший самоучитель бальных танцев. М., 1908. С. 17.

² Сариева Е.А. Кафешантан Шарля Омона // Развлекательная культура России XVIII-XIX вв. СПб., 2000. С. 353.

³ Друскин М.С. Очерки по истории танцевальной музыки. Л., 1936. С. 64.

⁴ Бонч-Томашевский М.М. Книга о танго. Искусство и сексуальность. М., 1914. С. 23.

⁵ Сборник документов и материалов по бальным танцам. М., 1973. С. 71.

- ⁶ *Ги Дени, Люк Дассвиль. Все танцы. Киев, 1983. С. 48.*
- ⁷ *Бонч-Томашевский М.М. Указ. соч. С. 36.*
- ⁸ *Вертинский А.Н. Дорогой длиною... М., 1990. С. 77.*
- ⁹ *Сидоров А.А. Современный танец. М., 1922. С. 52.*
- ¹⁰ *Культура театра. 1921. № 4. С. 56.*
- ¹¹ *Луначарский А.В. Театр и революция. М., 1924. С. 202.*
- ¹² *Богданов А.А. О пролетарской культуре. М., 1925. С. 120.*
- ¹³ *Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 32.*
- ¹⁴ *Пинегина Л.А. Советский рабочий класс и художественная культура. М., 1984. С. 68.*
- ¹⁵ *Касьянова Е.В. Пути развития советской бальной хореографии. М., 1987. С. 5.*
- ¹⁶ *Шнейдер И. Встречи с Есениным // Айседора Дункан. М., 1997. С. 276.*
- ¹⁷ *Ритм и культура танца. Л., 1926. С. 11.*
- ¹⁸ *Там же. С. 45.*
- ¹⁹ *Касьянова Е.В. Указ. соч. С. 6.*
- ²⁰ *Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М., 1953. С. 351.*
- ²¹ *Касьянова Е.В. Указ. соч. С. 13.*
- ²² *Массовые и бальные танцы. М., 1936.*
- ²³ *Кетлинская В. Мужество. М., 1989. С. 441.*
- ²⁴ *Шлиффер Д.О. Современный танец. М., 1937. С. 5.*

РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА ДАТСКОГО СКАЗОЧНИКА

Настоящая статья представляет собой опыт прочтения иллюстрации в детской книге. В понимание иллюстрации входит пристальное отношение художника к слову, его мастерство, индивидуальные качества личности, а также само время создания иллюстраций. Для исследования толкования текста разными художниками выбраны произведения Х.К.Андерсена – поводом послужило 200-летие со дня рождения великого датского сказочника (1805-1875), осветившее его непреходящую роль в нравственном и духовном воспитании поколений российских детей. В тоже время можно сказать, что русские художники внесли огромный вклад в мировую изобразительную андерсениану. Полную картину авторы представили в солидном альбоме – энциклопедии «Andersen и русские иллюстраторы», вышедшем в 2005 году.

Связь слова и изображения в детской книге давно занимает исследователей. В XVII веке ученый и педагог Ян Амос Коменский утверждал истину, что малый ребенок вначале смотрит, а потом читает. В XX веке поэт Александр Блок уточнил это психологическое наблюдение: «Словесные впечатления более чужды детям, чем зрительные... У детей слово подчиняется рисунку и играет второстепенную роль»¹. Впечатления от нарисованного налагаются на восприятие прочитанного или услышанного. Надо ли говорить, как важна роль иллюстратора! XX век оставил в русской детской книге немеркнущие образы литературных героев. Ныне высокохудожественная иллюстрация вытеснена на рынке вульгарными фальшивыми поделками. Это отразилось и на изданиях Андерсена. Пошлый товар с лупоглазыми дюймовочками и пышногрудыми глянцевыми руса-

лочками, грубо и наспех, по требованию коммерсантов, исполненными, способен убить возвышенно-благородную суть сказок Андерсена, искажая их подлинное восприятие. Но с тех пор, как в России вышла первая иллюстрированная книга, а это произошло без малого 140 лет назад, и до сегодняшних дней — были и есть подлинные мастера-реалисты, лирики, романтики, фантазеры-сказочники, искусно владеющие рисунком и цветом, композиционным пространством, знатоки эпох и культур. Они открывают новые смыслы великих сказок. Датский сказочник оказался чрезвычайно близок и русским читателям, и нашим художникам.

В 1868 году две переводчицы и издательницы сказок Андерсена М.В.Трубникова, дочь декабриста В.П.Ивашова, и Н.В.Стасова, сестра крупного искусствоведа В.В.Стасова, предложили известному художнику-передвижнику М.П.Клодту, из талантливой художественной семьи Клодтов, сделать иллюстрации к подготовленному ими сборнику «Новых сказок» Андерсена — до этого переводчицы издали дважды, кстати, в переводе с немецкого, собрания его сказок.

Как художник М.П.Клодт некоторыми сторонами своей творческой натуры, впечатлительной, склонной к сентиментальной грусти, безграничной влюбленностью в простых людей (о чем свидетельствуют его картины), оказался близок Андерсену. Клодта как жанриста-передвижника в сказках интересовали, прежде всего, бытовые сценки, народные типы, предметы повседневного быта, — все это он изобразил в реалистических картинках — в больших, на полосу, и в маленьких — заставках. Оригиналы иллюстраций, видимо, не сохранились, а сказки с иллюстрациями Клодта больше не переиздавались.

Переводчицы сочли возможным известить датского писателя о результатах напряженного труда в почтительном письме, заканчивавшемся следующими словами: «Это знак нашего искреннего восхищения Вашим редким талантом и одновременно нашей благодарности за то поэтическое наслаждение, которым обязано Вам подрастающее поколение и зрелые люди

России...» В ответном письме писатель выражал восхищение полученной книгой и выражал радость, что его «произведения читаются в великой, могущественной России, прекрасную литературу которой я немного знаю от Карамзина до Пушкина...». Историю переписки сказочника и переводчиц широкому читателю поведала известный исследователь творчества Андерсена Л.Ю.Брауде².

Достаточно скоро после издания сказок Андерсена с рисунками Клодта, в Киеве в 1873 году выходит на украинском языке сборник «Сказок» с любопытнейшими иллюстрациями известного украинского художника Николая Мурашко, получившего образование в Петербургской Академии художеств и дружившего с И.Репиным.

Одиннадцать иллюстраций были исполнены Н.Мурашко в технике автолитографии. Они изысканы по цвету, создающему атмосферу романтичности, загадочности и поэзии. Но самое неожиданное в них то, что они насыщены украинскими реалиями, а персонажи нередко одеты в народные костюмы. Так, Герда, например, – в веночке и украинском платье, а на четвертой стороне обложки изображен старый кобзарь, играющий на бандуре.

Надо сказать, что и петербургские художники того времени не стремились в своих рисунках перенестись в далекую Данию. Напротив, они как бы приближали андерсеновские сюжеты к русскому читателю, изображая знакомые пейзажи, а персонажи такими, какими их привыкли видеть русские дети. Так, известный книжный график 60-70-х годов Рудольф Жуковский в книжке с двумя сказками Андерсена «Елка» и «Снежный болван» (1875 года, издание М.Жуковской) рисует типично русского мужика в сапогах, разрубающего елку. В рисунках Жуковского, кстати, первого и очень удачного иллюстратора «Конька-горбунка» П.Ершова, были мягкость и теплота в обрисовке героев, свойственные русской художественной школе.

А в 1890-е годы Андерсена внимательно читает самый в то время модный иллюстратор, беллетрист и путешественник Ни-

колай Каразин. Сказки с его работами издают неутомимый просвещенец И.Д.Сытин и разбогатевший на элитных изданиях швейцарец А.Ф.Девриен³. Для девриеновского издания 1896 года сказки «Соловей», «Ледяница», «Снежная королева», «Гадкий утенок», «Снежный человек» проиллюстрировал Каразин, сделав пять ярко насыщенных цветом хромолитографированных сюжетных картин. В них тоже угадываются отечественные мотивы. Даже Кай одет в русскую шубку и несется за Снежной королевой в русских саночках, сама иллюстрация передает чудесность мгновения. Жанровой становится сценка, помещаемая художником в декоративный картуш, с двумя портными, напоминающими простых русских мужичков. Видимо, Каразин стремится сделать сказки Андерсена понятными и близкими маленькому читателю. Живописные рисунки опытного художника стали событием и радостью для русской публики 90-х годов XIX века, не избалованной яркими иллюстрациями, хотя сегодня нарисованные Каразиным персонажи, особенно дети, выглядят слащавыми и приглаженными (чем, кстати, вновь грешат многие нынешние иллюстраторы, идя на поводу у издателей-коммерсантов).

Однако истинно творческое открытие Андерсена русскими художниками произойдет в XX веке. Крупные личности, яркие таланты нередко находили себя в детской книге и именно в работе над сказками Андерсена. Этот интереснейший и многообразный изобразительный путь к Андерсену возник уже в начале прошлого века, когда родилась подлинно художественная русская детская книга, за которую столь страстно ратовал глава объединения «Мир искусства» Александр Бенуа.

Событием в андерсениане стала небольшая брошюра издателя И.Кнебеля, заключавшая в себе всего одну сказку «Соловей» с рисунками и в оформлении Георгия Нарбута, одного из блестящих иллюстраторов детских книг, работавшего в направлении, открытом в России изысканными мирискусниками⁴.

Сюжет «Соловья» стал для Нарбута поводом, чтобы создать свой сказочный образ «Китая». Он подчинил этой задаче

все мельчайшие детали оформления книги, ставшей уникальной в русском книгоиздании. В этом нарбутовском «Китае», созданном из черных и золотистых элегантных, иллюминированных зеленым, красным и желтым силуэтов, живет его ностальгическое чувство по всему увиденному им в детстве и юности «китайскому» в интерьерах, в посуде, в парковых беседках, в шпалерах, в кафельных печах в черниговском имении его знакомых украинских помещиков – «китайский стиль» был тогда в моде⁵. Сказка «Соловей» дала возможность художнику позабавиться «китайщиной» и в то же время окунуться в атмосферу рокайля, столь любимого учителями Нарбута, К.Сомовым и А.Бенуа. Возможно, поэтому так неизъяснимо волшебен этот «Соловей» Нарбута. Художник сделает у Кнебеля еще несколько сказок Андерсена («Прыгун», «Стойкий оловянный солдатик», «Старый уличный фонарь» – две последних не будут изданы), но издание «Соловья» останется непревзойденным.

Увлечение красивой, стилизованной книгой, провозглашенной миriskусниками, отзовется еще в двух изданиях Андерсена, причем, одной и той же сказки «Свинопас». В 1917 году, видимо, еще до октябрьского переворота (дата «1917» указана на каждой иллюстрации), «Свинопаса» проиллюстрирует и оформит один из лучших графиков «Мира искусства» Мстислав Добужинский. Лишь в 1922 году эта детская книга будет издана в Берлине З.И.Гржебиным⁶.

Прелестный сюжет «Свинопаса», полный искрящегося юмора, на тему любви и предательства М.Добужинский воплотил в лукавых, изысканных сценах, поместив их в условный XVIII век, напоенный поэзией карнавала. Добужинский выбирал из сказки ключевые моменты и придавал им оттенок реальности, внося в изображение гротеск и остроту. Остроумия прибавляли многочисленные детали, которых нет в тексте. Мстислав Добужинский одним из первых нашел форму изображения в детской книге, что помогло ему создать композиционно художественное целое. Потому эта книга до сих пор служит образцом для художников.

Приблизительно в то же время, когда был издан «Свинопас» с работами Добужинского, выйдет тоже в Берлине еще одно издание этой сказки с иллюстрациями эффектными и условно-декоративными в стиле модерн. В книге были указаны фамилии художника – Э.Нерман и издателя – И.П.Ладыжников. Где издатель нашел этого художника, и кто он такой, установить не удалось. Придумана же книга была весьма экстравагантно. Она большого, альбомного формата. Листы – плотные, хорошего качества и на отдельных подцветенных желтым страницах крупные литографированные иллюстрации, почти все в два цвета – только желтое и черное. Придворные дамы, как и сама принцесса, в желтых париках а ля XVIII век, в желтых туалетах с черными украшениями и в черных перчатках на змееподобных ручках. Все они участницы прихотливых церемонных танцев, а румяный, пышущий здоровьем принц – в голубом. Это оперетта, театр-кабаре 20-х годов прошлого века, когда Европа судорожно развлекалась после прошедшей мировой войны.

Издатель не указал год издания, однако известно, что Ладыжников, будучи ближайшим и преданным другом и издателем М.Горького, руководил в Берлине русским издательством «Книга» именно в 20-е годы. Где-то в середине 20-х годов, видимо, был им издан «Свинопас». Эта книга, всеми забытая, хранится в двух экземплярах в Государственной Российской библиотеке. Заметим, что в советской России не было в то время средств и бумаги для издания таких красивых книг.

Тем не менее, и в Москве, вслед за Ленинградом, рождалась новая детская книга. И одной из первых книг стал именно Андерсен. В 1924 году его «Сказки» появились в Московском государственном издательстве. Особенно останавливают на себе внимание иллюстрации Бориса Покровского к сказкам «Дюймовочка» и «Стойкий оловянный солдатик», помеченные художником 1922 годом. В них звучит несвойственная тексту тревожная нота – будто предчувствие чего-то неумолимого, которое, возможно, одолевало художника. Во всех образах-символах прочитывается тема внезапной трагической гибели.

В 30-е годы книги с иллюстрациями Покровского больше не издавались. О его судьбе известно от поэта Павла Барто, жившего с ним в одной коммунальной квартире, — художник был репрессирован.

В 20-30-е годы художники, пришедшие в детскую книгу, резко меняют взгляд на иллюстрирование Андерсена. Они подают его в стилистике искусства того времени, чаще всего конструктивизма, ясно читаются и приметы новой советской действительности. Этим любопытно харьковское издание «Сказки» Андерсена 1929 года с иллюстрациями В.Гольмана, данные о котором тоже отсутствуют. 29 иллюстраций художника далеки от лиризма и романтики. Густые черные заливки, резкий угловатый рисунок создают неожиданные образы, приближенные по времени, а в детях чаще всего узнаются русские беспризорники тех лет.

Стоит отметить, что в 30-е годы сказки Андерсена выходили с иллюстрациями таких крупных художников, как Петр Митурич, Артур Фонвизин, Лев Бруни, прославивших наше искусство своими станковыми работами и прочитавших Андерсена как поэта и философа.

А в Европе, в Китае и в США русские эмигранты, воспитанные на сказках Андерсена, продолжали тосковать о любимых детских книгах. «Только детские книги читать, только детские думы лелеять!...» — писал О.Мандельштам. В Париже, в конце 30-х годов, над иллюстрациями к Андерсену работали почти одновременно два известных русских художника-эмигранта Иван Билибин и Александр Алексеев. Оформленные ими книги вышли уже после их отъезда из Франции, но пути их разошлись — Билибин в 1936 году вернулся на Родину, в советскую Россию, а Алексеев с женой уехал в США.

Билибин прославился еще в самом начале XX века своими книжками-тетрадками русских народных сказок и двух сказок Пушкина, где он создал орнаментально-декоративный стиль книжной иллюстрации, подчинив ему все оформление книги и доведя этот свой «билибинский стиль» до совершенства⁷. Ил-

люстрации к «Русалочке» – работа другого, позднего периода творчества Билибина, выпущенная в 1937 году парижским издательством «Фламмарион». Билибин достигает особой сказочной убедительности, обыгрывая каждый предмет, придавая ему одновременно реальное и фантастическое звучание. Главная мысль писателя – за настоящую любовь приходится платить жизнью – оказалась близка художнику, и он явно подчеркнул это в своих иллюстрациях. Главной любовью его жизни оставалась, несмотря на годы эмиграции, Россия. Он погиб от голода в 1942 году в Ленинграде.

Сказки Андерсена издаются русскими эмигрантами в самых разных условиях. Издаются они на русском языке и в лагерях для перемещенных лиц «Ди-пи» – для людей без гражданства, тех бывших россиян, кто сознательно не хотел возвращаться в СССР и, опасаясь сталинских лагерей и других репрессий, предпочел задержаться в американской, английской и французской оккупационных зонах, чтобы потом, после проверки, эмигрировать. Российские энтузиасты издательского дела издали в 1946 году ротаторным и типографским способом три книги Андерсена. Сказка «Снежная королева», опубликованная в том же году в мюнхенском издательстве «Юность», вышла с иллюстрациями Константина Кузнецова – цветная обложка, выполненная синей акварелью, и семь черно-белых иллюстраций, – все очень скромно, но в тщательности отдельных рисунков, особом внимании к мельчайшим деталям детской зимней одежды ощутим привкус ностальгии по мирной домашней жизни, по далекой северной стране, где царит затянувшаяся политическая зима. Послевоенная политика холодной войны и творческий опыт Кузнецова – автора знаменитых политических карикатур – также по-своему отразились в этих иллюстрациях.

Со второй половины 30-х годов в СССР самым знаменитым популярным иллюстратором Андерсена на многие десятилетия становится Владимир Конашевич. Впервые он проиллюстрировал Андерсена для издательства в 1936 году. Представление

о реальном большом мире постоянно присутствует в иллюстрациях, оно убедительно подтверждено всем строем рисунка, их масштабом, гибким и подвижным штрихом, создавая причудливые формы архитектуры, старинную мебель, складки одежды.

В тяжелые дни ленинградской блокады В.Конашевич делает новые, тоже черно-белые, перовые иллюстрации к Андерсену. Отпечатанная в блокадном Ленинграде на газетной бумаге книга особенно волнует как издание военного времени.

С 50-х годов Конашевич начинает делать к сказкам Андерсена цветные иллюстрации, книги будут издаваться и переиздаваться многочисленными издательствами Советского Союза. Вот что писал о своем понимании датского сказочника Конашевич: «Андерсен вышел из народа... Здоровый народный дух всегда был основой его творчества. Подлинно глубоким реалистом он оставался, даже рассказывая самые фантастические истории. Этого его крепкого реализма никакими отвлеченными выкрутасами не выразишь. Я этого никогда не забывал, делая свои рисунки к андерсеновским сказкам, только и всего. В этом весь секрет удачи»⁸. Именно поэтому Конашевич оказался на многие годы самым признанным иллюстратором Андерсена.

Другим, после Конашевича, постоянным иллюстратором Андерсена с 50-х годов становится Валерий Алфеевский. С ним в иллюстрации к Андерсену приходит подлинная романтика и поэзия, так же, как и у Конашевича, опирающаяся на реальную основу.

В 1956 году с иллюстрациями Алфеевского в Детгизе вышла большая, нарядная для того времени книга «Сказки» Андерсена. Она была оформлена по всем правилам книжного искусства. Рисунки на обложке, заставки, концовки, полосные и полуполосные иллюстрации, — все, по замыслу художника, должно было создать цельный художественный организм и образ сказок Андерсена. Иллюстрируя их, художник вспоминал детство: «Мне четыре года. Зимними длинными вечерами

мама читает мне сказки. За промерзшими окнами метет метель. В ночном небе – над Николо-Ямской – в санях, запряженных белыми конями, Снежная королева увозит Кая в свои ледяные чертоги. Много лет спустя я дважды иллюстрировал “Снежную королеву” – красивый роман о любви и преданности⁹. Художник точно и поэтично воспроизводил сцену, описанную Андерсеном, когда мальчик Кай с санками в руках смотрит вслед проносящейся на санях Снежной королеве. Хотя Алфеевский никогда не был в Дании, рисунок отражает его представление о старом Копенгагене с ратушей на площади, островерхими башнями и уютными домами горожан. Художник признается, что городские пейзажи для иллюстраций к сказкам Андерсена он увидел в столице Эстонии Таллинне. «Старый Таллинн был городом из сказки. По крайней мере, я его таким видел, наделяя его своим воображением. Здесь моя работа над Андерсеном приобрела реальное содержание». Размышляя над судьбами героев знаменитых сказок Андерсена, Алфеевский обронил любопытную мысль, назвав Принцессу на горошине «маленькой авантюристкой». Это девушка, постучавшаяся в дождь в королевские ворота, у Алфеевского мало похожа на капризную принцессу, – всего лишь взлохмаченная девчонка. Художник вообще не придавал значения историзму костюмов: «Какой же может быть историзм, если короли спят в короне и открывают в дождь двери принцессам?»¹⁰

1960-е годы становятся новым этапом в понимании русскими художниками поэтики Андерсена. Ее воплощают в своих работах и молодые художники Москвы и Ленинграда, и опытные зрелые мастера книжной графики. Их привлекает в великом сказочнике искренность, богатое воображение, прихотливое сочетание фантазии с реальностью. Андерсен для них неисчерпаем. Среди мастеров много потомственных художников, встречаются академики, известные графики, живописцы, вносящие в мировую традицию иллюстрирования Андерсена своеобразное прочтение, свой взгляд на искусство книги и иллюстрации. Эта традиция будет продолжена и в 80-е, и в 90-е годы

XX века, и в веке нынешнем нашими лучшими иллюстраторами.

Тридцатилетние ленинградские художники братья Александр и Валерий Траугот в изящном томике издательства «Детская литература» (1969 год) прочли сказки Андерсена как исповедь. Герои сказок предстают как мечтатели-поэты и художники, ими руководит любовь, – тонкие иллюстрации Траугот, исполненные пером и акварелью, о наделенных даром любви, а значит, творчества. Это и принц-свинопас, и старик, вырезавший из дерева Хольгера-Датчанина, и сын купца, ставший сказочником, и, конечно, стойкий оловянный солдатик. К восьми сказкам братья сделали более ста иллюстраций – так увлекли их сказочные перипетии и герои. Траугот отзывались не только на сочувствие сказочника к тем, кто умеет любить и творить, но и на его презрение к разным бездарным принцессам и императорам. Тут их перо и кисть не скупится на меткие ироничные характеристики. Так они отнеслись и к толпе, хохочущей над голым королем, и на это у них есть свое объяснение. Такая интерпретация сказки – это уже из другого сборника, иллюстрированного художниками в зрелые годы и вышедшего в издательстве «Малыш» в 1979 году. Ткачи-обманщики артистичны, похожи либо на продувных бестий, либо на вольных художников. Траугот как-то высказали предположение, что портные создают искусство. Искусство может твориться из ткани, не видимой толпе, «это трагедия для всякого художника». «Когда мы читали о том, как они (портные. – Л.З., Л.К.) работают ночью при свете свечей, мы проникались этим ощущением», – делятся Траугот своим восприятием сказки и поясняют, что они тоже что-то делают, не видимое для них самих¹¹.

Иллюстрации стали размышлениями о сути и смысле творчества, которые так остры в магических образах художников. Они подводят зрителя к трагическому, светлому, счастливому, мучительному миру творца, к миру самого Искусства. Это вообще их индивидуальная тема. Следующее двухтомное издание «Сказки и истории» Андерсена с перовыми иллюстрация-

ми А. и В.Траугот переиздавалось 17 раз общим тиражом свыше 3 миллионов экземпляров.

Ленинградская художница Наталия Георгиевна Басманова, одна из самых одухотворенных иллюстраторов стихотворных книг для детей, в иллюстрациях к «Дюймовочке» в 1975 году создаст своего рода живописную поэму о природе. В ее акварелях – пленительность без умиления, любовь без сентиментальности. В них – глубокая вера в добро и любовь, дарованная свыше, как и у самого Андерсена.

Но вот абсолютно иное восприятие Андерсена.

«В своем “Оле-Лукойе” я свел Андерсена и Босха. Я слил в единое целое андерсеновские мечты и фантазии своего убогого впечатлениями детства и авангардную психоделику Босха, увлечение моей художественной юности», – так написал спустя годы ныне широко известный художник Виктор Пивоваров в своей книге «Влюбленный агент». «Оле-Лукойе, милый мой, чарующий Оле!» – восклицает художник, называя эту сказку первым эротическим переживанием детства¹². В 1969 году он впервые проиллюстрировал «Оле-Лукойе» для издательства «Детская литература» в переводе с датского Ирины Токмаковой. Далее сказка появится в большом сборнике 1977 года и Пивоваров многозначительно поместит своего любимого героя на обложку.

Сказка для художника, прежде всего, ценна своей принадлежностью к искусству, которое само по себе самоценно и прекрасно. Сам мир – неисчерпаем. Он интересен миражами и сказками, которое изображать для художника – наслаждение. Поэтому он и будет вспоминать об Андерсене спустя десятилетия, переселившись в Прагу в 1982 году.

Для известного советского графика, члена-корреспондента Академии художеств СССР, народного художника Анатолия Кокорина в зрелом возрасте Андерсен станет главным героем творчества. Ему было уже за шестьдесят, когда он открыл для себя Андерсена. «Ханс Кристиан Андерсен – вот идеальный образец художника, сохранившего до последних дней свер-

кающий юмор, чистоту детской наивности в сочетании с мудростью, восторг перед всегда новым, прекрасным миром и умение удивляться, казалось бы, совсем незначительным явлениям», — писал Кокорин¹³. В начале 70-х годов он побывал в Дании и проехал по всем андерсеновским местам, рисуя характерные датские типы, городские и сельские пейзажи. Кокорину был близок зрелый период творчества Андерсена, когда для писателя, по его утверждению, не было сказок лучше тех, что создает сама жизнь. Наблюдательный художник заметил, что эти сказки чаще всего начинаются с конкретного обозначения места. Он убедился в достоверности описаний Андерсена, побывав в Дании и почувствовал, что связь писателя с его родной страной загадочна и очевидна. Ведает ею известный древним «гений места», связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой¹⁴. На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая неведомая прежде реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии. Кокорин попытался воплотить эту андерсеновскую Данию в своих реалистических иллюстрациях, пользуясь тем, что Андерсен неизменно точен и конкретен в своих описаниях. Сказка превращалась в реальность, и это соответствовало замыслу Кокорина. В сказке «Что муж ни сделает, то и хорошо» он нарисовал двух добрых, простодушных датских крестьян и их старый домик в точном соответствии с описаниями Андерсена. В то же время художник позволял себе и милые домыслы, понятные и близкие маленькому читателю. Так, в сказке «Свинопас» к изображению толстого смешного императора в ночной рубашке и шлепанцах, открывающего дверь свинопасу, он добавил собачку — маленького эрдельтерьера. Песик «заглядывает в лицо пришедшему и, может быть, догадывается, кто перед ним: эрдельтерьеры — очень умные собаки», — поясняет художник детям в книге «Как я рисовал сказки Андерсена»¹⁵. В рисунках Кокорина к тому сказок Андерсена 1976 года множество типов, городских пейзажей, не-

вероятно причудливых башен Копенгагена, несомненно восхитивших художника. Все схвачено как бы слету, с натуры, быстрым карандашом. Он вводит сказочных персонажей в конкретную, реальную обстановку, и они становятся настоящими, как это и происходит, считает Кокорин, у самого сказочника. Потому солдат из «Огнива» и стойкий оловянный солдатик на вид – крепкие деревенские парни, из каких набирали солдаты. Пастушка и трубочист, хозяйка штопальной иглы, продувные бестии портные – все народные датские характеры, и юмор, с которым они поданы, тоже приближен к народному. Больше десяти лет Кокорин работал над сказками Андерсена. «Он постепенно вошел в мою жизнь и стал неотъемлемой частью творчества», – писал художник¹⁶.

Художнице Нике Гольц, тонкому иллюстратору загадочных повестей Гофмана и сказок братьев Гримм, также оказались близки и сам Андерсен, и его родина. Она не раз побывала в Дании и путешествовала по ней, восхищаясь первозданной природой, морем, дюнами и людьми. Почувствовала своеобразие Андерсена, увидев в нем «абсолютного датчанина», того «чудака», который обладал способностью видеть сказку в обыденной жизни, дар «осказывать» жизнь, утверждать торжество добра, счастья, что близко менталитету русской художницы, стремящейся в свои работы вносить сердечность, отзывчивость на доброту. Еще в 1956 году она проиллюстрировала сказку «Стойкий оловянный солдатик», и это была ее первая работа в детской книге. Теперь с иллюстрациями Гольц выпущено шесть красивых сборников издательством «Эксмо», оценившим ее мастерство и способность создавать романтические и, если это нужно, ироничные образы. Бесспорная находка художницы – образ гадкого утенка (2002 год). И это едва ли не самый лучший утенок-лебеденок во всей российской андерсениане. Серо-пушистое, глазастое, носатенькое существо вызывает сострадание, симпатию и другие нежные чувства. Следом за великим сказочником у Гольц идет драматический изобразительный рассказ о судьбе малыша, превращающегося в фи-

нале в прекрасного лебедя. Утки, индюк, курица – тоже наделены острыми характеристиками. С такой же сказочно реалистической точностью рисует Гольц других персонажей андерсеновских сказок – и Дюймовочку, и Снежную королеву, и голого короля, и короля мышинного, придавая последним изящно-сатирическое звучание. Образы птиц и зверей таят в ее рисунках неизъяснимое обаяние. «Цель художеств будет идеал, а не нравоучение», – повторяет Гольц слова Пушкина, и этот афоризм целиком приложим к ее работам¹⁷.

Еще в 70-е годы в русскую андерсениану внесла свой вклад тогда совсем юная художница Анастасия Архипова. В 1977 году художественные редакторы «Детской литературы» доверили ей проиллюстрировать сказку Андерсена «Принцесса на горошине», а спустя три года художница станет иллюстратором сборника «Стойкий оловянный солдатик» и другие сказки», в который войдут, кроме упомянутой сказки, «Гадкий утенок» и «Старый дом». Иллюстрации отличались тщательным, подробным рисованием, с точно прорисованными и исторически выверенными деталями одежды, мебели, архитектуры. Архипова постоянно обращалась к альбомам, которые в семье собирали в течение всей жизни, благодаря чему смогла в совершенстве изучить европейскую бытовую культуру разных эпох. Точность в обрисовке деталей стала тогда принципиальной позицией художницы. Поэтому она сочла нужным обратиться в музей Андерсена в Оденсе с просьбой пояснить, как выглядела народная датская игрушка гусек-скакунок, описанная Андерсеном в одной из сказок и изготавливаемая, как оказалось, из грудной кости гуся. Из музея в Москву художнице пришел подробный ответ.

Поэтому так естественен архиповский портрет Андерсена, изображенного на катке среди своих маленьких героев. Искреннее погружение в андерсеновский мир, который оказался близок западническим устремлениям художницы, первыми по достоинству оценили немецкие издатели, выпустившие сказки с ее иллюстрациями в Германии, а затем с этим изданием на

разных языках познакомились любители Андерсена во многих странах мира. А в 2003 году, на Международной книжной выставке-ярмарке в Москве иллюстрации Анастасии Архиповой, ставшей зрелым мастером, к двухтомнику сказок Андерсена и братьев Гримм были признаны «лучшими иллюстрациями года».

Геннадий Спирин, начавший вместе с Архиповой в 70-е годы работать в детской книге и сразу обративший на себя внимание, награжденный «Золотым яблоком» в Братиславе в 1983 году за иллюстрации к сказочной повести М.Конопницкой «О гномах и сиротке Марысе», уже будучи всемирно известным иллюстратором обратился к сказкам Андерсена. В его уникальной манере, впитавшей в себя культуру старой европейской живописи и рисунка, проиллюстрированы «Новое платье короля», «Русалочка», «Дюймовочка» и четыре других сказки, вышедшие с его иллюстрациями на нескольких языках. Более десяти лет живя и работая в Принстоне (США), Геннадий Спирин пять раз официально назывался в Америке лучшим иллюстратором детских книг.

Новое время – эпоха возвращения россиян к православному идеалу – позволило художникам выявить важнейшую составляющую философского содержания сказок Андерсена – их христианское начало. Молодая московская художница Дарья Юдина, дочь известного православного писателя и художника Георгия Юдина, составила, проиллюстрировала и предложила московским издателям две книги христианских сказок Андерсена – «Поющий цветок» (1999) и «Райский сад» (2002). Первый из этих сборников выпустило издательство православной литературы при храме Святого великомученика Георгия Победоносца в Старых Лучниках. Художница проиллюстрировала христианские сказки вдохновенно, подчеркивая религиозность не только продуманным решением каждой иллюстрации, но и цветом.

Более чем за сто тридцать лет в России сложилась богатейшая изобразительная андерсениана со своими стилевыми на-

правлениями и определенными традициями. Творчество Андерсена с его таинственным романтизмом, уникальным соединением бытового и фантастического, с его всеискупающей христианской добротой, глубокой философией и оригинальной символикой оказалось созвучным душе русского художника.

В конце XX – начале XXI века это с особенной силой воплотилось в работах всемирно известного художника Бориса Диодорова, блестящего иллюстратора «Путешествия Нильса с дикими гусями» Сельмы Лагерлеф, «Винни-Пух и все-все-все» А.Милна, русских классиков И.Тургенева и Л.Толстого, к трем сказкам Андерсена – «Снежная королева», «Русалочка» и «Дюймовочка». За первые две в 2000 году он получил из рук датской принцессы Александры Гран-при Ханса Кристиана Андерсена в Дании, за «Русалочку» – золотую плакету на Братиславской биеннале (БИБ-2000), диплом первой степени на Всероссийском конкурсе «Искусство книги» за «Русалочку» и диплом первой степени того же конкурса 2005 года за иллюстрации к трем сказкам, изданным в одном сборнике московским издательством «Арбор».

Метод Диодорова отличается глубокое прочтение иллюстрируемого текста, проникновение к его ткани, умение воспринять сущность творчества писателя, его стилистику и найти в данном случае к каждой сказке Андерсена свой подход, не упуская из вида общий духовный строй, свойственный именно трем этим сказкам, говорящим о великой и бескорыстной любви, преданности и красоте мира. Диодоров с блеском воплотил все это в своих многодельных иллюстрациях, исполненных в сложнейшей технике офорта с акватинтой и акварельной подкраской. Путь его героев – это путь к свету, так прочерчивается движение композиции. Когда сказки вышли под одной обложкой, то получился прекрасный триптих о чистой и верной любви. Иллюстрации несут энергетику личности художника, а личность русского иллюстратора счастливо совпала с теми духовными и художественными законами, которые открыл в искусстве Андерсен.

В начале 2005 года пришло сообщение из Дании, что Борис Диодоров официально назван «Послом Андерсена в России».

«С течением времени уничтожается все посредственное и остается лишь поистине великое, потому-то сохраняются лишь правдивые произведения»¹⁸. Так говорил Андерсен. Это относится и к произведениям художников, о которых шла речь в статье.

-
- ¹ Кудрявцева Л.С. Художники детской книги. М., 1998. С. 54.
 - ² Брауде Л.Ю. Ханс Кристиан Андерсен. Биография писателя: Пособие для учащихся. Л., 1971. С. 78.
 - ³ См.: Сидоров А.А. Русская графика начала XX века. М., 1969.
 - ⁴ См.: Ганкина Э. Русские художники детской книги. М., 1963.
 - ⁵ Белецкий П.А. Георгий Иванович Нарбут. Л., 1985. С. 105.
 - ⁶ См.: Гусарова А. Мстислав Добужинский. М., 2001.
 - ⁷ Верижникова Т.Ф. Иван Яковлевич Билибин. СПб., 2001.
 - ⁸ Конашевич В.М. О себе и своем деле: Воспоминания, статьи, письма: С приложением воспоминаний о художнике. М., 1968. С. 123.
 - ⁹ Алфеевский В.С. По памяти и с натуры. М., 1991. С. 147.
 - ¹⁰ Андерсен Г.Х. Принцесса на горошине. М.: Детская литература, 1964. С. 151-152.
 - ¹¹ Художники детской книги о себе и своем искусстве: Статьи. Рассказы. Заметки. Выступления. М., 1987. С. 123.
 - ¹² Пивоваров В. Влюбленный агент. М., 2001. С. 87.
 - ¹³ Кокорин А.В. В стране великого сказочника. М., 1988. С. 171.
 - ¹⁴ См.: Вайль П. Гений места. М., 2000.
 - ¹⁵ Кокорин А.В. Указ. соч. С. 110.
 - ¹⁶ Там же. С. 123.
 - ¹⁷ Кудрявцева Л.С. Указ. соч. С. 56.
 - ¹⁸ Брауде Л.Ю. Указ. соч. С. 89.

II. ВЗАИМОПОНИМАНИЕ ЭЛИТ

Сергеев Е.Ю.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Переходный период своей истории, который в очередной раз переживает Россия, характеризуется не только сменой социально-политического вектора развития, но и поиском духовно-нравственных ориентиров. Этот процесс сопровождается глобализацией, которая охватила все сферы жизни — от экономики до культуры, и слои общества — от элиты до простых граждан.

В последние годы у нас в стране стали раздаваться призывы к духовно-нравственному обновлению. Главная роль отводится формированию новой *национальной идеи*. При этом одни выступают с требованиями реставрации цензуры, возобновления борьбы с «вредным влиянием Запада», заключения своеобразного конкордата между государством и православной церковью. Другие отстаивают мнение о спонтанном рождении национальной идеи в гражданском обществе. Третьи доказывают неизбежность прямого заимствования идеологии приоритета национальных интересов у таких стран, как США или Франция.

Очевидно, что дискуссионность подходов к решению этой проблемы и ее актуальность для современной России заставляют обратиться к прецедентам прошлого. Свою лепту в компаративное исследование вопроса призвана внести данная статья. Ее автор поставил своей целью анализ взглядов одной из

наиболее влиятельных социальных групп начала XX в. – элитного корпуса офицеров Генерального штаба – на перспективы дальнейшего существования Государства Российского в геополитическом пространстве с учетом этноконфессионального фактора. Как хорошо известно специалистам, он во многом определял не только внутреннюю динамику самодержавной империи, но и внешнеполитическую линию царского правительства.

Вполне очевидно, что такой подход является лишь одним из возможных, хотя и весьма существенных, с точки зрения автора, аспектов понимания национальной идеи как *совокупности представлений о миссии отдельно взятой этнической общности самих ее членов в проекции на иные народы и страны*.

Изучение документов показывает, что сущностные элементы образно-представленческой системы элитного офицерства России рубежа XIX–XX вв. определялись сочетанием метафизичности, иерархичности и алармизма в восприятии внешнего мира. Своеобразным идеологическим фоном для них продолжала служить хорошо известная формула: «Самодержавие–православие–народность». Именно она давала профессиональным военным «точку отсчета» и систему координат для оценки этноконфессиональных общностей в границах империи и за ее пределами. Поэтому определяющим моментом в процессе складывания и развития представленческой системы русского офицерства (впрочем, как и офицерства других западных стран) являлся *этноцентризм*, выражавшийся дихотомией «свой–чужой» и дававший ощущение защищенности, солидарной ответственности и движения к некой высокой цели при разработке, принятии и реализации решений государственной важности¹.

Лежащий в основе всякого национализма, этноцентризм стремился заполнить «вакуум сознания» индивидов и социальных групп при невозможности опираться только на традиционные духовные ценности с наступлением новой индустриальной эпохи², то есть в условиях кризиса мифологического типа сознания и перехода к рефлексивному восприятию действи-

тельности. Специальное изучение данной проблемы, проведенное западными историками, позволило им прийти к выводу о том, что русский национализм как явление общественной жизни ведет начало с периода наполеоновских войн и достигает своей кульминации на протяжении 1900-1914 (точнее, 1917) годов³.

В этом смысле складывавшаяся ситуация рассматривалась военной элитой России на фоне отношений с Западом через призму трех сценариев:

а) выполнения титульной (русской) нацией роли авангарда «белой расы» в борьбе против «опасностей», грозивших Европе из Азии (например, «желтой», со стороны Японии и Китая);

б) консолидации православных стран и народов с обращением к «духовному наследию Византии» в противостоянии католическо-протестантскому Западу;

в) создания под скипетром Романовых панславянской империи (своеобразный вариант славянского *ирредентизма* – то есть процесса присоединения к России всех территорий, прежде всего Австро-Венгрии и балканских государств, населенных этническими близкими общностями).

Прежде чем остановиться на каждом из указанных вариантов, следует подчеркнуть, что в реальности представления тех или иных конкретных лиц могли причудливо сочетать в себе разные подходы, способные, кроме того, трансформироваться под воздействием конкретных событий большой социальной значимости. Однако, с нашей точки зрения, для более глубокого понимания «анатомии» образно-представленческого ряда по отношению к иным народам предложенная дифференциация является аргументированной и поэтому вполне корректной.

Итак, обратимся к первому тезису, который гласил, что «всемирная историческая миссия России – служить щитом для западной цивилизации». Примечательно, что наиболее настойчиво эту идею стремился внедрить в сознание российской военно-политической элиты не кто иной, как Вильгельм II. Впервые она прозвучала во время визита кайзера в Петербург 26-29 июля 1897 г. при обсуждении с царем планов раздела Китая

на сферы влияния крупнейших держав⁴. Подавление движения ихэтуаней, а затем и дальневосточная эпопея как будто усилили аргументацию германского императора, обладавшую определенной привлекательностью для европеизированной дворянской элиты России. Вплоть до начала Первой мировой войны на встречах с Николаем II кайзер постоянно возвращался к этой теме. Так, воспользовавшись назначением С.Д.Сазонова на пост министра иностранных дел, кайзер заявил ему в мае 1912 г.: «Вам (то есть России. — *Е.С.*) остается только одно — взять в руки создание военной силы Китая, чтобы сделать из него оплот против японского натиска. Это совсем нетрудно ввиду бесконечного его богатства в людях и иных естественных ресурсах. Задачу эту может взять на себя только одна Россия, которая к тому предназначена, во-первых, потому, что она наиболее всех заинтересована в ее выполнении, а во-вторых, потому, что ее географическое положение ей прямо на нее указывает. Если же Россия не возьмет этого дела в свои руки и не доведет его до конца, то за реорганизацию Китая примется Япония, и тогда Россия утратит раз навсегда свои дальневосточные владения, а с ними вместе и доступ к Тихому океану»⁵.

То обстоятельство, что Вильгельм II считал свои рассуждения достойными внимания представителей российской имперской элиты, говорило о распространении в верхах подобных настроений, когда вопрос о гипотетическом столкновении «белой и желтой рас» составил не только предмет живого обсуждения в узком кругу великосветских салонов или тиши кабинетов, но вызвал широкий общественный резонанс. Вполне понятно поэтому, что генштабисты стремились дать свою интерпретацию борьбе против угрозы для Старого Света со стороны Азии, хотя встречались и другие толкования этой задачи, как, например, у генерал-квартирмейстера Одесского военного округа Э.Х.Калнина, который на страницах одной из аналитических записок обвинял западных соседей России в «борьбе рас, которую они ведут на наших глазах со свойственной им грубой прямолинейностью»⁶.

В донесении начальнику Главного штаба В.В.Сахарову от 20 апреля 1904 г. военный атташе в Германии полковник В.Н.Шебеко, передавая свою беседу с Вильгельмом, отмечал: «Император повторил уже прежде высказанную им мысль, что Россия является ныне передовым борцом за всю белую расу»⁷. О значимости этой проблемы для Петербурга давала представление и аналитическая записка подполковника А.М.Волконского «О современном положении России», датированная 9 декабря 1906 г. Составитель документа, обращаясь к военно-политическому руководству империи, в частности, писал: «Надо решить вопрос: отвечают ли ее (России. – *Е.С.*) наличные силы прежним ее задачам и вновь народившейся задаче служить передовой заставой белой расы. Если не отвечают, то надо иметь решимость признать это и понизить свои мировые запросы в уровень своих сил. Если Россия не в силах сказать веское слово и в славянском мире, и в Средней Азии и на Дальнем Востоке, то надо отказаться от одной из этих задач или, точнее, от осуществления ее полностью»⁸. Наконец, уместно сослаться на аргументацию А.Н.Куропаткина, привлекавшего внимание читателей своей книги «Задачи русской армии» к возникшей на горизонте «желтой опасности» в качестве фактора сплочения европейцев: «Для блага всей Европы надо, чтобы при новом напоре японцев или китайцев на Россию силы Европы были с ней, а не против нее. Для блага Европы надо, чтобы Индия защищалась не только англичанами, но и русскими. То же справедливо и относительно Индокитая (то есть территории, которую контролировали французы. – *Е.С.*) и немецких владений и предприятий в Азии». С позиций сегодняшнего дня любопытна следующая фраза автора: «При будущем вероятном столкновении белой расы с желтой роль магомедан загадочна»⁹.

Более образно на ту же тему писал известный общественный деятель право-консервативной ориентации И.П.Балашов: «Судьба поставила Россию не даром на рубеже Азии и Европы; она, видимо, хотела, чтобы мы обновили ту и другую, одряхлевшие обе в своих столь различных, но одинаково отживаю-

щих цивилизациях. Россия исполнила первую часть своей высокой миссии, когда ценой неисчислимых жертв она в средние века раз уже спасла арийские народы от нашествия монгольских орд. Затем она в течение следующих столетий сблизилась с ушедшей за это время далеко вперед Европой и получила от последней за свой подвиг богатые дары, унаследованные от общих предков Просвещения. Одновременно с этим России суждено приобщить к этому Просвещению обветшалые народы Азии, утратившие идеалы своей первобытной старины и неспособные воспринять новые, иначе как через посредство благодетельного гения, претворившего их сперва в себе самом, раньше чем сделать их доступными их пониманию»¹⁰.

Налицо пользовавшаяся популярностью в европейских столицах концепция «канализации» внешнеполитической активности России на Восток под прикрытием культуртрегерства, которая, как известно, представлялась части правящей элиты довольно привлекательной вплоть до японской войны. Однако на этом пути существовали серьезные препятствия. Первым из них выступало соперничество держав в условиях кризиса Венско-Берлинской (по местам проведения крупнейших дипломатических форумов 1815 и 1878 гг.) системы. Вторым – резкое ослабление военной мощи и падение престижа Российской империи на Западе после русско-японской войны. Третьим – восприятие самодержавной монархии общественным мнением европейских стран как отсталой страны. К примеру, большой популярностью в западных столицах пользовалась концепция «варваров у порога цивилизации». В соответствии с ней уровень цивилизационного развития России соотносился с Цинской империей и Государством Великих Моголов¹¹. По другой трактовке, изложенной итальянцем Г.Ферреро в книге «Милитаризм и современное общество», наша страна вместе с Австрией, Италией, Испанией и балканскими государствами включалась в категорию «стран-должников» (*débiteurs*), напоминавших полуварварские царства, зависимые от центров античного мира¹².

Указанные факторы превращала идею об авангардной роли России на Востоке в очевидную утопию, что, как показывает записка Волконского, осознавалось военными кругами страны, несмотря на внешнюю привлекательность выполнения цивилизаторской миссии в Азии.

Вторым, не менее заманчивым обоснованием национальной идеи могло стать воплощение на практике средневековых мифологем «Москва (Россия) – третий Рим», а русский этнос «Народ – “богоносец”». «Существовали традиции, от которых Россия не могла отступить, во всяком случае под внешней угрозой, – писал автор жизнеописания последнего самодержца С.С.Ольденбург. – Издавна она считала себя преемницей Византии и покровительницей остальных славянских народов»¹³. В самом деле, можно вспомнить «греческий проект» Екатерины Великой по созданию российско-византийской империи с центрами в Петербурге и Константинополе, ближневосточную политику Николая I и балканские планы Александра II. Реализация всех этих замыслов означала, что, как писал Н.Я.Данилевский, Россия «вступила бы в свое историческое наследие и явилась бы восстановительницею Восточной Римской империи, подобно тому, как некогда монархия франков восстановила империю Западную, и таким же образом начала бы новую, *Славянскую эру Всемирной истории* (выделено нами. – Е.С.)»¹⁴.

В поддержку этой концепции раздавались голоса правых националистов главным образом из числа представителей сановитой бюрократии, не исключая генштабистов. «Никому иному как только России принадлежит наследие Византии – ее духовной матери», писал все тот же И.П.Балашов, и поэтому «без Проливов Россия не есть законченный организм»¹⁵. В аналогичной тональности выдержано одно из доверительных писем известного юриста-международника Ф.Ф.Мартенса в адрес В.Н.Ламздорфа по поводу записки генерал-адъютанта графа Ф.Л.Гейдена «Какой флот нужен России?». Размышляя о перспективах российских военно-морских сил, корреспондент министра иностранных дел подчеркивал: «по-моему убеждению, внешняя политика государства есть коэффициент историче-

ских традиций, с одной стороны, и культурно-социальных политических интересов — с другой. Национальная политика только тогда понятна и осознается народом, когда она согласна с его *историческими традициями*; она разумна, когда ею охраняются культурно-политические интересы народа. Для русского народа политика правительства на Ближнем (так в документе. — Е.С.) Востоке и понятна, и разумна, пока она согласна с его лучшими историческими традициями и пока она охраняет его культурно-религиозные и политические интересы. С этим убеждением народа связана мысль, что Черное море — почти «Русское озеро»¹⁶.

Сторонники подобных взглядов пытались доказать, что «истинная духовность» Византии, а следовательно, и христианского учения, была воспринята не Западом, а Россией. Присоединялся к этому процесс от времен князя Владимира до начала XX в. сопровождался «тяжкими подвигами и патриотическими трудами коренного русского народа»¹⁷, что дает моральное право великороссам доминировать на евразийском пространстве. Как писал, например, один из публицистов, «только народная русско-национальная политика может нас спасти окончательно не только от распада на автономии, но и помочь встать опять на ноги в культурном смысле, заставив снова уважать ту Россию, которая теперь как бы отрешилась от великих предначертаний Петра и Екатерины...»¹⁸.

Однако взгляды, которые для части российской военной элиты казались исторически оправданными, в свою очередь воспринимались на Западе как обоснование имперского экспансионизма. «В Европе громче всех раздаются крики нашего «национализма», — заметил по этому поводу А.Н. Куропаткин, — который хочет разрушить Турцию, разрушить Австрию, разгромить Германию, забрать Царьград, при случае, пожалуй, и Индию»¹⁹. Очевидно, требовалось более привлекательное в глазах европейцев идеологическое прикрытие геополитических аппетитов сторонников дальнейшего расширения империи. И оно было найдено — неославизм.

Как известно, уже к середине XIX в. эволюция славянских этносов на Балканах поставила на повестку дня проблему их самоопределения вплоть до создания суверенных государств. Двумя главными препятствиями на этом пути являлись Османская и Габсбургская империи, под скипетрами которых проживало большинство славянских народностей региона. Кроме того, аналогичные тенденции наблюдались в Центральной и Восточной Европе. Мы имеем в виду поляков, белорусов и украинцев, стремившихся к национальной государственности. Это обусловило значимость и масштабность решения *славянского вопроса* для судеб континентальных гигантов: Австро-Венгрии, Германии, Турции и, конечно, России.

Касательно первой из этих империй среди высшей царской бюрократии существовало опасение ее возможной трансформации в «католическо-славянскую державу, которая легко может стать центром притяжения для других славян — придунайских и привисленских»²⁰. Это, по мнению военной элиты, представляло наибольшую угрозу для России. Относительно второй подчеркивалось, «что стремление Германии на Восток, с одной стороны, и наши интересы там же — с другой, могут легко создать почву для осложнений. Непримируемость германской идеи с общеславянскими интересами сделает невозможным соглашение с Германией. Мы должны создать оплот против влияния Германии. Этим оплотом может явиться состоявшееся в той или иной форме соглашения с южными славянами»²¹. Наконец, в связи с третьей, не относившейся, по мнению российских генштабистов, к «ареалу западной цивилизации», завершение дела освобождения балканских народов от многовекового ига тесно переплеталась с решением вопроса о Проливах. Да и с точки зрения выполнения задачи внутренней консолидации Российской империи, которая понималась прежде всего как, используя выражение одного из публицистов начала XX века И.Н.Манасеина, «необходимость объединения всего русского народа в пределах России с включением земель австрийской Галиции и бывшей Угорской Руси»²², политика Петербурга в Европе на славянском направлении имела решающее значение.

Отправной точкой неославистских идей стала концепция Н.Я.Данилевского, в которой формулировался постулат принципиальной несхожести западноевропейской (германо-романской) и восточноевропейской (славянской) цивилизации. «Итак, для *всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгар* (желал бы прибавить и поляка), – *после Бога и Его святой Церкви, идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага*, – подчеркивал автор “России и Европы”, – ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления – без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства...”²³

Выступая фактическим апологетом решения славянского вопроса за счет внешней экспансии, Н.Я.Данилевский обосновывал претензии династии Романовых на роль лидера среди близких по своей этничности народов «исторической неприязнью между германским и славянским мирами». Примером может служить следующий пассаж: «Осиновый кол – вот все права, которые можно признать за коронами Палеологов, Ягеллонов и Св. Стефанов. На него же напрашиваются и короны Солейманов и Габсбургов, которые хоть и не легли еще в свои могилы, а сидят между живыми, но давно уже смердят и заражают политическую атмосферу гнилыми миазмами. О, как разыграет славянское сердце, когда Россия, поняв свое историческое призвание, с честью погребет и этих мертвецов, насыплет над ними высокий могильный холм, заострит осиновый кол и забьет его по самую маковку, – чтобы на месте-пусте заиграла широкая самобытная славянская жизнь!»²⁴

Если отбросить эмоционально-патетическую тональность автора, то перед нами открытый призыв к «крестовому походу» славянства во главе с Россией против крупнейших государств Центральной и Юго-Восточной Европы.

А вот еще один характерный отрывок из Данилевского: «Так, Западная Русь не потому должна составлять одно целое с остальной Россией, что входила некогда в состав Руси времен Владимиров, Ярославов, Мстиславов, а потому, что, будучи

настоящею Русью в эти давно прошедшие времена, она по языку, по вере, по всему существу своему всегда оставалась ею, кто бы над нею ни господствовал, и теперь продолжает быть такою же настоящею Русью, как и в оные времена, несмотря на измену своих высших классов»²⁵. Кажущееся «фрондирование» автора по отношению к «власть имущим» не должно никого вводить в заблуждение. Его цель – убедить читателя в отчужденности Европы от России и славянства, отсутствии у Запада морального права навязывать Востоку нормы и стандарты «германо-романской» цивилизации, а следовательно, исторической оправданности создания «Всеславянского союза» со столицей в Царьграде, даже ценой нарушения международных договоров, или, называя вещи своими именами, общеевропейской войны.

Анализ воззрений Н.Я.Данилевского показывает, что целый ряд положений его концепции удачно корреспондировался с чертами, имманентно присущими традиционному российскому военному менталитету. Здесь и обоснование пространственного расширения империи совокупностью этноконфессиональных факторов со ссылками на исторические обстоятельства, и попытка преодоления своеобразного «комплекса неполноценности» перед Западом, и пренебрежение нормами международного права, и открытая ставка на силу в отстаивании национальных интересов, как они понимались ближайшим окружением царя.

Мы достаточно подробно остановились на идеях Н.Я.Данилевского, так как именно этот русский мыслитель, на наш взгляд, задал общий вектор политики России в отношении Запада на протяжении последнего периода существования самодержавного строя.

Еще в 1868 г. вполне созвучно мыслям Н.Я.Данилевского генерал-майор Р.А.Фадеев на страницах книги, посвященной российским вооруженным силам, отмечал, что «Россия до сих пор чужая в Европе, она непрощенный гость, ее признают искренно только угнетенные славяне, она живет лишь потому,

что ей не могут помешать жить, потому что она достаточно сильна, чтобы отбиться»²⁶.

Автор другой работы, упоминавшийся генерал-майор Э.Х.Калнин, излагал в записке, датированной ноябрем 1905 г., суждения, близкие взглядам Фадеева: «Для России задача освобождения родственных и единоверных ей народов Балканского полуострова и возрождения их к самостоятельной жизни не было проявлением пустой сентиментальности, а напротив, являлась и является делом первостепенной важности. И чем сильнее будут эти народы, тем лучше: для России они не могут сделаться страшными, в борьбе же с другими расами и племенами они будут ее естественными союзниками. Их существование рядом с Россией обеспечивает самобытное культурное развитие славянства»²⁷.

В связи с рассматриваемой проблематикой стоит обратить внимание на важный нюанс, имеющий отношение к предмету настоящего исследования. Дело в том, что некоторые западные историки, написавшие труды по интересующему нас периоду, стремились привести аргументы для обоснования двух «уровней» неославизма: «демократического», получившего распространение среди интеллигенции и городских слоев с ориентацией на Центральную Европу, и «кабинетного», характерного для правящей элиты, якобы более склонной к активизации экспансии на балканском направлении²⁸. Однако эта точка зрения не подтверждается источниками, поскольку политика насаждения неославизма сверху, проводившаяся властями особенно активно после неудачной японской войны и революции 1905 г., встречала живейшее сочувствие у крестьянского населения и особенно городской интеллигенции.

Для иллюстрации пропагандистского воздействия сверху на общественное мнение России в духе неославизма уместно привести доводы как раз не военного, а ученого – профессора П.И.Ковалевского, который в небольшой брошюре с характерным названием «Психология русской нации» провел сравнение, используя современный термин, западного и славянского социокультурных ареалов. Вот что можно найти на заключи-

тельных страницах этого сочинения, правда, увидевшего свет уже после начала Первой мировой войны: «Сто лет назад великий народ на своем знамени поставил девиз – *свобода, равенство и братство*. Весь мир всколыхнулся под этим воззванием. Почти вся Европа пошла за и под этим знаменем. И что же? Не прошло полвека, как свобода превратилась в экономический гнет, равенство – в тяжелое рабство, а братство – в озверелое истязание друг друга. Почему такая неудача? Почва и средства, которыми добивались эти заявления, не соответствовали им. Почвой служило стремление к обладанию и властвованию, а орудием – оружие и пролитие крови. Иное несет русская славянская нация. Она несет любовь, милосердие, сострадание и самопожертвование. На этой почве и этим орудием славяне победят мир. И сольются тогда в славянском море все человеческие национальные ручьи»²⁹. Как видно, перед нами претензии уже не просто на объединение всех славян в масштабе Европы, а на создание глобального славянского государства наподобие халифата, борьбу за который ведут исламские фундаменталисты наших дней.

Довод о существовании какой-то демократической струи панславизма, в сравнении с официозом, скажем, «Нового времени», опровергается также сборником статей по военным и общественным вопросам, подготовленным группой либеральных общественных деятелей, близких по своей идейной ориентации к правым кадетам. Он был опубликован в 1910-1911 гг. двумя книгами под общим названием «Великая Россия». Авторы сборника князь Г.Н.Трубецкой, С.А.Котляревский и другие, хотя и отвергали некоторые, по их выражению, «пошлые сантименты» вроде исконной любви к «братьям-славянам»³⁰, выступали с позиций использования последних в качестве союзников для борьбы против «тевтонства» в Центральной Европе и поддерживаемого им агрессивного османизма на Балканах. «Для России важно, чтобы в Европе сохранилось политическое равновесие, обеспечивающее мир, но одним из условий последнего является племенное равновесие, – подчеркивал Г.Н.Трубецкой в статье “Россия как великая держава”. – В

этом состоит интерес нашего личного самосохранения, но с ним совпадает неподдающаяся формулам политики и сухой рассудочности связь общего происхождения со славянскими народами, самостоятельное развитие коих представляет необходимое условие вышеуказанного племенного равновесия в Европе»³¹.

В том же духе на страницах сборника высказывался С.А.Котляревский, поместивший статью «Русская внешняя политика и национальные задачи»: «Здесь (то есть в славянском мире. — Е.С.) существуют связи морально-культурного характера, длинные и ценные, но искать обоснования на них внешней политики России значило бы в настоящую минуту предаваться предосудительным и непростительным утопиям, и разочарования неославизма только лишний раз это подчеркивают. Верно только одно: интересы равновесия, интересы обеспечения противовеса германскому преобладанию требуют возможного сплочения славянства, и это дает совершенно реальную задачу и русской политике»³².

Как справедливо отмечает известный отечественный историк Э.Урибес-Санчес, идеи «защиты славянства от поглощения враждебным миром» разделялись с теми или иными нюансами практически всеми политическими силами империи, от правых националистов до прогрессистов, октябристов и кадетов³³. Из этого следует, что и военная элита России воспринимала этноконфессиональные противоречия внутри страны, а также за ее пределами через призму неославизма. Однако в отличие от либералов правящие верхи связывали перспективу объединения славянских народов с выполнением трех условий: *сохранения незыблемых основ самодержавия, искоренения неправославных конфессий и доминирования великороссов*.

В явно апологетическом эссе одного из редакторов пражской газеты «Narodni Listy» И.Голечека «Поездка в Россию», глава из которого вышла в свет на русском языке отдельной брошюрой в 1900 г. и была рекомендована Главным штабом для распространения в военных округах, можно найти подтверждение сделанным выводам. Рассуждая на тему значимо-

сти православия для русского народа – «признанного лидера всего славянства», автор сравнивал христианскую мораль для России с сердцем в человеческом организме, «из которого точно также расходятся по телу вены и артерии», дающие «нужную энергию самым отдаленным окраинам тела». И далее, проводя грань между абсолютизмом (в негативном плане) и самодержавием (в позитивном аспекте), автор с пафосом восклицает: «Русский народ видит и чтит в царе себя, свой символ!»³⁴ Иначе говоря, самодержавие – «не просто национальный строй России»³⁵, а единственно возможный вариант государственного устройства будущей панславянской конфедерации (союза), в которой исключены какие-либо революционные движения³⁶.

Постепенный выход идей неославизма на первый план при разработке внешнеполитического курса России, особенно под влиянием событий 1904-1905 гг. и кризисных ситуаций на Балканах 1908-1913 гг., во многом определил характер восприятия военной элитой этнических проблем *внутри* империи в связи с воздействием на эти процессы европейских государств и до известной степени США. Мы имеем в виду национально-освободительную борьбу на западных «окраинах» (в Польше, Финляндии, прибалтийских губерниях) и политические движения целого ряда этносов на территории Малороссии, Закавказья, Центральной Азии.

Начало Первой мировой войны кардинально изменило ситуацию. Идеи панславизма в сознании военной элиты, то есть высшего командного состава вооруженных сил, уступили место представлениям о долге офицеров перед верой, царем и отечеством. Когда же в начале 1917 г. рухнула монархия, мировоззренческий кризис значительной части профессиональных военных, не исключая генштабистов, привел многих из них к оправданию октябрьского переворота большевиков.

¹ См.: Booth K. Strategy and Ethnocentrism. L., 1979. P. 13, 17, 24-25.

² Tannenbaum E. 1900: The Generation Before the Great War. N.Y., 1976. P. 315.

- ³ *Kedourie E. Nationalism. L., 1966. P. 4; Carter S. Russian Nationalism. Yesterday, Today, Tomorrow. N.Y., 1990. P. 29-42.*
- ⁴ См. подробнее: *Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897-1903. М., 1998. С. 31.*
- ⁵ *Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 54.*
- ⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6610. Л. 27 об. (Записка генерал-майора Э.Х.Калнина «Наши политические и военные задачи на Черном море», Одесса, 2 ноября 1905 г.).
- ⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 228. Л. 2 об. (Шебеко—Сахарову, Берлин, 20 апреля 1904 г.).
- ⁸ ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1144. Л. 2 (Записка подполковника А.М.Волконского «О современном военно-политическом положении России», Санкт-Петербург, 9 декабря 1906 г.).
- ⁹ *Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3. С. 254-255.*
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 217. Л. 83-84 (Записка И.П.Балашова «О политике России в последние века и предстоящих ее задачах», Санкт-Петербург, август 1913 г.).
- ¹¹ *Neumann I. Russia as Europe's Other. Florence, 1996. P. 19.*
- ¹² *Ferrero G. Le Militarisme et la Societe Moderne. Paris, 1899. P. 315-316, 333.*
- ¹³ *Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов н/Д, 1998. С. 451.*
- ¹⁴ *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 382.*
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913. Д. 217. Л. 27 (Записка И.П.Балашова...).
- ¹⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 455/473. Л. 52 об.-53 (Мартенс—Ламздорфу. Санкт-Петербург, 19 мая 1905 г.).
- ¹⁷ *Герасимов Н.И. В защиту русского национализма. СПб., 1912. С. 29.*
- ¹⁸ *Риттих А.Ф. Западно-русская граница и русская народность. СПб., 1907. С. 31-32.*
- ¹⁹ *Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 219.*
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 505. Л. 318 (Ламздорф—Урусову, Санкт-Петербург, 3 марта 1905 г.).
- ²¹ *Руммель Ю.В. Отечественный флот как средство обороны и международной политики. СПб., 1907. С. 7.*
- ²² *Манасеин И.Н. К вопросу об установлении идеальной границы на Западе России. СПб., 1913. С. 11.*
- ²³ *Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 127.*
- ²⁴ Там же. С. 370-371.
- ²⁵ Там же. С. 371.

- ²⁶ Цит. по: Какая армия нужна России? Взгляд из истории. М., 1995. С. 37.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6610. Л. 28 (Записка генерал-майора Э.Х.Калнина «Наши политические и военные задачи на Черном море», Одесса, 2 ноября 1905 г.).
- ²⁸ См.: *Seton-Watson H.* The Decline of Imperial Russia, 1855-1914. N.Y., 1960. P. 323.
- ²⁹ *Ковалевский П.И.* Психология русской нации. Пг., 1915. С. 60.
- ³⁰ См. подробнее: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1997. С. 377-378.
- ³¹ Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 103-104.
- ³² Там же. Кн. 2. С. 60.
- ³³ История внешней политики России... С. 379.
- ³⁴ *Голечек И.* Россия и Запад: (глава из книги «Поездка в Россию»). СПб., 1900. С. 43, 46.
- ³⁵ *Ковалевский П.И.* Указ. соч. С. 54.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 505. Л. 228-229 об. (Ламздорф–Капнисту, Санкт-Петербург, 18 марта 1904 г.).

СОВЕТСКИЕ ВОЖДИ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ВИЗИТЕРЫ

После революции, которая всколыхнула весь мир, и особенно после окончания гражданской войны, в Советскую Россию приезжало много зарубежных гостей, сотни представителей разных социальных слоев – рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. В их числе были крупные писатели и общественные деятели, известные журналисты. Публикаций, посвященных пребыванию в Советской России иностранных визитеров, до сих пор появилось немного¹. До самого последнего времени оставался практически не изученным интереснейший и важный сюжет – о встречах, беседах, переписке иностранных писателей и общественных деятелей с лидерами большевистской партии и советского государства, прежде всего с В.И. Лениным и особенно с И.В. Сталиным. Во многом это объясняется крайне скудной источниковой базой, ставшей доступной лишь в последние годы после рассекречивания архивных документов.

В первые годы после Октябрьской революции наиболее видные из зарубежных гостей страны общались с председателем СНК В.И. Лениным, другими руководителями государства. В дни революции и в годы гражданской войны Ленин часто встречался с американским журналистом Джоном Ридом, который в широко известной книге «Десять дней, которые потрясли мир» не только живо и непосредственно описал революцию, но и показал, что Ленин – партия большевиков, большевизм – это единое, неделимое, неразрывное целое². В январе 1920 г. Ленин на английском языке написал предисловие к американскому изданию книги Рида, которая «дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата»³. В одной

из бесед с Ридом Ленин сказал: «Наше преимущество перед остальным миром заключается в том, что мы можем себе позволить экспериментировать. Мы можем пробовать осуществлять проекты, какие захотим, и, если они окажутся несостоятельными, мы можем передумать и ввести что-нибудь новое»⁴.

Неоднократно встречался с Лениным американский журналист и литератор Альберт Рис Вильямс. Рассказывая о встрече с Лениным, он не мог не выделить слова вождя о необходимости и неизбежности насилия, о том, что «чем сильнее будет сопротивление потерявших власть классов, тем беспощаднее оно будет подавляться. Говорил Ленин и о целом периоде войн и революций, которые будут длиться пятьдесят-семьдесят лет, однако гораздо раньше будут ликвидированы эксплуатация человека человеком и частная собственность... А в конце концов через 75-100 лет, — с твердой уверенностью заявил Ленин, — страны объединятся в великую социалистическую федерацию или сообщество»⁵.

Мысль Ленина о достижении прогрессивных изменений в обществе с помощью насилия, через ликвидацию части населения, принадлежащего к непролетарским слоям, являвшаяся важной составной частью большевистской доктрины, позже еще более четко обоснованная в теоретических выкладках Сталина, привлекала внимание и других западных писателей.

В 1920 г. в Советской России побывали и встречались с Лениным и другими партийными и государственными деятелями того времени крупнейший английский философ и общественный деятель XX века Бертран Рассел и английский писатель-фантаст Герберт Уэллс.

Рассел писал о своем пребывании в России: «Нам была предоставлена полная свобода общения с политиками оппозиционных партий, и мы, естественно, не преминули ею воспользоваться. Мы видели меньшевиков, социалистов-революционеров различных группировок, анархистов; встречи проходили без присутствия большевиков, и с нами свободно разговаривали, избавившись от первоначальных опасений. Я имел часовую беседу с Лениным — фактически *tête-à-tête*, встречался с

Троцким, провел вечер с Каменевым»⁶. Описывая свою беседу с Лениным, Рассел отметил, что она велась на английском языке, которым советский вождь прекрасно владеет, что «он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие... Ленин спокоен и властен, он чужд всякого страха и совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь»⁷. В недавно переведенной и ставшей доступной исследователям «Автобиографии» Рассел так сформулировал свои впечатления от встречи с Лениным: «Ленин... меня разочаровал. Не то чтобы я прежде считал его великим человеком, но в ходе нашей беседы я убедился в его ограниченности, узколобом понимании марксистской ортодоксии, а также заметил в нем нескрываемую озлобленность и жестокость. Об этом разговоре, так же как и вообще о своих приключениях в России, я рассказал в книге “Практика и теория большевизма”»⁸. Книга Рассела впервые появилась в русском переводе только через семьдесят лет, в 1991 г. Ее отличает последовательный аналитический подход, пристальное проникновение в суть происходивших в России событий, стремление не только увидеть, но и объяснить особенности политики партии большевиков, «в руках которой сосредоточена вся реальная власть», и их доктрины. Но внимание Ленина позиция Рассела не могла не привлечь. Просмотрев машинописную копию статьи «Impressions of Bolshevik Russia» («Впечатления о большевистской России»), помещенной в английский еженедельнике «The Nation» 10 июля 1920 г., Ленин направил 12 августа записку заместителю наркома иностранных дел Л.М.Карахану с просьбой вернуть газету со справкой – кто подписал статью. Карахан сообщил, что статья принадлежит Б.Расселу, бывшему в Советской России с делегацией английских тред-юнионов и лейбористов. Ленин сделал на статье пометки: «В архив. Статья Расселя»⁹. Позже, в эссе, озаглавленном «Власть», Б.Рассел констатировал: «С тех пор как большевики пришли к власти, в России

стало невозможно печатать что-нибудь критическое о догмах, на которых основан их режим»¹⁰.

Приехавший в Россию в том же, 1920 г., Г.Уэллс, прошел, по его словам, утомительно длинные и раздражающие формальности, связанные с подготовкой встречи с Лениным. Во время беседы Ленин, которого английский писатель назвал «кремлевским мечтателем», «говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые»¹¹. Как вспоминал Уэллс, через весь разговор проходили две основные темы: «Одну тему вел я: “Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?” Вторую тему вел он: “Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?” Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: “Что вам дала социальная революция? Успешно ли она?” А это в свою очередь приводило ко второй теме: “Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?”»¹² В период пребывания в России, Уэллс обратил внимание на существование некоего фильтра между Лениным и народом, что затрудняет «живую связь России с ним и — что еще важнее с точки зрения эффективности руководства — затрудняет его живую связь с Россией»¹³. В 1921 г. книга Уэллса была на языке оригинала прочитана Лениным. Наиболее заинтересовавшие его отрывки Ленин подчеркнул или отметил знаком NB. Один из тезисов Уэллса, выделенных и подчеркнутых Лениным, гласил (перевод 1921 г.): «Грубая марксистская философия, которая подразделяет всех людей на буржуазию и пролетариат, которая в жизни общества видит лишь до глупости примитивную “классовую борьбу”, понятия не имеет об условиях, необходимых для коллективной духовной жизни»¹⁴.

В 1930-е гг. международные контакты существенно возросли. Советский Союз был крайне заинтересован в создании

положительного имиджа государства. Для этого использовались различные формы влияния на западные круги с тем, чтобы добиться максимальной поддержки, создать наиболее благоприятные условия для популяризации советского строя за границей, показа реальности воплощения в жизнь сталинского лозунга о возможности построения социализма в одной стране, укрепить воздействие теории и практики социалистического строительства в СССР на другие страны.

Руководители страны, начиная со Сталина, преследовали крайне важную для советского руководства цель – выявление оценок и позиций представителей западного мира, влияние на эти позиции. Особенно это касалось тех гостей, имена которых были широко известны и с мнением которых всерьез считались на Западе. Не случайно Ромен Роллан, Бернард Шоу, Бертран Рассел и Андре Жид в разные годы стали Нобелевскими лауреатами в области литературы. Всех их отличал острый взгляд подлинных интеллигентов, ничего не принимающих на веру, а стремящихся самостоятельно разобраться в существе процессов, совершавшихся в стране, строящей социализм, честно и откровенно высказать свое мнение, дать собственные, подчас противоположные оценки увиденного, осмыслить происходящее, вписать его в контекст мировых событий.

Существенной стороной общения высшего руководства партии с иностранными писателями были их систематические встречи, длительные беседы по самому широкому кругу международных и внутренних проблем. Достаточно обратиться к журналу записи лиц, принятых в 1930-х гг. Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В.Сталиным:

29 июля 1931 г.	–	Бернард Шоу.
13 декабря 1931 г.	–	Эмиль Людвиг.
4 августа 1933 г.	–	Анри Барбюс.
23 июля 1934 г.	–	Герберт Уэллс.
28 июня 1935 г.	–	Ромен Роллан.
8 января 1937 г.	–	Лион Фейхтвангер ¹⁵ .

Список этот неполон, поэтому в литературе до сих пор встречаются неточные сведения о встречах Сталина с иностранными писателями. Утверждается, что Сталин принимал Андре Жида, что первым из известных на Западе литераторов, побывавших у Сталина, был Бернард Шоу¹⁶. Однако еще в 1927 г. Сталин имел длительную беседу с французским писателем Анри Барбюсом. Встречался с Барбюсом Сталин также в 1932 и 1934 гг.¹⁷ Одну из версий, объясняющих отказ Сталина от встречи с широко популярным на Западе французским писателем А.Жидом, мы находим в недавно опубликованном следственном деле М.Кольцова. Известно, что Жид имел нетрадиционную сексуальную ориентацию, и, по утверждению Кольцова, надеясь на встречу с советским лидером, намеревался поставить перед ним вопрос о правовом положении своих единомышленников. Об этом Жид говорил в Париже с советским писателем И.Эренбургом. «Надо думать, что об этом разговоре Эренбург сообщил в Москву, – утверждал Кольцов, – и вполне возможно, что о нем доложили Сталину»¹⁸.

Западные друзья Советского Союза стремились как можно больше узнать о жизни в СССР, но многие из них всерьез сетовали на абсолютное отсутствие точных информационных данных и невозможности, как писал Р.Роллан Сталину, «добиться из СССР определенных и верных сведений, чтобы отвечать на обвинения, предметом которых он (Советский Союз. – Г.К.) беспрестанно является». Далее Р.Роллан вспоминал о ходе беседы со Сталиным в июне 1935 г.: «Вы сказали мне (я цитирую текстуально): – “Конечно, если наши друзья на западе мало осведомлены о мотивах действий Советского правительства, и их нередко ставят в тупик наши враги. то это говорит не только о том, что наши друзья не умеют также хорошо вооружаться, как наши враги. Это говорит еще о том, что мы недостаточно осведомляем и вооружаем наших друзей. Мы постараемся заполнить этот пробел” (данные фразы Сталина подчеркнуты при переводе письма и в машинописном экземпляре перевода отчеркнуты на полях синим карандашом, вероятнее всего самим Сталиным. – Г.К.) <...> Дорогой товарищ, с тех пор как Вы

произнесли эти слова прошло пять месяцев. Ничего не было сделано чтобы “заполнить этот пробел” и чтобы “реагировать”. И зло очень сильно возросло. <...> Ничего не забывается, все накапливается, и это в конце концов образует инфекцию, разъедающую симпатии даже сотен людей, которые казались более всего привлеченными СССР’ом» (так в тексте. Предложение отчеркнуто на полях синим карандашом. – Г.К.)¹⁹.

Какими интересами руководствовался Сталин, принимая зарубежных писателей? Конечно, он понимал, что не следовало вождю прерывать традиции таких встреч, заложенные Лениным. Но это, пожалуй, не было главным. Сталин как великий прагматик видел необходимость показа общественному мнению Запада – что представляет собой Советский Союз, какова его официальная политическая и идеологическая доктрина, цели и перспективы внутренней и внешней политики. То, что звучало непосредственно из уст Сталина, казалось западным собеседникам особенно убедительным. Примеру Сталина следовали его ближайшие соратники – Молотов, Калинин, Ворошилов, Каганович, Ярославский, Бухарин, Радек и другие лица из окружения вождя.

Встречавшиеся с советским вождем писатели, такие как Б.Шоу, Г.Уэллс, Р.Роллан, высказывали самые восторженные впечатления о встречах со Сталиным и его характере. Б.Шоу замечал: «Я редко встречал человека, который умел бы так говорить, как Сталин, и который так мало торопился бы это делать... Сталин – человек, который умеет доводить вещи до конца»²⁰. Вспоминая о своей встрече со Сталиным, Шоу добавлял: «Сталин сыграл свою роль безупречно, принял нас как старых друзей и дал нам выговориться»²¹. В ноябре 1934 г. в английской газете «Нью Стэтсмен Энд Нейшн» появился пространный комментарий Б.Шоу к встрече Г.Уэллса и И.В.Сталина, состоявшейся 2 октября, в котором остроумный Шоу подметил, что и «Сталин обладает острым чувством юмора, склонностью к искреннему смеху... Сталин с неисчерпаемым терпением... дает Уэллсу ясный и элементарный урок пост-

марксистской политической науки. Однако это производит на Уэллса меньшее впечатление, чем вода на утку. И для меня тем более занимательно, что, когда я встретил Сталина, первое, что я заметил – это его умение слушать»²².

В 1934 г., прочитав о беседе Сталина с Г. Уэллсом, Р. Роллан писал М. Горькому о совершенном самообладании Сталина, твердости ума, способности выражать свои мысли прямо, убедительно и сдержанно. «Меня давно поражает неколебимая основательность его мышления, соединяющаяся с практическим пониманием людей и обстоятельств, отшлифованным богатым и разнообразным жизненным опытом. Действительно, это большой государственный деятель и я был бы счастлив познакомиться с ним когда-нибудь лично»²³.

Интересно в оценочном плане письмо председателя ВОКСа А. Я. Аросева от 29 июня 1935 г. с пометкой Сталина: «В мой архив. И. Ст.», где есть следующие строки: «Он (Р. Роллан. – Г. К.) мне несколько раз говорил, что ничего подобного не ожидал и никогда в жизни себе Сталина таким не представлял. Ромен Роллан, надо прямо сказать, очарован Вами лично. Он мне несколько раз говорил, что ничего подобного не ожидал и никогда в жизни себе Сталина таким не представлял. Основная черта Вашей беседы, которая бросилась в глаза этому острому писателю, формулировалась Ромен Ролланом так: «Он (Сталин) не изрекает безапелляционных (выделено Сталиным. – Г. К.) формул, а в процессе разговора как бы вводит собеседника в лабораторию своих собственных суждений и делает собеседника участником в формировании определенного мнения по тому или иному вопросу. Мне очень нравится, что с прямоотой, которая присуща только очень большим людям, Сталин мне прямо говорил: может быть, тут мы не правы, может быть, нужно было сделать иначе, в этом отношении прав Ромен Роллан и т. п. и т. п.»²⁴.

Оценку личности Сталина можно найти и в книге Л. Фейхтвангера: «Сталин действительно является плотью от плоти народа... У Иосифа Сталина медленные, тщательно продуманные, до

основания верные мысли, Сталин – поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов»²⁵.

Не только восприятие западными писателями фигуры Сталина, но и особенности встреч и бесед с ними являются особым, мало изученным сюжетом, имеющим свою драматургию, свои кульминационные моменты, свои оценки, красноречиво раскрывающие как позиции самого вождя, так и мнения его зарубежных гостей. То же следует сказать и о письмах и записках, адресованных Сталину, которые переводились на русский язык, тщательно регистрировались, наделялись грифами «не для печати», «совершенно секретно» и «секретно», с ними, судя по пометкам, знакомился Сталин, и они сохраняются в личном фонде Сталина в РГАСПИ. В ряде случаев, но далеко не всегда, Сталин давал ответ, что также обязательно сохранялось. Фонд лишь недавно был передан из Архива Президента РФ в РГАСПИ и стал доступен исследователям.

Все виды общения Сталина с западными гостями, прежде всего его беседы, им тщательно редактировались, в текст вносились подчас значительная правка, далее стенограммы пересылались для ознакомления членам политбюро. Достаточно привести записку Сталина, написанную после беседы с Г.Уэллсом 23 июля 1934 г.:

«т. Двинский!

Посылаю просмотренную (подчеркнуто Сталиным. – Г.К.) стенограмму беседы с Уэльсом (так в тексте. – Г.К.). Снимите копии, (оригинал оставьте в архиве – моем) и отдайте три копии Уманскому (Уманскому покажите оригинал и мои поправки в тексте) – одну из них для Уэльса, другую для Майского, третью для него самого, – остальные же экземпляры разошлите членам политбюро ЦК для сведения.

Сделать все это надо **немедля** (я и так опоздал со стенограммой).

Привет!

30/VIII – 34 г. И.Сталин»²⁶.

2 сентября под грифом «строго секретно» запись беседы Сталина с Уэллсом была послана членам и кандидатам политбюро Андрееву, Ворошилову, Кагановичу, Калинин, Кирову, Ст.Косиору, Куйбышеву, Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Петровскому, Постышеву, Рудзутак, Чубарю, Жданову с требованием возврата в Особый сектор ЦК ВКП(б)²⁷.

Особенно тесные отношения сложились у Сталина с Анри Барбюсом, что объяснялось как последовательно восторженным отношением французского писателя к СССР и лично к советскому вождю, так и стремлением привлечь на сторону Советского Союза левую французскую интеллигенцию. Немалую роль играли также материальные соображения – именно через А.Барбюса передавались из Советского Союза крупные денежные средства для поддержки антивоенного движения на Западе²⁸.

Барбюс встречался со Сталиным неоднократно. В первый раз он был принят Сталиным 16 сентября 1927 г. Во время беседы Барбюс выразил желание написать несколько книг об СССР. Это желание было подтверждено во время следующего приезда Барбюса в Москву, когда 5 октября 1932 г. писатель вновь увиделся со Сталиным. В этот раз он предложил написать биографию советского вождя, для чего просил передать ему необходимые документы. Барбюс обратился в отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) и с предложением о написании киносценария для фильма о жизни вождя. «Отобразить гениальный образ Сталина» – такой видел свою задачу А.Барбюс²⁹. Предварительный просмотр биографии был возложен на заместителя директора института Маркса–Энгельса–Ленина, бывшего помощника Сталина И.П.Товстуху. О целесообразности такого поручения Барбюсу работники ЦК советовались с членом ЦК ВКП(б), секретарем Исполкома Коминтерна Д.З.Мануильским, который ответил, что «А.Б. (Анри Барбюсу. – Г.К.) это дело поручить можно и стоит, он напишет то,

что ему посоветуют, в частности, и о борьбе с троцкизмом»³⁰. С достаточной степенью вероятности можно сказать, что подготовка книги велась под пристальным вниманием советских партийных органов. Не случайно известный израильский славист М.Вайнскопф заметил, что книга «созревала в тайниках агитпропа и Коминтерна»³¹.

Осенью 1934 г. А.Барбюс снова приезжает в Москву и просит аудиенции у Сталина. 30 сентября он получает дружеский ответ:

«Тов. Анри Барбюсу.

Уважаемый товарищ!

Прошу извинения за поздний ответ. Я вчера только вернулся в Москву и не мог раньше ознакомиться с Вашим письмом.

Охотно готов побеседовать с Вами в любой день, начиная с 31 окт.

Братский привет!

И.Сталин³²».

Такая встреча состоялась на следующий день, 1 ноября. Весь 1934 г. ушел у французского писателя на завершение книги и выполнение договора с акционерным обществом «Межрабпом-Русь» о написании сценария художественного фильма (рабочие названия — «Творцы», «Строители», «Спасители», «Новые люди»). Главной идеей фильма Барбюс считал показ различных исторических этапов создания и развития социалистического государства, «олицетворенного, главным образом, в фигурах его двух основоположников — Ленина и Сталина»³³.

Над рукописью книги «Сталин» Барбюс работал очень тщательно — он неоднократно писал руководителям ЦК о необходимости присылки ему документации о политической деятельности Сталина, о желании получить все труды, написанные на французском языке и посвященные Сталину. Такие материалы были Барбюсом получены весной 1933 г. «Я буду счастлив посвятить все мои усилия к тому, чтобы нарисовать эту великую фигуру, которая выполняет сейчас такую гигантскую роль и которая действительно воплощает, как я мог убедиться при

моей поездке по всей территории Союза, творческий энтузиазм революции», – писал Барбюс главе Межрабпома В.Мюнценбергу³⁴.

Законченная рукопись книги была послана на предварительный просмотр заведующему отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А.И.Стецкому. Прочитав рукопись, Стецкий ответил Барбюсу: «Я восхищен тем, что Вам удалось в такой короткий срок создать книгу подобного масштаба, которая является не просто биографией, а величественной картиной всего нашего движения, написанной с громадным революционным подъемом». Тут же были высказаны и критические замечания (в том числе и постраничные), состоявшие в том, что «в книге недостаточно дан образ Сталин[а] – человек[а], не показан его стиль в работе, стиль его языка, не выявлены его многообразные связи с массами, не показано, какой любовью окружен Сталин»³⁵. Авторы предисловия к книге, одним из которых был Стецкий, посоветовали, что автору не всегда удалось показать обстоятельства и ход борьбы партии на отдельных этапах ее истории, отмечали огромную роль книги как первую попытку пером большого, талантливого европейского писателя «дать образ вождя пролетариата и трудящихся масс, гениального продолжателя Ленина»³⁶.

Вышедшая тиражом в 300 тыс. экземпляров, книга Барбюса стала важным этапом складывания культа личности Сталина. Слова из книги Барбюса: «Это – железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин – сталь. Он негибк и гибок, как сталь»³⁷ – стали в прямом слова «крылатыми», известными не только в Советском Союзе, но и за границей.

У Сталина особенно, да и у других руководителей Политбюро во время общения с иностранными визитерами, в беседах, в письмах ясно прослеживается стремление максимально четко высказать позиции партии по вопросам внутренней и внешней политики, естественно, исходя из собственного, марксистского и классового видения этого предмета. Иногда при изложении и оценке фактов жизни в СССР вожди не гнушались откровенной и даже циничной ложью, умелой и хитроум-

ной дезинформацией, или, как определял переводчик В.Бережков, – умением «пускать пыль в глаза»³⁸. Не будет преувеличением сказать, что Сталин и его окружение стремились максимально использовать интеллектуальный потенциал западных интеллигентов с их гуманистическими представлениями о переустройстве мира и роли СССР.

Иногда партийное руководство для создания наиболее выгодного впечатления шло на откровенно примитивную подтасовку. Подзаголовок книги А.Барбюса «Сталин» на языке оригинала звучал «Un monde nouveau vu a travers un homme» или в русском переводе – «Новый мир, увиденный через одного человека». Перевод же, повторенный во многих русских изданиях, был следующим: «Человек, через которого раскрывается новый мир», что явно смещало акценты в сторону нарождавшегося культа личности Сталина.

Похожая подтасовка произошла с книгой больших поклонников СССР английских социалистов С. и Б.Вебб «Советский коммунизм – новая цивилизация?». Найдя в ней неясности, связанные с непониманием марксистской теории, Политбюро в мае 1936 г., в решении за подписью Сталина, предложило объявить в печати, что книга издается, ограничить ее тираж 2-3 тыс. экземпляров и распространить его по списку³⁹.

Из многих подобных, во многом схожих между собой, примеров можно выделить еще несколько наиболее показательных. Следует при этом отметить два чрезвычайно важных, противоречащих друг другу постулата, характерных для методов общения с иностранными интеллектуалами в середине 1930-х гг. Один из них связывал все аспекты насильственных действий и репрессий, вплоть до смертной казни, главным образом с международной обстановкой, агрессивной политикой капиталистического мира, но никак не с коллизиями внутри страны. Понимая однобокость подобного аргумента, Сталин в беседе с Р.Ролланом выдвинул противоположное объяснение: «Следует иметь в виду, что у нас есть друзья не только в Западной Европе, но и в СССР, и в то время как друзья в Западной Европе рекомендуют нам максимум мягкости к врагам,

наши друзья в СССР требуют твердости, требуют... расстрела Зиновьева и Каменева, вдохновителей убийства т. Кирова. Этого тоже нельзя не учитывать»⁴⁰. Сталин рисовал перед зарубежными гостями устрашающую, совершенно фантастическую картину заговоров, покушений, опасностей, которые будто бы постоянно угрожают советскому руководству.

Обратимся к встрече Сталина с Анри Барбюсом 12 августа 1927 г. Один из главных вопросов, которые особенно волновали Барбюса – о красном терроре в СССР. Сталин ответил на этот вопрос очень подробно: «Вот недавно была арестована маленькая группа, состоящая из дворян-офицеров. У этой группы было задание отравить газами весь съезд (речь идет о XV съезде партии. – Г.К.). Как же бороться с этими людьми? Тюрьмой их не испугаешь и тут просто вопрос об экономии жизни. Либо истребить отдельные единицы, состоящие из дворян и сыновей буржуазии, которые финансируются князьями и ставят своей задачей отравить целые съезды высших органов, а у нас на съездах бывает до 5000 человек, или позволить им уничтожить сотни, тысячи людей. С точки зрения внутренних условий в стране у нас нет никаких резонов для сохранения смертной казни. Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни нет нужды. Но с точки зрения международных отношений отменить смертную казнь в данный момент никак нельзя. Конечно, смертная казнь неприятная вещь. Кому же приятно убивать людей? Но международная обстановка такова, капиталисты так сильны, у них так много денег, они так беспощадны в борьбе с нами, они так систематически посылают в СССР террористов, что без смертной казни нам не обойтись». При правке стенограммы Сталин дополнительно вписал в текст своего ответа: «Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни нет нужды. Но... в данный момент посылают к нам террористов... без смертной казни нам не обойтись»⁴¹.

Прошло восемь лет. Гостем Советского Союза стал великий французский писатель Ромен Роллан. Он общался с высшим советским руководством, пожалуй, больше других иностранцев. Роллан с женой – М.П.Кудашевой, русской по про-

исхождению, жили сначала на квартире председателя ВОКС А.Я.Аросева, а большую часть времени – на даче Горького в Подмосковье. Там часто собирались многочисленные гости – Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Бухарин, Ягода и другие, устраивались обширные застолья. Роллан записывал в дневнике: «Стол завален всякой снедью. Холодной закуской, всякими сортами солений, копченой или заливной ветчины и рыбы. Блюда из осетрины с креветками. Рябчики со сметаной и т.д. Они хорошо пьют». Далее Роллан добавлял: «Сталин ест и пьет основательно, но он очень хорошо знает меру... По русскому обычаю пьют по очереди за здоровье всех присутствующих: сначала за мое, потом Сталина, потом моей жены, Молотова, Ворошилова, Кагановича... количество умеренное»⁴². Темы бесед были самые разные, их тон – вполне откровенным: о проекте новой конституции («Сталин хочет, чтобы это был памятник скульптурной формы»), об указании вождя на необходимость признания заслуг и прав «беспартийных большевиков» (Роллан считает, что Сталину присуща способность всегда угадывать, что необходимо сделать в нужный момент), о местах военных действий в годы гражданской войны (здесь слово предоставляется историку, в будущем академику И.И.Минцу, тогдашнему секретарю редакции «Истории гражданской войны»), о перспективах развития революционного движения на Западе. Сталин, по словам Роллана, отрицает, что «СССР дает директивы другим странам. Он говорит: “Мы слишком хорошо отдаем себе отчет в разнице темпераментов и условий в разных странах. Мы не можем ими руководить. Это была бы целая цепь роковых ошибок. Надо, чтобы в каждой стране (коммунистическая. – Г.К.) партия сама за себя решала”⁴³». В один из вечеров начался разговор о вывозе произведений искусства за рубеж для получения валюты. Роллан записал: «Молотов спокойно добавляет прекрасные слова (с которыми согласен и Каганович): “И что, по существу, для нас оттого, что Англия или Америка имеют эти произведения? Ведь рано или поздно они будут советизированы и эти произведения будут нашими”»⁴⁴.

28 июня 1935 г. состоялась беседа Сталина с Р.Ролланом, прошедшая, как сообщала на следующий день газета «Правда», «в сердечной обстановке». Французского писателя интересовали многие вопросы, связанные с жизнью в Советском Союзе. Один из них – принятие закона о наказаниях детей с 12-летнего возраста. Сталин уверенно пояснил: «Наши враги капиталисты не успокаиваются. Они засылают своих агентов во все круги, в церковь, в семьи, они заражают женщин, детей... Там и тут организованы секретные группы из пятнадцати маленьких бандитов, вооруженных ножами, которые убивали “ударников”, юношей и девушек (даже без политических мотивов, только потому, что они были “ударниками”, хорошими учениками) по наущению взрослых, которым платили наши враги; они совершали эти убийства, они толкали девушек на проституцию и т.д. Как реагировать? Нам надо было два-три года, чтобы с корнем удалить всех этих работников. Нам это удалось. Но после этого надо было принять устрашающие меры... Этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Декрет издан для того, чтобы устранить и дезорганизовать взрослых бандитов и уберечь наших детей от хулиганства. К Вашему сведению должен сказать, что до сих пор не было ни одного случая применения наиболее острых статей этого декрета к преступникам-детям и, надеюсь, не будет»⁴⁵. В разговоре с вождем Роллан с беспокойством упомянул о расправе с большой группой людей после убийства С.М.Кирова. Сталин и в этом случае дал самые подробные объяснения: «Может быть, мы тут действительно руководствовались чувством вспыхнувшей в нас ненависти к террористам-преступникам. <...> Сто человек, которых мы расстреляли, не имели с точки зрения юридической непосредственной связи с убийцами Кирова. Но они были присланы из Польши, Германии, Финляндии нашими врагами, все они были вооружены и им было дано задание совершать террористические акты против руководителей СССР, в том числе и против т. Кирова. <...> Нам было известно, что после злодейского убийства Кирова преступники-террористы наме-

ревались осуществить свои злодейские планы и в отношении других лидеров. Чтобы предупредить это злодеяние, мы взяли на себя неприятную обязанность расстрелять этих господ. Такова уж логика власти. Власть в подобных условиях должна быть сильной, крепкой и безстрашной. В противном случае она – не власть и не может быть признана властью»⁴⁶. Характерно, что это объяснение Сталина очень похоже на приведенное выше объяснение, данное ранее А.Барбюсу.

Не менее впечатляют и содержащиеся в дневниках Роллана его беседы с Г.Ягодой и К.Радеком. После разговора с Ягодой писатель замечает: «Он уверяет, что в Советском законодательстве отсутствует понятие месть и говорит о той заботе, которую он сам лично проявляет в отношении гигиены заключенных... он говорит о лагере под Москвой, где содержится 200 000 заключенных (!) и где не было ни одного случая заболеваний (в дополнении к дневнику Роллан уточняет, что речь идет о людях, работающих на строительстве канала Москва–Волга. – Г.К.)... Затем Ягода говорит о своем опыте перевоспитания преступников, и глаза у него блестят... Ягода, воодушевляясь, пророчествует, что не пройдет двух-трех лет, и в СССР исчезнут дети-преступники, бродяги. А так как дети – основа для преступности, то Ягода идеалистически верит, что через 10-20 лет преступность почти полностью исчезнет... Какой иллюзорный идеализм! Выходит, что человек был бы хорош, мог бы становиться день ото дня лучше, только лишь благодаря своему желанию! Одним движением плеча он бы отбросил, если ему это нравится всякое бремя привычек и наследственности!.. Боюсь, как бы с годами не разочаровался тот, кто перевоспитывает преступников». Несколькими строками ниже Роллан задает недоуменный, но вполне правомерный вопрос: «Почему же его заботливость, так широко распространяемая на уголовных преступников, не распространяется на политических заключенных?»⁴⁷

Свое недоумение по поводу репрессий после убийства Кирова Роллан высказал и К.Радеку, который дал писателю следующие разъяснения: «После того, как враг, убивая Кирова,

стрелял в генеральный штаб партии, приняты меры, чтобы это не повторилось: на государственную полицию возложена обязанность проверять, очищать и высылать, и, конечно, в этих условиях можно ждать много ошибок и несправедливостей, — одной больше, одной меньше в общей массе — но... это не имеет значения, когда речь идет об общественном благе»⁴⁸. Так объяснялась Радеком повседневная практика тех лет, метко отраженная в популярной тогда поговорке: «Лес рубят, щепки летят».

Подобные «методы» ознакомления иностранных гостей с советскими реалиями были характерны и для других членов высшего партийного и государственного руководства. В 1932 г. известный французский радикал-социалист Эдуард Эррио во время пребывания в Советском Союзе был принят председателем ЦИК М.И.Калининым. На вопрос Эррио о том — что же произошло на Украине и как обстоят дела со снабжением хлебом, услышал раздраженный ответ «всесоюзного старосты»: «Я произвел обследование на местах. В одном и том же месте у одних организаций — обилие продуктов. Другие вследствие своей лени или злой воли не имеют самого необходимого. Мы снабжаем их вопреки усилиям тех, кто идет против нас. Во всяком случае, если и приходится переносить некоторые лишения, то история об умерших от голода — дурацкая выдумка»⁴⁹. Так просто объяснил Калинин факт гибели от голода нескольких миллионов человек.

Еще один очень показательный случай, связанный со встречей с Р.Ролланом, изложил Н.И.Бухарин в письме к В.М.Молотову 1 декабря 1936 г. Он писал: «У Горького у нас была душевная беседа... *в четыре глаза* (т.е. наедине. — Г.К.) о двух пунктах: внешняя политика (союзы с бурж[уазными] государствами) и троцкизм. Надеюсь, что я так убедительно говорил, что и здесь есть капля моего меда, когда Р[омен] Р[оллан] себя ведет не как А[ндре] Жид»⁵⁰. Об этом же эпизоде Бухарин вспомнил через неделю, 7 декабря, на пленуме ЦК РКП(б), где он подвергся критике. Бухарин снова повторил, что его «капля меда есть в том, что до сих пор Ромен Роллан держится не так,

как Андре Жид... что он [Бухарин] работал на то, чтобы спланировать кого только можно вокруг нашей партии и советской власти»⁵¹.

В высказываниях, оценках, да и подспудно в поведении выдающихся европейцев проявлялись вполне объяснимые с позиций того времени двойные стандарты. С одной стороны, сказывалось традиционное отношение европейской «элиты» к отсталой России, что причудливо переплеталось с отношением к революции и к исповедуемым иностранцами либеральными ценностями, опыту парламентаризма и буржуазной демократии. Крайне важным фактором для понимания тех или иных оценок гостей Советского Союза была сложная международная обстановка того времени. В этих условиях СССР воспринимался как оплот мира, в существовании советского государства иностранцы видели надежный заслон от надвигающейся фашистской опасности. В одном из писем Р.Роллан пытался объяснить причины жестких действий советских вождей грандиозными планами строительства нового общества, считая, что «им необходимо защитить великое дело – великую мечту. А они видят эту мечту всюду под угрозой... Люди там ведут столь гигантские бои, что я слишком хорошо понимаю их душевное перенапряжение и их ошибки»⁵².

Но был еще ряд явлений, которые сумели увидеть иностранцы в СССР 30-х гг., очень беспокоивших гостей нашей страны. Вероятно, одним из первых обратил на них внимание Р.Роллан в 1935 г. В дневнике он констатировал наличие неестественно преувеличенного преклонения перед Сталиным, обязательных восхвалений, «припева в честь короля». Побывав на Красной площади на параде в честь Дня физкультурника, Роллан сделал следующую запись: «Сталин... принимает в течение шести часов почести, как римский император. Бесконечные плакаты с колоссальными изображениями Сталина. Толпа участников шествия, собравшись против центральных трибун, поет гимн в честь Сталина... И Сталин, как бы смущенный, то прячется, то показывается. Как бы был доволен Шекспир, если

бы имел возможность изобразить этих двух Цезарей – этих двух Сталиных, которые составляют одно целое!»⁵³

Упоминает Роллан и бесконечные военные парады с прославлением вождей, искусственную апологетику, которая является вступлением и заключительным аккордом всех выступлений. Постоянно сталкиваясь с преклонением перед вождем, Роллан замечает, что Сталин несомненно не испытывает отвращения, когда видит повсюду свои изображения. «Если бы ему это действительно было неприятно, – размышляет писатель, – достаточно было бы одного его слова, чтобы отбросить этот смешной культ, повернув все в шутку: со временем все миллионы его последователей стали бы думать, как он. Не видит ли он в этом, как считают, необходимое средство для поддержания преданности со стороны своих полков, загипнотизированных его изображением? Для подлинного коммуниста это средство весьма опасно, оно пригодно для поддержания в коллективе пагубной веры в личность... Кто может читать в душе властелина, который охотно живет в атмосфере непрерывного восхваления и который говорит, что “не любит комплиментов”... Грузинский реалист думает: “Пусть они мне льстят, лишь бы делали то, что я хочу!” К лести в конце концов привыкают и это убаюкивает!»⁵⁴

Как и Р.Роллан, не мог не увидеть проявления культа Сталина А.Жид, который, как уже упоминалось, не встречался с советским лидером. «Изображения Сталина встречаются на каждом шагу... его имя на всех устах, похвалы ему во всех выступлениях, – писал Жид. – Я не знаю что это: обожание, любовь, страх, но везде и повсюду он». Гость не только констатировал многочисленные факты проявления культа личности, но и пояснял, что «Сталин признает только одобрение всех; тех, кто ему не рукоплещет, он считает врагами... скоро он будет всегда прав, потому что в его окружении не остается людей, способных предлагать идеи. Такова особенность деспотизма – тиран приближает к себе не думающих, а раболепствующих». Эта категория, по мнению писателя, вербуетсся из среды бюрократии, причем «чем никчемнее эти люди, тем более Сталин

может рассчитывать на их рабскую преданность, потому что привилегированное положение – им как подарок. Само собой разумеется, что именно они горячо одобряют режим. Служа интересам Сталина, они одновременно служат своим собственным интересам»⁵⁵.

Высокая оценка, данная Сталину Л.Фейхтвангером, не слонила от него «поклонение и безмерный культ», которые окружают вождя. По его словам, для человека, прибывшего с Запада, это могло показаться «странным, а порой и отталкивающим». «На всех углах и перекрестках, в подходящих и неподходящих местах, – читаем в его книге, – видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы, пересыпаны прославлениями Сталина, и часто это обожествление принимает безвкусные формы»⁵⁶. Попытки найти основания для такого прославления приводят писателя к выводу о том, что советские люди «действительно думают, что всем, что они имеют и чем они являются, они обязаны Сталину... Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный “коммунизм”, а конкретного человека – Сталина»⁵⁷. Во время беседы со Сталиным немецкий писатель сделал замечание «о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью». В ответ Сталин «пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да еще какие! – в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как на-

пример, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его... Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция»⁵⁸. В стенограмме беседы с Фейхтвангером эта же мысль выражена Сталиным несколько иначе: «Я хотел бы по-человечески объяснить, откуда такой безудержный, доходящий до приторности восторг вокруг моей персоны. Видимо, у нас в стране удалось разрешить большую задачу, за которую поколения людей бились целые века... Видимо, разрешение этой задачи — ее лелеяли рабочие и крестьянские массы — освобождение от эксплуатации вызывает огромный восторг... Все это приписывают мне, — это, конечно, неверно, что может сделать один человек — во мне они видят собирательное понятие и разводят вокруг меня костер восторгов телячьих... Народ у нас еще отстает по части общей культурности. Поэтому выражение восторга получается такое»⁵⁹.

Начало арестов и судебных процессов в СССР не могло не взволновать западных друзей советского народа. В письмах западных писателей, среди которых особенно много было отправлено Р.Ролланом, содержались просьбы о помиловании Н.И.Бухарина, А.Я.Аросева и его жены, врача Л.Г.Левина, наблюдавшего за здоровьем писателя во время его пребывания в Москве, и ряда других хорошо знакомых писателю людей⁶⁰. Все письма в адрес высшего руководства страны оставались без ответа.

25 января 1937 г., проявляя завидное упорство, Р.Роллан пишет еще одно письмо и адресует его «Товарищу Калинин.

Президенту СССР. Товарищу Сталину. Генеральному секретарю партии». Писатель просит «в интересах СССР, близких и отдаленных» не приговаривать к смертной казни участников «Параллельного антисоветского центра» Пятакова, Сокольников, Радека и других. Письмо поступило к Калинин 2 февраля, т.е. уже после приведения приговора в исполнение. Калинин подготовил проект ответа Роллану, в котором объяснял: «Эти люди поставили своей главной задачей насильственное свержение советского правительства, чтобы заменить социалистический строй в СССР — строем капиталистическим. Они пытались прийти к власти путем использования войны (в черновике — военной интервенции в СССР. — Г.К.), которую провоцировали, и договорились с Германией и Японией о расплате за их услуги территорией Советского Союза. Речь идет не только о предательстве партии. Речь идет об измене родине». Проект письма был послан Сталину и другим членам Политбюро со следующей запиской Калинина: «Я не уверен, нужно ли вообще отвечать Ромен Роллану. На всякий случай я заготовил возможный проект ответа. Прошу решения ЦК. М.Калинин». Весь текст записки подчеркнут Сталиным и наложена следующая резолюция: «Не нужно отвечать. И.Ст.»⁶¹.

Большой интерес представляет и письмо Р.Роллана от 29 декабря 1937 г., адресованное Г.Димитрову и касающееся судьбы арестованного доктора О.Гартоша из Института экспериментальной медицины в Ленинграде: «Я написал много раз о нем Сталину, Ежову, Потемкину и другим. Я просил настоятельно, чтобы осведомили меня об этом деле и чтобы отнеслись мягко к обвиняемому, поскольку правосудие допускает это. Я не получил ни одного ответа, никакого известия относительно этого друга уже пять месяцев... Не считаете ли Вы, что шесть или восемь писем в течение пяти месяцев и проявление мною близкого интереса к одному другу не заслуживает ответа со стороны больших товарищей в Москве?»⁶²

Таким образом, даже краткие характеристики западных интеллектуалов, данные высшему советскому руководству, вос-

производство их позиций и оценок, в ряде случаев не нашедших отражения в отечественных документальных и исследовательских работах, особенности их общения и переписки позволяют полнее и глубже охарактеризовать общественно-политическую жизнь в нашей стране в 1920-1930-е годы.

¹ См., например: Глазами иностранцев, 1917-1932. М., 1932; Гости пролетариата СССР: Декларации, заявления, письма иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР. М., 1932; Глазами зарубежных современников (1917-1929) // История СССР. 1967. № 2; *Эйдельман Н.* Гости Сталина // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990; *Голубев А.В.* Советская культурная дипломатия 1920-30-х годов // Россия и мировая цивилизация. М., 2000; *Куликова Г.Б.* СССР 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1.

Часть архивных документов опубликована автором данной статьи: *Куликова Г.Б.* СССР 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов; *Она же.* СССР 1930-х годов глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002; *Она же.* Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920-1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4.

² См.: *Краснов И.М.* Джон Рид: правда о красной России. М., 1987.

³ *Рид Джон.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С.5.

⁴ Цит. по: *Краснов И.М.* Указ. соч. С. 265-266.

⁵ *Вильямс А.Р.* О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960. С. 301, 302.

⁶ *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 15. Беседы Ленина с Б.Расселом и Г.Уэллсом не стенографировались.

⁷ Там же. С. 20, 21.

⁸ Иностранная литература. 2000. № 12. С. 193-194.

⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. М., 1978. С. 176; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10882.

¹⁰ *Рассел Б.* Искусство мыслить. М., 1999. С. 223.

¹¹ *Уэллс Г.Дж.* Россия во мгле. М., 1958. С. 68, 70.

¹² Там же. С. 70.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1958. С. 88. Более поздний перевод, сохранившийся во всех последующих изданиях, был несколько иным: «Грубая марксистская философия, делящая все человечество

на буржуазию и пролетариат, представляет себе всю жизнь общества как примитивную “борьбу классов” и не имеет понятия об условиях, необходимых для сохранения интеллектуальной жизни общества» (Там же. С. 29).

¹⁵ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917-1953 гг. М., 1999. С. 690.

¹⁶ Например, автор предисловия к книге А.Жида «Подземелья Ватикана» Л.Н.Токарев утверждает, что Сталин встречался с Жидом (См.: *Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР.* М., 1990. С. 21). По утверждению историка Р.А.Медведева, первым из известных на Западе литераторов, с которыми встречался Сталин, был Бернард Шоу (См.: *Поиск.* 2002. № 34/35. С. 10).

¹⁷ Исторический архив. 1998. № 4. С. 26.

¹⁸ *Фрадкин В.А.* Дело Кольцова. М., 2002. С. 211. См. также: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. 2. С. 148.

¹⁹ Источник. 1996. № 2. С. 123-124.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 9. Д. 191. Л. 3.

²¹ *Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989. С. 136.

²² ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 9. Д. 191. Л. 4.

²³ Архив А.М.Горького. Т.XV: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916-1936). М., 1996. С. 299.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 60. Письмо частично опубликовано в журнале «Источник» (1996. № 1. С. 141).

²⁵ *Фейхтвангер Л.* Москва 1937: Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 48, 70.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3151. Л. 2-3. Б.А.Двинский – в 1934 г. заместитель заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б), К.А.Уманский – заведующий отделом печати и информации Народного комиссариата иностранных дел, переводивший беседу Сталина с Уэллсом. Записка Сталина опубликована в сб. документов «Сталин–Каганович. Переписка, 1931-1936 гг.» (М., 2001. С. 496).

²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3151. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 699. Л. 52.

²⁹ Там же. Д. 700. Л. 5.

³⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 699. Л. 61.

³¹ *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 288.

³² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 700. Л. 1.

- ³³ Там же. Л. 7, 10.
- ³⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 699. Л. 62.
- ³⁵ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 124-125.
- ³⁶ Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение. История и перестройка. М., 1989. С. 169.
- ³⁷ Барбюс А. Сталин. М., 1936. С. 271.
- ³⁸ Бережков В. Как я работал со Сталиным. М., 1998. С. 194.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1109. Л. 120-121.
- ⁴⁰ Источник. 1996. № 1. С. 147.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 2, 4, 5-6, 15.
- ⁴² Там же. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 30, 31.
- ⁴³ Там же. Л. 73, 32, 78.
- ⁴⁴ Там же. Л. 31.
- ⁴⁵ Там же. Л. 15.
- ⁴⁶ Источник. 1996. № 1. С. 147.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 48.
- ⁴⁸ Там же. Л. 52.
- ⁴⁹ Эррио Эд. Восток. М., 1935. С. 294.
- ⁵⁰ Советское руководство. Переписка, 1928-1941. М., 1999. С. 258.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 77.
- ⁵² Русская литература. 1990. № 2. С. 237.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.
- ⁵⁴ Там же. Л. 80.
- ⁵⁵ Два взгляда из-за рубежа... С. 127, 136-137.
- ⁵⁶ Фейхтвангер Л. Москва 1937... С. 47.
- ⁵⁷ Там же. С. 48.
- ⁵⁸ Там же. С. 51-52.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 820. Л. 10, 12.
- ⁶⁰ Источник. 1996. № 2. С. 123-127; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 700. Л. 155-157, 160, 164.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 650. Л. 1-2.
- ⁶² Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 154-155.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ: ИЗМЕНЕНИЕ В СТРАТЕГИИ СТАЛИНА

Народный фронт – известный сюжет в истории коммунистического и социалистических движений, но только сейчас историки получили возможность подробно проследить, каким образом было принято решение о нешуточной перемене стратегии коммунистического движения. Парадокс, который занимал западных исследователей уже давно: почему Сталин согласился на значительный сдвиг «вправо» в своей внешней политике как раз тогда, когда внутри страны он готовил Большой террор? Для Троцкого и его последователей здесь проблемы не было: и то, и другое является термидором, буржуазно-бюрократическим перерождением, отказом от идеалов Великого Октября. Но стратегия Народного фронта утверждалась не просто, а отменялась легко. И, что характерно, террор, в жерле которого гибли и леваки, и термидорианцы, немало способствовал сворачиванию Народного фронта. Все эти обстоятельства требуют более внимательного отношения к исследованию логики событий, которые привели к возникновению и гибели Народного фронта.

Первотолчком к «поправлению» внешней политики СССР стала изоляция Советского Союза, вызванная двумя обстоятельствами. Во-первых, в ходе Великой депрессии СССР напористо продвигал свою продукцию в страны Запада (а что оставалось делать – в стране как раз разворачивалась индустриализация, и сырьевой экспорт был ее важнейшей составляющей). В США, Великобритании, во Франции, в Италии и других странах это вызвало обвинения в демпинге. Отношения с ними к 1933 г. значительно ухудшились. Во-вторых, в Германии победил нацизм, что воспринималось как провал коммунистического движения. Одной из причин этого провала были противоречия коммунистов и социалистов. Пока коммунисты и со-

циалисты обменивались взаимными обвинениями по этому поводу, фашизм расширял свое влияние в Европе.

Когда в 1934 г. во Франции наступление правых провалилось, это не могло не произвести сильного впечатления на лидеров обоих Интернационалов, только что получивших нокаутирующий удар в Германии. Говоря о последующем сближении левых сил, К.Макдермотт и Д.Агню считают: «Катализатором послужили события во Франции в феврале 1934 г.»¹ Свою роль сыграло также одновременное восстание в Вене, где социалисты и коммунисты действовали вместе, — правда, неудачно. Но «катализ», ускорение реакции проявил себя далеко не сразу. Сначала делу не помог даже влиятельный лоббист.

В феврале 1934 г. в СССР с триумфом приехал Димитров, победитель Гитлера при Лейпциге. Пораздумав в камере, куда Димитрова загнал нацистский переворот, он по приезде в СССР стал энтузиастом союза с социал-демократией. Громкая лейпцигская слава и полная лояльность Сталину делала Димитрова кандидатом на свободный со времен Зиновьева пост Генерального секретаря Коминтерна. Вникая в дела, Димитров вел беседы и переписку со Сталиным, исподволь подталкивая «вождей народов» к перемене стратегии Коминтерна. Для начала он стал задавать «мудрому учителю» непростые вопросы: «Я долго думал в тюрьме, почему если наше учение правильно, в решающий момент миллионы рабочих не идут за нами, а остаются с социал-демократией, которая действовала столь предательски. Или, как в Германии, даже идут за национал-социалистами». Сталин отвечал, что всему виной «исторические связи европейских масс с буржуазной демократией», «стадная психология масс»².

1 июля 1934 г. Димитров направил Сталину письмо с серией вопросов, которые уже носили риторический характер, — болгарский коммунист предлагал новый курс.

«1. Правильной ли является огульная квалификация социал-демократии как социал-фашизма. Этой установкой мы часто преграждали себе путь к социал-демократическим рабочим». Но Сталина не так просто сбить с прежней идеологической

позиции, он отвечает: «Да. Только не огульная». Называли социалистов «социал-фашистами», и будем называть.

«2. Правильно ли считать социал-демократию везде и при всяких условиях главной социальной опорой буржуазии». Ответ Сталина: «В Персии, конечно, нет; в остальных капстранах – да». Конечно, Димитрова интересует не Персия, а капиталистические страны.

«3. Правильно ли считать все левые социал-демократические группировки при всяких условиях главной опасностью». Ответ: «объективно – да». Димитров интересуется, правильной ли является «огульная трактовка» всех социал-демократических лидеров как предателей. Важно помочь им перейти на «революционные позиции». Сталин согласен, что кое-кто может перейти на «революционные» (то есть коммунистические) позиции. Но только кое-кто.

Димитров предлагает бороться за завоевание реформистских профсоюзов «без выставления в качестве предварительного условия признания гегемонии компартии». Сталин и здесь выступает скептиком. Пора-то пора, но условия пока не созрели.

Димитров прямо предлагает изменить тактику единого фронта, который коммунисты должны рассматривать не как маневр, а как «действенный фактор развертывания массовой борьбы против фашизма». Димитров изложил свою мысль настолько осторожно, что Сталин недоумевает: «Против кого тезис? Должны». Ведь формально «единый фронт» вовсе не тактический прием, а «действенный фактор». Хорошо, Димитров скажет откровеннее: пора отбросить «установку, что единый фронт можно проводить только снизу, и перестать рассматривать всякое обращение одновременно и к руководству социал-демократии как оппортунизм». Сталин не осуждает болгарского товарища за такую крамолу, но пока и не соглашается: «Все же единый фронт снизу есть основа»³.

Этот исторический диалог показывает, что Сталин уже готов терпеть сторонников диалога с «социал-фашистами», но не готов к повороту курса. Еще не видит смысла. Сталин был

мастером борьбы за власть. Старая стратегия Коминтерна дает понятное отношение к вопросу о власти: «все или ничего». А что дает новая: нашими руками социал-демократы будут прокладывать себе дорогу к власти? Стоит ли сохранение либерального режима в нескольких странах такой жертвы?

Пока было решено прощупать возможности сближения с социалистами там, где процесс уже пошел: во Франции и по поводу событий в Германии. В июне 1934 г. фактический руководитель ИККИ Д. Мануильский стал говорить о возможности совместной борьбы разных сил на антифашистской платформе. Он призвал не ставить на одну доску фашизм и демократию.

Димитров санкционировал Торезу возможность вступить в переговоры с социалистами. Но только ему. В мае ЦК ФКП опубликовал призыв к социалистическим рабочим и руководству СФИО (французская социалистическая партия по традиции называлась Французской секцией Рабочего интернационала, сокращенно по-французски СФИО) организовать совместную борьбу против германских фашистов в защиту Тельмана, которого как раз в это время должны были судить в Германии. Мотивировка предложения содержала новые идеологические мотивы: «Тельман — вождь революционных трудящихся Германии, вождь Коммунистической партии Германии, которая все свои усилия направила на то, чтобы объединить в антифашистской борьбе расколотый рабочий класс... Мы питаем уверенность в том, что в целях спасения Тельмана единый фронт борьбы между рабочими социалистами, коммунистами и беспартийными будет установлен и будет укрепляться с каждым днем»⁴. Тельман, таким образом, ценен не просто как вождь коммунистов, но и как человек, пытавшийся установить союз коммунистов и социалистов против фашизма. СФИО не отреагировало на призыв, решив, что негоже начинать сотрудничество с прославления коммунистического лидера. Тогда коммунисты стали обращаться к региональным организациям СФИО, которые были более податливы к сотрудничеству. Предлагалось создавать на местах «общие отряды антифашистской са-

мообороны»⁵. Руководству СФИО идея таких незаконных вооруженных формирований тоже не понравилась, но на местах встретила положительный отклик со стороны радикальной части социалистов.

Региональные организации СФИО все настойчивее требовали от своего руководства откликнуться на призывы ФКП. Конгресс федерации Луары заявил в мае: «Никаких соглашений с теми, кто не против капитализма. Все возможное для тех, кто слева от нас, ничего с теми, кто справа»⁶. «Слева от нас» были коммунисты.

В своих призывах левые социалисты опирались на официальные лозунги всей социалистической партии. XXIX съезд СФИО провозгласил в 1932 г.: «Социалистическая партия провозглашает, что ни во время войны, ни во время мира она не будет сотрудничать и солидаризироваться с политикой капиталистического правительства»⁷. Если не идти на союз с капиталистами, то легче войти в соглашение с коммунистами. В 1934 г. в рамках СФИО был создан Комитет социалистического революционного действия, который открыто требовал вступить в союз с коммунистами против фашистов. Участники Комитета призывали активнее действовать через прокоммунистическую организацию «Мир и свобода», французский филиал движения «Амстердам-Плейель» (Социалистический Интернационал только в ноябре отменит запрет для социалистов участвовать в организациях «единого фронта», таких как «Амстердам-Плейель»). А ведь еще в ноябре 1933 г. из СФИО были исключены члены группы «Социалистическое действие» за такие же призывы. Времена менялись и у социалистов.

Под давлением своего актива руководство СФИО во главе с Леоном Блюмом наконец сдалось и вступило в переговоры с коммунистами. В июле 1934 г. между ФКП и СФИО был заключен Пакт о единстве действий.

Первые успехи французского эксперимента ставили на повестку дня вопрос об отказе от догматов теории «класс против класса», жесткого противостояния коммунистов с соседями по политическому спектру. Руководители Коминтерна не могли

решить, что происходит во Франции — смелый отказ от отживших догм или скатывание к оппортунизму и капитуляция перед идейным врагом. К.Макдермот и Д.Агню полагают, что в 1934 г. «В Москве началась длительная и упорная борьба между осторожными “новаторами” во главе с Димитровым, Мануильским и Куусиненом с одной стороны, и непримиримыми “фундаменталистами”, сплотившимися вокруг Пятницкого, Куна, Лозовского и Кнорина, — с другой»⁸. Такое гипотетическое разделение на фракции понятно. Когда Народный фронт станет фактом и приведет к первым сложностям, сторонники привычной радикальной стратегии «борьбы за советскую власть» начнут подспудную критику сталинского курса внешней политики. Когда Сталин развернет террор против скрытой оппозиции в партийной и военной элите, под удар попадут именно сторонники группировки Пятницкого (тем более, что сам Пятницкий будет предпринимать шаги к отстранению Сталина от власти⁹). Значит ли это, что все, кто пережил террор, были в 1934 г. реформаторами? Димитров, очевидно, был мотором введения новой стратегии. Но Мануильский был лояльным сталинским солдатом (что сделало его сторонником Народного фронта после того, как свой выбор сделал Сталин). А пока именно по Мануильскому можно было отслеживать эволюцию сталинской позиции.

Молчание Сталина позволило руководителям ИККИ по дискутировать по поводу новой ситуации в преддверии намечавшегося VII конгресса Коминтерна. К 20 августа под руководством О.Куусинена был подготовлен проект тезисов к докладу на конгрессе «Мировое положение и задачи Коминтерна». Тезисы вызвали резкое неприятие Кнорина: «проект оставляет впечатление, будто мы производим большую ревизию всех наших оценок международного положения за шесть лет»¹⁰. Консерваторы настаивают, что «социал-демократия и впредь остается главной социальной опорой буржуазии»¹¹.

Кнорин утверждал: «Я думаю, что пойти назад от тех формулировок, которые были даны нами на XIII пленуме и т. Сталиным на XVII съезде нашей партии, где он говорит, что зреет

еще не последовательный – ФКП должна была и дальше убеждать трудящихся, что единственным выходом для них является советская власть. Понятно, что для социалистов этот лозунг был неприемлемым. Однако по поводу программы планируемого блока ИККИ пошел на важные уступки, предложив проект, который соответствовал не коммунистическим идеям, а скорее рузвельтовской политике и другим экспериментам в духе социального государства: 40-часовая рабочая неделя, страхование за счет предпринимателей, общественные работы, прогрессивное налогообложение, мораторий на долги, снижение арендной платы. На это социалисты могли бы пойти. Ведь такую программу будет выполнять не советское правительство коммунистов, а вполне демократическое правительство социалистов и радикалов.

24 октября Торез собрался идти на конференцию радикалов. К нему прибыла делегация Коминтерна, в которую входили и такие сторонники новой стратегии, как Тольятти и Готвальд. Тем не менее, даже они были обеспокоены сближением с откровенно буржуазной Радикальной партией. Социал-демократы – одно, а либералы, сторонники буржуазной политики – другое. Коминтерновцы попытались отговорить Тореза от визита в стан радикалов. Торез поинтересовался, запрещен ли ему этот визит. Нет, речь шла о рекомендации. Тогда Торез не стал менять своих планов, и именно на этой конференции выдвинул лозунг создания «Народного фронта». Дело зашло так далеко, что Коминтерну пора было определяться – принимать новую стратегию широкого левого фронта, или сохранять компартии как противостоящие всем и вся секты.

Ясности по этому вопросу все еще не было – Сталин не определился. Бела Кун обрушился с письмом на политику Тореза, обвинив его в вульгарной политике блокирования»²¹. 28 ноября 1934 г. вышло симптоматичное постановление политсекретариата ИККИ, которое резко одергивало коммунистическую партию Чехословакии за попытку двинуться по стопам французов. В соответствии с постановлением парламентской фракцией КПЧ, ее газетой «Руде право» и рядом организаций

были допущены «правооппортунистические ошибки, грозящие смазыванием принципиальных отличий позиций коммунистических партий от позиций социал-демократии, ослабить влияние коммунистической партии в массах как боевого революционного авангарда»²². Что же это за ошибки? Депутаты-коммунисты Запотоцкий, Бабель и Двожак выступили за заключение союза между коммунистами, социал-демократами и национальными социалистами, который может привести к образованию рабоче-крестьянского правительства. Они выдвинули лозунг «социалистического правительства». Руководители Коминтерна напомнили лидерам КПЧ как расшалившимся школьникам прописные истины: «Рабоче-крестьянское правительство, которое является синонимом диктатуры пролетариата, может быть завоевано только путем насильственного свержения власти эксплуататорских классов и установлением диктатуры пролетариата – советской власти – под руководством коммунистической партии... Если возникнут в условиях революционного кризиса “социалистические правительства”, то только без коммунистов, так как задача коммунистов в этом случае состояла бы в том, чтобы, используя кратковременное пребывание этих правительств у власти, организовать и повести массы на свержение такого правительства и установление пролетарской диктатуры и подлинного рабоче-крестьянского правительства, где коммунисты будут единственной ведущей силой. Ориентация на рабоче-крестьянское правительство, устанавливаемое путем коалиции всех социалистических и коммунистических партий, без свержения власти буржуазии, парламентским путем, есть обман масс и ведет к распространению парламентских, демократических иллюзий в массах. Поэтому большевики и Коминтерн, напоминая об ошибках 1919 года в Венгрии и 1923 года в Саксонии, всегда боролись против толкования рабоче-крестьянского правительства как правительства социалистической коалиции»²³. Чувствуется влияние Б.Куна – специалиста по провалу Венгерской революции 1919 г., когда социалистическое правительство не выдержало вооруженного натиска Антанты. Теперь этот опыт Кун, а за ним и

руководство Коминтерна считало ошибкой, как и коалицию с социалистами в Саксонии и Тюрингии.

Никаких послаблений в отношении социал-демократов чешским коммунистам не допускается. Коммунисты должны доказывать, что «социал-демократия не только не является партией социалистической, но на не является и партией демократической»²⁴. Социал-фашисты, одним словом. Особенно возмутила ИККИ статья в «Руде право», в которой призывалось встать на защиту «демократических идеалов Масарика» (то есть президента и основателя Чехословакии). Коминтерновцы возмущенно отчитывали своих чехословацких товарищей: Масарик «стоит во главе фашизирующегося Чехословацкого государства»²⁵. Кругом – одни фашисты. Так что в борьбе с фашизмом объединяться не с кем. Нельзя же объединяться с полуфашистами. Характерно, что советская дипломатия в это время уже готовила договор о взаимопомощи с «фашизирующимся» государством Чехословакия.

Почему после всего, что произошло в Чехословакии, после споров по поводу тезисов Куусинена был подготовлен такой документ? Во-первых, «что позволено Юпитеру, то не позволено быку», как говорили древние римляне. Французам разрешили эксперимент, а чехословакам – нет. Они «полезли поперек батьки в пекло», публично рассуждая о том, о чем еще Сталин не решился говорить, – о перспективах Народного фронта в главном вопросе всякой революции – вопросе о власти. Они уже говорят о вхождении коммунистов в правительство в качестве равноправных партнеров. Во-вторых, и Торез еще не получил «добро» после своего визита к радикалам и выдвижения лозунга «Народного фронта». Целый месяц он «висел на волоске» и вполне мог быть объявлен «правым оппортунизмом», если бы Сталин не решился принять аргументы Димитрова и Куусинена, как не принял их в июле 1934 г. А что останавливало Сталина, а вслед за ним и Мануильского? Почему они продолжали внимать аргументам Куна и Кнорина? Отчасти постановление дает понять, где лежали главные опасения: «Социал-демократы именно потому потеряли доверие в мас-

сах, что ни только на словах за социализм, а на деле за капитализм, что массы начинают понимать этот обман»²⁶. Конечно, по поводу «потери доверия в массах» коминтерновские идеологи выдавали желаемое за действительное – влияние социал-демократов было больше, чем коммунистов. Но если коммунисты пойдут на идеологическое сближение с социал-демократами, есть риск, что они превратятся в глазах масс лишь в левое крыло социалистического движения. Если заметная разница между социалистами и коммунистами исчезнет, если возникнет подозрение, что и коммунисты признают «буржуазные» режимы, то они лишатся поддержки наиболее радикальных масс. Чтобы пойти на такой риск, нужно быть уверенным, что взамен появится ощутимый выигрыш, превосходящий потери.

Резолюция по Чехословакии станет последним документом прежней стратегии. Стратегия Народного фронта победит и приведет Коминтерн к тем самым выводам, за которые чехословацкие коммунисты были обвинены в оппортунизме. Коммунисты войдут в правительство в Испании. А потом, уже после Второй мировой войны, наступит через Чехословакии, когда коммунист К.Готвальд возглавит правительство «народной демократии» – коалицию с социалистами.

Но прежде, чем откроется путь к таким переменам в стратегии коммунистов, главное решение об этом должен был принять Сталин. И он его принял. Когда и почему? Свой стратегический выбор Сталин сделал между 28 ноября (постановление по Чехословакии) и 9 декабря 1934 г. 9-19 декабря 1934 г. президиум ИККИ, обсуждавший французский опыт, одобрил действия Тореза. Это означало, что Сталин взял курс на Народный фронт.

То, что свой выбор Сталин сделал в декабре 1934 г., не может быть случайным. В этот момент произошло событие, которое потрясло СССР, – убийство Кирова. Каковы бы ни были причины этого события и отношение к нему Сталина, несомненно, что в это время он решил покончить со скрытой лево-радикальной оппозицией в СССР самыми жестокими средст-

вами. Если раньше Сталин был склонен к компромиссу с лево-радикальной идеологией, заимствуя ряд важнейших идей (в том числе и внешнеполитических) у официально проклинаемого Троцкого, то теперь с троцкистскими настроениями предстояло покончить. Лично для Сталина это могло быть и моментом личного освобождения от части троцкистского влияния. Применительно к нашей теме это могло означать пересмотр уроков китайских событий 1927 г., где Троцкий оказался прав — политика союза с некоммунистическими силами привела к поражению. Теперь, очищая свои взгляды от налета троцкизма, Сталин явно пришел к выводу, что линия в китайском вопросе была в принципе верной, но проводилась недостаточно последовательно и эффективно. Теперь китайский опыт предстояло повторить в Европе, учитывая прежние ошибки. Решив каленым железом выжигать «левых» внутри страны, Сталин сделал свой выбор в пользу «правой» внешней политики во всей ее полноте. Убийство Кирова означало конец поиска компромисса между левыми настроениями партийных кадров и державным прагматизмом (не исключавшим, впрочем, выполнение задачи установления мировой коммунистической диктатуры, когда для выполнения этой задачи созреет мощь коммунистической державы).

Поворот к Народному фронту производит такое впечатление на некоторых западных авторов, что они воспринимают его как нечто беспрецедентное, невероятное для коммунистов. Э.Хобсбаум оценивает Народный фронт как «поворотный пункт в международных коммунистических представлениях, который не имел прецедента в официальной доктрине»²⁷. Между тем Сталин просто вернулся к опыту 1919-1923 гг. в Европе и 1923-1927 гг. в Китае. На это было непросто решиться, но Сталин решился.

Накануне декабря 1934 г. речь шла о компромиссе с социалистами в противостоянии фашистам. Пока речь шла лишь о сопротивлении фашизму в нескольких странах, коммунистические партии должны были оставаться зримой альтернативой всем остальным партиям, прибежищем наиболее радикальных

и недовольных элементов. Если в какой-то стране положение станет критическим, социальное недовольство будет резко нарастать, именно в компартию придут недовольные массы, и можно будет бороться за захват государственной власти революционным путем. Но за прошедшее десятилетие этого нигде не произошло.

Ключевым вопросом всякой политики для Сталина был вопрос о власти. Поворот к стратегии Народного фронта означал, что, как и в Китае в 20-е гг., коммунистам предстояло войти в коалицию с более умеренными, но все-таки «прогрессивными» партиями, совместно с ними проводить политику перемен, постепенно занимая ключевые посты в государственном аппарате, прежде всего в силовых структурах. Затем, опираясь на них, можно поставить под контроль часть партий-союзников и взять всю полноту власти, даже сохраняя видимость плюрализма и коалиции. Горечь поражения в Китае останавливала Сталина перед тем, чтобы решительно вернуться к такой стратегии революции. Даже после 1934 г. он еще некоторое время выжидал, вплоть до осени 1936 г. не рекомендуя коммунистам входить в правительство, чтобы сохранять возможность ухода в оппозицию в случае неудачи новой политики. Так и произошло во Франции. Но иначе вышло в Испании, а позднее, уже после Второй мировой войны — в Восточной Европе, где «китайская» стратегия Сталина наконец увенчалась успехом.

«Олицетворением сектантской тактики и теории “третьего периода” оставался Сталин, и этот факт препятствовал критическому переосмыслению опыта предыдущих шести лет. В этом смысле эпоха “Народного фронта” была отмечена непримиримой борьбой старого и нового, традиции и новаторства, старых идеологических и организационных структур и инициатив компартий, стремившихся вернуться в лоно демократических традиций и национальной политической культуры. Таким образом, это был глубоко противоречивый период в истории Коминтерна»²⁸, — считают Д.Макдермотт и Д.Агню. Для западных левых интеллектуалов Народный фронт ценен тем, что он, как кажется, позволял растворить коммунистов в поли-

тической культуре Европы, сделав их безопасными и обогатив западноевропейскую цивилизацию, привив ей сильную левую струю. Так и будет происходить, когда за спиной коммунистов перестанет стоять Сталин. Но для Сталина Народный фронт будет решать те же задачи, что и стратегия «третьего периода», – завоевание власти в Европе. Поэтому Сталин не мог быть препятствием пересмотра стратегии Коминтерна и источником его непоследовательности. И пересмотр, и его границы определялись именно Сталиным (хотя и под влиянием советников). А Сталин руководствовался тем, насколько новая стратегия позволяет решать более общие задачи. Для него Народный фронт – еще один способ установления тоталитарного режима, в котором он видел продвижение к коммунистическому идеалу. Не больше, но и не меньше.

Решение Сталина предопределило итог споров в Коминтерне, но не прекратило их. Сталин вообще не делился своими планами раньше времени. В январе 1935 г. Лозовский раскритиковал Куусинена за утверждение (вполне соответствовавшее реальности), что настоящий рабочий фронт не выходит без переговоров с социал-демократами. Сначала должны договориться руководители партий (фронт «сверху»), а уж потом получится нормальное взаимодействие левых «снизу». Это положение должно было сориентировать коммунистические партии на переговоры о создании «настоящих» фронтов против фашизма. А если новая тактика не увенчается успехом? Лозовский заранее готовит пути к отступлению на привычные сектантские позиции: «откуда вы берете, и откуда конгресс Коминтерна может сказать, что от VII до VIII конгресса мы должны обязательно практиковать тактику единого фронта сверху?.. Поэтому надо сказать не “должны обращаться”, а “можно обращаться” к верхам»²⁹. Дело было в январе 1935 г., Сталин уже принял решение о переориентации политики Коминтерна, и многомудрый Куусинен не стал вносить правку в это положение, вызвавшее гнев ортодоксов. Несмотря на то, что Димитров предложит затем более «взвешенные» формулировки, будет проводиться политика, сформулированная уже в тезисах

Куусинена. Конечно, это продлится не до VIII Конгресса Коминтерна. Его вообще не будет.

Как и положено мудрому руководителю, Димитров предложил формулировку, примирявшую Лозовского и Куусинена: «Не отказываясь при возможности от непосредственной мобилизации социал-демократических рабочих без переговоров с их организациями, коммунисты должны, в целях облегчения рабочим пути к единству действий, добиваться совместных выступлений с социал-демократическими партиями на основе кратковременных или длительных соглашений»³⁰. Но при этом Димитров пошел дальше. Он объяснил не только, как договариваться с социал-демократами, но и зачем – не только, для отпора фашистам, но и ради выборов, ради вопроса о власти: «Коммунисты обязаны применять тактику единого фронта и в области избирательной борьбы... Развивая при всяких условиях перед массами коммунистическую программу и особенно популяризируя свои основные лозунги диктатуры пролетариата и советской власти, коммунисты должны стараться обеспечить совместные выступления пролетариата и его союзников на выборах на основе конкретной платформы борьбы против наступления капитала, против фашизма и угрозы империалистической войны, добиваясь поражения фашистских, буржуазных и тех социал-демократических кандидатов, которые выступают против единого фронта и победы на выборах коммунистических и других кандидатов единого пролетарского фронта»³¹.

Подготовленные к Конгрессу материалы предлагали проводить различие между «социал-фашистскими вождями и социал-демократическими рабочими»³², которое затушевывают лишь правые оппортунисты. От этого положения оставался только один шаг к тому, чтобы не считать «социал-фашистами» тех социал-демократических лидеров, которые согласились сотрудничать с коммунистами.

Поворот в стратегии Коминтерна был закреплен его VII (и последним) конгрессом, который проходил 25 июля – 21 августа 1935 г. «Гвоздем программы» стал доклад Димитрова о борьбе с фашизмом. Димитров заявил, что в новых условиях

настала пора коммунистам защищать буржуазную демократию: «Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»³³. Прежде коммунисты только и делали, что с этой демократией боролись.

Димитров умело сочетал, с одной стороны, новые задачи установления «единого фронта» с социал-демократическими и иными партиями и, с другой – старые лозунги борьбы за советскую власть, к которой новые союзники вовсе не стремятся. Димитров заговорил уже и о возможности создания правительства Народного фронта, которое поддержат коммунисты, но торжественно оговорил, что его не следует считать промежуточной стадией на пути к победе социализма, а лишь орудием в борьбе с фашизмом. Освобождение трудящимся может принести только советская власть.

Иными словами, коммунисты приближаются к власти вовсе не для того, чтобы с ее помощью устанавливать диктатуру пролетариата (то есть коммунистической партии), а чтобы отбиться от натиска фашистов. Союзники могут не волноваться.

Осторожная форма, в которой Димитров формулировал новую стратегию Коминтерна, вводит в заблуждение зарубежных исследователей: «По сути, нововведения Димитрова касались тактики, но никак не стратегии Коминтерна, поэтому мы считаем себя вправе не употреблять термин “стратегия” в отношении Народного фронта»³⁴. Новое отношение к либеральному режиму, новый путь к власти, новая политика союзов – что это как не новая стратегия? Просто этот поворот не мог быть заявлен во всей полноте, но даже умеренные формулы Димитрова в случае их применения на практике вели к совершенно иной политической линии коммунистов, что и подтвердила Испания. То, что понимали Сталин и Димитров, нельзя было сообщать публично. Партнеры компартий не должны были бояться инфильтрации коммунистов в государственные структуры, полагая, что союзники безопасны, пока не настало их время бороться за советскую власть. А это возможно только после вы-

полнения задач Народного фронта. Теперь коммунисты иногда будут умереннее даже своих союзников социалистов, чтобы не спугнуть их, как в свое время Чан Кайши. Потому что Сталин готовил установление прокоммунистической диктатуры в формальных рамках парламентской демократии. Это, конечно, была иная стратегия, чем линия Коминтерна 1927-1934 гг.

Торез говорил на конгрессе о том, что объединение коммунистов и социалистов возможно только на большевистской платформе. «Но как можно было готовить установление “Советской власти”, заседаая в буржуазном парламенте вместе с социалистами и центристами? – недоумевают К.Макдермотт и Д.Агню. – Вряд ли подобная большевистская риторика могла убедить потенциальных союзников коммунистов по антифашистскому блоку в искренности намерения последних защищать демократию»³⁵. Не могла, но убедила. И здесь также действовал точный психологический расчет Сталина и его соратников. Радикальная большевистская риторика коммунистов усыпляет бдительность союзников. Они считают, что в нынешних условиях Народного фронта коммунисты не борются за власть, так как их путь к власти лежит через революционный кризис, распад Народного фронта, свержение парламентаризма и установление советской власти. Пока нет симптомов такого развития событий, коммунисты безопасны.

Идеологические перемены на конгрессе при всей их осторожности были кардинальными. Я.С.Драбкин пишет об этом: «Решения VII конгресса вместо традиционного призыва к мировой революции пролетариата выдвинули на первый план иные лозунги: борьба против фашизма за демократию, единого рабочего антифашистского народного и антиимпериалистического фронта»³⁶. Конечно, Сталин не собирался на самом деле бороться за демократию и так же был не склонен отказываться от мировой коммунистической экспансии. Но теперь коммунисты уже более благожелательно смотрели на буржуазные режимы, где сохранялся парламентский плюрализм. П.Тольятти говорил на конгрессе: «выделяется группа капиталистических стран, большей частью сохранивших парламентский режим,

которые более или менее заинтересованы в сохранении мира»³⁷. Это вам не «фашизирующееся государство» Чехословакия, о котором ИККИ писал еще несколько месяцев назад.

С такими установками было легче бороться за мир и коллективную безопасность. В одной из резолюций говорилось: «Если какое-либо слабое государство подвергнется нападению со стороны одной или нескольких крупных империалистических держав, которые захотят уничтожить его национальную независимость и национальное единство или произвести его раздел, как это было при разделе Польши, то война национальной буржуазии такой страны для отпора этому нападению может принять характер освободительной войны, в которую рабочий класс и коммунисты этой страны не могут не вмешаться»³⁸. Так и выйдет. Но только одной из этих империалистических государств, которое разделит Польшу, будет СССР.

А пока Москва становилась источником надежд Европы. Коммунисты предлагали всем демократическим силам союз против фашизма, Советский Союз делал то же самое предложение либеральным государствам. Социал-демократы теперь уже не считали новый курс Коминтерна игрой, и не обращали внимание на многочисленные рудименты старого курса. В 1936 г. один из лидеров социалистического интернационала О.Бауэр заявил коммунисту Э.Фишеру: «Союз демократических рабочих партий с Советским Союзом не только стал возможным, он исторически необходим»³⁹. Эта историческая необходимость давала шанс Европе оттеснить фашизм на периферию цивилизации. И хотя Сталин преследовал совсем другие цели, что показали события в Испании, Народный фронт существенно изменил политический климат в Европе. Синтез коммунистических и социалистических идей возродил левосоциалистическую альтернативу в Европе.

Однако Большой террор продемонстрировал, что стратегия Народного фронта, связанная с постепенным захватом власти в Европейских странах, была для Сталина вторичной по отношению к решению внутривнутриполитических задач. Большой террор показал социалистам, насколько опасна игра со Сталиным. На-

родный фронт был обречен уже с 1937 г., когда московские процессы совпали с насильственным разгромом левой оппозиции в Испании. Но эти уроки, связанные с политической борьбой 30-40-х гг., не исчерпывают значение Народного фронта. Политическая конъюнктура привела к тому, что коммунисты могли получить некоторую свободу в отходе от тоталитарного ядра своей идеологии, в синтезе коммунистических и социалистических взглядов, который получит продолжение уже во второй половине XX в.

¹ Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 140.

² Димитров Г. Дневник Г. Димитрова // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 67-68.

³ Коминтерн против фашизма: Документы. М., 1999. С. 326-328.

⁴ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 38. Л. 26-27.

⁵ Там же. Л. 29.

⁶ Там же. Д. 103. Л. 209.

⁷ Цит. по: Покровская С.А. Движение против войны и фашизма во Франции, 1932-1939 гг. М., 1980. С. 12.

⁸ Макдермотт К., Агню Д. Указ. соч. С. 143.

⁹ Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 61.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 3. Л. 121.

¹¹ Там же. Л. 137.

¹² Там же. Л. 200.

¹³ Там же. Л. 202.

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 33.

¹⁶ Коминтерн против фашизма. С. 362.

¹⁷ Там же. С. 366.

¹⁸ Там же. С. 370.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.

²⁰ Там же. Л. 112.

²¹ Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 858-860.

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 332. Л. 64.

²³ Там же. Л. 65-66.

²⁴ Там же. Л. 66.

²⁵ Там же. Л. 67.

²⁶ Там же. Л. 69.

- ²⁷ *Hobsbawm E.J.* The «Moscow Line» and International Communist Policy, 1933-1947 // *Warfare, Diplomacy and Politics*. L., 1986. P. 172.
- ²⁸ *Макдермотт К., Агню Д.* Указ. соч. С. 148.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 7а. Л. 45-46.
- ³⁰ Там же. Д. 8. Л. 39.
- ³¹ Там же. Л. 9.
- ³² Там же. Д. 12. Л. 106.
- ³³ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов. М., 1975. С. 207.
- ³⁴ *Макдермотт К., Агню Д.* Указ. соч. С. 150.
- ³⁵ Там же. С. 150-151.
- ³⁶ История Коммунистического интернационала. М., 2002. С. 69.
- ³⁷ VII конгресс Коммунистического Интернационала... С. 243.
- ³⁸ Там же. С. 388.
- ³⁹ Коминтерн против фашизма. С. 28.

ХРУЩЕВ И ЗАПАД: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА СОВЕТСКОГО ЛИДЕРА

В связи с активизацией с середины 1950-х годов международных контактов Советского Союза создание позитивного имиджа советских лидеров в глазах мировых партнеров, а также мирового общественного мнения становится одной из главных задач PR-кампаний, организованных советской пропагандой. Н.С.Хрущев был первым коммунистическим лидером, предложившим миру имидж «открытого» политика. В этом смысле международная деятельность Хрущева может рассматриваться не только в русле истории дипломатии или как часть советской истории времен «оттепели», но и *как реализация масштабного PR-проекта «Хрущев для мира»*. Главное содержание этого проекта заключалось в создании международного имиджа советского лидера. В данной статье под международным имиджем понимается *комплекс представлений о лидере, как целенаправленно формируемых для решения внешнеполитических задач, так и возникающих спонтанно в процессе коммуникации*.

Международный имидж Хрущева наполнялся различным содержанием в зависимости от интересов СССР в разных регионах мира. Сам советский лидер и работающие на его имидж СМИ изначально позиционировали его образ по-разному для Запада и, условно, Востока. Например, для аудитории стран, входящих в зону влияния СССР, долгое время сохранял устойчивые позиции оставшийся от сталинских времен образ «старшего брата», что было совершенно неприемлемо в общении с западными партнерами и западной аудиторией. Поэтому именно образ Хрущева для Запада можно рассматривать как целенаправленно реализуемый проект, т.е. как специально конструируемый международный имидж.

Этот проект представлял собой серию акций и явился результатом деятельности советских «PR-служб», в роли которых выступали тогда Идеологический отдел ЦК КПСС (или Отдел пропаганды), институт помощников и консультантов при отделах ЦК КПСС и непосредственно при Н.С.Хрущеве, соответствующие подразделения МИД СССР. На проект работали все каналы и средства массовой информации: пресса, радио, телевидение. Главный «клиент», Н.С.Хрущев, являлся одновременно главным и наиболее активным участником процесса формирования собственного имиджа.

На процесс формирования имиджа Хрущева, в том числе его внешнеполитической компоненты, определяющее влияние оказывал ситуативный контекст. В отличие от западных политиков, оттачивающих свой имидж в избирательных кампаниях, Хрущев не имел подобного опыта: в политической борьбе внутри страны использовались другие приемы и методы. Однако, оказавшись на международной арене, Хрущев неизбежно попал в принципиально иную ситуацию соперничества и конкуренции. Здесь он вынужден был, выступая от имени государства, взаимодействовать с другими лидерами, не занимая при этом первой позиции, как у себя в стране. Чтобы участвовать на равных в новой политической коммуникации, ему потребовались имиджмейкерские технологии.

Создание международного имиджа Хрущева как целенаправленно реализуемого комплекса мер начинается примерно в 1958 г., когда для осуществления этого предприятия как полномасштабного PR-проекта сложились необходимые условия как внутри страны (новый статус Хрущева), так и за ее пределами (новый статус СССР в связи с прорывом в научно-технической области). Кульминационным пунктом в реализации этого проекта стал визит Хрущева в США в сентябре 1959 г.

Концепция имиджа Хрущева для мира складывалась под влиянием двух комплексов условий – исторического контекста и индивидуальных особенностей «клиента». Исторический контекст, т.е. реальная ситуация на международной арене и

внутри страны, задавали параметры требуемого имиджа. Он должен был быть ориентирован на решение главных внешне-политических задач. Представление о тактических задачах советской внешней политики менялись в течение периода пребывания Хрущева у власти, однако стратегические приоритеты оставались в целом прежними. И главным из них было стремление избежать крупномасштабного военного конфликта, сохранив при этом позиции СССР в зоне своего влияния, прежде всего в странах Восточной Европы. Для обеспечения этой задачи необходимо было договориться с Западом, покончить с конфронтацией времен «холодной войны», установить с западными странами, и прежде всего США, партнерские отношения.

Помимо контекста на формирование международного имиджа советского лидера большое влияние оказывали особенности личности самого Хрущева. Анализ поведения и текстов Хрущева позволяет сделать вывод, что этот политик обладал ярко выраженными лидерскими качествами. Кроме того, Хрущев был хорошим само-имиджмейкером. Его личные качества – природное актерство, склонность к импровизациям, умение общаться с аудиторией – в положительном ключе работали на имидж.

Другие особенности личного свойства можно рассматривать как фактор, создавший самому Хрущеву и его имиджмейкерам проблемы при конструировании имиджа. Прежде всего речь идет о таком комплексе характеристик, который может быть назван «грузом прошлого». Прошлый политический опыт Хрущева никак не был связан со сферой международной деятельности, поэтому ему приходилось нарабатывать такого рода «капитал» уже непосредственно в процессе общения с западными политиками и западной аудиторией. Другой момент из наследия прошлого имел скорее психологическую природу: в своей внешнеполитической деятельности Хрущев вынужден был в первое время постоянно преодолевать в себе «комплекс неполноценности», оставшийся от Сталина (тот полагал, что его преемники не смогут достойно представлять и отстаивать интересы страны на международной арене¹). Этот внутренний

спор со Сталиным отразился и на имидже Хрущева, который позиционировал себя как не-Сталин.

Как лидера инициативного типа² Хрущева отличала решительность и предприимчивость, упорство в достижении цели; в то же время его характер и поступки не были свободны от слабостей политиков этого типа: Хрущев часто принимал опрометчивые решения, бывал безжалостен и нетерпелив, нетерпим к чужому мнению. Последнее качество неблагоприятным образом сказывалось на процессе выстраивания и корректировки его имиджа, поскольку имидж – это взгляд со стороны. Среди ближнего окружения Хрущева, его советников и консультантов было не так много людей, к мнению которых премьер прислушивался. В этом смысле для своего PR-«штаба» он был сложным «клиентом».

Тем не менее такой «штаб» существовал, что также отличало Хрущева от предшественников. Сначала при нем работала небольшая группа советников (всего три человека), потом появились новые советники, в том числе по международным вопросам, а также консультанты и спичрайтеры. По мере усложнения международной деятельности Хрущева увеличивался штат его «интеллектуальной obsługi». Все они так или иначе работали на внешнеполитический имидж Хрущева.

Международный имидж Хрущева конструировался и корректировался по всем правилам имиджинологии. И хотя ни сам Хрущев, ни его имиджмейкеры не имели представления о современных PR-технологиях, они активно использовали их. «Клиент» и его «штаб» работали над созданием персональной легенды, над визуальным и вербальным наполнением имиджа, занимались позиционированием и репозиционированием.

Собственно с *позиционирования* начинается создание имиджа. Позиционирование заключается в акцентировании внимания аудитории на определенных качествах объекта, чтобы сделать его для этой аудитории значимым³. Имидж советского лидера должен был соответствовать главному тактическому направлению советской внешней политики – преодолеть конфронтацию с Западом, способствовать сближению Советского

Союза с западным миром, но сохранить за собой в этом процессе статус равноправного партнера. Для того, чтобы начать движение в этом направлении, необходимо было сломать стереотипы прошлого и, прежде всего, преодолеть восприятие СССР в западном мире как «империи зла», угрозы миру.

Поэтому Хрущев начал с главного. Он объявил СССР и себя как представителя СССР главным борцом за мир. «*Миротворец*» – позиция номер один в имидже Хрущева. В презентации этой позиции были задействованы все возможные каналы коммуникации – от официальных мидовских (на уровне посланий главам правительств других стран) до неформальных (личных контактов с западными журналистами, общественными деятелями, бизнесменами).

Успешным PR-ходом стало, например, обращение в декабре 1957 г. советского правительства с посланиями к главам правительств стран – участниц НАТО с предложением созвать совещание представителей социалистических и капиталистических стран для обсуждения широкого круга вопросов международной безопасности. Инициатива обращений принадлежала Н.С.Хрущеву, хотя формально правительство в тот момент возглавлял Н.А.Булганин (поэтому в западной прессе эти послания назывались «письмами Булганина»). Это был жест-приглашение к диалогу с Западом, но жест равноправного партнера (не случайно эти обращения последовали вслед за успешным запуском спутника). «Мир» был ключевым словом этих обращений.

Один из главных адресатов, Д.Эйзенхауэр, ответил в том духе, что одних слов о мире мало, нужны мирные дела. «Мы готовы», – парировал Хрущев и привел в качестве доказательства готовности проведенное незадолго до этого сокращение советских вооруженных сил, мирный договор с Австрией 1955 г. и ряд других «мирных дел»⁴. Поскольку инициатива советской стороны широко обсуждалась в западной прессе, хотя чаще всего под критическим углом зрения, главное тем не менее было сделано: Запад заговорил о том, что «СССР (Хрущев)

хочет мира». И уже поэтому это был удачный шаг в формировании внешнеполитического имиджа Хрущева как политика.

«Успех Хрущева в *краже мантии мира* беспрецедентен» (курсив мой. — С.З.), — к такому выводу пришел бывший помощник Госсекретаря США У.Бентон⁵. Позиция миротворца, которую закрепил за собой Хрущев, ставит Запад в принципиально иную ситуацию, поскольку инициатива теперь принадлежит «другой» стороне, — так считал Бентон, посвятив анализу этой ситуации свою речь во Внешнеполитической комиссии Конгресса США.

Бентон упрекал западных политиков (а фактически американского президента) в том, что они, рассуждая о «словах» и «делах», упустили момент, когда Хрущев захватил наиболее выгодную позицию: в результате «на барометре мирового уважения престиж московского правительства неуклонно растет, наш же престиж упал очень низко»⁶. В подтверждение своих слов он привел данные опроса, проведенного в мае 1958 г. в Нью-Дели. На вопрос: «Кто, по вашему мнению, делает больше для установления мира во всем мире — Россия или Запад?» — ответы распределились следующим образом: Россия — 54%, Запад — 18%, не смогли дать ответ — 28%⁷.

Позиционируя Хрущева как борца за мир, советский PR сделал вдвойне удачный ход, поскольку образ этот работал на авторитет лидера не только за рубежом, но и внутри страны. Для граждан Советского Союза, недавно переживших разрушительную войну, мир был абсолютной ценностью, поэтому презентуя главный смысл деятельности Хрущева как борьбу за сохранение мира, советская пропаганда точно учитывала интересы и потребности отечественной аудитории.

Об этом свидетельствуют и данные социологических опросов. Один из них, проведенный в мае 1960 г. (в преддверии Парижской встречи «в верхах»), был посвящен проблемам войны и мира: удастся ли предотвратить мировую войну и что надо сделать для укрепления мира. Организаторы опроса в качестве беспрецедентного факта отметили почти поголовную включенность аудитории в обсуждение этих проблем: непричаст-

ных оказалось только 1,1%⁸. При этом аудитория была настроена оптимистично, 96,8% респондентов высказали уверенность в возможности предотвращения войны⁹. Главные усилия по сохранению мира приписывались СССР, советскому руководству, которое по традиции персонифицировалось в фигуре лидера, т.е. Хрущева. Сам же Хрущев выступал в роли «неутомимого миротворца»¹⁰.

Имидж «миротворца» закреплялся на вербальном и визуальном уровне. В 1961 г. Учпедгиз, например, подготовил новое издание букваря. Букварь открывался цветным портретом Хрущева. Издательство обратилось к советскому руководителю за разрешением поместить под портретом следующий текст: «Никита Сергеевич Хрущев – великий борец за мир». На документе с запросом стоит помета: «Тов. Хрущеву доложено. Возражений нет»¹¹. Значит, Хрущев считал данную позицию определяющей для презентации собственного имиджа, если согласился, что даже перед детской аудиторией, т.е. с момента первого осознанного знакомства с собой, он должен выступать в «мантии мира».

Позиция «миротворца», однако, оказалась не такой устойчивой в глазах западной аудитории. Благоприятное впечатление, которое производил Хрущев на западную публику в 1955–1959 гг., т.е. с момента его первого визита на Запад до триумфа в США, впоследствии оказалось серьезно «испорченным». Сначала жесткое поведение советского премьера в преддверии Парижской встречи «в верхах» (что дало повод западным политикам и СМИ обвинять именно Хрущева в срыве саммита), но более всего размещение советских ракет на Кубе (жест, расцененный на Западе как в лучшем случае недружелюбный, а вообще как откровенно агрессивный, как угроза миру) – все это поколебало уверенность западной аудитории в миролюбивых намерениях Хрущева. Безусловно, на подобной смене настроений сказалось не только поведение Хрущева, но и влияние прежних стереотипов в отношении СССР, которые не могли быть разрушены в одночасье. Но итог очевиден: в глазах западной аудитории Хрущев потерял право на «мантию мира».

Принимая позу «сильного политика», Хрущев вряд ли рассчитывал на подобный эффект. Поэтому перед нами – очевидный просчет отечественных PR-служб, не сумевших правильно спрогнозировать ситуацию, и профессиональная работа их западных коллег, точно исполнивших «заказ».

Надо признать, что со временем образ «миротворца» померк и в глазах советской аудитории: неудачи Хрущева внутри страны заслонили результаты его деятельности на международной арене и связанные с этим надежды. Данные социологов зафиксировали этот факт: «неутомимого миротворца» потеснил «незадачливый кукурузник»¹². Однако имидж пережил своего носителя. Позднее «мантию мира» примеривали и Брежнев, и Горбачев.

Вторая ключевая позиция, формирующая международный имидж Хрущева, может быть представлена в виде принципа *«Я – это государство»*. Подобное позиционирование – не редкость, а скорее закономерность для государственных лидеров: на международной арене они действительно выступают от имени своего государства. Особенность Хрущева, пожалуй, заключается в том, что в его имидже эти две составляющие – «я» и «государство» – оказались слитыми воедино. Он их просто не разделяет, постоянно подчеркивая, что представляет страну, а не себя лично. Свое настороженное отношение к Америке Хрущев объяснял: «Мы догадывались, что там было много врагов (не у меня лично, а у Советского Союза)»¹³. Поэтому любую дискриминацию по отношению к себе он воспринимал как дискриминацию страны.

Этим, например, были обусловлены опасения перед визитом в США, что советской делегации не будет оказан должный прием. Хрущев вспоминал: «При рассмотрении протокола нашего приема мы прочли, что такие-то дни и столько-то времени отводится для встречи с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Я не смог получить у нас разъяснения, что же такое Кэмп-Дэвид... Может быть место, куда приглашают людей, которые не внушают доверия? Вроде какого-то карантинного учреждения... Получается дискриминация... Вот видите, как мы

тогда боялись, что нас могут унижить»¹⁴. И уже после того, как встреча делегации на аэродроме прошла на самом высоком уровне, Хрущев отмечает: «Получать почести доставляло нам особое удовлетворение. Не оттого, что меня так встречают, а потому что так встречают представителей великой социалистической страны»¹⁵.

Хрущеву было важно позиционировать себя не только как представителя великой державы, но и как державы, равноправной с США. Едва ступив на американскую землю, он заявляет: он сюда приехал не в роли просителя. Этот мотив охотно подхватывает и обыгрывает журналистское окружение Хрущева: «Для такой столицы, как Вашингтон, привыкшей, что иностранные гости протягивают руку за помощью и милостями, было своего рода потрясением услышать прямое заявление Хрущева, что он приехал сюда не как проситель, что ему ничего не нужно от дяди Сэма, что он хочет только, чтобы его считали равным, а в некоторых отношениях и признавали его превосходство»¹⁶.

Стремлением добиться отношения к СССР как к равноправному партнеру объясняется придирчивое внимание Хрущева, казалось бы, к «мелочам». Например, к тому, каким видом транспорта воспользоваться для прибытия на «чужую» землю. В свое время его очень задело, когда в Женеву, на встречу лидеров четырех держав (1955 г.) советская делегация прилетела на двухмоторном ИЛ-14, тогда как все остальные участники саммита прибыли на более современных четырехмоторных самолетах. «Это, если можно так выразиться, несколько принижало солидность нашей делегации, ибо наш самолет не свидетельствовал о высоком уровне развития советской авиационной техники», — скажет Хрущев в своих мемуарах¹⁷.

Именно поэтому так тщательно обсуждалась процедура прибытия в США: первый официальный визит советского лидера в главную страну западного мира должен был произвести должное впечатление. Хрущев выбрал новый самолет ТУ-114. Чтобы встретить советскую делегацию, у американцев не на-

шлось подходящего трапа (самолет был слишком высок). Хрущев воспринял это как свидетельство технического превосходства отечественного самолета («Знай наших! У вас таких самолетов нет!»¹⁸). Его сын Сергей Хрущев, более сведущий в технических вопросах, заметил: создание «самого высокого самолета в мире» было продиктовано просто технической необходимостью из-за плохого качества отечественных взлетных полос (прежде всего наличия мусора)¹⁹. Кроме того, принимая решение лететь на новом, еще не до конца освоенном ТУ-114, Хрущев рисковал. Однако престиж страны в данном случае был для него выше соображений собственной безопасности.

Позиционирование Хрущева в образе СССР отвечало интересам западной аудитории, которая, наблюдая за советским премьером, «считывала» таким образом информацию о малоизвестной и казавшейся опасной стране. Она воспринимала Хрущева не просто как представителя Советского Союза, но и как главного человека в коммунистическом мире. Западная пресса называла его *«коммунистом номер один»*. И это была еще одна позиция его международного имиджа. Хрущев легко и адекватно воспринял этот образ: в его речах слова «Советский Союз», «социалистический лагерь», «социализм» часто употребляются в едином контексте.

Чтобы «коммунист номер один» не вызывал отторжения у западной аудитории, его имидж должен был формировать доверие. Проще всего здесь было использовать главный прием позиционирования — от противного. Т.е. вместо «коммунистического монстра» представить образ «нормального» человека, человека, приятного в общении. Этот прием удался вполне и действовал в самых разных западных аудиториях.

Британский премьер-министр Г.Макмиллан так прокомментировал свои впечатления от бесед с Хрущевым: «Он был мне интересен потому, что больше похож на тех русских, о которых мы читали в романах, чем большинство русских технократов. Кажется, что все они сделаны в Германии — какие-то жесткие, с ними нельзя по-настоящему беседовать. А с Хруще-

вым можно»²⁰. Макмиллан «узнал» в Хрущеве книжный образ «старого русского», и это стало сигналом доверия.

Перед массовой аудиторией Хрущев вел себя несколько иначе. Он понимал, что вызывает любопытство у западной публики, и охотно подыгрывал ситуации. Хрущев сравнивал эту ситуацию с русской ярмаркой, когда толпы народа собираются, чтобы «на слона посмотреть, а если удастся, то и за хвост его подергать». «Налицо некоторая аналогия, — говорил Хрущев. — Какие-то люди хотели посмотреть вместо слона на русского медведя. Каков он по внешнему виду, умеет ли держать в руках нож и вилку, сидеть за столом в обществе, как ведет себя...»²¹ Хрущев отвечал на это любопытство самым естественным образом, он просто позиционировал себя по принципу: «я такой же человек, как и вы», «я — *один из вас*». Такой имидж снимал тревожные ожидания и работал на позитивное восприятие Хрущева.

В.М.Суходрев, сопровождавший Хрущева в качестве переводчика во время его визита в США, вспоминал о том, как тот легко находил контакт с американской аудиторией: «Дело в том, что американцам не мог не нравиться Хрущев. Я говорю о простых людях, к которым Хрущев каждый день обращался с экрана телевизора и которые не разбираются в тонкостях дипломатической игры... Но зато они очень хорошо воспринимали прямой, обращенный к ним разговор, если угодно — уговор, непосредственную какую-то, очень простецкую, доходчивую аргументацию»²². При непосредственном общении он смеялся, расспрашивал про жизнь и семью, брал детей на руки, словом, вел себя, по мнению того же Суходрева, как *«точь-в-точь как здешний политик в ходе предвыборной кампании»*²³ (курсив мой. — С.З.).

Занимаясь таким образом самопрезентацией, Хрущев активно манипулировал аудиторией, «подстраиваясь» под ее интересы, а на самом деле, как и любой политик, решал собственные задачи.

Важной частью формирования имиджа, в том числе и в процессе позиционирования объекта (клиента), является соз-

дание персональной легенды. Обычно персональная легенда складывается из биографии клиента и нескольких личных характеристик, которые являются значимыми для аудитории.

Хрущев во многом сам создавал свою легенду, «писал биографию». Рассказы о своем прошлом, которые Хрущев транслировал на отечественного потребителя, мало отличались от легенды, которую он предложил западной аудитории. И в том, и в другом случае акцент делался на «простом происхождении» (из народа) и «шахтерском» трудовом пути.

Использование сюжета «из грязи в князи» — один из традиционных приемов при выстраивании имиджа. Символически он обозначает приближенность лидера к самым простым людям. Концепция легенды в данном случае чрезвычайно проста: лидер начинает свое движение с самого низа, несмотря на сопротивление среды, поднимается на самый верх и занимает ведущую позицию. Эта модель характерна, например, для персональной легенды А.Линкольна или Б.Клинтон²⁴. Для советских лидеров она была вообще обязательна.

Хрущев сам охотно рассказывал свою легенду. «Вы хотите знать, кто я такой? — спрашивал он во время одной из бесед в период своего пребывания в США. — Я стал трудиться, как только начал ходить. До пятнадцати лет я пас телят, я пас овец, потом пас коров у помещика. Потом работал на заводе, хозяевами которого были немцы, потом работал в шахтах, принадлежавших французам. Работал на химических заводах, хозяевами которых были бельгийцы, и вот теперь — премьер-министр Советского государства»²⁵. Особенно красочно Хрущев описывал свою рабочую юность: «Если Горький прошел школу “народных университетов”, то я воспитывался в шахтерском “университете”. Это был для рабочего человека своего рода Кембридж»²⁶. В своих выступлениях Хрущев неоднократно высказывался в том духе, что он «бывший шахтер», «любит нюхать запах угля», знает, «что такое обушок»²⁷.

Шахтерская каска стала частью его имиджа. В том числе и международного имиджа. В этом образе он часто представлял

со страниц газет и журналов. В 1960 г. профсоюз горняков присвоил Хрущеву звание «Почетного шахтера» и наградил знаком «Шахтерская слава первой степени»²⁸. Кроме того, он избирался почетным шахтером и в других странах²⁹.

Известно, что на самом деле Хрущев никогда не был шахтером, он работал на шахте, но слесарем по ремонту оборудования. Однако для создания имиджа «шахтер» был более знаковой позицией, нежели «слесарь». Опираясь на эту позицию, можно было играть на восприятии шахтерского труда как не только тяжелого, но и опасного, связанного с риском, что добавляло дополнительно положительных черт в имидж Хрущева как лидера. Для образа «коммуниста номер один» шахтерское прошлое означало особый авторитет, потому что шахтеров традиционно относили к «передовому отряду рабочего класса».

Хрущев активно эксплуатировал шахтерскую легенду и перед западной аудиторией. Выступая в Лос-Анджелесе на киностудии «XX Century Fox», Хрущев, например, предавался таким воспоминаниям о временах Гражданской войны: «Жил я в доме, принадлежавшем одной интеллигентной семье. Хозяйка в свое время окончила институт благородных девиц. А от меня тогда еще углем несло... Там жили и другие интеллигенты... Когда они познакомились со мной, коммунистом, то увидели, что я не только не питаюсь мясом человека, но, попросту говоря, голодаю... Хозяйка убедилась, что мы, большевики, совсем не такие люди, какими изображали нас наши враги»³⁰.

В данном контексте упоминание о шахтерском прошлом скорее служило «подводкой» к главному сигнальному сообщению (я, «коммунист № 1», — такой же, как и вы, нормальный человек), т.е. преследовало цель найти контакт с аудиторией.

Имиджевая легенда, помимо биографических данных, требует фиксации внимания аудитории на таких качествах политика, которые свидетельствовали бы о его способности к лидерству. Лидер должен быть энергичен, смел, инициативен, должен принимать на себя ответственность и т.д. В этом направлении усиленно работали советские «PR-службы».

Например, вот в каком ключе представляла Хрущева Запад советская система иновещания (т.е. радиовещания на зарубежные страны). Хрущев презентуется как человек «с острым чувством нового, горячий поборник прогресса и непримиримый противник косности и консерватизма». Специально подчеркивается, что он «не принадлежит к деятелям кабинетного типа, он всегда в движении, в поездке, в общении с людьми». Упоминается о том, что у Хрущева уже солидный возраст (речь шла о 65-летию), однако несмотря на это, перед нами «человек исключительной энергии и огромной работоспособности»³¹. Это служило дополнительным сигналом о хорошем состоянии здоровья советского лидера.

К качествам политика, значимым для западной аудитории, безусловно, относится его семейное положение, семья. Достойный политик должен был быть хорошим семьянином. Поэтому Хрущев стал первым советским лидером, который путешествовал с семьей: женой Ниной Петровной, сыном Сергеем, дочерью Радой и другими членами семьи. Хрущев не сразу решился на этот шаг, его буквально «уговорил» Микоян. «Я лично не был сторонником этого, – признается он в мемуарах. – У меня такой аскетизм... остался со времен Сталина. – Микоян, который слыл у нас человеком наиболее сведущим в контактах и толкователем этикета, сказал, что за рубежом наличие жены хорошо будет расценено и нам следует придерживаться международного этикета. Я согласился с ним»³².

Уже накануне визита Хрущева в США в материалах советских PR-служб, предназначенных для западной аудитории, специально подчеркивалась приверженность Хрущева семейным ценностям. Например, в одной из программ иновещания говорилось о том, что «семья у Хрущева большая – жена, пятеро детей, четыре внука»³³. Хрущев презентировался таким образом как глава большой семьи, заботящийся о своих близких. Этот штрих придавал его имиджу больше доверительности.

Когда акцентируется внимание аудитории на семье политика, жена становится таким же важным каналом информации

о нем, как и он сам. В этом смысле присутствие Нины Петровны около Хрущева во время его зарубежных визитов оказалось беспронизышным имиджевым ходом. Беспронизышным не только в том смысле, что наличие жены благоприятно воспринималось западной аудиторией, особенно патриархально настроенными американцами, но и в том, что сам образ Нины Петровны как нельзя лучше подходил Никите Сергеевичу. Она в отличие, скажем, от Жаклин Кеннеди (или, например, Раисы Горбачевой) держалась «в тени» мужа, символизировала дом, домашний очаг и даже внешне вполне была под стать своему супругу. Американцы называли ее «всеобщей бабушкой»³⁴.

Однако семья была, пожалуй, единственным «человеческим» штрихом, дополняющим имидж Хрущева-политика. Западная аудитория, для которой информация о личной жизни политика, его привычках, хобби и т.п. играет весьма существенную и едва ли не главную роль, определяющую ее отношение к нему, испытывала явный недостаток в такого рода информации. Французская журналистка, работающая в Москве, Клод Дэй жаловалась, что ей очень трудно узнать детали о жизни Никиты Сергеевича, которые так интересуют читателей ее газеты. Например, «готовит ли ему его супруга Нина Петровна чай, пьет ли Никита Сергеевич чай с лимоном или вареньем и т.д.»³⁵. По советской традиции личная жизнь вождей была абсолютно закрытой для общества. Преодолеть это табу не смог даже Хрущев. В конечном счете, недостаток личной, «человечной» информации лишили его международный имидж значимых для западной аудитории характеристик.

Имидж всегда воспринимается аудиторией как нечто цельное. Перед ней проходит информация о лидере сразу по нескольким каналам: вербальному, визуальному, событийному. Опыт работы PR-технологов подтверждает одну закономерность: аудитория воспринимает как более достоверную информацию о человеке, переданную по визуальным каналам. Например, внешность дает 55% информации об объекте³⁶. Поэтому принцип «встречают по одежке» является одним из основополагающих при конструировании имиджа.

Визуальные характеристики особенно важны для публичного политика, поскольку он в полном смысле слова «всегда на виду». Что касается Хрущева, то он прошел испытания по всем визуальным каналам: встречался «лицом к лицу», выступал по телевидению (и в этом смысле был первопроходцем среди советских руководителей), его образ запечатлен на фотографиях и киноплёнке, в плакатах и карикатурах.

Хрущев успешно «играл на публику», что отметил, например, корреспондент газеты «Монд» М.Татю: «В лице Хрущева уживаются несколько человек, и не все они в равной степени симпатичные. Наилучшим из них является тот, которого видят некоторые неофициальные гости, часто послы и всегда – журналисты, приглашенные на редкие пресс-конференции в Кремле. Это – сознающий свою ответственность и любезный государственный деятель, терпеливо выслушивающий своих собеседников и прилежно дающий объяснения. Голос у него тогда мягкий, тон изысканный, энергия сдержанная, и все это вместе делает его обаятельным»³⁷.

Хрущев сам активно работал на свой имидж, демонстрировал любезность, охотно позировал. «Простой» стиль в одежде тоже был частью его имиджа, и, несмотря на простоту, Хрущев следил за тем, чтобы выглядеть в глазах западной публики «достойно». Поэтому материалы зарубежных корреспондентов, содержащих замечания по поводу его внешности (как, например, процитированные выше), специально переводились для сведения Хрущева и пропагандистских структур (фактически PR-служб).

Этот факт подтверждает и Сергей Хрущев: «Отец не читал в переводах из иностранной печати критические замечания о своей одежде, о ней отзывались как о мешковатой, небрежно сшитой. Отец никогда не франтил, даже в молодости... но подобные замечания задевали его самолюбие»³⁸. Костюмы для Хрущева, как и для других руководителей, шила специальная мастерская, закройщики которой не сразу смогли подстроиться под требования «европейского стандарта». Поэтому, когда однажды Хрущев получил комплимент от супруги прези-

дента Италии Дж.Гронки, что у него прекрасно пошит костюм, Никита Сергеевич был очень доволен. Плохо сидящий костюм он воспринимал как фактор, унижающий его как руководителя страны, а, значит, и страну.

Хрущев, конечно, мог заказать подходящую одежду за границей, но не делал этого принципиально. Хрущев носил только отечественное, и это отечественное должно было быть отличного качества. А.И.Аджубей вспоминал, как по инициативе Хрущева советская промышленность начала осваивать выпуск изделий из искусственного меха. Хрущев демонстративно носил шапку из такого меха, и время от времени устраивал розыгрыши своим коллегам, незаметно подменяя их «натуральные» головные уборы своим «синтетическим»³⁹.

Приверженность к отечественной продукции служила одновременно визуализацией патриотического начала в действиях советского лидера. Таким образом он даже визуально представлял интересы страны, выступал как национальный лидер. В этой связи можно вспомнить, как однажды Ельцин появился на экранах телевизоров в спортивной куртке и тенниске «Ellesse», и это получило потом весьма неоднозначный отклик в прессе: президент должен выступать как символ патриотизма⁴⁰.

Первым шагом к новому имиджу в одежде был отказ от военизированного стиля, распространенного при Сталине: подобный стиль стал совершенно неуместным, как только СССР объявил о своей миролюбивой внешней политике и открытости для диалога с Западом. В то же время, несмотря на то, что Хрущеву пришлось стать «дипломатом», он не стал брать на вооружение традиционный «дипломатический» стиль одежды, отказывался от фрака и смокинга даже в тех случаях, когда того требовал «протокол». Хрущев интуитивно чувствовал, как нелепо он будет выглядеть во фраке⁴¹. Поэтому он ограничивался обычным костюмом, преимущественно светлых тонов, однако этот костюм должен был выглядеть «по-европейски».

Для визуального облика лидера чрезвычайно важна символика, язык жестов. Хрущев пользовался этим языком в полной

мере. Например, еще во время своего первого визита на Запад, в Женеву, Хрущев и Булганин разъезжали по городу в открытых автомобилях и почти без охраны. Они демонстрировали, – оценит этот жест О.А.Трояновский, – «что сталинские времена зашторенных автомобилей ушли в прошлое»⁴². И это был одновременно знак открытости. Жест советских руководителей тогда отметили газетчики, особенно акцентируя внимание на том факте, что Эйзенхауэр и Даллес передвигались по городу в бронированной машине с многочисленной охраной. Это значит, что жест Хрущева был «прочитан» правильно, он попал в цель.

Символической визуализацией сопровождался и визит Хрущева в США. Он привез с собой копию вымпела, который незадолго до этого советская ракета доставила на Луну. Хрущев хотел вручить вымпел, этот символ престижа СССР в научно-технической области, президенту Эйзенхауэру сразу после прибытия, еще в аэропорту. «Было видно, – вспоминал Трояновский, – что он уже предвкушал тот момент, когда перед всеми телевизионными камерами продемонстрирует, что Советский Союз далеко обогнал Соединенные Штаты в космической гонке»⁴³. Только советники отговорили Хрущева от этого не слишком тактичного жеста, и вымпел был вручен Эйзенхауэру чуть позже, во время приема в Белом доме.

Однако среди всех символических жестов Хрущева один стал не просто частью его имиджа, но «визитной карточкой» советского лидера, его «опознавательным знаком» на все времена. Речь идет об инциденте с ботинком в ООН в 1960 г. Существует уже несколько интерпретаций этого эпизода, принадлежащих как свидетелям скандала, так и получившим информацию о нем от других. С точки зрения развития имиджа имеет значение два аспекта этого события: почему Хрущев позволил себе такой жест и что он означал.

Для имиджа важен формат, в котором он проявляется и воспринимается, т.е. контекст коммуникации. Одни лидеры, например, предпочтительнее выглядят в телевизионном формате, другие – в радиийном. Что касается Хрущева, то для него

в качестве наиболее благоприятного формата скорее всего может быть признан формат пресс-конференции или ток-шоу, где формальные моменты практически отсутствуют, а импровизации, напротив, задают тон коммуникации.

С западным парламентским форматом Хрущев был не знаком, поэтому выстраивал линию поведения в ООН в соответствии со стереотипами, которые сформировались у него на основе рассказов о работе Государственной думы в дореволюционной России и под влиянием советской пропаганды, описывающей работу «буржуазного парламента». Он полагал, что шуметь, освистывать ораторов и выражать другими подобными действиями свой протест и есть «парламентский стиль»⁴⁴.

Если сравнивать поведение Хрущева во время его пребывания в США в 1959 г. (во время официального визита) и 1960 г. (на сессии Генеральной ассамблеи ООН), то может сложиться впечатление, что речь идет вообще о разных людях. В первом случае имидж лидера демонстрировал открытость, доброжелательность, партнерство и другие черты, настроенные на позитивную коммуникацию. В том имидже присутствовала «сильная нота», необходимая, чтобы СССР воспринимали как равноправного партнера, но она была частью более сложного имиджа. В имидже «для мира», принятом Хрущевым в 1960 г., акцент делался на «сильной ноте»: он приехал не столько договариваться, сколько отстаивать свою позицию, поэтому образ «переговорщика» сменил на образ «борца».

Кроме того, Хрущев не воспринимал ООН как организацию, где действительно можно решать серьезные вопросы. Он видел здесь прежде всего трибуну, и использовал ООН именно в этом качестве – как повод для демонстрации позиции СССР. Именно поэтому Хрущев сам отправился в Нью-Йорк, хотя протокол ООН этого не требовал.

Психологически Хрущев был готов устроить на трибуне ООН показательное выступление, ботинок стал лишь формой реализации этой готовности. Тон реплик Хрущева во время заседания Генеральной ассамблеи, тексты выступлений доказывают его готовность к демонстрации «протеста». Причем

речь шла о протестном жесте в рамках главного вопроса, как мыслил его Хрущев, — о противостоянии социализма и капитализма. Поэтому повод был не столь важен: не случайно в воспоминаниях Хрущева и свидетелей скандала по-разному описываются мотивы и обстоятельства, заставившие Никиту Сергеевича «взяться за башмак».

Жест запомнился, но не в контексте, запланированном Хрущевым. О «противостоянии систем» давно забыли, но сам Никита Сергеевич вошел в историю как «человек, который стучал ботинком по трибуне ООН».

Столь же неоднозначно складывался *вербальный имидж* Хрущева. Многие очевидцы отмечали, что Хрущев был хорошим оратором, особенно когда он выступал экспромтом⁴⁵.

Например, выступая перед простыми американцами во время своего визита в США, Хрущев представлял перед ними свою позицию, а значит, и позицию СССР в форме сообщений-лозунгов:

- давайте ориентироваться не на то, что нас разделяет, а на то, что нас сближает;
- давайте соревноваться по мясу, а не по бомбам;
- разоружение — задача № 1 мировой политики;
- не буду агитировать вас за коммунизм, пусть каждый живет, как хочет, и т.д.

В одном из своих телевизионных обращений к американской аудитории Хрущев говорил: «У вас — капитализм, у нас — социализм. Что же нам — доводить из-за этого дело до всемирной свалки? Или же установить нормальные отношения и жить в мире, каждый по-своему? В Советском Союзе все стоят за то, чтобы жить в мире, стоят за мирное сосуществование»⁴⁶. В другой раз он объяснялся еще проще: американцам нравится ростбиф, а русским — борщ, пусть каждый ест то, что ему больше нравится, «о вкусах не спорят»⁴⁷. Естественно, что такие слова легко проходили фильтры массовой аудитории и находили положительный отклик.

Сложнее было преодолеть фильтры специальных аудиторий, будь то журналисты, бизнесмены или политики. В этих

аудиториях от Хрущева ждали не лозунговых заявлений, а обоснованной программы и аргументированной дискуссии. Хрущев приходил на эти встречи, как правило, с заранее написанными, в том числе и при помощи квалифицированных помощников, текстами.

Сбор информации, ее анализ и подготовка текстов находились, таким образом, в руках вполне квалифицированных людей. Их работа достаточно высоко оценивалась как оппонентами, так и сторонними наблюдателями⁴⁸.

Но дело в том, что сам Хрущев подобных «заготовок» не любил. Произнося свои речи по написанному тексту, он чувствовал себя, «как стреноженный конь», вспоминал Д.Т.Шепилов, описывая «муки» Первого: «Иногда Хрущев заранее осваивал подготовленный текст, иногда не осваивал. Вооружившись очками, запинаясь и оговариваясь на сложных словах или неведомых терминах и фамилиях, он мученически пробивался сквозь чужой текст, как сквозь проволочные заграждения»⁴⁹.

После зачитывания текста выступления, а иногда и отрываясь от него в процессе, он переходил к импровизациям. Шепилов в своих мемуарах зафиксировал этот момент перехода Хрущева от «заготовок» к импровизации: «Он говорил: “Ну теперь я немного оторвусь от текста”. И – следовала свободная импровизация. Лица, ответственные за советскую внешнюю политику (если стоял внешнеполитический доклад), сразу начинали в напряженном беспокойстве ждать: какие пули отольет сейчас Хрущев и какие в результате могут быть неприятности?»⁵⁰

К сожалению, при публикации выступлений Хрущева одиозные и просто неудачные экспромты подвергались правке, поэтому представления о наиболее ярких эпизодах дошли до нас главным образом в воспоминаниях очевидцев. Несколько из них стали неотъемлемой частью имиджа Хрущева, его вербальным наполнением. Что касается отношений Хрущева с западным миром, то здесь больше всего споров и даже скандалов оказалось связанными с двумя его пассажами-обеща-

ниями — «мы вас закопаем» и «мы вам покажем кузькину мать». Поскольку оба этих пассажа вызвали большой резонанс в западной прессе, имеет смысл выяснить, что же имел в виду сам Хрущев, когда использовал подобные выражения.

«*Мы вас закопаем*» (вариант: «*мы вас похороним*»). Никто, даже сам Хрущев не помнил точно, когда он произнес эту фразу. По-видимому, это могло случиться на одном из дипломатических приемов в 1957 или 1958 году⁵¹. Помимо самого выражения, крайне неудачного по форме, на бытовании этой фразы сказались еще и особенности перевода. Как свидетельствует переводчик Хрущева В.М.Суходрев, Никита Сергеевич употреблял слово «похоронить», а не «закопать». Но на английский язык его перевели глаголом «bury», что может означать и «похоронить», и «закопать». В результате, считает Суходрев, фразу, неудачную саму по себе, еще более испортил обратный перевод: «вместо чинного могильщика в цилиндре явился грубый мужик с лопатой»⁵². Добавим: не просто явился, а стал частью имиджа Хрущева.

Сам Хрущев, объясняя западным журналистам смысл произнесенного им выражения, отвечал так (цитируется по неотредактированной записи): «Знаете, здесь вот есть маленькая частица американцев, знаете, всей моей жизни не хватило бы, если бы я взялся всех вас закапывать. Я действительно такое выражение допустил... Собственно мое выступление извратили. И сознательно извратили... Потому что вопрос стоит не о том, что кто-то кого-то будет закапывать физически, а вопрос исторического развития общества»⁵³. Он имел в виду, что исторически социализм придет на смену капитализму. Правда, в таком нейтральном виде позицию Хрущева интерпретировали люди из его окружения, сам же Никита Сергеевич и в дальнейшем выражался проще: «Мы никого не собираемся закапывать, враждебный буржуазный класс будет закопан самим рабочим классом Соединенных Штатов»⁵⁴. Впрочем, он признался, что допустил «неосторожное выражение»⁵⁵.

Подобные «неосторожные выражения» следует расценивать как просчет PR-работы, негативно отражающийся на

имидже политика. Дело в том, что массовая аудитория плохо воспринимает отсылки к каким-либо «теоретическим» вопросам (например, по поводу исторического соревнования социализма с капитализмом), она реагирует на слова. В данном случае слово «закопаем» было воспринято как сигнал угрозы, как свидетельство агрессивных планов СССР.

«*Мы вам покажем кузькину мать*» – одно из излюбленных выражений Хрущева. Впервые западный мир познакомился с ним во время дебатов Хрущева и американского вице-президента Р.Никсона на Национальной американской выставке в Москве, в июле 1959 г. Скандальность высказанного в пылу полемики с Никсоном (снова в контексте соревнования двух систем) обещания «показать кузькину мать» была связана в первую очередь с трудностями перевода идиоматических выражений. Переводчик сначала воспроизвел слова Никиты Сергеевича буквально («Мы вам покажем мать Кузьмы»), а потом попытался объяснить, что это выражение по-русски означает. Однако во всех словарях, начиная со словаря В.Даля, это выражение трактуется примерно одинаково: «наказать, сделать какое-то зло»⁵⁶. В таком духе, вероятно, его смысл и передал переводчик. И так оно потом трактовалось в западной прессе: хрущевская «кузькина мать», так же, как и обещание «закопать», воспринималась как угроза западному миру.

Однако сам Хрущев вкладывал в это выражение иной смысл. Наступательный, но не агрессивный. В.М.Суходрев, неоднократно потом сталкивающийся с необходимостью разъяснять «кузькину мать» западной публике, считает, что Хрущев имел в виду следующее: показать «кузькину мать» – означало «показать свою силу, лихость, дать жару»⁵⁷.

Когда на обеде у мэра Лос-Анджелеса Хрущев вновь употребил это выражение, в ответ на замешательство своего переводчика, Никита Сергеевич отреагировал: «Ну что, Виктор, небось опять не так с кузькиной матерью получилось? А это очень просто. Ты объясни – это значит показать то, чего они никогда не видели»⁵⁸. В общем, как считает Суходрев, «Хру-

щев не угрожал Западу, он дул в свою обычную дуду – утверждал, что мы Америку догоним и перегоним»⁵⁹.

Объяснить выражение про «кузькину мать» по-своему попытались и издатели мемуаров Хрущева. Этот пассаж, приведенный в примечаниях, заслуживает того, чтобы обратить на него внимание: «Кузька – вредитель хлебных злаков, пластинчатоусый жук, чьи личинки живут в почве, где дважды зимуют. Показать эту саму личинку (т.е. кузькину мать) можно, лишь разрыв землю. Отсюда – переносное значение выражения: все разрыть, перетормошить, развалить, а также вскрыть правду»⁶⁰.

Вряд ли Никита Сергеевич догадывался о таком «глубоком» смысле любимого выражения. Однако в данном случае важно не то, что имел в виду Хрущев, а то, как было воспринято высказывание про «кузькину мать» западной аудиторией. А там оно легло на ту же «полку», что и обещание «закопать». И то и другое выражение работало в конечном счете против имиджа «партнера», с которым приехал первый раз на Запад Хрущев. Однако, когда он репозиционировал себя в «сильного» политика, не партнера, но «борца», с одновременными обвинениями в адрес Запада в неискренности его миролюбивых заявлений – оба выражения уже не противоречили новому имиджу. Но отнюдь не способствовали налаживанию диалога.

Имидж лидера является, таким образом, столь же активным инструментом политики, как и его действия. Поэтому взгляд на поведение, высказывания, поступки того или иного политика с точки зрения развития его имиджа может дать новое видение и интерпретацию, казалось бы, хорошо известных событий. В этом смысле имиджинология дает в руки историков совершенно новый инструментарий и методологию. С другой стороны, историческая информация, информация об опыте решения задач, связанных с построением имиджа политика в России, может оказаться полезной современным PR-технологам. Политическая традиция, в том числе традиция восприятия и оценки действий лидера, в России по-прежнему сильна, и опыт Никиты Сергеевича Хрущева еще рано определять в «архив».

- ¹ Хрущев не раз возвращался к этой проблеме на страницах своих мемуаров: «Сталин все время... повторял: "Вот умру, передуют вас, как куропаток, империалистические державы. Не сумеете вы отстоять советское государство"» (*Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания. Т. 2. М., 1999. С. 263).
- ² Подробнее о лидерах инициативного типа см.: *Джойнер Р.* Лидер, менеджер и пять принципов успеха. М., 1997. С. 126.
- ³ *Почепцов Г.Г.* Имиджология. М., 2000. С. 130.
- ⁴ *Хрущев Н.С.* К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., 1959. С. 28.
- ⁵ РГНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 270. Л. 121.
- ⁶ Там же. Л. 110.
- ⁷ Там же. Л. 111.
- ⁸ *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественно-го мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Кн. 1: Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 90.
- ⁹ Там же. С. 92.
- ¹⁰ Там же. С. 110-111.
- ¹¹ РГНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 350. Л. 103.
- ¹² *Грушин Б.А.* Указ. соч. С. 111.
- ¹³ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Т. 2. С. 304.
- ¹⁴ Там же. С. 298-299.
- ¹⁵ Там же. С. 304.
- ¹⁶ Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С.Хрущева в США 15-27 сентября 1959 года. М., 1959. С. 115.
- ¹⁷ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Т. 2. С. 248.
- ¹⁸ Там же. С. 303.
- ¹⁹ *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Кризисы и ракеты. Взгляд изнутри: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 449.
- ²⁰ Цит. по: *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 217.
- ²¹ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Т. 2. С. 315.
- ²² *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой: от Хрущева до Горбачева. М., 1999. С. 74.
- ²³ Там же. С. 94.
- ²⁴ *Почепцов Г.Г.* Имиджология. С. 153-154.
- ²⁵ Цит. по: *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М., 1990. С. 62.
- ²⁶ Там же. С. 63.
- ²⁷ *Шетилов Д.Т.* Непримкнувший. М., 2001. С. 66.
- ²⁸ Рассказ о почетном шахтере / Под ред. Д.З.Белокопос. Сталино, 1961. С. 6.
- ²⁹ *Шетилов Д.Т.* Указ. соч. С. 66.
- ³⁰ Цит. по: Рассказ о почетном шахтере. С. 50.

- 31 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 289. Л. 43, 48.
32 *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Т. 2. С. 480-481.
33 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 289. Л. 48.
34 *Суходрев В.М.* Указ. соч. С. 95.
35 Цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 142. Л. 19.
36 Там же. Л. 63.
37 Цит. по: Там же. Д. 138. Л. 26.
38 *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 478.
39 Лицом к лицу с Америкой... С. 98.
40 *Почепцов Г.Г.* Имиджология. С. 145.
41 В этой связи он подшучивал над Микояном, который на одном из зарубежных приемов был одет во фрак, а потом эти кадры попали в киножурнал, и все смеялись над ним. По-видимому, сам Хрущев не хотел оказаться в «смешном положении» (*Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Т. 2. С. 274-275).
42 *Трояновский О.А.* Указ. соч. С. 187.
43 Там же. С. 210.
44 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 454.
45 *Шеилов Д.Т.* Указ. соч. С. 277-278.
46 Цит. по: Лицом к лицу с Америкой... С. 479.
47 Там же. С. 297.
48 Анализируя выступления Хрущева и уровень его осведомленности, М.Татю писал: «Все это, очевидно, предполагает наличие очень тщательной, автономной и оперативной организации, своего рода мозгового треста, способного информировать его с минимальной затратой времени и освобождать от большей части работы. Это окружение работает очень хорошо. Мы были свидетелями того, как г-н Хрущев даже во время своей поездки по стране реагировал менее, чем через два часа на заявления, произнесенные в Вашингтоне г-ном Даллесом или президентом Эйзенхауэром. Мозговой трест в состоянии в течение одного дня снабдить Хрущева 4-5 докладами» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 138. Л. 29).
49 *Шеилов Д.Т.* Указ. соч. С. 279.
50 Там же.
51 *Суходрев В.М.* Указ. соч. С. 91.
52 Там же. С. 92.
53 Цит. по: *Бурлацкий Ф.М.* Никита Хрущев. М., 2003. С. 181.
54 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 324.
55 Там же.
56 Об этом пишет, например, В.М.Суходрев. См.: *Суходрев В.М.* Указ. соч. С. 86.
57 Там же. С. 87.
58 Цит. по: Там же. С. 87.
59 Там же.
60 Цит. по: *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 475.

III. ВОЕННЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУР

Кудюкина М.М.

КРАСНАЯ АРМИЯ И «ВОЕННЫЕ ТРЕВОГИ» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х ГОДОВ*

Военные тревоги конца 20-х годов оказали значительное воздействие на определение дальнейшего курса развития страны. До сих пор дискуссионным остается вопрос о том, реальными ли были опасения советского руководства или оно сознательно пошло на раздувание военной истерии для использования «военных тревог» во внутривластных целях¹. Доказательства того, что западные страны в то время не планировали военную агрессию против Советского Союза, не опровергают мнение, что правящие круги СССР действительно восприняли ситуацию 1927 г. как возможное преддверие войны и начали перестройку всей жизни страны, создавая мобилизационную модель экономики².

Ожидания близкой войны, мобилизационный менталитет общества, находившегося в состоянии «взведенного курка, ошестившегося на весь мир и на самое себя»³, были характерны не только для конца 20-х годов, но и для всего межвоенного периода, что предопределяет довольно значительный интерес современных исследователей к проблеме влияния воен-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Российское крестьянство и Красная Армия в 1920-х – начале 1930-х годов». Грант № 01-01-00104а предоставлен Российским гуманитарным научным фондом.

ной опасности на формирование менталитета различных слоев советского общества того времени⁴. Представления советской военной элиты о Западе и возможном противнике проанализированы в монографии С.Т.Минакова⁵, проблему восприятия рядовыми красноармейцами внешнего мира затрагивает А.Ю.Рожков⁶.

Красная Армия традиционно занимала важное место в государственной и общественной структуре СССР. Красноармейцы-новобранцы были прежде всего трансляторами настроений и идей, характерных для тех социальных слоев, к которым они принадлежали до призыва, затем после сборов или демобилизации из кадровой армии, возвращаясь в гражданскую жизнь, они – в большей или меньшей степени – становились носителями новой советской идеологии. Поэтому изучение настроений красноармейцев, с одной стороны, позволяет судить о представлениях о военной угрозе среди различных социальных слоев общества, своеобразным слепком с которого была Красная Армия⁷, с другой – об эффективности пропаганды, которая, естественно, велась и среди гражданского населения, но в армии была особенно жесткой и целенаправленной.

Необходимо отметить, что значительную роль в формировании представлений общества о грядущей войне играли газетные материалы. Кроме прямого воздействия и информирования населения, газеты способствовали возникновению самых разнообразных слухов, часто не соответствующих действительности, но, несомненно, спровоцированных отголосками официальных публикаций. Газеты читало (не только регулярно, но и от случая к случаю) меньшинство населения, малограмотное же или полностью неграмотное большинство довольствовалось пересказами часто непонятых или недопонятых материалов периодической печати, даже той, которая считалась ориентированной на широкие слои, например, на крестьянство. Как отмечал один из исследователей положения в деревне в середине 20-х годов, «городской читатель с любопытством прочтет о политическом перевороте в Испании, о

захвате Италией Корфу и пр., без всяких комментариев. Не то крестьянин. Ибо “Испания”, “Корфу”, для него, прежде всего, пустой звук. Еще менее он разбирается в борьбе партий, происходящей за тридевять земель. Вообще, внешнюю информацию крестьянин воспринимает под определенным углом зрения: будет ли, дескать, война или “так обойдется”»⁸.

Любое более или менее важное событие внутри страны, или за рубежом – будь то смерть В.И.Ленина, взрыв бомбы во время торжественного богослужения в Софии, революция в Китае, преследования коммунистов в Польше, забастовки в странах Запада, обострение борьбы с внутрипартийной оппозицией – немедленно вызывало вопросы, не начнется ли война. Так, например, в ноябре 1926 г. среди части командного состава Приволжского ВО были зафиксированы разговоры: «значительно осложнившаяся международная обстановка, недостатки в хозяйственном строительстве, ко всему этому разногласия в партии выдвигают удобный момент к началу войны со стороны иностранной буржуазии»⁹.

Во второй половине 1926 г. резко обострились отношения между СССР и Англией. Британское правительство остро отреагировало на оказание помощи бастующим горнякам, поддержку Коминтерном национально-освободительного движения в Азии. Осложнение международной обстановки неизбежно влекло за собой и оживление «военных тревог» в советском обществе.

Осенью того же года были проведены очередной призыв в армию, опытная мобилизация (в двух округах Урала, Бобруйском округе, Брянской и Вологодской губерниях) и маневры частей Красной Армии на Украине. Все это обострило военные ожидания общества, прежде всего в деревне.

Несмотря на то, что, как правило, вина за распространение слухов о войне официальной пропагандой возлагалась на «социально-чуждые» элементы, панические настроения населения нередко подпитывались сообщениями местных газет, которые при освещении сюжетов, связанных с опытной моби-

лизацией, публиковали заметки, рисунки, содержание которых могло быть истолковано как описание реальных военных действий. Так, например, в газете «Победа», издававшейся в Полоцке, 21 сентября 1926 г. была помещена картинка, на которой призывник идет к пограничному столбу, с подписью: «Да здравствует Варшава». Заголовок этой же газеты был «украшен» рисунком, на котором красноармейцы со штыками наизготовку движутся к польской границе. В одной из стенгазет в г. Бобруйске в заметке, которая должна была бы разъяснить опытный характер мобилизации с много говорящим названием «Ложки в Варшаве купим», приводится высказывание: «Да знаем мы вас, супчиков, говорите 3-4 дня, а потом и совсем». Крестьяне восприняли проведение пробной мобилизации и маневров как начало реальной войны. В Вологодском уезде, например, не просто говорили о войне с Польшей, но и называли ее союзников: Германия, Румыния и Франция. Причем утверждалось, что призывники Сухово-Свердловский района «уже на баржах отправлены прямо в Москву». Население бросалось скупать товары, женщины провожали призываемых со слезами и причитаниями¹⁰.

Восприятие населением опытной мобилизации как действительной, объявленной по случаю начала войны, давало возможность судить о реальном отношении жителей страны к военной угрозе. В последующие годы неоднократно делались попытки выявить настроения населения именно во время призыва, причем иногда представители власти, не обладая достаточной информацией, сами искренне считали, что война действительно началась, а иногда дело доходило до откровенных провокаций. Так, например, осенью 1927 г. в одной из станиц Прохладненского района Северо-Кавказского края председатель сельсовета, получив объявление о мобилизации, ударил в набат, собрал все население станицы и объявил о действительной мобилизации. Среди населения началась паника, пока не прибыли разъездные агитаторы. Коммунисты-призывники, прибыв на призывной пункт, скрыли свою партийность. Тогда

же в Новоржевском районе Псковского округа в ходе мобилизационной работы была проведена «пробная антисоветская пропаганда», которая выявила в целом «здоровое настроение крестьян»¹¹. Подобные случаи в различных регионах страны фиксировались и позднее, и особенно участились во время обострения отношений в 1929 г. с Китаем из-за КВЖД.

Несмотря на то, что и ПУР, и ОГПУ в 1926 г. сошлись во мнении, что отношение населения к мобилизации «в общем благоприятное», бодрое, все же были зафиксированы и недовольство, распространение слухов, антисоветские выступления. По данным ОГПУ, «за небольшими исключениями население везде относится к призыву положительно: “Мы, крестьяне, никогда не откажемся дать защитников государству, только налаживающему свою жизнь”»¹². Были отмечены и «шапкозакидательные» настроения, также, по-видимому, во многом спровоцированные газетными материалами. Так, например, башкирская газета «На страже» опубликовала в связи с призывом следующие вирши:

Товарищи, спешите в роты!
Да здравствуют все терполки!
Пусть за границей идиоты
Попрячут газы в сундуки.

Выводы, сделанные ПУРом, оказались более неоднозначными: «можно считать установленным, что население поднятых районов в случае войны Советскую власть безоговорочно поддержит, хотя в массе населения война непопулярна». «Мирное» настроение населения, особенно крестьянства, чрезвычайно встревожило и руководство армии, и руководство страны. По мнению ПУР, для быстрого перелома подобных настроений было необходимо «проведение решительной политической кампании с лозунгами войны как оборонительной»¹³.

Эти настроения населения не могли не отразиться и на военнослужащих. В армии в конце 1926 г. были зарегистрирова-

* Терполки — территориальные полки.

ны оживленные разговоры о возможности войны, ее характере, перспективах, потенциальных противниках. Реальность нападения на СССР красноармейцы в массе своей не воспринимали, преобладали «мирные» настроения о необходимости предотвращения войны любой ценой, так как она невыгодна и «правительство пойдет на все уступки». В то же время высказывалось достаточно распространенное в обществе мнение, что внешняя политика СССР может спровоцировать западные страны на войну: «если война будет, то только из-за неправильной политики Соввласти»¹⁴. Кроме Англии наиболее вероятным противником (в пограничных округах – самым вероятным) считалась Польша, причем нередко высказывалось недовольство, что Красная Армия не вмешалась и не ввела войска в Польшу сразу же после переворота Ю.Пилсудского, а также выражались претензии польским рабочим, который «спят и дают хлестать себя нагайками», т.е. реальным союзником западный пролетариат красноармейцы, вопреки пропаганде, не считали.

И у красноармейцев, и у младшего комсостава были выявлены взгляды о превосходстве западной военной техники, особенно газов. С одной стороны, эти настроения подпитывались собственным опытом: «50% гранат при метании не разрываются, телефоны работают плохо, на нашем обозе еле-еле хлеб увезешь»; «отразить поляков нам придется не только оружием, но и прямо кулаками», с другой – заметную роль сыграли материалы периодической печати.

Значительная роль в формировании готовности населения страны в целом и Красной Армии в частности, к оборонительной войне, совершенствованию организации массовой военной подготовки отводилась Осоавиахиму и Отделу печати ПУР РККА. В начале 1927 г. ими было проведено обследование военных отделов гражданских газет, которые, естественно, поступали и в библиотеки военных частей. По мнению зам. начальника ГУ РККА В.Н.Левичева, «военная информация и пропаганда поставлена наиболее безграмотно из всех отделов

советского строительства. Главный недостаток заключается в том, что каждая заметка начинается с запугивания надвигающейся войной, ежедневным и ежечасным ростом военной техники (которой население, приходя в армию и вообще сталкиваясь, не видит), профессиональным бахвальством о сложности и мудрости военного дела. Тон больших и малых заметок на страницах гражданской печати обязательно берется такой, что все должно быть подчинено войне – мир только и живет для того, чтобы воевать. Надо внести больше трезвости»¹⁵.

Как отрицательные примеры военной информации в обзорах печати ПУР приводились, например, такие цитаты из местных гражданских газет: В буржуазных странах «ежедневно выпускаются сотни и тысячи разных средств удушения человека. Все это готовится буржуазией не для буржуазно-инострannого государства, а для рабочего класса и нашего Советского Союза» («Грозненский рабочий», сентябрь 1926 г.). «У нас меньше всяких машин и орудий в армии, но у нас есть преданные красные бойцы из рабочих и крестьян, защищающие свои интересы, интересы трудящихся» («Борьба», Сталинград)¹⁶.

5 марта 1927 г. ПУР предложил различным армейским подразделениям высказать предложения о содержании военной пропаганды в гражданской периодической печати. Полученные ответы касались в основном необходимости более полного освещения профессиональных проблем, причем было отмечено, что в газетах чрезмерно много внимания уделяется проблемам химической войны, «запугивание читателей “ужасами химической войны” в результате преувеличения роли и значения отравляющих веществ в будущих войнах и недооценки других средств поражения, в частности, тех из них, который может применять воздушный флот при нападении на глубокие тылы. Возникает опасение, что такая “пропаганда” 1. Создает благоприятные условия для панического настроения во время войны, т.е. уже заранее определяет успех применения отравляющих веществ нашими будущими противниками, учитывающими психологию масс и не без задней мысли пускающими сей-

час в свою печать всяких “химических уток”; 2. Отвлекает внимание от некоторых вопросов обороны, не менее важных, чем вопросы противохимической защиты (в частности, борьба с пожарами в результате применения по тылам зажигательных аэробомб, защита от аэробомб фугасных и осколочных и пр. Поэтому основным вопросом, подлежащим освещению на страницах гражданской периодической печати должен являться вопрос о трезвой оценке химической опасности без перегиба палки в ту или иную сторону»¹⁷.

В циркуляре Политуправления «Очередные задачи военно-политической пропаганды», адресованном редакторам красноармейских газет, отмечалось, что «политсводки ПУРа последнего времени все более и более подчеркивают неуверенность части красноармейцев в боевой готовности и мощи РККА. Это является в значительной степени результатом неправильной линии, которую усвоила как гражданская, так и военная печать в области освещения иностранной военной техники и пропаганды усиления технической мощи Красной Армии». Циркуляр предлагал «серьезнее отнестись к освещению роста иностранной военной техники, избегать помещения ошеломляющих и не соответствующих действительности сведений о сенсационных иностранных изобретениях»; проверять достоверность сообщений, переходить от отдельных заметок к серьезным обзорам, в которых давать правильную оценку, «отмечать, в частности, слабость техники наших непосредственных соседей»; организовать систематическое убеждение красноармейцев в боевой готовности РККА, отмечать слабые политические стороны противника и крупные достижения РККА в области боевой выучки и военной техники¹⁸.

С 1927 г. ожидание войны вышло на государственный уровень. В декабре 1927 г. в выступлении на XV съезде ВКП(б) К.Е.Ворошилов так оценивал ситуацию: «Вопросам подготовки государства к обороне мы стали придавать актуальное значение только с весны текущего года, именно – когда активная политика империалистов, Англии в первую очередь, стала явно

угрожать СССР, когда СССР должен был усилить военную подготовку для защиты своей политики мира»¹⁹.

Когда настроения военной опасности и необходимости мобилизационной готовности ослабевали, их искусственно подпитывали с помощью средств массовой пропаганды. Весьма характерно в этом смысле выступление начальника ПУРа А.С.Бубнова в сентябре 1928 г.: «Среди наших газетных работников мы имеем недооценку военной опасности. Эти “настроения” должны быть ликвидированы»²⁰.

Особое внимание уделялось крестьянской прессе. Как отмечалось в секретном циркуляре ПУР ПРИВО в августе 1927 г., одним из крупных недостатков военной пропаганды в местных газетах был тот, что «в крестьянских газетах не был освещен вопрос о том, что означал бы для крестьян СССР успех интервенции»²¹.

Примером пропагандистской попытки разъяснить крестьянам необходимость противостоять агрессии империалистических государств, исходя из хозяйственных интересов, может служить статья «Что сулила бы крестьянству победа империалистов», опубликованная в армавирской газете «Трудовой путь» в сентябре 1927 г. В ней утверждалось, что важнейшая причина, подталкивающая империалистов к войне против СССР, — погоня за рынками сбыта. Отмена монополии внешней торговли в случае поражения в войне привела бы к снижению цен на сырье и на хлеб, страна была бы затоплена иностранными товарами, следовательно, собственная промышленность рухнула бы, что для крестьянства означало: отрасли, производящие сырье для промышленности, придут в упадок или умрут вовсе. Резкий рост безработицы приведет к тому, что для излишней рабочей силы в деревне не будет выхода, наоборот, в деревню хлынут миллионы безработных. Страна превратится в колонию²².

В мае 1927 г. была создана специальная крестьянская военная газета «На страже», которая издавалась как приложение к «Крестьянской газете». Более того, было предложено внести

элементы «военизации» практически во все издания, предназначенные для деревни, в том числе и профессиональные пособия, такие как «Деревенский кузнец», «Изделия из прута и соломы», «Сохранение шкуры», «Деревенский пчельник» и др.

Внимание к военной пропаганде в печати не ослабевало и в последующие годы. Совещание редакторов при ЦК ВКП(б) в октябре 1928 г. приняло жесткую резолюцию: ««Несмотря на нарастающую угрозу войны с очевидной ясностью приходится констатировать полную неподготовленность редакций и издательств как в области людского состава, так и материальных ресурсов. Совещание, считая совершенно недопустимым прежний темп работы в области подготовки печати к мобилизации и войне, признает настоятельно необходимым приступить к этой работе немедленно, вести ее энергично, систематически и планомерно... Несмотря на некоторые достижения, военная пропаганда в газетах (особенно в центральной, за исключением “Комсомольской правды”) слаба, несистематична и непопулярна; в художественных, профессиональных и специальных журналах она почти не ведется; связь с Красной Армией явно недостаточна»²³. Косвенным подтверждением или – наоборот – опровержением этого заявления может служить анализ настроений населения, в том числе и красноармейцев, о военной угрозе.

Усиление военных тревог было связано с выступлениями Н.И.Бухарина и К.Е.Ворошилова на XV московской партконференции в январе 1927 г.

Н.И.Бухарин подчеркнул враждебность стран Запада и заявил, что «у нас нет гарантий, что на нас не нападут. Борьба между нами и империалистами перешла в более высокую фазу, чем раньше»²⁴. Еще более определенно высказался К.Е.Ворошилов: «Мы не должны забывать, что находимся накануне войны, и что война эта далеко не игрушка»²⁵.

Эти высказывания в сочетании с событиями осени 1926 г. привели к массовой военной истерии, убеждению, что война начнется не позднее весны, в крайнем случае, осени 1927 г.

Панические настроения были тем более сильными, что в памяти еще были живы лишения и Первой мировой, и Гражданской войн. Подтверждение правильности слухов о неизбежной войне население видело в производящемся переучете военнообязанных рядового и младшего начсостава запаса.

Обследования настроений показали, что крестьяне воевать не хотят, в пограничных районах были зафиксированы случаи, когда крестьяне заставляли своих детей выходить из комсомола, т.к. считали, что комсомольцев мобилизуют в первую очередь, но все же большинство «при проведении соответствующей решительной политической кампании выступит на защиту СССР, приняв войну как сугубо оборонительную»²⁶. И в деревне, и в городе началась паническая закупка запасов продуктов.

На совещании заведующих военными отделами и представителей московских газет при ПУР в январе 1927 г. ситуация была определена как «паникерство». В выступлении начальника отдела печати ПУР А.Л.Шифреса указывалось: «Нужно, конечно, проявлять величайшую осторожность и выдержанность при освещении вопросов, связанных с военной опасностью, подчеркивая нашу мирную политику, поменьше общих рассуждений. В общем формулировать наши задачи таким образом: «борясь с паникерством, закреплять практически повысившийся интерес к военным вопросам со стороны населения»²⁷.

Красноармейцы, для которых январские выступления Бухарина и Ворошилова стали неожиданностью, также отреагировали на них неоднозначно. Психологически многие из них к скорой войне были не готовы, панические настроения поддерживались письмами из деревни. В то же время часть красноармейцев, прежде всего старослужащие, к заявлениям о войне отнеслись скептически: «еще 1902 год (т.е. призывников 1902 года рождения. — М.К.) пугали войной, а ее все еще нет»; «поднятая шумиха имеет целью поднять бдительность и всколыхнуть то мирное настроение, которое сложилось у населения»²⁸. В целом настроения в армии продолжали оставаться

достаточно мирными: война представлялась делом отдаленного будущего, мирная политика СССР воспринималась как гарантия невозможности скорой войны: «дипломатия как-нибудь уладит это дело», «Чичерин договорится с Брианом и войны не будет» и т.п.²⁹ По мнению ПУР, наиболее распространенным было мнение: «конечно лучше, если войны не будет, но если она все-таки разразится, то будем воевать до конца». Нежелание войны объяснялось и недостаточной готовностью СССР, и хозяйственными причинами. Часть старослужащих проявляли воинственные настроения, готовность к немедленным боевым действиям, предлагали начать их первыми: «нечего ожидать, чтобы эти картофельные республики (Прибалтийские государства) напали на нас», «технику мы забьем пролетарской сплоченностью», необходимо «полякам почесать бока, которые отжирили», и т.п. По сравнению с новобранцами они чувствовали себя более подготовленными и – не без влияния политработы, проводимой в армии, – переоценивали возможную поддержку СССР западным пролетариатом, считая, что как только начнется война, в воюющей стране немедленно произойдет революция, и эта страна присоединится к СССР.

Настроения комсостава в основном совпадали с настроениями старослужащих, многие надеялись на быстрое продвижение по службе («надоела будничная скучная тыловая работа», «на фронте будет легче»), но некоторые всерьез опасались расправы красноармейцев во время боя. К высказываниям Бухарина и Ворошилова большинство отнеслось скептически³⁰.

В марте того же года И.В.Сталин попытался рассеять панические настроения в стране, заявив в выступлении на собрании рабочих сталинских железнодорожных мастерских Октябрьской дороги: «Войны у нас не будет ни весной, ни осенью этого года... Войны не будет в этом году потому, что наши враги не готовы к войне... потому что рабочие на Западе не хотят воевать с СССР... потому, наконец, что мы ведем твердо и непоколебимо политику мира»³¹.

Эта речь привела армейских политработников в растерянность: «линия в нашей работе после этого заявления ставится под сомнение. В нашей работе по текущему моменту чрезвычайно трудно, почти невозможно увязать это заявление со всей нашей работой и со всем тем, что пишут газеты». Красноармейцы действительно восприняли это заявление как свидетельство того, что их пугают и обманывают политработники: «сколько же раз нам врать о войне будут», «знали же, что пугают нас»³², «плохо стреляли, а чтобы лучше стрелять, так о войне заговорили»³³.

Однако дальнейшие события – убийство П.Л.Войкова, разрыв дипломатических отношений с Англией, переворот в Китае в июле 1927 г. в очередной раз обострили ожидание скорой войны, усилили военизацию общества и привели к активизации государственной военной пропаганды. И вновь, как и в начале года, проявился весь спектр настроений, связанных с военными тревогами общества.

Скептическое отношение военнослужащих к заявлениям о скорой войне сменилось ощущением реальной военной угрозы. На собраниях принимались многочисленные резолюции о готовности к войне, но в частных разговорах мнения разделялись. Красноармейцы размышляли об уровне технической оснащенности армий, причем сравнение часто было не в пользу РККА, поэтому преобладающая часть красноармейцев войны не хотела, считая, что СССР пока не готов к военному противостоянию с капиталистическими странами, некоторые откровенно боялись. «Новобранцы содрогаются от мысли о новой войне», – сообщал ПУР Московского ВО. Обсуждался красноармейцами и возможный ход войны, причем опять же успех или неуспех военных действий зависел прежде всего от технической оснащенности. Например, в Средне-Азиатском ВО были отмечены такие рассуждения: «Наша техника слишком слаба, и если вспыхнет война, то первые дни наш Союз будет побеждать, так как мы сразу пустим в ход все наши технические средства, но спустя некоторое время, если война затянется,

Союз будет терпеть поражение из-за недостатка военного снаряжения. Поэтому советское правительство, если война затянется, не удержится у власти». Уже в 1927 г. вопросы о войне в сознании красноармейцев были тесно связаны с внутривойсковой ситуацией в стране. Готовность или нежелание воевать зависело не в последнюю очередь от отношения к власти. Например, красноармейцы из бедноты иногда не хотели «защищать нэпманов», а зажиточные – рабочих, коммунистов и бедноту. Выявились и равнодушные к власти: «Воевать нам незачем, да и не за что, для нас все равно, кто бы ни был у власти, лишь бы жилось хорошо». Раздавались угрозы в адрес коммунистов и командиров. Усилились разговоры о необходимости дезертирства. В 48 дивизии Московского ВО, например, от 10% до 20% новобранцев говорили: «Убежим, если будет война»; «лучше пойдем в тюрьму, чем воевать»; «в случае войны нужно бежать с оружием»³⁴. В реальности, несмотря на разговоры, количество дезертиров летом 1927 г. увеличилось незначительно. В месяц на 10 тыс. военнослужащих зимой 1925/26 г. приходилось в среднем 5,9 побегов, зимой 26/27 г. – 6, летом 1927 г. – 6,7³⁵.

Наиболее остро военная угроза, естественно, воспринималась в приграничных областях и военных округах, которые готовились первыми принять на себя удар вражеской армии. Несмотря на то, что в целом настроения в этих округах соответствовали обстановке в других регионах, в них регистрировалось большее количество так называемых «отрицательных реакций». Например, в Белорусском военном округе некоторые красноармейцы подавали заявления о переводе их в обслуживающие части на нестроевую работу, зарегистрированы единичные случаи выхода из комсомола из-за боязни войны. В 4-й кавалерийской бригаде «один комполка заявил, что его полк при первом разрыве снаряда разбежится. Другие командиры высказывали мнения, что при первых боях придется поставить пулеметы и в случае чего бить по своим, иначе с красноармейцами ничего не сделаешь»³⁶. Зарегистрированы

были и редкие случаи отказа голосовать за резолюции о военной опасности (подобные случаи кроме БВО в 1927 г. были только в Приволжском ВО) из-за опасений, что «резкие формулировки могут вызвать войну»³⁷.

Естественно, что в армии пропагандистской политработе уделялось громадное внимание, причем в занятиях основное место занимали вопросы о войне.

О содержании политзанятий можно судить на примере программы, утвержденной в июле 1927 г. во время опытной мобилизации. Прежде всего объяснялось, для чего проводится опытная мобилизация: Советский Союз со всех сторон окружен капиталистическими врагами, которые могут напасть в любое время. Опытная мобилизация – проверка боевой готовности Красной Армии, гражданских организаций, СССР. Вторую часть беседы предлагалось посвятить освещению практических вопросов, рассеиванию слухов, кривотолков и панических настроений, вызванных мобилизацией.

Вторая тема была посвящена Англии – организатору вооруженного нападения на СССР: половина царских долгов падает на долю Англии, национализированы предприятия, принадлежавшие английским капиталистам. После войны ухудшилось положение Англии, что привело к падению уровня жизни рабочего класса, обострилась классовая борьба. Английская буржуазия особенно боится революционного влияния СССР и на трудящихся своей страны, и на угнетаемые народы.

«Желание вернуть долги и национализированное имущество и потушить огонь мировой революции – вот что определяет особую враждебность к СССР английских империалистов».

Англия является организатором и руководителем всех враждебных СССР сил. «Под ее руководством все время велась подготовка войны против нас... И теперь мы все время наблюдаем попытки английского правительства создать единый фронт всех империалистических держав против СССР... Разрыв дипломатических отношений нужен был Англии для того, чтобы развязать себе руки, открыто готовиться к войне с на-

ми». На службе у Англии состоят и западные соседи СССР. «Все наши западные соседи являются оружием в руках империалистов и, прежде всего, Англии, и используются ими для враждебного окружения СССР. Англия пытается из этих стран создать военный союз против СССР во главе с Польшей». Рост классовой борьбы внутри западных соседей СССР, боязнь революционного влияния делает их злейшими врагами СССР, особенно Польша и Румыния (боязнь потерять Бессарабию). После характеристики потенциальных противников речь шла о необходимости подготовки страны к обороне, о технической мощи страны, причем распространенная недооценка собственных технических сил объяснялась невозможностью говорить о секретных новейших разработках («Конечно, мы технически не сильнее империалистических держав, но и не так уж слабы»). Постоянно подчеркивался классовый характер войны, противоречия между империалистическими державами, усиление национально-освободительного движения³⁸.

В 1928 г. официальная пропаганда подчеркивала, что, несмотря на то, что непосредственная военная угроза ослабела и центр тяжести борьбы переместился на «экономический фронт», «борьба мирового империализма против СССР... неизбежно приведет к новой интервенционистской попытке нападения на первое в мире советское государство»³⁹.

Отношение к войне и населения, и красноармейцев также стало более спокойным. Военная тема постоянно фиксируется и в разговорах, и в слухах, и при отслеживании «антисоветских» выступлений, но в 1928 – первой половине 1929 г. рассуждения о войне становятся более абстрактными и довольно тесно связаны с недовольством политикой государства в отношении деревни. Разочарование во власти выливается в ожидания поражения Советской власти, среди красноармейцев постоянно циркулируют разговоры о том, что крестьяне воевать не пойдут вовсе или обернут штыки против партийцев и командиров. В Средне-Азиатском ВО, например, зимой 1928/29 г. ПУР зафиксировал случай выступления на политза-

нениях группы красноармейцев из зажиточных крестьян, которые заявили, что «крестьяне ждут войну и там возьмут свое» и – одновременно – «из крестьян на войну никто не пойдет». Интересно отметить, что примерно половина присутствовавших к этим высказываниям отнеслась сочувственно⁴⁰. Усиливается политическая напряженность не только в обществе в целом, но и в красноармейской среде, что не в последнюю очередь было связано с поиском «кулацких агитаторов» и с жесткими социальными чистками армии.

Новая волна «военной тревоги» охватила страну в связи с событиями на КВЖД в 1929 г. Вновь, как и летом–осенью 1927 г., проявляется широкий спектр настроений в связи с возможным началом войны, возрождается мобилизационная модель поведения населения. Военные сборы воспринимаются как реальная мобилизация, начинается лихорадочная закупка продуктов, спичек и керосина.

Вполне естественно, что особенно интересовались событиями на КВЖД военнослужащие. Газеты в частях начали расходиться нарасхват, читать даже те, кто до этого никогда газет не читал, причем нередко на покупку прессы красноармейцы тратили собственные деньги. Не только на официальных митингах, но и в разговорах горячо обсуждались мероприятия власти по разрешению конфликта, причем большинство считало, что политика СССР недостаточно решительна, высказываются опасения, что после КВЖД Советский Союз отдаст Октябрьскую (!) железную дорогу, а Украину – Польше. Вспоминали и историю с Бессарабией, и русско-японскую войну: «Мы на Востоке слабы. В 1905 г. обожглись на Японии и потому так слабо поступаем сейчас». Попытки дипломатического решения конфликта красноармейцы расценивали неоднозначно: некоторые требовали немедленного наступления («Кровь бушует, хочет, но не может найти выход. Единственный выход – вооруженное столкновение»), расценивают будущую победу СССР как начало мировой революции, другие наоборот считали, что мирная политика позволит избежать обострения конфликта,

следовательно, продолжится успешное экономическое развитие страны. Высказывалось и мнение, что повод для конфликта слишком ничтожен для начала войны: «Зачем мы держим железную КВЖД (так в документе. — М.К.) Наша политика не колониальная. Нужно отдать дорогу», «из-за какого-то куска железной дороги мы хотим объявить войну». Высказывались опасения, что «Китай-то будет воевать не один, ему будут помогать все другие страны», в то время как в возможной поддержке СССР западным пролетариатом уверенности не было. Характерно, что, несмотря на все усилия пропаганды по укреплению убежденности в технической мощи РККА, страх перед превосходством западных армий так и не был изжит: «Вот наши все хвалятся, что у нас пулеметы и другое оружие, а разве у противника его нет. Там вот пушки на 250 верст стреляют, там электричество все делает, а у нас что... прилетят самолеты и за 1 месяц задашат СССР». Сомнения в силе боевой техники накладывались на опасения, что крестьянство не захочет воевать за Советскую власть⁴¹.

Реальная угроза войны выявила, что далеко не все красноармейцы готовы воевать. Участились случаи срыва резолюций о безоговорочной защите СССР из-за опасений, что тех, «кто поднял руку за резолюцию, в первую очередь пошлют добровольно» (с начала 1929 г. до октября было зарегистрировано 20 таких случаев)⁴². Кампании по записи добровольцев на Дальний Восток также далеко не всегда проходили успешно. В одной из частей Сибирского ВО, например, несмотря на оказанное на красноармейцев давление, в ротах записывалось не более 5 человек, а всего в полку насчитали только 250 добровольцев⁴³.

Опасения войны вновь вывели на первый план проблему взаимоотношений рядовых и комсостава. Кроме обычных уже угроз выстрелов в спину, зарегистрированы были и довольно интересные рецидивы менталитета времен Гражданской войны в вопросе о контроле членов ВКП(б) над начсоставом: «если мы, бойцы, замечаем, что комотделения действует неправиль-

но, мы его слушать не будем. Если я в боевой обстановке вижу, что комотделения неправильно руководит, то я, как партиз, могу застрелить его на месте»⁴⁴.

Начавшиеся боевые действия позволяют оценить, насколько потенциально опасные для боеспособности армии настроения реализовались в действительности. Оказалось, что при выходе на китайскую границу произошла внутренняя консолидация частей Особой дальневосточной армии, дезертирства практически не было, были зарегистрированы только отдельные случаи трусости, вполне естественные для частей без боевого опыта, даже «кулацкие настроения» сошли на нет. Усилилось доверие красноармейцев к командирам: «мы раньше думали, что командиры будут в бою сзади нас, оказывается, мы ошибались»⁴⁵.

«Военные тревоги» были неотъемлемой частью советской повседневности, они позволяли поддерживать боевую готовность армии, спланировать и красноармейцев, и общество перед лицом внешней опасности, что было особенно важно в условиях обострения внутривосточной ситуации накануне коллективизации. Меры по военизации общества фактически вели к постоянному ощущению чрезвычайного положения, что повышало эффективность пропаганды, убеждавшей в необходимости сосредоточения всех сил на проведение индустриализации и коллективизации и оправдывало чрезвычайно низкий жизненный уровень населения. Кроме того, «военные тревоги» позволяли выявлять «социально-чуждые» элементы, превращаясь таким образом в средство постоянного контроля власти над обществом.

¹ См., например: *Нежинский Л.Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // *История СССР.* 1990. № 6. С. 14-30; *Sontag J.P.* The Soviet War Scare, 1926-1927 // *The Russian Review.* 1975. Vol. 34, N 1. January. P. 66-77; *Tucker R.C.* The Emergence of Stalin's Foreign policy // *Slavic Review.* 1977. Vol. 36, N 4. December. P. 563-589; и др.

- ² См.: *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление советского военно-промышленного комплекса, 1921-1941. М., 2001.
- ³ *Сенявская Е.С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8.
- ⁴ *Голубев А.В.* Великобритания в сознании советского общества на рубеже 1920-30-х годов // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994; *Кудюкина М.М.* Запад в представлении российского крестьянства (конец 1920-х гг.) // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; *Голубев А.В.* «Царь Китаю не верит...»: Союзники в представлении российского общества, 1914-1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; *Он же.* «Мировая республика» или «закрытое общество»? (СССР в 1920-30-е гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002; *Кулешова Н.Ю.* И.В.Сталин и «капиталистическое окружение», 1920-1930-е гг. // Там же; и др.
- ⁵ *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов: состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль. Орел, 2000.
- ⁶ *Рожков А.Ю.* «В Москве я слышал одно, здесь вижу другое...»: Красноармеец 20-х годов: картина мира и социальный облик // Социс. 2000. № 10; *Он же.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002.
- ⁷ Социальный состав РККА в конце 20 – начале 30-х годов был следующим (в процентах). (См.: Красная Армия и коллективизация деревни в СССР, 1928-1933 гг. Napoli, 1996. С. 72, 216):

Годы	Рабочие	Батраки	Крестьяне	Служащие	Прочие
1927	21,8	—	65,4	8,6	4,2
1929	24,3	3,0	60,6	9,2	2,9
1930	31,2		57,9	8,7	2,2
1931	34,4		55,6	8,5	1,5

- ⁸ *Шафир Я.* Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 130.

- ⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 811. Л. 56. В свою очередь, как отмечалось в материалах 4-го управления штаба РККА в конце 1927 г., в военных кругах иностранных государств возможности начала войны Советским Союзом также напрямую связывались с внутривнутриполитической ситуацией: «правители СССР предпримут войну лишь в том случае, если они отчаются в своем внутреннем положении. Они тогда сознательно все поставят на карту. Но ввиду того, что они, по-видимому, еще надеются поддержать свой режим, они не пойдут на военную авантюру, которая была бы жестом отчаяния» (Там же. Д. 941. Л. 100).
- ¹⁰ Там же. Д. 911. Л. 169 об., 172, 199.
- ¹¹ Там же. Д. 970. Л. 65, 71.
- ¹² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.) М., 2001. Т. 4: 1926 г., ч. 1. С. 638.
- ¹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 911. Л. 171, 199 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 962. Л. 31-32.
- ¹⁵ Там же. Д. 1195. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Оп. 27. Д. 37. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Оп. 28. Д. 1195. Л. 10.
- ¹⁸ Там же. Д. 1196. Л. 2.
- ¹⁹ Правда. 1927. 18 декабря.
- ²⁰ Там же. 1928. 26 сентября.
- ²¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1195. Л. 25 об.
- ²² Там же. Д. 953. Л. 101.
- ²³ Там же. Д. 1428. Л. 3.
- ²⁴ Правда. 1927. 9 января.
- ²⁵ Там же. 14 января.
- ²⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 354. Л. 7-7 об.
- ²⁷ Там же. Оп. 27. Д. 29. Л. 18.
- ²⁸ Там же. Оп. 28. Д. 354. Л. 8 об.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 35 об., 57 и др.
- ³⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 354. Л. 8 об-9 об.
- ³¹ Сталин И.В. Соч. М., 1954. Т. 9. С. 170.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 63.
- ³³ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 354. Л. 8.
- ³⁴ Там же. Д. 251. Л. 111, 114.
- ³⁵ Там же. Д. 587. Л. 274.
- ³⁶ Там же. Д. 573. Л. 50 об.
- ³⁷ Там же. Л. 51.
- ³⁸ Там же. Д. 911. Л. 26-36.
- ³⁹ Партийно-политическая работа в Красной Армии, 1921-1929 гг.: Документы. М., 1981. С. 446.

⁴⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 109. Л. 90.

⁴¹ Там же. Д. 109. Л. 4-7; Д. 78. Л. 16; Д. 104. Л. 178.

⁴² Там же. Д. 109. Л. 59.

⁴³ Там же. Д. 62. Л. 90 об.

⁴⁴ Там же. Д. 78. Л. 20.

⁴⁵ Там же. Л. 18 об.

**«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1927 Г.
КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ
В НЭПОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(по материалам Юга России)**

Анализ политических настроений важен для историков советского общества по ряду причин. Прежде всего, слабо изучены факты и события ментальной истории из-за многолетнего господства истории «событийной». Приходится одновременно выявлять новые источники, осмысливать их содержание и давать событиям теоретические объяснения. Во-вторых, засилье в советский период монистических интерпретаций прошлого затормозило применение специальных методов исследования психологии масс. В-третьих, динамика политических настроений в кризисном обществе – тема, болезненно созвучная нынешним проблемам России. Важно понять, как объективно взаимосвязаны внутригосударственные и внешние факторы политической жизни; каким образом кризисное общество воспринимает внешние угрозы (подлинные либо мнимые); в чем различия представлений социальных групп общества об этих угрозах. Особенно злободневный аспект темы – осмысление региональных особенностей проявлений массового сознания, что позволит выявить «траекторию» потоков политической информации из «центра» общества на «периферию» и обратно.

Состояние историографии политических настроений южно-российского сообщества на исходе нэпа противоречиво. За советский период историки привлекали свидетельства о восприятии «военной угрозы» 1927 г. на Юге России для описания классовой борьбы и «кулацкого саботажа хлебозаготовок», для демонстрации единства «трудящихся» перед лицом возможной интервенции. Данный подход проявился в работах Ю.С.Кукушкина, В.А.Сидорова, В.И.Иванова и П.Г.Чернопицкого¹. Историки 1950-1980-х гг. были вынуждены ввиду цензурных ог-

раничений описывать разрозненные «положительные» для советской идеологии факты, а не интерпретировать всю совокупность данных.

На исходе «перестройки» публикуются первые научные работы в рамках плюрализма концепций и методик анализа. В.П.Данилов, Н.А.Ивницкий, О.Р.Лацис, К.Г.Мяло выявляли воздействие политических настроений на переход к ускоренной коллективизации и на слом нэпа². Л.Н.Нежинский, Н.С.Симонов установили мнимость «военной угрозы» конца 1920-х гг. и выдвинули предположение о ее макрополитических последствиях для советского общества³.

К.Г.Мяло применила концепт «народная культура» для структурирования фактов массового сознания и поведения⁴. Вместе с тем основной поток историографии рубежа 1980-1990-х гг. осмысливал новые факты и давал им эмоциональные оценки в духе развенчания советской эпохи, но очень мало продвинулся в теоретическом осмыслении темы. На этом этапе идет запоздалое «открытие» позднесоветскими авторами качественно более профессиональной традиции науки русского зарубежья. По концептуальной глубине можно отметить работы П.А.Сорокина, С.С.Маслова, П.Н.Милюкова⁵, предвосхитившие многие современные оценки ментальности времени нэпа. Впрочем, часто цитировались и эмпирико-публицистичные работы П.Л.Макаренко, М.С.Френкина⁶, предлагавшие попросту поменять местами «полюса оценок» без углубленного теоретического анализа.

Постсоветская историография темы все более дробится на узкоспециализированные и плюралистичные по мировоззренческим основаниям направления. Так, теоретические модели политического сознания 1920-х гг. создаются в русле «Школы Анналов» и ее традиции анализа менталитета. Особо отметим значение концептуальных работ И.С.Кузнецова, С.В.Ярова, А.А.Вилкова, В.Г.Безгина⁷. В них предложена система понятий и категорий анализа исторической психологии применительно к реалиям 1920-х гг. Социологический анализ проблемы на

основе количественных методов провели Д.Х.Ибрагимова, И.Е.Кознова, А.И.Черных⁸. Значительный интерес представляют теоретические разработки З.А.Чеканцевой о ментальности народных движений в кризисном обществе⁹, Е.С.Сенявской и В.С.Тяжельниковой – о психологии личности на войне¹⁰.

Наряду с выявлением диахронной логики массовых настроений созданы интерпретации «синхронных» измерений (dimensions) менталитета по важнейшим проблемам, волновавшим региональное сообщество Юга России 1920-х гг., а также измерений менталитета крупнейших социальных групп. Так, в работах А.В.Баранова политическое сознание исследовано в качестве фактора региональных политических процессов и структурирования многоукладного общества¹¹. А.Ю.Рожков в русле «социальной истории» и анализа повседневности выявил параметры общественного мнения молодежи¹². Специализированное исследование политического сознания земледельцев Дона провела Д.Пеннер (США)¹³.

В историографии сохраняется мнение, по которому общество 1920-х гг. было пассивным объектом воздействия монопольной власти РКП(б), а оппозиционные (да и просто самостоятельные) настроения проявились слабо, в основном – среди партийной элиты. Парадоксальным образом это мнение переходит из работ советских историков в публикации и сторонников либерального прочтения истории (Э.Ю.Соловьева, И.М.Клямкина, Э.Ю.Баталова)¹⁴, и авторов «государственнического» течения («сменовеховцев», В.В.Бабашкина)¹⁵. Многие авторы (Д.Х.Ибрагимова, В.В.Бабашкин) не учитывают региональные особенности сознания¹⁶, что обедняет и делает спорными их выводы.

Источниковая основа анализа политических настроений включает в себя столь разнородные виды документов, как информационные сводки и обзоры органов ВКП(б) и ОГПУ, аналитические записки и доклады, стенограммы заседаний партийных и государственных инстанций, служебную и частную переписку, обращения граждан в органы власти и газеты, а также воспоминания¹⁷.

Наиболее ценны концептуально и содержательно сборники ранее секретных документов, построенные по видовому принципу: «Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране», «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», «Голос народа», «Письма во власть»¹⁸. В этих публикациях впервые обеспечен достойный уровень источниковедческого и археографического анализа темы, комментирования документов. Так, составители сборника «Совершенно секретно...» избрали видовой принцип построения публикации, отказались от выборки источников в пользу сплошной пофондовой публикации. На нынешнем этапе развития знаний это полезно, хотя возникает опасность односторонней оценки событий на основе одного избранного вида источников. Положительно следует оценить сохранение в публикуемых обзорах ВЧК-ОГПУ указаний на реквизиты первичных источников – информационных сводок уездных, губернских, транспортных структур ВЧК-ОГПУ. Предпринятый нами в 1991-1998 гг. анализ аналогичных сводок и обзоров регионального уровня по административным единицам Северо-Кавказского края позволяет перепроверить общегосударственные сводные данные, выявить утраты и перетолкования смысла изучаемых фактов.

Итак, в современных исторических исследованиях качественно расширилась эмпирическая база выводов. Начался плодотворный обмен методиками между различными социальными и гуманитарными науками. Можно говорить о применении подходов исторической психологии и социологии применительно к анализу событий 1920-х гг. Вместе с тем текущий этап развития познаний – первоначальный. Сохраняет разрыв между общетеоретическими трудами и применением их выводов на материале локальных исторических ситуаций. Слабо изучены пространственные и этносоциальные субкультуры, их проявления в ментальности различных страт многоукладного общества. Среди причин такого состояния науки – слабая изученность документов личного происхождения и рассекреченных информационных сводок ВЧК-ОГПУ, взгляд на факты под

односторонним углом зрения государственной политики, невнимание к динамике и региональным особенностям событий.

Цель нашей статьи – выявить роль «военной тревоги» 1927 г. как фактора политических настроений в нэповском обществе. Потребуется решить ряд взаимосвязанных задач:

- выбрать и аргументировать гипотезу о модели политических настроений применительно к многоукладному обществу 1920-х гг.;

- провести классификацию типов политических настроений, определить их признаки и особенности;

- выявить региональную специфику реагирования южно-российского сообщества и отдельных групп его населения на «военную угрозу».

Территориальная выборка данных ограничена округами тогдашнего Северо-Кавказского края с преобладанием славянского населения. Ныне это пространство примерно совпадает с границами Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев.

Временные рамки исследования (с осени 1926 по осень 1927 г.) выбраны с учетом наложения двух хронологических циклов: развития внешней политики СССР и региональных процессов развития политического сознания.

Исходной для нас стала парадигма политического сознания.

Политическое сознание определяется в современной науке как система знаний и оценок индивида, группы или общества о политике. Сознание выражает интересы своих носителей по поводу власти и влияния. Обычно выделяют теоретический и обыденный, индивидуальный, групповой и массовый уровни сознания. Нас интересует массовое и групповое обыденное сознание, так как именно оно могло легально проявляться и влиять на политические процессы в условиях авторитарного режима 1920-х гг.

Массовое сознание включает статичные (ценности, социальные установки и стереотипы, психологический склад, мен-

талитет), а также динамичные компоненты (массовые настроения по поводу текущих событий). Массовое сознание определяет тип политической культуры общества и обуславливает наиболее типичные («ожидаемые» в соответствии с менталитетом) варианты поведения. Групповое сознание охватывает совокупность представлений, предпочтений и ролевых позиций, определяющих поведение различных общностей людей. Индикаторы активности в данном случае – содержание, направленность и интенсивность процессов сознания¹⁹.

Учитывая доминирование крестьянства в социальной структуре и формировании ценностей северокавказского общества 1920-х гг., анализ массового и группового сознания ведется преимущественно на сельском материале.

Единицами анализа являются в данном случае зафиксированные в письменной форме проявления политического сознания: суждения, требования и лозунги, запросы и просьбы, призывы и предупреждения, обещания и заверения, приветствия, постановления неправительственных объединений. Динамика сознания характеризуется взаимосвязанными изменениями как круга наиболее значимых проблем, так и политических установок самих субъектов мировосприятия. Динамика сознания зависит от следующих факторов: уровня осведомленности людей; меры расположенности рассматривать события через призму политики; степени реального участия в политических процессах и уровня активности²⁰.

Особенности источниковой базы, позволяющие делать репрезентативные выводы, – регулярная периодичность официальных сводок о политических настроениях и обзоров писем; полнота охвата объекта анализа; высокая оперативность информирования органов власти и возможность проследить их реакцию на принятие решений.

Можно выдвинуть гипотезу о взаимовлиянии институциональной и коммуникативной подсистем советского общества 1920-х гг. Авторитарная модель власти с ее атрибутивными признаками (моноидеологией, ограничениями политического

плюрализма, государственным информационным и цензурным контролем, «выборочно-показательными» репрессиями) качественно изменила каналы коммуникации в сравнении с дореволюционным, относительно «свободным» обществом. Обратная связь между источником доминирующего потока информации (госаппаратом) и пассивным потреблением (лояльным населением) была значительно затруднена, т.к. контролировалась системой органов власти²¹. Альтернативное (оппозиционное) информирование граждан могло совершаться лишь бессистемно в виде распространения слухов, рассказов случайных очевидцев, а гораздо реже — листовок и т.п. Обрисованные черты модели коммуникации еще резче проявлялись в случае распространения сведений и реагирования на внешнеполитические импульсы. Возникал эффект «кривых зеркал». Советские граждане выражали свое мнение о нереальных событиях (например, о войне между СССР и Великобританией, о создании опальным Троцким «крестьянской армии» против режима) более активно, чем о действительно произошедших событиях, «маркированных» официальной пропагандой.

Выдвинута гипотеза, по которой сущность политических настроений зависела от системы долгосрочных факторов социальной среды: от территориальной, классовой, сословной, имущественной идентичности социальных страт и индивидов. Учитывая доминирование сельского населения в социальной структуре (80,2% в 1926 г.), что определяло профиль ценностей южнороссийского общества, анализ настроений ведется в основном на примере казачества и крестьянства. Исследования факторов менталитета Юга России, предпринятые на временном интервале 1920-х гг., позволяют выделить высокую значимость социокультурных водоразделов: религиозного, сословного, центрально-периферийного, имущественного, по уровню доходов²².

Вместе с тем отсутствие предпосылок формализации всех данных коренным образом осложняет применение количест-

венных методов. Поэтому использован метод экстраполяции в отношении гипотезы Д.Х.Ибрагимовой, выделившей 4 макротипа сознания по письмам сельских жителей страны в «Крестьянскую газету». Сравним итоги корреляционного анализа, сделанного Ибрагимовой, с нашей гипотезой о структуре массового сознания земледельцев края.

Изучив письма в «Крестьянскую газету» за 1923–1924 гг., Ибрагимова выявила частоту обращений по регионам страны и определила 4 макротипа сознания на основе частоты встречаемости 24 индикаторов. Мы сравнили количественную типологию Ибрагимовой с описательными моделями, предложенными другими авторами – И.С.Кузнецовым, Л.Б.Хвостовой, М.М.Кудюкиной, Д.Э.Пеннер²³. Наше исследование показывает необоснованность мнения, по которому политические ориентации крестьян 1920-х гг. слабо коррелировали с их социальным статусом. Так, группы «примирившихся» с властью и «любопытствующих» казаков, выделенные Д.Э.Пеннер на эмпирическом материале, почти полностью совпадают с середняцкой толщей казачества. Группа «непокорных» имела ядро среди зажиточных, сторонники Советов – почти сплошь бедняки.

Первый, «рыночно-демократический», тип политического сознания отмечен прежде всего у малочисленного предпринимательского слоя деревни и у сельской интеллигенции. Тип «Б», по терминологии Ибрагимовой, охватывал 13% авторов писем. Они выступали за рыночное хозяйство, соглашаясь на государственное регулирование в пределах хозяйственной эффективности. Они жаждали постоянства законов и политических действий власти. Ключевым их стремлением было обогащение за счет индивидуального землепользования и свободной торговли. Зажиточные крестьяне понимали рынок прежде всего как свободу хозяйствования без государственного нажима, при постоянных финансово-кредитных и налоговых «правилах игры»²⁴.

Представители данного типа были наиболее образованными и рационально мыслящими в нэповской деревне. Как пока-

зал К.Б.Литвак, они отнюдь не стремились напролом к военному свержению большевистской системы, а надеялись на ее самоперерождение и искусно использовали ради этого легальные структуры (советы, земельные общества, кооперацию и т.д.)²⁵. Например, на Юге России зажиточный слой казачества требовал возродить дореволюционный порядок землепользования, ввести свободу внешней торговли, реабилитировать политзаключенных и «лишенцев», обеспечить конституционное равенство прав для хлеборобов и рабочих²⁶. Повсеместно зажиточные казаки расценивали либерализацию режима в середине 1920-х гг. как признак слабости РКП(б) и возможность разложить власть изнутри. Эти попытки повысить политический статус эффективно пресекались органами управления уже в 1926-1928 гг.

Второй, «общинно-социалистический», тип политического сознания имел сравнительно широкую опору в трудовом крестьянстве, прежде всего – в его середняцкой и зажиточной группах. Д.Х.Ибрагимова определяет «тип А» среди авторов писем в «Крестьянскую газету» как неоднородный конгломерат защитников общины и семьи, недовольных местной повседневной политикой. Среди них проявлялись как традиционные настроения (религиозность, бытовой антисемитизм, жалобы на цены и налоги), так и обновленчество (поддержка просвещения, общее доверие к системе власти)²⁷. Именно выразители этих настроений определяли облик нэповской деревни, в наибольшей степени выражая ценности общинного крестьянства. Как показал Н.Н.Покровский, основу нравственности общинного крестьянства составляли обычаи и нормы трудовой этики (идеал «честного вольного труда» на своей земле), а не грубо-уравнительные настроения. Нельзя приписать основной толще крестьян и поддержку сталинской системы, так как «народный монархизм» противоречиво сочетался с антифеодальными и даже антигосударственными суждениями²⁸. Вспомним, например, расшифровку «ВКП(б)» в 1928-1930 гг.: «второе крепостное право (большевиков)». И.С.Кузнецов доказал существова-

ние крестьянских представлений о бедности как следствии личной лени; вместе с тем «кулак» понимался как человек, наживший богатство нечестным путем (ростовщицеством, спекуляцией, угнетением своих односельчан и т.п.). Нельзя считать данные представления симптомом согласия крестьян-середняков с коммунистической идеологией. Это – критика «чрезмерного» неравенства изнутри рыночной системы, в ее рамках, на патриархальном «языке»²⁹.

И рыночная конкуренция, и «классовая» политика власти размывали целостность общинного типа. Его политические ценности сосредотачивались в идее «третьего пути» – исправления советской системы на основе эсеровской утопии трудо-властия. Если зажиточные земледельцы желали создать «Крестьянский союз» как оппозиционную партию, то середняки – как своеобразный сельский профсоюз и легальный канал защиты хозяйственно-культурных интересов. Характерным было осуждение частной собственности на землю среди кубанских казаков: «Ни сонця, ни місяця, ни землі продавати нельзя»³⁰.

Именно хранители «общинного» типа наиболее часто поддерживали идею региональной и этносословной самобытности. Они выступали за сильную личную власть (президентство во всей стране и атаманское правление в казачьих областях). Показательно их миролюбие в условиях обострявшейся политической борьбы 1926-1927 гг.: «Пусть будут налоги, но не будет войны»³¹. Идеологическая непримиримость ВКП(б) и карательные меры ставили заслон действиям этих «попутчиков» советской власти, но справиться с ней было несравненно сложнее, чем с антисистемной «кулацкой» оппозиционностью. Негибкая тактика местных управленцев толкала средние слои станиц к союзу с зажиточными.

Третий, «уравнительно-коммунистический», тип политического сознания был в наибольшей мере присущ маргинальным группам крестьянства – батракам, рабочим-отходникам, немущим переселенцам, бывшим красноармейцам. Для них показательна неукорененность в социальной среде, малообразо-

ванность, эсхатологические ожидания социализма. Д.Х.Ибрагимова фиксирует эти явления в типе «В» (13% авторов писем) и типе «Г» (14,6%) массового сознания. Первый из них представлен разорившимися крестьянами (88% авторов) и мелкими служащими. Тип «Г» менее однороден. В его составе преобладали служащие, в том числе 30% — коммунисты и комсомольцы, а единоличных крестьян лишь 5%³². Для них характерны пренебрежение к индивидуальному труду как безысходно-убыточному, надежда на государственную помощь как единственное спасение; поддержка колхозов; требования усилить налоги для зажиточных односельчан и отменить привилегии «бюрократов»³³. Их спланивала ненависть к нэпу — «буржуазному перерождению» революции, месть уцелевшим врагам времен гражданской войны, желание «очистить» власть от взяточничества. Спектр их отношения к власти весьма широк — от призывов к «третьей революции» и к истреблению «перерожденцев» до слепого ревностного исполнения директив.

Парадоксальным образом анархические проявления сочетались с требованиями навести порядок и установить твердую личную власть. Во время наибольших уступок РКП(б) крестьянству (1925-1926 гг.) именно бывшие красноармейцы и партизаны выступали за «прежнюю власть», при которой партия «держала в ежовых рукавицах» Советы. Бесспорно, эти всплески недовольства направлялись против отдельных местных злоупотреблений, а не против всей системы. По мере свертывания нэпа бедняки возвращались к поддержке ВКП(б). Они выразили этот сдвиг настроений в характерной фразе: «Мы хоть и ругаем соввласть, но мы будем ее защищать»³⁴.

Оценивая тип сознания сторонников уравнилства, следует отличать стихийно возникавшие структуры сознания и поведения от результатов идеологического воздействия власти. Длительная гражданская война стала главным событием в жизни целого поколения, сформировала систему ценностей: культ насилия, пренебрежение законами, нетерпимость, упрощенное восприятие мира по схеме «кто не с нами, тот против нас». Пар-

тийно-государственная власть не только поддержала в конце 1920-х гг. антинэповские настроения, но и направила их в общее русло построения тоталитарной модели социализма³⁵.

Все изученные типы политического сознания обладали общими качествами: невозможностью для крестьян стать полноправным *субъектом* политики, харизматическим восприятием власти и значительным потенциалом конфликтности. Нэп как стратегия гражданского мира ограничивал противоборство типов сознания.

Весной 1926 г. начинается постепенное свертывание нэпа («левый зигзаг», по меткому выражению Троцкого). Ужесточено законодательство о выборах. Повышена прогрессия налогов. Ради ускоренной индустриализации общественный продукт перераспределялся в пользу государственной промышленности, что вело к заниженным ценам на сельскохозяйственные товары, к вытеснению частных и кооперативных производителей с рынка. Явно выдохся и постепенно был прекращен курс РКП(б) на сотрудничество с трудовым казачеством. Главный фактор, разжигавший политические конфликты, — ускоренное землеустройство бедняцких (в основном переселенческих) хозяйств за счет трудовых наделов казачества. Власти совершенно не учитывали, что источником доходов «кулака» был чаще всего труд семьи. Весной 1927 г. дело дошло до внесудебных расправ над «антисоветскими элементами».

Детонатором кризиса нэпа стала «военная тревога» 1927 г., вызвавшая преувеличенную боязнь интервенции и восстаний. Слухи о близкой войне взбудоражили все слои общества. Конфронтационность настроений быстро росла. Большая часть станичной бедноты воинственно поддерживала власть и требовала оружия. Противоречиво отзывались на «тревогу» бывшие партизаны и красноармейцы. Они сочетали воинственность с желанием «штыками вычищать засевших бюрократов» и «подраструсить всю верхушку». Партизан из станицы Воронежской заявил: «первым долгом перед войной надо выбить заядлых казаков, чтобы в тылу не было разбоя и банд». Появи-

лись слухи о создании ополчения во главе с опальным Д.П.Жлобой. Многие ветераны намеревались создать независимые «союзы красных партизан», дезертировать, так как «теперь не обманут... обещали многое, а в действительности ничего не дали...»³⁶. В станице Ладожская (Кубань) бывшие красные партизаны связывали свою агрессивность с непосильными налогами. Они заявляли: «Пусть нас сажают, а за свой труд мы платить (налоги. — А.Б.) не будем. Даешь вторую войну. Пойдем бить тех, кто облагает красных партизан»³⁷.

Важно отметить противоречивое отношение крестьян к власти. Жестоко критикуя самые неприемлемые для себя проявления советской системы, беднейшие крестьяне понимали, что только эта власть спасает их от мести казаков. В с. Ладовская Балка на Ставрополье толпа крестьян потребовала от сельсовета провести призыв в армию. Они заявили: «Казак уже мобилизуются и они пойдут не на защиту Советской власти, а против нее, а потому и мы требуем мобилизации, чтобы быть готовыми к защите соввласти»³⁸.

Середняки и связанные со станицей рабочие-сезонники считали, что война будет проиграна из-за отсталости советского оружия и враждебности европейских рабочих. Они опасались разорения из-за военных реквизиций: «Пусть будут налоги, но не будет войны». Типично примирительное заявление казака-середняка из станицы Родниковской: «Пора забыть делиться на казаков и иногородних, если будет война, то я не хуже тебя буду защищать Советскую власть»³⁹. Однако «иногородние» середняки Ставрополья сохраняли вековую вражду сословий: «Ведь казаки готовы нас разорвать, но нет, мы этого не допустим. Для нас соввласть, может, и не хорошая, все же мы ее любим, за нее головы клали и еще положим»⁴⁰. В сознании малообразованных середняков антизападная риторика властей скорее порождала пацифистские настроения. Так, в с. Стародубском Терского округа лозунг Крестьянского союза понимали как своего рода интернационал: «Мы желаем поддерживать крестьян западных государств, а когда нам придется

круто, чтобы и они нас поддерживали»⁴¹. Характерны пацифистские заявления сектантов-духоборов (Сальский округ Дона) и крестьян с. Арзгир (Терек): «Мы никаких границ не признаем и по мере сил своих стараемся поддерживать свое хозяйство для блага всемирного братства... Мы войны не желаем и быть готовыми к обороне – тоже»⁴².

Зажиточные крестьяне и казаки, служащие и торговцы были едины в желании поражения СССР и надеялись на белый десант: «дай только войну, и на Кубани пойдут восстания»; ждали восстаний и в армии, где «много наших ребят»; «наши придут, тогда снова (землю. – А.Б.) делить будем». Надежды возлагались на саморазложение или уступки ВКП(б) под нажимом: «Одни извне, а другие изнутри – вернее будет... Хуже и тяжелее не может быть. Власть все равно поправеет». После войны «будет лучше и рабочим, и всем, так как не будет советской власти». Помня о красном терроре 1920–1924 гг., зажиточные хлеборобы боялись арестов и заложничества, готовы были первыми прибегнуть к насилию, чтобы обезопасить себя⁴³. Серьезным предупреждением о возможном взрыве негодования стали массовые беспорядки в станицах осенью 1927 г. Так, казаки станицы Старокорсунской сорвали засев 70% переданных крестьянам земель, портили инвентарь, поджигали дома и избивали иногородних⁴⁴.

Таким образом, отношение к войне жестко увязывалось в сознании зажиточных станичников с сословной мстью и переделом земли. Например, в Шахтинско-Донецком округе казаки заявляли: «Как только начнется война, мы... сейчас же будем в лесу и побьем хохлов». Часто эти угрозы приводили к уличным стычкам и к угрозам расправ (станицы Ольгинская и Ключевая, Ахтырская на Кубани). Бывшие белые повстанцы были особенно непримиримы: «Мы вот скоро вам устроим воробьиную ночь, уничтожим даже тех, кто в люльке качается... Я родился казаком и умру казаком, а с законами соввласти я никогда не согласен»⁴⁵.

Обобщенная оценка оппозиционных настроений в связи с «военной угрозой» 1927 г. приводится в докладной записке Информотдела ОГПУ «Об антисоветских проявлениях в деревне за 1925-1927 гг.». Бросается в глаза, что Северо-Кавказский край наряду с Центральной областью лидировал по количеству «пораженческих» выступлений (соответственно 1803 и 1832 случая из 7269 в СССР за лето 1927 г.). В пределах края 50% лиц, призывавших к поражению в будущей войне, причислялись к «казакам-кулакам, зажиточным и середнякам», а 20% – к интеллигенции и «антисоветским элементам». Впрочем, большая часть эмоциональных высказываний не вела к антигосударственным действиям, тем более в массовых и организованных формах⁴⁶. Мнимая угроза войны и надвигавшийся кризис хлебозаготовок ускорили изоляцию, а затем и разгром рыночных структур многоукладного общества, что повлекло за собой насильственную унификацию политического сознания, раскрестьянивание и расказачивание.

Таким образом, на эмпирическом материале 1927 г. подтверждается гипотеза о сословно-классовой сегментации политического сознания земледельцев Юга России. Выявлено, что «военная тревога» 1927 г. воспринималась всеми социальными группами сельских сообществ региона как важный и реальный фактор политического процесса, оказала серьезное влияние на поляризацию настроений земледельцев. «Военная тревога» высветила высокий конфликтный потенциал сообщества (разумеется, складывавшийся длительно и под влиянием комплекса разнородных факторов). Зажиточные крестьяне и казаки, часть служащих, «нэпманы» проявили неприятие советской практики властвования и надеялись на успешную войну ради свершения режима. Средняцкая толща крестьянства и часть казачества была настроена пацифистски и, скорее всего, осторожно ждала исхода событий. Наконец, третий тип настроений характерен для бедняцких слоев «иногогородних» крестьян, для рабочих и маргинальных групп. Это – антинэповский экстремизм и желание воинственно защищать «подлинную» советскую власть от перерождения.

Региональная специфика массового сознания на Северном Кавказе проявлялась в сравнительной традиционности, этнословной расколотости, более позитивном, чем по стране, восприятии рынка, организованности казаков и крестьян. Одновременно обострились конфликты, усилилось влияние маргинальных слоев на политику местных управленцев. Раскол структуры массового сознания – один из ключевых факторов успеха курса свертывания нэпа.

Опыт развития политического сознания 1920-х гг. подтверждает разнообразие ориентаций и ценностей многоукладного общества, опровергает стереотипы прямолинейного пути России «от царизма к тоталитаризму», доказывает наличие потенциала свободы и достоинства российских граждан.

¹ Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921-1932 гг.). М., 1968; Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне, 1921-1929 гг. М., 1978; Иванов В.И., Чернопятский П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Ростов н/Д, 1971.

² Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют, 1927-1932. М., 1989. С. 9-50; Лацис О.Р. Перелом. М., 1990; Мяло К.Г. Оборванная нить: Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. 1988. № 8. С. 245-256.

³ Нежинский Л.Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14-30; Николаев Л.Н. Угроза войны против СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.): Реальность или миф? // Советская внешняя политика, 1917-1945 гг. М., 1992. С. 63-90; Симонов Н.С. «Крепить оборону Страны Советов»: («Военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155-161.

⁴ Мяло К.Г. Указ. соч. С. 245-256.

⁵ Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1922; Маслов С.С. Россия после четырех лет революции: В 2 ч. Париж, 1922; Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции: В 2 т. Париж, 1927.

⁶ Макаренко П.Л. 3 життя Кубані під радянською російською комуністичною владою (1920-1926 рр.) // Кубань: Збірник статтів

- про Кубань і кубанців. Прага, 1926. С. 75–192; *Френкин М.С.* Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918-1921 гг. Иерусалим, 1987.
- ⁷ *Кузнецов И.С.* Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Новосибирск, 1992; *Яров С.В.* Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918-1923. СПб., 2001; *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997; *Безгин В.Г.* Традиции и перемены в жизни российской деревни, 1921-1928 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1998.
 - ⁸ *Ибрагимова Д.Х.* Нэп и Перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; *Кознова И.Е.* Крестьяне и власть в аграрных преобразованиях XX века // Крестьяне и власть. М.; Тамбов, 1996. С. 56-65; *Черных А.И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.
 - ⁹ *Чеканцева З.А.* О новом подходе к истории народных движений // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 74-86.
 - ¹⁰ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; *Тяжельникова В.С.* «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х годов // Военно-историческая антропология, 2002. М., 2002. С. 291-305.
 - ¹¹ *Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.). СПб., 1996. С. 229–260; *Он же.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 265-279.
 - ¹² *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002.
 - ¹³ *Penner D.* Pride, Power and Pitchforks: Farmer-Party Interaction on the Don, 1920/28. Berkeley, 1995; *Пеннер Д.Э.* Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и Коммунистической партией в 1920-1932 гг. // Голос минувшего. [Краснодар], 1997. № 1. С. 23-26.
 - ¹⁴ *Соловьев Э.Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. М., 1990. С. 162-235; *Клямкин И.М.* Какая дорога ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11; *Баталов Э.Я.* Советская политическая культура // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 32-41; 1995. № 3. С. 60-70.
 - ¹⁵ Смена вех. Прага, 1921. С. 124, 74-75, 133, 61; *Бабашкин В.В.* Крестьянский менталитет: Наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99-110.

- ¹⁶ *Ибрагимова Д.Х.* НЭП и перестройка... С. 10-23; *Бабашкин В.В.* Указ. соч.
- ¹⁷ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1998; Письма во власть, 1917-1927 гг. М., 1998; Крестная ноша: Трагедия казачества. Ростов н/Д, 1994. Ч. 1.
- ¹⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). М., 2000-2002. Т. 1-4; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1; М., 2000. Т. 2.
- ¹⁹ *Кузнецов И.С.* Указ. соч. С. 5-10; *Ибрагимова Д.Х.* Указ. соч. С. 10-23.
- ²⁰ *Баталов Э.Ю.* Указ. соч. // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 62.
- ²¹ Близкие нашей догадки на ином историческом материале высказаны в изданиях: Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. М., 2002; *Турицын И.В.* Власть и пресса в Советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998.
- ²² *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар, 1998. С. 251-329; *Казачий Дон: очерки истории.* Ростов н/Д, 1995. Ч. 1. С. 59-65; *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа... С. 78-110.
- ²³ *Кузнецов И.С.* Указ. соч.; *Хвостова Л.Б.* Кооперация и общественное сознание советского крестьянства, 1925-1929 гг. М., 1990; *Кудюкина М.М.* Отношение к деятельности Советов многонационального крестьянства Северного Кавказа // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 113-126; *Пеннер Д.Э.* Взаимоотношения...
- ²⁴ *Ибрагимова Д.Х.* НЭП и перестройка... С. 195-196.
- ²⁵ *Литвак К.Б.* Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. 1991. № 2. С. 129-142.
- ²⁶ Центр документации по новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 37; Д. 595. Л. 555-557; Крестная ноша: Трагедия казачества // Дон. [Ростов н/Д], 1990. № 5. С. 48.
- ²⁷ *Ибрагимова Д.Х.* НЭП и перестройка... С. 195.
- ²⁸ *Покровский Н.Н.* Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225-231.
- ²⁹ *Кузнецов И.С.* Указ. соч. С. 46-48, 33-34, 42-43.
- ³⁰ Революция в деревне: Очерки. М.; Л., 1925. Ч. 2. С. 63.
- ³¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 195. Л. 210 А-219; Д. 595. Л. 42, 43, 95; Центр документации по новейшей истории Краснодарского края

- (ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 374. Л. 15; Кубанская станица на выборах в советы. Краснодар, 1925. С. 14; Информационный листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. Париж, 1925. № 12. С. 21-22.
- ³² *Ибрагимов Д.Х.* Рыночные свободы и сельский менталитет // Крестьяне и власть. С. 267-268, 262-263, 264.
- ³³ *Кузнецов И.С.* Указ. соч. С. 63, 72-76, 83.
- ³⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 92.
- ³⁵ *Кузнецов И.С.* Указ. соч. С. 72-83; *Голубев А.В.* Россия, век XX... // Отечественная история. 1997. № 5. С. 83-84.
- ³⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 5; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 44, 50, 91, 92, 95.
- ³⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-НКВД. Т. 2. С. 581.
- ³⁸ Там же. С. 596.
- ³⁹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 374. Л. 15; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 42, 43, 94-95.
- ⁴⁰ Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-НКВД. Т. 2. С. 596.
- ⁴¹ Там же. С. 615.
- ⁴² Там же. С. 585, 576.
- ⁴³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 3, 4, 13, 14; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 795. Л. 90, 93, 94, 52.
- ⁴⁴ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 41. Л. 263.
- ⁴⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2. С. 499, 560, 573, 589.
- ⁴⁶ Там же. С. 628-629, 19.

АРМИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В 1930-е ГОДЫ: ДВА ВЗГЛЯДА СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

«...Между действительностью и мечтой громадная разница; кто пренебрегает знанием действительности, тот вместо спасения идет к гибели».

Н.Маккиавелли

В 1930-е годы в СССР с каждым годом все настойчивее отмечался рост международной напряженности и непосредственной угрозы новой мировой войны¹. В число потенциальных противников СССР уже в конце 1920-х гг. были включены практически все капиталистические державы², хотя с особой силой на их враждебное окружение было указано в конце 1936-начале 1937 г.³ В то же время в качестве наиболее агрессивных, вынашивавших откровенно захватнические планы в отношении СССР, были выделены Япония, оккупировавшая в 1931 г. Манчжурию, и фашистская Германия. Столкновение с ними не исключалось на двух фронтах, и потому к армиям этих стран было приковано самое пристальное внимание. Однако в силу указанных обстоятельств японская армия раньше других заняла центральное место в советской пропаганде, а о германских вооруженных силах с особой остротой заговорили лишь после прихода Гитлера к власти в 1933 г. и введения в стране всеобщей воинской повинности в 1935 г.

При оценке боеспособности вооруженных сил капиталистических государств учитывался целый ряд факторов: численность всех родов войск, количественные и качественные показатели их технической оснащенности, развитие военнo-доктринальных концепций, степень боевой подготовки личного состава и его морально-политическое состояние. Данные об этом содержались в выступлениях военных и политических

лидеров, опубликованных и не попавших в печать, но предназначенных для пропагандистов разного уровня; брошюрах, прежде всего, из серии «Библиотека красноармейца»; материалах периодических изданий. В частности, в центральном органе Наркомата обороны – газете «Красная звезда» – имелась постоянная рубрика «Военные известия», оперативно откликаясь на появление новейших боевых средств во всех зарубежных армиях. Кроме того, была специальная рубрика, предназначенная для анализа поступающей из-за рубежа информации о состоянии их военно-теоретического багажа и его технического обеспечения («За рубежом», «Обзор зарубежной печати», «Обзор иностранной печати о характере будущей войны» и т.п.). Бесспорно, что максимальная беспристрастность, объективность оценок боеспособности вероятных противников, а также единство подходов в данном вопросе имели исключительно важное значение для эффективной подготовки Красной армии к будущим сражениям. Между тем следует констатировать, что в освещении иностранных армий проявились две тенденции, которые, по существу, отразили разные взгляды на указанную проблему в высшем военно-политическом руководстве страны.

Первый взгляд можно охарактеризовать как «профессионально-военный». Его главными выразителями были видные представители военной элиты, прежде всего, «лидер № 1» Красной армии М.Н.Тухачевский и второй из двух «гениев» – И.П.Уборевич⁴. Оба они получили военную специальность еще в дореволюционной России, в 1920-1930-х гг. бывали в Германии и хорошо знали рейхсвер. Их деловое отношение к германской и другим зарубежным армиям, высказывания о различных сторонах боевой подготовки, играя огромную роль в формировании представлений военных специалистов, способствовали складыванию объективного подхода в показе реального положения дел.

Если в 1933 г. ряд советских военных не видел прогресса в развитии военно-теоретических идей и военно-технических

средств германской армии, отмечая, что «концепции германского Генштаба устарели, что у немцев нет ни мощных бронетанковых войск, ни многочисленной авиации»⁵, то уже в начале 1935 г. заместителем наркома обороны М.Н.Тухачевским была дана совершенно иная картина происходившего. В статье «Военные планы нынешней Германии», опубликованной 31 марта в газете «Правда», им были изложены основные идеи новой германской военной доктрины. Они сводились к необходимости создания могучей армии вторжения, которая прорывается на территорию противника и наносит ему внезапные молниеносные удары. Для этой цели применяются, прежде всего, воздушные и моторизованные силы. По мнению автора статьи, их необыкновенно быстрый рост, вопреки запретам Версальского договора⁶, уже на третий год власти Гитлера привел к созданию такой армии вторжения, которая стала «сильнее всей французской армии мирного времени». Кроме того, знаменитый военачальник обратил внимание на ускоренные темпы создания массовой регулярной армии, которая, имея тенденцию к троекратному увеличению за год, уже к лету 1935 г. должна была достичь численности около 850 тыс. человек⁷. По оценкам М.Тухачевского, неоднократно звучавшим также в его последующих выступлениях, у Красной армии появился сильный потенциальный противник. И, несмотря на констатацию им роста численности РККА к 1936 г. до 1300000 человек, он фактически предостерегал ее от переоценки собственных сил: «мы в армии особенно не зазнаемся успехами, и не бывает такого года или момента, когда бы мы были успокоены на том, что у нас имеется»⁸.

Критический взгляд на состояние нашей и других армий был характерен и для командующего Белорусским военным округом командарма 1 ранга И.П.Уборевича. В своем выступлении на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ весной 1936 г. после полуторамесячной поездки по странам Европы он, неоднократно ссылаясь на мощь РККА, в то же время обратил внимание на такие достижения иностранцев, до которых

нам было еще очень далеко. В частности, он прямо заявил, что в вопросах моторизации немцы «занимают первое место. Имеют очень много автомобилей. Строят хорошие шоссейные дороги. Дороги во Франции, даже в Австрии по сравнению с нашими хорошие. Наши – это позор». Сильно отстали мы и по уровню физического развития молодежи: «Если вы посмотрите на немецкую молодежь, на немецкое войско, то мы по сравнению с ними очень хилые и слабые». Столь же высоко охарактеризовал И.Уборевич уровень грамотности и культурности населения западных стран и, соответственно, личного состава их армий, подчеркнув, что в будущей войне культура наряду с моторизацией сыграет чрезвычайно большую роль. «Я бы сказал, там грамотный народ и культурный. Хотя мы их культуру называем буржуазной, но я думаю, что знать хорошо математику, географию, естественные науки – неплохо». Положение же в Красной армии в данном отношении, по его мнению, составляло желать много лучшего. Он констатировал, что «каждый призыв бойцов из деревни приносит нам в казармы 35% малограмотных на сотню... это люди, которые еле-еле напишут фамилию и в час прочтут две страницы... У нас имеются инженеры, техники, которые не знают, под каким соусом едят термодинамику, не знают дробей...»⁹. А между тем, подчеркнул Уборевич, только грамотность даст возможность хорошо изучить технику, которая в будущей войне будет играть решающую роль.

В русле отмеченных приоритетов и оценок подавалось освещение армий капиталистических стран в ряде статей периодических изданий и книг. Примечательно, что в передовой статье газеты «Красная звезда» от 13 сентября 1935 г. подтверждалась мысль о мощной военной технике как важнейшем факторе победы, а при равноценной технике – решающей роли людей: их искусства, умения, знания, сноровки и воли¹⁰. И в соответствии с этим обращалось внимание на подготовку личного состава зарубежных армий. Например, подчеркивалось, что германские войска усиленно заняты военной учебой, при-

чем в Генеральном штабе видели резкую грань между той работой, которую приходилось проводить в старой кайзеровской армии, и той, которая стала необходимой в современной армии в связи с ее новым техническим оснащением. А в начале сентября 1936 г. было указано на установленный в Германии порядок прохождения военной подготовки: «с 6 лет – в школе, с 10 лет – в детских организациях, с 14 лет – в союзе “гитлеровская молодежь”, с 18 лет – в штурмовых отрядах, с 19 лет – в лагерях трудовой повинности, с 20 до 22 лет – на действительной военной службе»¹¹.

Необычайно быстрый рост вооружений и численности армий был отмечен во всех капиталистических державах того времени. Не только в Англии и Франции, но даже в таких государствах, как Швейцария, Голландия, Норвегия, Дания началась реорганизация вооруженных сил в связи с угрозой со стороны Германии. При этом обнаружилась общая тенденция: переход к массовым армиям, хорошо оснащенным современными средствами борьбы¹². Появление огромного числа танков и самолетов, как указывалось в центральном органе НКО, повлекло за собой коренное изменение представлений о характере будущей войны, то есть способах ее ведения, по сравнению с кануном мировой войны 1914 г. Особенно ярко оно проявилось у германской военщины, основными стратегическими лозунгами которой провозглашались внезапность, наступательность, маневренность. Причем немцами ставилась задача вовлекать ударные группировки противника в «мешок»¹³. Таким образом, огромная роль техники в будущей войне была признана повсеместно. Поэтому правильным, с точки зрения советских военных профессионалов, считалось утверждение, что в конечном счете «преимущество всегда останется на той стороне, которая более сильна численно, более совершенна технически, лучше подготовлена и знает, за что она дерется»¹⁴.

Последним из перечисленных факторов традиционно придавалось важнейшее значение в японской армии. В советских брошюрах начала 1930-х гг., предназначенных для красноар-

мейцев и младших командиров, указывалось на следующее положение действовавшего в ней с 1929 г. Устава: «победа в бою достигается не численным превосходством и не материальным преимуществом, а хорошей подготовкой, волей к победе и боевым наступательным духом». Действительно, как подчеркивалось, боевая подготовка японцев осуществлялась на очень высоком уровне. Офицеры до тонкостей знали военное дело и умели держать в руках свою часть. Солдаты приходили на службу, как правило, уже грамотными, а зачастую и с предварительной допризывной подготовкой. В самой армии они могли пополнить свои знания в различных областях: там широко проводилась культурно-просветительная работа, имелись курсы по сельскому хозяйству, рыболовству, географии, истории и арифметике. Но основной задачей ставилась отличная выучка одиночного бойца в соответствии со взглядами на способы ведения войны.

В популярной военной литературе отмечалось, что в качестве главного вида боевой деятельности в японской армии считалось наступление, которое требовало большой подвижности и внезапного нападения на противника. Вследствие этого войска совершали марши в сложных условиях, были натренированы к наступательным действиям, физически развиты и выносливы. Успехи учебы обеспечивались в значительной мере чрезвычайно строгой дисциплиной и длительным рабочим днем военнослужащего. Японцы считали, что их солдаты по своей подготовке стояли выше бойцов других армий¹⁵.

Рядовые и командиры Красной армии из информационных источников также узнавали, что проявлявшаяся первоначально недооценка японцами противника и материального обеспечения боевых действий приводили их войска, несмотря на решительность, к частым поражениям. Осознание силы и значения новейших технических средств борьбы способствовало ускоренному оснащению ими японской армии, хотя она позже других и в меньших масштабах начала развивать авиацию, танки и химические войска. В результате проведенной в 1934-1936 гг.

реорганизации и технического перевооружения армии подготовка военнослужащих была поставлена на самый современный уровень¹⁶.

Помимо военного обучения, как следовало из красноармейских пропагандистских материалов, во всех армиях капиталистических государств большое внимание уделялось вопросам морально-политического воспитания. Японская армия, придавая этой стороне подготовки огромное значение, существенно опережала многих в данном отношении¹⁷. Японский офицер воспитывался в духе «бусидо» (путь самурая), то есть в духе старых самурайских требований: быть беззаветно преданным своему господину, правдивым, храбрым, испытывать презрение к смерти и пр. Солдаты также были обязаны неуклонно выполнять семь требований, завещанных еще императором Мэйдзи: «Любить Японию, быть храбрым, быть верным служакой, послушным офицеру, быть нравственным, честным, примерным»¹⁸. Советским читателям, не только военнослужащим, доводилось до сведения, что для руководства всей моральной подготовкой солдат в частях японской армии в 1927 г. были созданы специальные политические комиссии. К тому же их политическим воспитанием, помимо непосредственной строевой подготовки, занимался офицерский состав, получивший соответствующие знания в военных школах. В солдатских клубах регулярно читались лекции, демонстрировались кинокартины, проводились беседы на военно-патриотические темы. Бойцов водили на театральные постановки и эстрадные представления, для них издавались армейские журналы, газеты и книги. При этом характерной особенностью взаимоотношений в японской армии являлось то, что командир выступал в качестве «отца-командира», заботившегося о солдатах, как «родной отец». Он «обставляет приход новобранца в казарму всевозможными церемониями, он непосредственно сносится с родителями призванного, он навещает родителей солдата, если имеет возможность, он получает от родителей все посылки и письма, направленные солдатам, и распределяет их. Офицеры

устраивают специальные вечера для семей, призванных в армию или на флот, совместно с военно-патриотическими организациями»¹⁹.

Такие взаимоотношения между офицером и солдатом, как разъяснялось в советских изданиях, были обусловлены действием патерналистского принципа в Японии, когда в роли «отца-благодетеля» на фабрике выступал хозяин, а в масштабе всей страны – обожествленный император. Миф о том, что император являлся потомком бога солнца, миф о божественном происхождении японского народа легли в основу государственной религии Японии. Священник в армии являлся одним из важнейших звеньев в аппарате политической обработки бойца. Нередко солдат водили на экскурсии в многочисленные храмы, которые, по существу, являлись военными музеями и предназначались для внедрения «славного духа предков»²⁰.

В ряде книг, рассчитанных не только на РККА, но и широкую общественность СССР, приводились данные о внушении японским военнослужащим мысли, что их народ стоит неизмеримо выше других народов и поэтому он должен «объединить» все страны мира, что их армия непобедима, а государство – «особое государство», которое надо превратить в «великую и величайшую» Японию²¹. При этом огромное воздействие на укрепление моральной стойкости японских бойцов оказывало утверждение, что армия служит боевым оружием императора, который непосредственно ею командует. На такой основе солдатской массе, воспитанной в духе преданности существующей власти, небезуспешно прививались высокая дисциплинированность и беспрекословное повиновение. Приказание высшего начальника означало приказание, полученное от императора. Причем преданность власти, государству, нации включала в себя идею самопожертвования. Боец должен был либо победить, либо умереть в бою, но ни при каких обстоятельствах не мог отступить или сдаться в плен. Иначе он не имел права вернуться на родину, а офицер, попавший в плен, должен был покончить самоубийством²².

В советской военной пропаганде первой половины 1930-х гг. делался вывод, что умело поставленная в рамки твердой дисциплины на основе соответствующего воспитания японская армия оставалась послушным средством и орудием японского империализма. Этому в немалой степени способствовало и создание во всех воинских частях специальных отделов жандармерии для наблюдения за «неблагонадежными» лицами. Не удивительно, что приводимые факты «солдатских бунтов» и «подлинного мятежа» в японской армии зачастую квалифицировались у нас как «мелкие случаи». Так же, как сообщения о «революционных боях» в стране сопровождались констатацией их немногочисленности, разрозненности и стихийности²³.

На указанные отличительные свойства японского народа и его армии обращал внимание и И.П.Уборевич. Он также указывал на утвердившееся «отцовское» отношение офицеров к солдатам, подчеркнув, что в силу сложившихся национальных традиций к воспитанию последних привлечены и родители. Знаменитый командарм дал очень высокую оценку японской армии: «Солдаты там очень послушны и выносливы. Поэтому можно считать, что это армия лучшая в мире, построенная на умелой агитации, на малосознательности бойцов и на большой технической выучке»²⁴. Не обошел он вопроса о внутривнутриполитическом положении в этой крупной капиталистической стране, отметив неразвитость в ней классовых противоречий и борьбы, благодаря проведению особой политики и религии. И не случайно в красноармейской периодике и литературе указывалось на то, что в Японии, где исключительное значение придавалось моральному состоянию не только войск, но всей нации, а также их единению на основе воспитания с ранних лет патриотизма, уважения к офицерам и беспрекословного повиновения священной воле «божественного» императора, разделяли взгляды германских военных на «тотальную» войну²⁵, в которой активное участие примет не только армия, но и весь народ²⁶.

Отмечалось, что и в Германии после прихода фашистов к власти сложилась сходная ситуация в отношении мобилизации

духовных сил нации, ее «морального вооружения» для предстоявшей борьбы «расы против расы, нации против нации... души против души» (Розенберг)²⁷. В трудах советских и зарубежных авторов, переведенных в СССР, раскрывалось, что немцам, глубоко ощутившим унижение чувства национального достоинства условиями Версальского договора, внушалась мысль о миссии третьей империи сбросить с себя все цепи, наложенные иностранным игом, смыть позор, освободить «томящихся» за границей немцев и создать «великую Германию». Культ войны, солдатского духа, идея «непобедимости» германской армии, а также самопожертвования во имя Родины получили небывалое распространение. В результате миллионы людей превратились в солдат, их души и мышление были милитаризованы. «Организация массового психоза стала политическим фактом»²⁸.

И.Уборевич, характеризуя ситуацию в Германии, также отметил, что «Гитлер очень сильно использует национальное немецкое чувство». Указав, что внутренняя политика фюрера направлена против крестьянства и части рабочих, советский военачальник вместе с тем констатировал значительное сокращение безработицы, создание большой армии, ежегодный прирост промышленной продукции, а также резкое снижение активности рабочего движения, которое было обезглавлено в результате репрессий против коммунистической партии. «И сегодня, — заявил Уборевич, — можно сделать вывод, что Гитлер в Германии сидит крепко»²⁹.

Таким образом, военно-профессиональный взгляд на армии капиталистических стран в советской пропаганде отличался трезвым и объективным анализом важнейших показателей их боеспособности, под углом зрения которого особенно фиксировались их сильные стороны, в том числе по сравнению с РККА. При этом политический фактор (общественное устройство, форма правления, классовая борьба, идеологическая обработка военнослужащих), который давался к тому же с учетом глубоких национальных, религиозных, психологических корней,

был отделен от оценок состояния военно-стратегических идей и технических достижений. Это создавало условия для использования реальных фактов о положении в буржуазных государствах и их вооруженных силах, формирования верных представлений о потенциальных противниках. В результате существовавшая на основе такого взгляда тенденция в освещении иностранных армий способствовала наибольшей мобилизации сил личного состава РККА и всего советского народа, исправлению недостатков и проведению усиленной военной подготовки. Именно ей принадлежала доминирующая роль в системе военной пропаганды в первой половине и середине 1930-х гг.

Однако наряду с такой тенденцией действовала и другая, формировавшая представления о силе возможных противников на основе догматически утрированного классового подхода, идеологизированных штампов и гипертрофированного преувеличения политического фактора. Она являлась отражением «политического» взгляда в советской пропаганде, главными выразителями которого являлись «сам» И.В.Сталин и его ближайшее окружение в военном руководстве. Характерная для них приверженность определенным военно-доктринальным установкам, особой «пролетарской» стратегии и особому «пролетарскому духу» красноармейцев³⁰, а также признание примата политики над военной наукой и необходимости политического вмешательства непосредственно в военное искусство, получили утверждение в тенденции политизации и идеологизации военного дела, которая набирала силу со второй половины 1920-х гг. Почти одновременно с нею, с конца 1920-х гг., стала быстро идеологизироваться система международной информации³¹. Вследствие данных процессов при освещении ситуации в иностранных армиях основной задачей являлось доказательство их принципиальных отличий от РККА, подчеркивавших, прежде всего, слабость наших вероятных противников.

Знаменательной вехой в данном отношении стала речь Сталина «О трех особенностях Красной Армии» 25 февраля

1928 г., посвященная десятилетию Красной армии, в которой на основе исключительно политических характеристик давались оценки боеспособности РККА и армий всех капиталистических государств. В качестве одного из основных источников слабости последних, независимо от социального состава, была выделена, как свойственная им, функция утверждения власти капитала и подавления трудящихся, в результате чего между армией и народом не могло быть никакого единства. «Обратили ли вы внимание, что... в капиталистических странах народ боялся и продолжает бояться армии, что между народом и армией существует преграда, отгораживающая армию от народа?» Данное обстоятельство обуславливало непрочность тыла таких армий и, в силу этого, их чрезвычайную уязвимость. «Что такое армия без крепкого тыла? Ничто. Самые большие армии, самые вооруженные армии разваливались и превращались в прах без крепкого тыла, без поддержки и сочувствия... со стороны трудящегося населения». Другой источник слабости всех армий буржуазных государств усматривался в воспитании их в духе захватничества, национального и колониального угнетения, ненависти к рабочим и крестьянам других стран, что служило превращению солдат в «послушное стадо» и исключало появление у них «друзей и союзников» в случае военных действий³².

Со своей стороны, на внутреннюю слабость армий капиталистических стран в десятую годовщину РККА обратил внимание нарком по военным и морским делам К.Е.Ворошилов. Безапелляционно, игнорируя национальный и другие факторы, он дал общую для всех характеристику взаимоотношений командного и рядового состава. «Командир есть начальник для солдата как в армии так и вне ее, — такова философия буржуазного командира... солдат и командир являются прежде всего представителями двух классов, двух общественно-враждебных лагерей». В силу данного обстоятельства солдат могли идеологически обрабатывать лишь на основе обмана и усыпления их классового сознания. Поэтому политработа там, резюмировал

Ворошилов, «достигает небольших сравнительно результатов». А между тем, заявил он, многие военные специалисты считают, что «на войне успех на три четверти зависит от моральной устойчивости и только на одну четверть от материальных факторов»³³.

Весьма показательно выделение наркомом приоритетов в военном строительстве и усилении боеспособности армии. Они совсем не согласовывались со взглядами видных представителей советской военной элиты, так же, как не отвечал реальной ситуации в разных армиях проведенный анализ их внутреннего состояния. Однако основанная на подобном взгляде тенденция в советской пропаганде получила благоприятные условия для своего развития в связи с выводом о построении в нашей стране социализма, который был зафиксирован в новой Конституции 1936 г.

С этого времени в красноармейской прессе периодически публиковалась указанная речь Сталина об особенностях РККА, в русле идей которой весьма интенсивно формировался информационный поток³⁴. Принижение качеств зарубежных армий во всех областях подавалось на основе сравнения и резкого противопоставления их советским вооруженным силам. В частности, подчеркивалось, что РККА стала технически самой передовой в мире, что она превосходит все другие армии своей культурой и силой своей политической сознательности, что такого «отличного состояния своих призывных контингентов не имеет ни одно капиталистическое государство»³⁵. Однако основной «удар по боеспособности» иностранных армий был нанесен в сфере военно-стратегических концепций.

В центральной газете НКО, рассчитанной на командный состав, утверждалось, что «буржуазные военные мыслители оказались беспомощными» в раскрытии причин, лежащих в основе совершенствования военного искусства. Наряду с теми, кто стоял на почве существования его вечных принципов, имелись и такие, которые, не отвергая их, выдвигали «военную технику как единственный, исключительный фактор развития

военного дела». А между тем, изменения в стратегии и тактике были обусловлены изменениями не только в военной технике, но и в социальном составе армии, свойствах людей, возможными лишь под воздействием революционного фактора. «Вот “тайна” военного искусства, в запертые ворота которой беспомощно стучалась и стучится буржуазная военная мысль»³⁶.

Отсюда следовало, что в буржуазных армиях ничего нового и достойного внимания в военно-стратегическом отношении создано не было. И, более того, невозможность достижения ими новейших способов ведения борьбы аргументировалась отсутствием необходимых для этого морально-политических качеств у личного состава. Главное, у него не было того революционного героизма и энтузиазма, который основывался исключительно на классовом сознании, высокой идейности и бескорыстном самопожертвовании во славу Родины. Пропандистский тезис о том, что геройские поступки в буржуазных странах «всегда связаны с деньгами, с личной выгодой», получил широкое распространение. «Общеизвестно, что солдатам буржуазных армий нередко перед сражением давали вина, после чего они в состоянии полудурения лезли в драку»³⁷. Подтверждением их плохого морально-политического состояния в современных войнах служило поведение фашистов в республиканской Испании. «Немецкие и итальянские летчики дерутся вместе, когда их много. Но в тяжелые моменты рассыпаются, придерживаясь принципа: “Спасайся, кто может”. Неудачи фашистов объяснялись тем, что их авиация служит оружием в руках захватчиков и интервентов», а успехи республиканцев – знанием, что «они идут в бой против фашизма, против самой мрачной реакции». Отсюда был сделан общий вывод: «Люди, следовательно, а не машины решают дело в бою»³⁸.

Против выведения прямой зависимости способов ведения войны от морального фактора, а также его одностороннего преувеличения в ущерб признанию роли техники в военных действиях накануне своего ареста публично выступил М.Тухачевский. Он резко критиковал тех «товарищей», которые

«утверждали, что для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца»³⁹. Однако высказывания знаменитого маршала не имели успеха. Напротив, развертывание беспрецедентной репрессивной кампании против видных советских военачальников, в том числе М.Тухачевского и И.Уборевича, устранило последнюю преграду для утверждения указанной тенденции в качестве господствующей.

Торжественным аккордом в честь одержанной победы прозвучало в начале 1938 г. фактически подряд в двух передовых газеты «Красная звезда» утверждение: «Сила армии – в правильной внутренней и внешней политике страны»⁴⁰. Именно от нее зависело укрепление или ослабление морального духа солдат. И если их души были охвачены сомнениями, а уж тем более, недовольством, то такие армии были обречены на поражение. Поэтому в качестве непреложной истины подавалась мысль, что при «равных арифметических данных самолет с пилотом-коммунистом в несколько раз сильнее, чем самолет с пилотом-фашистом или пилотом-наемником. Политика сидит внутри танков, и она действует даже тогда, когда отказывают бензиновые баки»⁴¹.

Действительно, политика капиталистических государств, особенно фашистских, судя по многочисленным материалам советской прессы, не отличалась большим разнообразием. Из года в год представляла одна и та же безрадостная картина жизни: голод, смерть, безработица, нищета, разорение, насилие и произвол. Показ усиливавшегося недовольства широких масс трудящихся капиталистическим строем, нарастания революционного подъема в этих странах подводил к заключению о повсеместном существовании «внутреннего фронта» против буржуазии. В 1938 г. категорично утверждалось об ослаблении фашистского режима за последние два года за счет сужения его социальной базы, а в 1939 г. – об отношении к нему подав-

ляющей массы германского народа, как к чуждой, враждебной власти, и создании под руководством КПП единого рабочего и народного антифашистского фронта⁴². Подобные заявления имели целью доказать ненадежность тыла всех буржуазных армий, а между тем, они во многом не отвечали реальному положению дел.

В основной своей массе немецкий народ поддерживал нацизм не только благодаря террору, эффективной пропаганде, но также его экономической и социальной политике, привлекательной для «простых» людей: безработных, малоимущих, рабочих и других слоев населения. Значительную роль сыграли и внешнеполитические успехи Гитлера, которые представили его перед массами в качестве борца с Версалем и главного выразителя национальных интересов немецкого народа. И именно 1938 год, когда с присоединением Австрии возникла Великая Германия, а затем 1940 год, когда победа над Францией уничтожила позор 1918 года, стали временем наивысшего взаимопонимания между «фюрером и народом». В таких условиях стремление внутригерманского Сопротивления вызвать к жизни массовое антифашистское движение являлось иллюзорным, и количественно оно распространилось на чрезвычайно малую часть населения⁴³.

Однако в искаженном свете пропагандируемой политики капиталистических стран подавалось и состояние их армий. Тяжелой и беспросветной выглядела жизнь в фашистских казармах. Германских солдат называли даже «узниками», подтверждая это фактами их плохого питания, насилием и издевательствами со стороны начальства. Например, на основе письма одного молодого новобранца, неизвестно как попавшего на страницы центрального органа НКО СССР, в качестве типичной рисовалась следующая картина: «Мы говорим больше всего о двух вещах: о невозможной жратве и невыносимой службе. Лазареты переполнены солдатами, страдающими тяжелыми желудочными заболеваниями... Нас... дико муштруют: бывают дни, когда у нас нет времени даже пообедать». Фашистская

казарма итальянского образца фактически не отличалась от германской. Указывалось, что в ней отсутствовали читальни и клубы, что солдаты часто спали «прямо на полу, на охапках соломы, укрываясь лишь одним одеялом», что высшее офицерство обращалось с ними, как «с собаками». Даже «отеческая» забота о солдатах со стороны офицеров японской армии квалифицировалась лишь как строжайший надзор за подчиненными, за их сношениями с внешним миром⁴⁴.

Такое положение, несмотря на стремление начальства превратить солдат в безвольные, покорные существа, способствовало, по материалам нашей прессы, проявлению их открытого недовольства. Советские издания пестрели сообщениями о дезертирстве, бунтах во всех фашистских армиях и даже расстрелах японскими бойцами, воевавшими в Китае, своих офицеров. Именно таким фактам придавалось ключевое значение, и это в то время, когда Политуправление РККА располагало точными данными о господствовавших в иностранных войсках умонастроениях. В частности, в материалах разведывательного управления по зарубежным странам содержалось письмо японского солдата Масао, написанное родителям 27 июля 1938 г., накануне событий у озера Хасан. В нем полностью подтверждалась верность японцев сложившимся традициям и «императорскому духу»: «У меня два будущих: смерть или воевать для империи... и вся... рота во главе с комроты Некути полна решимости победить или умереть. На моих плечах находится не только моя жизнь, а и жизнь 90-миллионного народа всего государства... я, прощаясь, буду кричать “банзай” императору»⁴⁵.

Но советской пропаганде было важно доказать, что классовые противоречия расшатывали изнутри капиталистические армии и в один прекрасный день они могли повернуть штыки против правящих классов, пойти вместе с народом. Не случайно К.Е.Ворошилов в своем докладе, посвященном 20-летию РККА и ВМФ, обратил внимание на политическую ненадежность в буржуазных государствах массовых армий, состоявших из рабочих и крестьян, как на главную причину их слабости. «Теперь

признано и проводится в жизнь всеми правительствами и генеральными штабами капиталистических стран правило: побольше боевых машин и современного оружия, но обязательно и самая большая армия, какую только в силах иметь данное буржуазное государство. Посмотрим, как только при этом будет разрешаться империалистами вопрос насчет опасности возможных “неприятных недоразумений” (читай революций), неизбежно связанных с большими мобилизационными армиями»⁴⁶.

Такая картина лишь выдавала желаемое за действительное. Объективный, всесторонний и конкретный анализ особенностей вооруженных сил капиталистических государств, развития у них специфических черт военного дела отсутствовал. Показательно, что в помещенной на страницах центральной газеты НКО от 5 мая 1937 г. рубрике «Читатели о “Красной звезде”». Критические замечания и предложения» майор И.Мазун в заметке «Наши требования, наши запросы» просил освещать «более подробно характеристику иностранных армий, как это практиковалось в 1934 г. об японской армии»⁴⁷. А в ноябре 1938 г. начальник учебного отдела Харьковской Военно-хозяйственной академии полковник А.Д.Пулко-Дмитриев обратился письменно к наркому обороны К.Е.Ворошилову с рядом предложений, касавшихся исследования армий фашистской Германии и Японии как двум передовым отрядам мировой буржуазии. Полковник считал, что необходимо путем «тщательного изучения боевых приемов Германии и Японии в минувших войнах и теперь, изучения всякого рода военной литературы... определить, как должна действовать РККА, чтобы успешнее бить врагов». Обосновывая свою мысль, он подчеркивал: «Для того, чтобы быть вполне подготовленным к решительному разгрому вероятного противника нужно твердо знать его сильные и слабые стороны, нужно постоянно и непрерывно изучать его боевые приемы и совершенствовать свои»⁴⁸.

Однако в тот период такие обращения не имели положительных результатов. Серьезный скрупулезный анализ зарубежных армий фактически был подменен политическими оцен-

ками, которые к тому же базировались не на реальных, а идеологизированных представлениях. И в конце 1938 г. «Красная звезда» продолжала муссировать тезис: фашизм в Германии «обречен на смерть. Этот строй не может выдержать серьезно-го испытания»⁴⁹, несмотря на наличие к тому времени данных о пагубности подобной пропаганды. Еще в июне того же года в Разведывательное управление РККА поступили материалы, переправленные затем Начальнику Политуправления Л.З.Мехлису, от полкового комиссара Колесникова, находившегося в Испании, в которых сообщалось о позиции выжидания некоторых представителей военного руководства республиканцев, уверенных в том, что «время... все равно работает на нас и фашизм в конце концов сам развалится и упадет»⁵⁰.

Данный подход к освещению важнейшего вопроса в жизни страны, блокируя доступ к достоверной информации, негативно сказался на подготовке Красной армии, поскольку вел к незнанию возможных противников. В общественном сознании прочно укоренились стереотипы об их слабости, легкости победы над ними, непрочности тыла всех капиталистических стран и политической нестойкости их армий. Все это имело отрицательные последствия в ходе кровопролитной советско-финляндской войны 1939-1940 гг., которая, в свою очередь, стала лишь небольшим прологом к всенародной трагедии, разыгравшейся в 1941 году.

¹ См.: Кулешова Н.Ю. «Не нынче-завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX-XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 267; Она же. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С.181-182.

² См.: Голубев А.В. «Царь Китаю не верит...»: Союзники в представлении российского общества, 1914-1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 329.

³ См., например: Красная звезда. 1936. 7 ноября. С. 2; Кулешова Н.Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 67-68.

- ⁴ См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 174, 179.
- ⁵ Там же. С. 181.
- ⁶ По условиям Версальского мирного договора 1919 г., завершившем первую мировую войну, в Германии отменялась всеобщая воинская повинность, вооруженные силы ограничивались 100-тысячной сухопутной армией, запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, военную авиацию, подводные лодки.
- ⁷ Правда. 1935. 31 марта.
- ⁸ Красная звезда. 1936. 16 января. С. 1, 2.
- ⁹ *Уборевич И.П.* Два очага опасности // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 42, 43.
- ¹⁰ См.: Красная звезда. 1935. 13 сентября. С. 1.
- ¹¹ Там же. 1936. 3 сентября. С. 2. См. также: Там же. 1935. 11 августа. С. 2.
- ¹² См.: Там же. 1935. 21 апреля. С. 2; 22 апреля. С. 2; 1936. 12 мая. С. 2; 1 июня. С. 2; 3 августа. С. 4; 1937. 26 февраля. С. 3; 27 февраля. С. 2; 27 марта. С. 2; 3 апреля. С. 3; 30 июня. С. 3; 21 сентября. С. 2.
- ¹³ См.: Там же. 1935. 1 августа. С. 3; 1936. 12 мая. С. 2; 16 мая. С. 2; 24 мая. С. 2; 9 августа. С. 3; 1937. 27 апреля. С. 3; 30 июня. С. 3; 14 августа. С. 3.
- ¹⁴ Там же. 1936. 16 мая. С. 2.
- ¹⁵ См.: *Сычев Ив.* Япония и ее вооруженные силы. М.; Л., 1930. С. 52, 53, 58; *Веселовский Н.* Япония и ее вооруженные силы. М., 1932. С. 23-25; *Виталин, Димов.* Япония и ее армия. М., 1934. С. 58-59, 86.
- ¹⁶ См.: Красная звезда. 1936. 12 декабря. С. 2; *Веселовский Н.* Указ. соч. С. 21, 25; *Виталин, Димов.* Указ. соч. С. 18, 57.
- ¹⁷ См.: *Сычев Ив.* Указ. соч. С. 56; Красная звезда. 1936. 27 июня. С. 2.
- ¹⁸ *Виталин, Димов.* Указ. соч. С. 35; см. также: *Веселовский Н.* Указ. соч. С. 23, 24.
- ¹⁹ *Лемин И.* Пропаганда войны в Японии и Германии. М., 1934. С. 102, 103. См. также: *Сычев Ив.* Указ. соч. С. 58.
- ²⁰ См.: *Лемин И.* Указ. соч. С. 46, 88, 89; *Виталин, Димов.* Указ. соч. С. 34.
- ²¹ *Виталин, Димов.* Указ. соч. С. 36; см. также: *Лемин И.* Указ. соч. С. 60.
- ²² См.: *Лемин И.* Указ. соч. С. 104-106; *Виталин, Димов.* Указ. соч. С. 86.

- ²³ Виталин, Димов. Указ. соч. С. 32; Веселовский Н. Указ. соч. С. 29; Сычев Ив. Указ. соч. С. 60, 61.
- ²⁴ Уборевич И.П. Указ. соч. С. 39.
- ²⁵ В Германии была издана книга одного из наиболее влиятельных генералов Эриха Людендорфа «Тотальная война». См.: *Ludendorff Erich. Der totale Krieg. München, 1936.*
- ²⁶ См.: Красная звезда. 1936. 27 июня. С. 2; Сычев Ив. Указ. соч. С. 57.
- ²⁷ Цит. по: Лемин И. Указ. соч. С. 22.
- ²⁸ Вудман Д. Германия вооружается. М., 1935. С. 240, 207, 195-196, 239; Лемин И. Указ. соч. С. 75, 18, 35, 42, 45.
- ²⁹ Уборевич И.П. Указ. соч. С. 40-41.
- ³⁰ См. подробнее: Кулешова Н.Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов. С. 61-72; Она же. Какой доктриной руководствовалась Красная армия накануне нападения Германии на СССР? // Преподавание истории в школе. 1998. № 1. С. 25-31.
- ³¹ См.: Россия и Запад... С. 80.
- ³² Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 22-25.
- ³³ Ворошилов К.Е. Статьи и речи. Л., 1934. С. 32-33, 15-16.
- ³⁴ См.: Красная звезда. 1936. 15 июня. С. 1; 9 сентября. С. 1; 20 ноября. С. 2; 1937. 28 октября. С. 1; 1938. 15 января. С. 2; и др.
- ³⁵ Там же. 1936. 4 сентября. С. 2; 18 июня. С. 1; 30 октября. С. 2.
- ³⁶ Там же. 5 августа. С. 2.
- ³⁷ Там же. 1937. 14 января. С. 3.
- ³⁸ Там же. 17 августа. С. 3; 26 апреля. С. 3.
- ³⁹ Там же. 6 мая. С. 3.
- ⁴⁰ Там же. 1938. 28 января. С. 1; 14 февраля. С. 1.
- ⁴¹ Там же. 7 ноября. С. 2.
- ⁴² См, напр.: Варга Е. Капитализм и социализм за 20 лет. М., 1938. С. 212, 206; Сегалл Я. Авантюристская политика и идеология германского фашизма. М., 1939. С. 198.
- ⁴³ См.: Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 202, 217, 232, 245; Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945-90-е годы). Кемерово, 1998; Моммзен Г. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933-1945 гг. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 270, 273.
- ⁴⁴ Красная звезда. 1937. 2 ноября. С. 3.
- ⁴⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 29. Д. 380. Л. 301.

- ⁴⁶ *Ворошилов К.Е.* XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. М., 1938. С. 13.
- ⁴⁷ Красная звезда. 1937. 5 мая. С. 3.
- ⁴⁸ РГВА. Красная Армия накануне Великой Отечественной войны 1935-1941 гг. Комплект документов из фондов ЦГАСА. 1992. Документ № 5. Л. 1.
- ⁴⁹ Красная звезда. 1938. 22 ноября. С. 4.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 380. Л. 208.

«ПОЛЬСКА СГИНЕЛА»: ОКАРИКАТУРЕННЫЕ МИРЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (1939 год)

Средства, которым отдается предпочтение в процессе формирования страноведческих образов, исторически обусловлены. Не вдаваясь в суть данной проблемы, лишь отметим, что некоторые средства по своему функциональному назначению являются носителями преимущественно позитивной или негативной информации. В этом состоит их специфика, без которой они немислимы. Качественная реклама импортных товаров и услуг на страницах модных журналов вызывает соответствующие представления о той стране, которая их производит или предоставляет. Востребованность таких однозначных средств зависит, разумеется, от конкретной исторической обстановки. Атмосфера конфронтации в международных делах, например, повышает внутренний спрос на политическую карикатуру. Последнюю можно назвать пристрастной оптикой. Она иронизирует и оскорбляет, подрывает чужую репутацию, способствует разрушению имиджа. Совокупность знаков, символов, ключевых представлений, отражающих *враждебное* отношение к объекту, создает образ сатирической тональности. Условность, метафоричность и пластичность карикатуры позволяют ей домысливать реальность, персонифицировать страноведческие образы, уподоблять государства и их лидеров зоологическим типажам. Семантическая адекватность действительности, по крайней мере попытка приближения к ней, не является основополагающим принципом карикатуры. Карикатура – это прежде всего инструмент воздействия на действительность, например, на общественное сознание, а не источник познания текущей действительности. Она заведомо тенденциозна и подчинена цели, которую преследует конкретная пропагандистская кампания.

Первостепенное внимание читателя к графическим материалам на газетной полосе повышает пропагандистские возможности карикатуры, которая замещает рациональный подход иррациональным. Типографский текст однообразен, требует усилий и времени для того, чтобы извлечь заложенную в нем информацию. Рисунок зрелищен, увлекателен, более прозрачен по смыслу и поддается быстрой расшифровке. Иногда выразительный рисунок гораздо доходчивее прокомментирует ситуацию в нужном ключе, чем скрупулезно подобранная статистика и подробное описание фактов. Карикатура, как правило, не приглашает человека к размышлению и самостоятельному анализу. Она предлагает готовую модель *отношения* к действительности, модель, уже содержащую на поверхности предписывающую и оценочную информацию.

Советские лидеры межвоенного периода, переквалифицировавшись из издателей подпольных листовок в распорядителей мощного пропагандистского аппарата, ценили настоящее средство и понимали значимость карикатуры в агитационном обиходе. Благодаря доходчивости рисунка, миллионным тиражам газет, популярности журналов и повсеместности плакатов, карикатура превратилась в привычный элемент советского быта. Рядовые современники освоили ее язык и почувствовали вкус к карикатуре, что нашло свое отражение в общественной самодеятельности. Чешский педагог К.Велеминский, посетивший СССР в 1929 году, писал о советском феномене стенных газет, которые остроумно составляются и иллюстрируются карикатурами: «Такие газеты вы найдете почти в каждом здании, где находится молодежь»¹.

Всесоюзные газеты и находившийся под патронажем редакции «Правды» журнал «Крокодил» регулярно обращались к карикатуре на международные темы. В 1930-е годы в «Правде» через день дежурили художники, которые оперативно обслуживали редакционные задания. Рисунки, касавшиеся зарубежных дел и политических лидеров, по свидетельству Б.Ефимова, проходили личную цензуру наркома иностранных дел М.Лит-

винова и даже достаивались рекомендаций И.Сталина². Подобные организационные рамки и высокопоставленная опека творчества художников позволяют говорить о карикатуре как о способе трансляции официальных мнений и в целом мировосприятия политической элиты на советское общество. Конфронтационный взгляд на мир, свойственный кремлевским вождям, и реальные международные противоречия эпохи обусловили особое внимание сатирической графики к источникам внешней угрозы. Как отмечал Емельян Ярославский, карикатура, ввремя пущенная в газете, в плакате, понятная массам, запечатлевает иногда на всю жизнь наиболее характерную черту врага³. Советская сатирическая графика межвоенного времени традиционно участвовала в формировании выразительных и устойчивых представлений современников о внешнем мире и субъектах международной политики. Посредством карикатуры советские люди оперативно дополняли или корректировали систему *негативных* символов, относящихся к зарубежью.

Настоящую функцию карикатуры иллюстрирует пропагандистская кампания осени 1939 года, развернувшаяся в Советском Союзе по случаю польского похода Красной Армии. Кампания, во-первых, совпала с демонтажем антифашистской пропаганды в СССР. После подписания советско-германского договора о ненападении стерилизации подверглись 23-й и 24-й номера журнала «Крокодил». Со стендов и со страниц периодики исчезает антифашистская карикатура и в целом рисунки с привычными силуэтами самураев и чернорубашечников. Антифашистские материалы, согласно ленинградской «Сводке важнейших запрещений и конфискаций» за 20-31 августа 1939 года, изымаются как «не соответствующие международной политике в данный момент»⁴. По словам Б.Ефимова, «художники-карикатуристы находились в этот период в исключительно неблагоприятных творческих условиях, напоминавших старую детскую игру “да и нет не говорите, черного и белого не называйте”»⁵. Во-вторых, кампания нарушила годичную паузу в сатирической обрисовке Польши. В октябре–ноябре 1938 года Мо-

сква и Варшава предприняли шаги по нормализации двусторонних отношений, обострившихся из-за неразборчивости польского правительства в выборе средств и партнеров в «виленском» вопросе и Судетском кризисе. Накануне обнародования советско-польского коммюнике (27 ноября 1938 года) советские художники дипломатично отвели свои взоры от Польши. Например, Б.Ефимов в карикатуре «Как провожал украинский народ...», которая прямо-таки была зарезервирована под Польшу, ограничился образами кайзеровского оккупанта, Скоропадского и Петлюры⁶. Мораторий сохранился до 17 сентября 1939 года. С первыми выстрелами на советско-польской границе московские, ленинградские, киевские художники вновь приобщаются к польской теме. Среди ее технических исполнителей можно упомянуть художников Бе-Ша (Б.Шаповала), В.Брискина и В.Фомичева, В.Гальба, Ю.Ганфа, Д.Дубинского, Н.Лиса (Н.Лисогорского), К.Елисеева, знаменитое трио Кукрыниксов, А.Козюренко, М.Х.(М.Храпковского), А.Резниченко. Редко кому из штатных художников удалось дистанцироваться от кампании, как, например, уроженцу Варшавы Л.Бродаты – одному из ведущих карикатуристов «Крокодила», в чьем творчестве сентябрьская Польша не была низведена до статуса мишени. Большинство же искренне или послушно снабдили газеты и журналы многочисленными рисунками. По подсчетам автора, около 30-ти плакатов отразили события польской кампании 1939 года, включая плакаты, выпущенные к первой годовщине присоединения западных областей Белоруссии и Украины к СССР. Часть из них была оформлена в жанре сатирической графики. Наиболее известные работы, напечатанные в основном в «Крокодиле» («польские» рисунки Л.Генча (Л.Оглуева), А.Каневского, И.Семенова и др.), экспонировались с 23 февраля по 20 марта 1940 года в залах Центрального дома работников искусств СССР. Совокупные усилия художников были направлены на создание такого образа Польши, которым в глазах современников в достаточной мере *оправдывалась* советская агрессия против запад-

ного соседа. Отметим также, что аудитория, к которой было обращено искусство художников, была и доступной, и одновременно широкой. Некоторые наиболее талантливые плакаты разошлись в десятках тысяч экземпляров, газеты – в миллионах, а разовый тираж журнала «Крокодил» составлял 275000 экземпляров.

Во-первых, Польша была обозначена в виде паноптикума национального угнетения, социального зла и деградации. В обобщающем рисунке Ю.Ганфа «Польские эмигранты» изображалось, как беглое «польское правительство» увозит в своей упряжке «голод», «нищету» и «бесправие»⁷. Социальные и политические пороки были представлены *базисной* ценностью и спутником санационного режима. В соответствии с этим на плакатах Г.Титова «Дождались правды», А.Рачевского «Хай живе наша рідна Червона Армія!», В.Иванова «Подать руку помощи братским народам Западной Украины и Западной Белоруссии – наша священная обязанность!», а также газетных рисунках А.Резниченко, М.Мельмана⁸ и других художников украинские и белорусские крестьяне изображались босыми, одетыми в обноски и непременно не по сезону, что, видимо, должно было усилить впечатление у зрителей. Кстати, советский фоторепортаж польской кампании заметно расходился с графическими фантазиями в стиле «так должно быть». Изможденные лица и сгорбленные фигуры крестьян, обязательные заплаты, а то и отчаянные прорехи на рубашках, как бы подтверждали, что Польша была страной нищеты и вопиющих социальных контрастов. В мае 1940 года в Главном павильоне Всесоюзной сельскохозяйственной выставки было выставлено панно известного живописца П.Соколова-Скаля «Освобождение от панского гнета» [«Освобождение Красной Армией Западной Белоруссии»], на котором довоенная Польша была символически разобщена на царство костелов и помещичьих замков, с одной стороны, и мир крестьянских изб в нахлобученных трухлявых крышах, с другой. Анахронизмы «панской» Польши подытоживались на рисунке Л.Генча «В Западной Бе-

лоруссии»: красноармеец, разглядывая уклад местной жизни, компетентно говорит: «Вот смотрю я на вашу жизнь, и кажется мне, что в музей попал»⁹. По мнению советских художников, такая страна была мачехой для трудящегося человека и не имела права называться родиной. Один из наиболее интересных авторов журнала «Крокодил» К.Елисеев, обслуживавший «польскую» тему со времени советско-польской войны 1920 года, в карикатуре «Существенный момент» попытался передать идею непатриотичности национальных меньшинств. Рисунок изображал польского офицера на вздыбленном коне, призывавшего крестьян выступить на защиту Польши от врагов («Панове, наше отечество в опасности!»). Демонстративно воткнутая в землю винтовка дополнялась ответом мужиков: «Не знаем, как ваше, а наше теперь уже в полной безопасности»¹⁰ (безопасность, конечно, несла Красная Армия).

Во-вторых, *семантика изображения была оскорбительной по отношению к институтам польской государственности*. «Польские» стандарты, характерные для советской карикатуры второй половины 30-х гг., можно свести к одной теме и двум сатирическим типажам. Советская карикатура игнорировала национальные проблемы Польши, высмеивая главным образом *внешнеполитический курс* польского правительства. Последнее чаще всего было представлено усатым шляхтичем в жупане и конфедератке (своеобразный «старомосковский» стиль) или в виде лакействующего человека в дипломатическом фраке, чей аккуратный пробор, длинный с горбинкой нос и оттопыренная нижняя губа заставляли вспомнить о министре иностранных дел Польши Юзефе Беке. Благодаря карикатуре Бек стал легко узнаваем советскими читателями наряду с Гитлером, Герингом, Геббельсом и Муссолини. Польский министр изображался в услужении германских хозяев, а недружественная Польша – пособником фашистских агрессоров. Разумеется, осенью 1939 года связь «Польша–Германия» была предана забвению. Зато польские типажы не только сохранились, но и были конкретизированы. Появились сатириче-

ские образы помещиков, фабрикантов и духовенства — привилегированного слоя «панской» Польши. Художником Бе-Ша в рисунке «Вам, панове, тут места нет», опубликованном в октябре 1939 года в киевской газете «Коммуніст», был перечислен каждый социально-враждебный тип: рабочий перед входом в Народное Собрание останавливает карликовые фигуры ксендза, капиталиста, петлюровца, офицера в пальто и кепке, которого выдавали лампасы и сапоги со шпорами, и т.д. В целом же советские карикатуристы ополчились на армию и правительство, представлявших польскую государственность.

Деморализация польской армии германским блицкригом и неосведомленность польского командования о намерениях сталинского руководства на момент вторжения Красной Армии обернулись для советской стороны относительно малокровной военной кампанией. Редкие, слабо организованные очаги сопротивления ополченцев и разрозненных польских частей были быстро нейтрализованы. Военная катастрофа, вызванная подавляющим превосходством вермахта и стратегическими ошибками военно-политического руководства Польши и ее союзников, была высокомерно истолкована советской пропагандой как победа Красной Армии над польскими войсками. Противник, искавший спасения в Румынии или Литве, но чаще всего бросавший оружие без единого выстрела, был необоснованно клеймен в трусости и подлости (автор, правда, считает правомерной эту характеристику в отношении карательных акций вооруженных отрядов против гражданского населения). В торопливой и не оригинальной карикатуре А.Козюренко «Охота в Беловежской Пуше» изображались красноармеец с винтовкой наперевес и скачущие от него зайцы в конфедератках и сапогах¹¹ (сравнение с зайцем командующего польской армии Рыдз-Смиглы часто встречалось в тогдашнем советском фольклоре). В «бегущем» состоянии польские офицеры были представлены в плакате З.Толкачева «Зійшла зоря. Брати діждалися волі, а лютий пан — покаранний мечем». Один из старейших украинских плакатистов Б.Крюков по заданию командования

Украинского фронта создал плакат «Не треба забувати, що в нас військовий час...». Диверсії, следовавшие одна за другою, наносили Красній Армії більший ушкода, чим польові бої. Естествоноу в тих умовах форму боротьби польських патріотів радянська сторона окрестила «ударами в спину», підлыми виласками «із-за угла» или «бандитизмом» (в 1941 році нацисти практично дословно воспроизведут ці визначення применительно к радянським оточенцям, підпольщикам и партизанам). Изпод кисти Крюкова вийшов уголовно-дегенеративного виду офіцер, притаившийся в темному кутку, из рук которого рослий красноармеец выбил кинжал. За спиною озлобленного офіцера угадувалася фігура напуганного ксендза. Уже в реалістической манері цей своєобразний дует коварного «ідеолога» и жестокого «виконувача» будє виконан мінським художником Г.Докальскою в картині «Окупанти» (1939-1940): мимо тіла убитого белорусского крєстьянина удаляється в туман ксендз, заботливо підтримуємий польським офіцером.

Как ни парадоксально, радянські художники, в отличие от своих пишущих колег, воздержались от оскорблений в адрес покойного Юзефа Пилсудского, хотя существовала многолетняя традиция, связанная с именами известных художников (Дени, Кукрыникисы и др.). Персональных выпадов удостоились действующие политики 39-го года: Мосьцицкий, Бек, Рыдз-Смиглы, Падеревский, Сикорский... Довоєнні міністри, бросившие в беде Варшаву и страну, может быть, заслуженно получили по индивидуальной пощечине, однако особого презрения удостоилось именно польское правительство в эмиграции, которое в отличие от своих предшественников не уклонилося от борьбы, а приняло ее. Как только было получено первое сообщение о смене верховной власти в польском стане, художник А.Козюренко поторопился высмеять этот факт. В одной из его карикатур известный общественный деятель Ян Падеревский, принявший от Мосьцицкого пост президента, был изображен во фраке и конфедератке за разбитым роялем, наигрывающим «От можа и до можа»¹². Еще большего

внимания удостоилось правительство В.Сикорского. В карикатурах той поры обыгрывались «*бродячий*» статус польского правительства и его «*беспредметность*» (рисунки И.Семенова «Резиденция польского правительства» и Кукрыниксов «Дипломатический прием в новой “резиденции” польского правительства»¹³). Кукрыниксы расположили высокомерных польских министров и генералов на узлах и чемоданах. Их резиденцией был тротуар, вместо крыши – раскрытый зонтик. Из солидных зданий с вывесками «Посольство при польском правительстве», примыкавших к улице, выходили иностранные послы с верительными грамотами. На плакате Бе-Ша «К годовщине разгрома ясновельможного панства» (1940) была развернута многофигурная «правительственная» композиция: побитый польский генерал варит на костре какао, рядом подбоясь сидит босоногий, небритый министр в котелке. На заднем плане – распряженные лошади, ветхая кибитка, в которой офицер пришивает заплатку; поблизости от кибитки другой офицер стирает носки. Плакат сопровождался текстом:

Вояки-шляхтичи юрбою
По світу табором кочують,
Вони із збитою пихою
В шатрах пошарпаних ночують.

Советские художники не утруждали себя опровержением легитимности польского правительства, а пытались убедить зрителя в том, что кабинет Сикорского *ирреален и призрачен*. Например, в декабрьской карикатуре Ф.Сигова «Спиритический сеанс в Лиге наций», которая была откликом на процедуру исключения СССР из международной организации, иностранные дипломаты, вызываемые посредством блюдца дух покойного, с ужасом смотрели на усатого призрака в конфедератке¹⁴.

Существуют некоторые абсолютные национальные ценности, равнозначные для каждого поколения и остающиеся таковыми в различные исторические эпохи. Советская пропаганда пренебрегла настоящим правилом. Началось прицельное глум-

ление над теми символами, которыми был обозначен польский суверенитет, – гербом польской державы и пограничными вежами. Польский герб (барельеф орла) был брошен в рисунке В.Брискина и В.Фомичева «В великую семью народов СССР» под ноги белоруса и украинца¹⁵. Польский орел изображался то в виде хищного стервятника (А.Резниченко), то общипанной птицей с обвязанным бинтом клювом (А.Козюренко). Вышеупомянутые В.Брискин и В.Фомичев в серии «Метеорологическая сводка» посадили польского генерала с обломанной саблей, чайником и чемоданом, облепленным этикетками «Румыния» и «Париж», на издыхающего потрепанного орла, который из последних сил добирался до Лондона. Сопроводительный текст М.Коссовского гласил:

Ветер несет перелетную птицу,
Ветер осенний порывист и зол.
Прямо к туманной английской столице
Мчится общипанный польский орел¹⁶.

Пограничный польский столб подавался не иначе, как деталь бродяжьего быта. Кто-то из художников уподоблял его массивному шесту с нанизанным узелком, кто-то – пристраивал вместо перекладки под навес от непогоды, присовокупив к нему свисающее ведро и постиранные офицерские бриджи. В целом «пограничный» сюжет пользовался успехом в живописи и книжной графике. Например, П.Соколов-Скаля, выезжавший в творческую командировку в Западную Белоруссию, создал полотно «Снятие пограничных столбов в Польше» (1940). В оформлении очерковых книг журналистов И.Котенко «На освобожденной земле» (1939) и Ю.Королькова «К берегам Немана» (1940) была использована одинаковая сцена, – советский танк подминает под гусеницы польский пограничный столб.

В третьих, европейские события преподносились как закономерный конец ущербной польской государственности. Один из участников польских событий лейтенант Г.Давидян опубликует свои походные записи под названием «Польска сгинела»¹⁷. Из множества карикатур, отражавших настоя-

щее убеждение, выделялся рисунок одного из наиболее авторитетных русских художников-сатириков Н.Радлова «Недолго музыка гремела». Как всегда Радлов был лаконичен и точен в мыслях: учитель, наблюдающий в окно бегущих в панике польских офицеров, спокойно разъясняет школьникам: «На этом дети, мы заканчиваем изучение истории польского государства»¹⁸. На наш взгляд, это была самая ядовитая карикатура пропагандистской кампании, отмеченная к тому же великодержавной интонацией. В унисон Радлову в праздничном ноябрьском номере «Вечерней Москвы» была помещена стандартная карикатура (на общипанном орле летят министр и генерал), прокомментированная стихами:

На общипанном орле,
На потрепанном крыле,
Ишет местожительства,
Так сказать, правительство.
Вот орел все ниже,
Вот земля все ближе...
Их превосходительства
Снизились в Париже.
Еле дышит птица.
Где им поместиться?
Как им примоститься?
Пыжились упрямо,
Горячились в споре... и
Вылетели прямо
За предел истории¹⁹.

Внеисторичность польского правительства и той страны, которую оно представляло, была тождественна смерти государственного организма. В контексте идеи о нежизнеспособности польской государственности художники попытались отразить оскорбительное определение В.Молотова о Польше как «уродливом детище Версальского мира»²⁰. Одна из ведомственных газет поместила фельетон В.Лукашевича «История одной болезни», в котором возродившееся польское государство было представлено пациентом с психическими аномалиями.

Пациент, гласил фельетон, родился в городе Версале и уже в детстве обнаружил манию величия: «Стойкое психическое расстройство началось с того дня, когда он вообразил себя орлом». Больной нападал на беззащитных, любил мертвечину, придал государству идиллический вид сельского кладбища. Последние дни жизни больного (польско-германская война и «освободительный» поход Красной Армии) освещались следующим образом:

«1 сентября.

Больной крайне возбужден; трубит в фанфары, бьет в литавры, собирается зажечь море и насыпать на кого-то соли, для чего отобрал всю соль и спички в деревнях Западной Белоруссии и Западной Украины. Поминутно воображает себя Александром Македонским, Цезарем и Ганнибалом, чьи имена упоминает в непрерывно произносимых речах. Бряцает оружием, кричит “виват!”

И в воинственном азарте
Поражает всех на карте
Указательным перстом.

10 сентября.

Начался сильнейший нервный зуд. Больной, не останавливаясь ни на минуту, чешет бока, поясницу, затылок и многие другие *ушибленные* места. Успокаивающие примочки из газет “Польска збройна” и “Курьер поранны” не оказывают сколько-нибудь заметного действия. Не помогают даже импортные средства: “Таймс”, “Тан” и прочая патетика.

17 сентября.

Больной одержим паническим страхом и чувствует потребность бежать куда глаза глядят вдоль по меридиану. При этом он проявил такую резвость, что следовало бы пригласить его, если он останется жив, на осенние дерби в Лондон. Мы с трудом поспевали вслед. По дороге им были потеряны: сабля, пулемет, сапоги, парадный мундир, эполеты, пафос, государство, свора борзых и фамильный портрет прадедушки на белом коне...

Последующая запись: показывали историю болезни профессору Цемгерлену (Чемберлену. – В.Т.), который тут же консультировался с профессором Манадые (Даладые. – В.Т.) После тщательного обсуждения решили применить машину Гальвани, от которой дергаются даже покойники. Дело в том, что они когда-то гарантировали больному жизнь и бессмертие и теперь боятся потерять частную практику.

На словах служителям приказано: делайте вид, что больной еще жив. Пусть дергается!»²¹

К фельетону была предпослана карикатура А.Гефтера «Версальский недоносок». В стеклянную колбу с надписью на крышке «*Made in Versailles*» были заключены полицейская дубинка и при ней так и неразвившийся, усатый эмбрион в конфедератке.

Злорадствуя над трагедией Польши, советские художники провели рискованную аналогию с судьбой царской и белой России. Такая параллель как бы подводила к выводу о закономерном летальном финале польского государства. Рисунок К.Елисеева «Панская жизнь» уравнил классовое значение Октября 1917 и сентября 1939 года²². Параллель между Польшей и досоветской Россией решалась в «эмигрантском» и «геральдическом» ключах. У художников В.Брискина и В.Фомичева украинец и белорус выметали польский пограничный столб и конфедератки в мусорную яму с табличкой «1917», заполненную среди прочего царской короной и околевшим двуглавым орлом²³. Гастрономический этюд ленинградского художника В.Гальба «Битая птица» соединил подвешенных за шеи царского орла с биркой «1917» и общипанного польского – в конфедератке, с биркой «1939». Обе державные птицы жертвенно свесили языки²⁴. Забавным казалось совместить состарившуюся русскую эмиграцию с молодежавыми польскими восприимчивыми. Независимо друг от друга россияне и поляки свели в карикатурах В.Гальба и Кукрыниксы. На рисунке Д.Дубинского и Ю.Левченко хозяин ресторана и посетитель разговаривали на фоне сутулых официантов с «щедринскими» бородами. Пер-

вый жаловался на ветхость русских генералов, служащих офицантами, второй утешительно замечал, что «скоро прибудет прекрасное пополнение из польских панов»²⁵.

В четвертых, события преподносились как военный реванш со стороны Советского Союза, обозначенного могильщиком польского государства. Не случайно именно в сентябре 1939 года еще раз нарушил молчание Дени (В.Денисов), который во второй половине 30-х годов достаточно редко присоединял свой голос к общему хору. Можно предположить, что свой плакат «Помочь угнетенным братьям – наш священный долг...» (1939) Дени воспринимал как завершающий штрих к знаменитому циклу плакатов периода советско-польской войны («Ясновельможная Польша – последняя собака Антанты», «Коси вовремя» и др.). Ассоциации с 1920 годом явно прослеживаются в рисунке В.Брискина и В.Фомичева «Ба! Знакомые все лица...» (польские генералы сдаются в плен советскому кавалеристу)²⁶ и плакате Бе-Ша, изображающем расхристанного польского генерала со шпорами на голу ногу, который браво покручивая усы, говорит красноармейцу-конвою: «Я же говорил, что мы будем в Советской Украине...» На культовом плакате «...Из послужного списка наркома» (1940) напротив портрета маршала С.Тимошенко были изображены эпизоды военных кампаний, в которых тот принимал в разное время участие. Под датой «1920» кавалеристы преследовали бегущего офицера в конфедератке. На «1939» приходилась подпись «в панской Польше», и теперь толстопузый офицер был нанизан на красный штык. Своеобразную энтомологическую вариацию предложили Кукрыниксы («Коллекция битых Красной конницей»²⁷). Популяризатор творчества Кукрыниксов Н.Соколова отмечала, что художники придумали «остроумный сюжетный ход», изобразив противников советской кавалерии «в виде коллекции насекомых. Жуки, козявки, мошки, таракашки – Краснов, Скоропадский, Деникин, Мамонтов, Шкуро, Махно и другие. Усы еще топорщатся, ножки дрыгают, аксельбанты “хлопают”, как крылышки, но булавки – саб-

ли Красной конницы – прочно пришили бывших генералов, бывших есаулов, бывших гетманов»²⁸. В последний раз карикатура полностью воспроизводилась незадолго до нападения Германии на Советский Союз²⁹, после чего ее перепечатывали фрагментарно, а если описывали, то избирательно. На красноармейские сабли Кукрыниксами были по раздельности насажены два польских «экземпляра»: «Пилсудский» – в память о рейде Первой Конной в 1920-м году, и тараканообразный польский офицер с уточняющей припиской на подставке: «1939 г. паны». В момент, когда бывшие участники боев 1920 года за Львов и Варшаву оказались в 1939 году под Люблином и поблизости от Вислы, художники не могли не польстить им за то, что они «доделали дело»³⁰.

Конечно, советские художники увязывали сентябрьский реванш с предстоящим процветанием западных областей Украины и Белоруссии. Оптимистические символы, приписанные советскому обществу, щедро были рассыпаны по карикатурам и плакатам. Например, в плакате А.Козюренко и А.Резниченко «Так было! Так есть! Так будет!», составленном из трех вертикальных фрагментов, негативные символы последовательно замещались оптимистическими. Первый фрагмент изображал скрученного украинского крестьянина, на спине которого восседали польские офицер и капиталист. Фрагмент дополняли нищая нива и крестьянская кляча. Во второй части красноармеец ударом винтовки сбрасывал эксплуататоров. В заключительном фрагменте на фоне пахущих землю машин за штурвалом трактора сидел улыбающийся, приодетый в пиджак украинец. Социалистическая мифология дополнительно разобосновывала необходимость реванша.

Таким образом, советская карикатура осени 1939 года была информационным суррогатом и способствовала дезориентации советских граждан. Созданный ею портрет «панской» Польши и комментарии к нему в значительной мере «облагораживали» сталинские действия по отношению к западному соседу, однако не были адекватны реальной драме и роли Польши в евро-

пейских событиях. Созданный сатирической графикой образ сентябрьских событий на восточных окраинах Польши замолчал первичное событие – германскую агрессию против Польши. По-видимому, единственная карикатура, касавшаяся нацистского *повода* к развязыванию войны, принадлежала К.Ротову («В парижских мебелирашках»). Художник попытался измельчить причину конфликта и опошлить позицию польского правительства в эмиграции: министры в раздражении заявляют хозяйке-французенке, которая сдает им квартиру: «Опять с коридором!.. (намек на “Данцигский коридор”. – В.Т.) Ни за что на свете!»³¹ Трагедия Польши была вырвана из *контекста* событий мировой войны, что позволило советской пропаганде превратить Польшу из жертвы в виновницу, из мученицы – в посмешище. Окарикатуренные миры 1939 года можно оценивать прежде всего как *нравственное* поражение советских художников-сатириков, даже учитывая их подчиненное положение.

¹ Велеминский К. Русская молодежь // Глазами иностранцев, 1917-1932. М., 1932. С. 571.

² Ефимов Б.Е. Десять десятилетий. М., 2000. С. 189, 261.

³ Абрамский И.П. Смех сильных: О художниках журнала «Крокодил». М., 1977. С. 65.

⁴ Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929-1953. СПб., 2000. С. 111-112.

⁵ Ефимов Б.Е. Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 195.

⁶ Известия. 1938. 17 ноября.

⁷ Крокодил. 1939. № 26.

⁸ Советская Украина. 1939. 18 сентября; Большевицское знамя. [Одесса], 1939. 4 октября.

⁹ Крокодил. 1939. № 28.

¹⁰ Там же. 1939. № 25.

¹¹ Советская Украина. 1939. 24 сентября.

¹² Там же. 28 сентября.

¹³ Комсомольская правда. 1939. 18 октября; Правда. 1939. 21 октября.

¹⁴ Пролетарская правда. [Калинин], 1939. 15 декабря.

¹⁵ Московский большевик. 1939. 4 ноября.

¹⁶ Там же. 12 ноября.

- ¹⁷ Давидян Г. Польска сгинела: (из походного блокнота) // Литературный Азербайджан. 1940. № 2.
- ¹⁸ Крокодил. 1939. № 28.
- ¹⁹ Вечерняя Москва. 1939. 7 ноября.
- ²⁰ Лексика главы советского правительства В.Молотова соответствовала типу политической культуры и даже совпадала с сопутствующими академическими оборотами. Следом за Молотовым, например, «ублюдочным государством» назвал Польшу именитый советский правовед Е.Коровин (*Коровин Е. Захват Западной Украины и Западной Белоруссии Польшей* // Проблемы социалистического права. 1939. № 6. С. 56).
- ²¹ Медицинский работник. 1939. 7 ноября.
- ²² Крокодил. 1939. № 28.
- ²³ Иллюстративная газета. 1939. № 21.
- ²⁴ Ленинградская правда. 1939. 7 ноября.
- ²⁵ Красная Башкирия. 1939. 27 ноября.
- ²⁶ Московский большевик. 1939. 20 ноября.
- ²⁷ Правда. 1939. 19 ноября.
- ²⁸ Соколова Н.И. Кукрыниксы: М.В.Куприянов, П.Н.Крылов, Н.А.Соколов. М., 1975. С. 158.
- ²⁹ Сидоров В.И. Партийно-политическая работа в Первой конной армии. М., 1941. С. 117-118.
- ³⁰ В конце 1939-го года В.Гальба, Н.Лис, В.Брискин и В.Фомичев и другие художники еще раз прошли по польской теме, приспособив ее под предостережение или предсказание того, что ожидает в ближайшем будущем правительство Финляндии.
- ³¹ Крокодил. 1939. № 30.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Путь к новому мировому порядку, на который вступило человечество в XXI веке, оказался не простым. Эхо долгих лет конфронтации слышно до сих пор; а уроки первого послевоенного десятилетия середины XX в. ярко подтверждают, как важно строить взаимоотношения с государствами так, чтобы они оставались отношениями партнерства и сотрудничества, основанными на доверии. Отсутствие взаимного доверия в послевоенные годы явилось источником глубокого кризиса в отношениях СССР с западными странами.

Интенсивная разработка основ послевоенной блоковой политики велась уже в недрах антигитлеровской коалиции. Среди важнейших факторов нарастания противоречий между СССР и западными странами особое место заняла ситуация в Восточной Европе, где в 1944-1945 гг. при ликвидации гитлеровского господства образовалась сфера советского контроля, были установлены режимы народной демократии, из которых и начал формироваться блок во главе с СССР. На Западе построение безопасного мирового порядка видели в едином англо-американском союзе, на Востоке — в союзе славянских народов. И все понимали, что если не удастся договориться о дальнейшем сотрудничестве, эти миры будут друг другу противостоять.

К 1949 г. военно-блоковая логика восторжествовала. Запад создал военно-политический Североатлантический союз. Восточный блок, не имея ни экономической, ни политической, ни военной основы настолько развитой, чтобы создать свой военно-политический союз, создал экономическую блоковую структуру — Совет Экономической Взаимопомощи. В мае 1955 г. блоковое противостояние получило свое формальное заверше-

ние: с вступлением в НАТО ФРГ было завершено оформление Североатлантического союза и создано так называемое «Восточное НАТО» – Организация Варшавского Договора.

НАТО и ОВД стали уникальными явлениями в области международных отношений, причем, если НАТО и ныне сохраняет свою ключевую роль в решении военных проблем международной безопасности, то история ОВД уже закончена.

Различные аспекты военно-блокового противостояния в Европе давно изучаются исследователями. Однако тема военного измерения холодной войны¹ из-за недоступности архивных данных исследуется мало; ведется полемика по проблемам консолидации западного блока² и становления блока восточного³; история зарождения, попыток реформирования и распада Организации Варшавского Договора практически не изучена.

Основное внимание в данной статье сосредоточено на роли Советского Союза в создании военно-политической организации восточного блока, на оценке ОВД ее современниками и исследователями более позднего времени.

Чтобы ответить на вопрос, почему военно-политическая организация восточного блока не была создана в 1949 г., следует обратить внимание на то, что на рубеже 40-х и 50-х годов отношения между странами Центральной и Восточной Европы развивались прежде всего на двусторонней основе. Механизмы многостороннего сотрудничества как в экономической, так и военно-политической области только зарождались, не было еще и той политической основы, на которой можно было бы создать «Восточное НАТО». Социальный строй стран народной демократии не был стабилизирован, у народов этих стран не было доверия к их политической системе, их новому правящему слою – партийно-государственной номенклатуре³. Не было в то время ни готовности, ни уверенности в том, что военно-политическая организация восточного блока будет аналогичной Североатлантическому союзу, к тому же было неясно, во что выльется деятельность только что созданного западного военного блока. Да и не было для этого ни достаточного эко-

номического потенциала, ни технических средств, ни надежных военных кадров: большую часть командного состава восточноевропейских армий составляли представители старого офицерского корпуса, не проявлявшие стремления к перестройке своих армий и не вызывавшие доверия ни руководителей своей страны, ни Кремля. К серьезному развитию армий приступили только в начале 50-х годов. В то время восточноевропейские войска были интегрированы в советские боевые порядки и реорганизованы по советскому образцу. Подготовительную работу к объединению армий стран Восточной Европы в военно-политический блок фактически выполняли советские военные советники. По данным МИД СССР, уже к концу 1949 г. в регион были направлены 187 специалистов для оказания технической помощи, 61 военный советник, 18 гражданских советников и специалистов⁴. В 1950 г. только в Чехословакию было послано уже 1000 советников из СССР для организации ее вооруженных сил⁵.

Однако строительство армий и их оснащение вооружениями на Востоке значительно отставало от этого процесса на Западе. Союзники Соединенных Штатов в Западной Европе неуклонно увеличивали свои вооруженные силы, удвоив с 1949 г. по 1952 г. свои военные бюджеты, продлив срок военной службы в собственных странах. Военное производство в Европе возросло почти в 4 раза. Более чем вдвое возросло с 1949 г. число организованных боевых дивизий, находившихся в распоряжении Североатлантического союза⁶.

Решения по усилению советской военной мощи представлялись в связи с этим шагом вынужденным. Возникла насущная необходимость координации военно-организационных мероприятий и планов военных поставок стран восточного блока. Это показало, в частности, проведенное в Кремле с 9 по 12 января 1951 г. секретное совещание генеральных секретарей партий стран Восточной Европы, на котором было подписано соглашение, обязывающее союзников СССР передать свои армии под непосредственное советское командование в случае войны⁷.

По инициативе И.В.Сталина был создан специальный комитет для обеспечения союзных армий необходимым военным снаряжением, а также для решения вопросов, связанных со специализацией некоторых стран Восточной Европы в производстве отдельных видов оборонной продукции⁸. Председателем Военно-координационного комитета был избран Н.А.Булганин, однако вскоре его сменил маршал А.М.Василевский.

Этот Комитет стал своего рода предтечей Организации Варшавского Договора. Однако в письме Л.П.Берии в Президиум Совета Министров СССР Г.М.Маленкову в июне 1953 г. была дана весьма критическая оценка его работы. Берия, в частности, отмечал, что «Комитет, пожалуй, ничего полезного не дает, кроме того, что вносит путаницу и неразбериху и предъявляет непомерные требования к промышленности Советского Союза и стран народной демократии»⁹. В связи с этим Берия предложил создать вместо существовавшего Совета Экономической Взаимопомощи и Координационного Комитета единый орган, состоящий из ответственных представителей руководства стран народной демократии и СССР.

Однако до 1955 г. на Востоке не было создано ничего, подобного НАТО. С 1952 г. идея создания военного союза стран соцлагеря существовала на уровне политических согласований между лидерами соцстран¹⁰. Построение же восточного блока произошло к середине 50-х годов, хотя меры по его созданию, безусловно, предпринимались. Изменение восприятия советским руководством угрозы Североатлантического союза с политической на военно-стратегическую привело к необходимости форсировать создание восточного блока.

С окончанием сталинской эпохи в СССР и сменой хозяина Белого Дома в США появилась надежда изменить международную ситуацию. Но вырваться из плена инерции холодной войны оказалось не просто. 1953-1954 годы считались критическими с точки зрения угрозы новой войны по обе стороны железного занавеса. Именно тогда происходил бурный рост и качественное совершенствование ядерного потенциала веду-

щих стран обоих блоков. Предложения о создании системы коллективной безопасности, которая положила бы конец образованию противопоставленных друг другу военных группировок европейских государств¹¹, Советский Союз внес в качестве альтернативы формированию Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) на Берлинской конференции министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в феврале 1954 г. Эти предложения не получили поддержки со стороны западных участников конференции. А в речи советского министра иностранных дел В.М.Молотова госсекретарь США Дж.Ф.Даллес особо выделил слова о том, что создание армии нескольких западноевропейских государств может вызвать образование оборонительного союза других европейских государств с целью обеспечения их безопасности¹².

Пытаясь предотвратить создание ЕОС, советский блок оказался вынужденным противостоять более продвинутой западноевропейской военной интеграции. С подписанием 23 октября 1954 г. в Париже соглашений об изменении Брюссельского договора 1948 г. и создании Западноевропейского союза (ЗЕС) угроза интересам национальной безопасности СССР приобрела более реальные очертания. Парижские соглашения послужили непосредственным поводом к реализации идеи создания военного союза стран восточного блока в противовес НАТО и Западноевропейскому союзу. Действовавший с начала 1951 г. Координационный Комитет по военно-организационным вопросам уже не отвечал требованиям нового времени, возросшим в связи с осложнением европейской ситуации и завершением консолидации западного военно-политического блока.

Однако СССР вновь выступил с предложением созвать общеевропейское совещание по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе. Публично отвергнув советское предложение, министр иностранных дел Франции П.Мендес-Франс предложил в свою очередь созвать конференцию четырех держав в мае 1955 г. после ратификации па-

рижских соглашений, высказав пожелание, чтобы по образцу Западноевропейского союза была создана оборонительная ассоциация Восточной Европы.

В связи с советской нотой от 13 ноября 1954 г. о коллективной безопасности в Европе в США и других западных странах высказывалось предположение, что независимо от характера ответов западных держав, Советский Союз созывает в Москве совещание, где будет создан Договор, который станет восточным соперником Атлантического союза.

В день открытия совещания восьми европейских государств восточного блока с участием наблюдателя из КНР — 29 ноября 1954 г. — в передовой статье газеты «Правда» указывалось, что «в условиях, сложившихся в результате подписания парижских соглашений, будет совершенно естественным, если миролюбивые европейские народы окажутся вынужденными принять новые меры для обеспечения своей безопасности». Эти меры и были приняты. На Московском совещании была достигнута договоренность стран соцлагеря о создании собственной оборонительной военной организации.

В середине января 1955 г. в Министерстве иностранных дел СССР был разработан проект «Договора о совместной обороне от агрессии» между СССР, Польшей, Чехословакией, ГДР, Венгрией, Румынией, Болгарией и Албанией, который лег в основу Варшавского договора¹³. 25 февраля 1955 г. В.Молотов направил в ЦК КПСС проект Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР, ПНР, Чехословацкой Республикой, ГДР, ВНР, РНР, НРБ и Народной Республикой Албании¹⁴. Заключение Договора предусматривалось в случае ратификации парижских соглашений, но в связи с тем, что решения об одобрении парижских соглашений были уже проведены в парламентах большинства стран — участниц этих соглашений МИД СССР счел своевременным приступить к предварительным переговорам с правительствами европейских стран народной демократии по проекту предполагаемого Договора.

Во время проходивших в марте 1955 г. консультаций проект Договора был одобрен всеми предполагавшимися его уча-

стниками. Однако по формулировкам отдельных статей проекта Договора был высказан ряд замечаний¹⁵. Так, ЦК ПОРП предложил, в частности, упомянуть в преамбуле роль США и их стремление к созданию военных баз и блоков. Принятие этой поправки было признано нецелесообразным, т.к. при составлении проекта Договора стремились к тому, чтобы он не был направлен против какой-либо конкретной страны.

22 марта 1955 г. было опубликовано официальное сообщение, в котором подчеркивалось полное единство взглядов стран – участниц Московского Совещания относительно принципов Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также об организации Объединенного Командования. Новое Совещание с участием Советского Союза и его союзников было решено созвать в Варшаве, но важнейшие документы готовились в Москве.

Пока нет данных, которые позволили бы точно ответить на вопрос, почему именно столица Польши – Варшава – была избрана местом создания Организации Варшавского Договора. Но сам факт, что пакт создавался за пределами СССР, уже не смог бы никого убедить в его независимости от Кремля. Можно считать символичным, что именно Польша, как страна, первой испытывавшая на себе ужасы Второй мировой войны, была выбрана местом создания оборонительной системы безопасности, призванной защитить страны Восточной Европы от новой германской агрессии.

18 апреля 1955 г. в Президиум ЦК КПСС Г.К.Жуковым и В.М.Молотовым был представлен проект протокола о создании Объединенного Командования Вооруженными Силами¹⁶, послуживший основой для принятого на Совещании в Варшаве документа. В проекте протокола предусматривалось установить, что решение общих вопросов, относящихся к укреплению обороноспособности и к Организации Объединенных Вооруженных Сил государств – участников Договора, возлагается на Политический Консультативный Комитет. Непосредственное руководство этими силами возлагалось на Главноко-

мандующего Объединенными Вооруженными Силами. В проекте предлагалось Главнокомандующим назначить Маршала Советского Союза А.М.Василевского, однако им был назначен маршал И.С.Конев. Как в проекте протокола, так и в принятом на Совещании документе, было зафиксировано, что размещение Объединенных Вооруженных Сил на территории государств – участников договора будет осуществляться в соответствии с потребностями взаимной обороны по соглашению между этими государствами.

В проекте Жукова и Молотова было названо точное количество соединений сухопутных войск и авиации, которое должны были выделить подписавшие Договор государства. Общее число дивизий сухопутных войск составляло 85; авиационных, в частности, истребительных – 42, штурмовых – 8 и 11 бомбардировочных¹⁷. На долю СССР приходилось соответственно 32 сухопутные дивизии; 22 авиационных истребительных дивизии, 3 штурмовых и 9 бомбардировочных. На втором месте по количеству выделенных в состав ОВС соединений сухопутных войск и авиации была Польша. Она, как предполагалось, должна была выделить 14 дивизий сухопутных войск и 10 авиационных дивизий, из них 7 истребительных, 2 штурмовых и 1 бомбардировочную.

При обсуждении проекта Договора руководители ГДР В.Ульбрихт и О.Гротеволь в осторожной форме в беседе с советским послом Г.М.Пушкиным затронули вопрос о желательности зафиксировать при заключении Договора оговорку о том, что в случае объединения, единая Германия, равно как и восточная часть Германии, не будут связаны обязательствами, вытекающими для ГДР из Договора восьми государств. При подписании Варшавского Договора премьер-министр ГДР О.Гротеволь действительно выступил с декларацией (целесообразность ее была признана Москвой), в которой указывалось, что объединенная Германия будет свободна от обязательств, принятых той или иной частью Германии по соответствующим военно-политическим договорам и соглашениям, заключенным до ее объединения.

Для Советского Союза процесс становления Организации Варшавского Договора не был легким и бескомпромиссным. Замыслы и амбиции советских руководителей, главных организаторов ОВД, далеко не всегда совпадали с интересами и претензиями руководителей других стран восточного блока. «Опасные мины», такие, как, например, советский диктат, способные в будущем взорвать ОВД, были заложены уже в самом оформлении организации как союза суверенных государств.

Во многих изданиях иностранной печати, уделявших пристальное внимание предстоявшему Совещанию восьми европейских стран в Варшаве, отмечалось, что создание Объединенного Командования Вооруженными Силами государств – участников будущего Договора не внесет никаких изменений в существующую обстановку; в сущности, такое объединение уже существовало; речь шла лишь о юридическом оформлении полного подчинения семи стран Советскому Союзу.

Выступая 29 марта 1955 г. в Сенатской комиссии по иностранным делам, Дж.Ф.Даллес утверждал, например, что сообщение о создании Объединенного Командования не имеет никакого значения, т.к. советское правительство уже контролирует вооруженные силы «сателлитов»; восточноевропейские страны уже поглощены и не имеют возможности принимать независимые решения¹⁸. Агентство Рейтер 3 мая сообщало из Берлина о том, что Совещание коммунистических стран, очевидно, разработает проект договора о взаимной помощи по образцу НАТО. По сообщению Агентства Франс Пресс, переданному в тот же день из Лондона, в английских дипломатических кругах отмечали, что формально юридическое существование подобного объединенного командования позволило бы СССР сохранить свои вооруженные силы в Венгрии и Румынии даже после подписания Австрийского договора и эвакуации советских войск из Австрии (мирные договоры с Венгрией и Румынией предусматривали вывод советских войск из этих стран через 90 дней после эвакуации войск из Австрии).

Парижская газета «Echo», комментируя 4 мая сообщение о предстоявшем открытии Варшавского Совещания, писала, что

его цель очевидна: осуществить принципиальные решения, принятые в Москве, в качестве ответа на парижские соглашения; заключить многосторонний договор о взаимной помощи между СССР и его семью европейскими сателлитами; заключить сепаратный мир с Восточной Германией и специальный более узкий союз между нею, Польшей и Чехословакией; и самое главное, – создать единое военное командование между государствами восточного блока, аналогичное командованию НАТО.

Западные газеты, в частности, парижские, связывали Варшавское совещание с переговорами по австрийскому договору, утверждая, что вывод советских войск из Венгрии и Румынии компенсируется созданием единого командования стран демократического лагеря. Создание «Восточного НАТО» позволяло Советскому Союзу не вносить никаких изменений в расположение их войск в государствах восточного блока. Однако в ряде сообщений западной печати справедливо отмечалось, что конференция в Варшаве – это гораздо больше, чем простая формальность. Наряду с признанием ее большого международного значения, со страниц газет раздавались предостережения об опасности для западных держав недооценки советской внешней политики.

Если непосредственным поводом к реализации идеи создания военного союза стран соцлагеря послужили парижские соглашения, то их ратификация в мае 1955 г. привела к рождению Организации Варшавского Договора. 11-14 мая 1955 г. в Варшаве состоялось совещание по обеспечению мира и безопасности в Европе с участием правительственных делегаций Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии. В совещании принял участие в качестве наблюдателя представитель КНР.

Открывший совещание председатель Совета Министров ПНР Ю.Циранкевич во вступительной речи отметил, что в результате нажима американских правящих кругов парижские соглашения были ратифицированы, поэтому участники сове-

щения провели обмен мнениями о совместных оборонных усилиях, о заключении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и о создании Объединенного Командования Вооруженными Силами. Циранкевич подчеркнул вместе с тем, что Совещание должно стать значительным шагом вперед на пути реализации принципов коллективной безопасности¹⁹.

Глава советского правительства Н.А.Булганин в своем выступлении говорил о том, что «когда против нас создают военные блоки, окружают наши страны военными базами и грозят атомной войной, мы не можем оставаться в бездействии. В этих условиях мы обязаны принимать ответные меры и одна из таких мер – наше Совещание и те решения, которые предстоит нам на нем принять»²⁰. По вопросам создания Объединенных Вооруженных Сил на закрытом заседании 12 мая выступил генерал армии А.И.Антонов, который, как и предлагали в проекте протокола о создании Объединенного Командования Вооруженными Силами участников Договора Жуков и Молотов, стал первым Начальником Штаба ОВС ОВД. Решение о создании Объединенного Командования Вооруженными Силами государств – участников Варшавского Договора и штаба ОВС ОВД с местопребыванием в Москве было принято 13 мая. 14 мая 1955 г Варшавский Договор был подписан. В силу он вступил 5 июня 1955 г. после ратификации и передачи ратификационных грамот всех стран-участниц польскому правительству.

Варшавский Договор, содержащий 11 статей, в значительной степени повторял статьи Североатлантического договора, состоящего из 14 статей. Так, ст. 1 Варшавского Договора, в которой его участники обязались в соответствии с Уставом ООН воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой и ее применения и разрешать свои международные споры мирными средствами, почти полностью повторяет ст. 1 Североатлантического договора. В ст. 2 члены ОВД заявили о своей готовности участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих

целью обеспечение международного мира и безопасности. В статье было зафиксировано и намерение добиваться принятия, по соглашению с другими государствами, которые пожелают сотрудничать, эффективных мер к всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения. В статьях НАТО этого нет. Однако в статьях 3 и 4 Североатлантического Договора²¹ содержалось и предусмотренное в ст. 3 Варшавского Договора проведение консультаций между участниками Договора по всем вопросам, затрагивающим их общие интересы, особенно в связи с угрозой вооруженного нападения на одно или несколько государств – участников Договора.

Срок действия Варшавского Договора, в соответствии со ст. 11, устанавливался в 20 лет. Этот же срок был предусмотрен в ст. 13 Североатлантического договора. Для тех участников Варшавского Договора, которые за год до истечения этого срока не передадут правительству ПНР заявления о его денонсации, он должен был оставаться в силе в течение следующих 10 лет. В 12-й ст. Североатлантического договора было предусмотрено, что по истечении 10-летнего срока со дня вступления в силу договора или в любое последующее время, по требованию любого участника договора, совместно консультироваться с целью пересмотра договора с учетом факторов, влияющих на мир и безопасность в североатлантическом районе, включая развитие как всеобщих, так и региональных соглашений.

Некоторые положения Варшавского Договора носили явно компромиссный характер. Так, участники Договора не отказывались от своих усилий, направленных на создание общеевропейской системы коллективной безопасности. Более того, в ст. 11 Договора они заявили, что в случае заключения Общеевропейского Договора о коллективной безопасности, Договор 8-ми держав утратит свою силу со дня вступления в действие Общеевропейского Договора. Таким образом, путь к обсуждению проблем европейской безопасности с Западом оставался открытым.

ОВД возникла после НАТО как вынужденная адекватная ответная мера Востока на угрозу со стороны Запада. В своей оценке Варшавского Договора Дж.Боффа справедливо отмечал, что он придал социалистической коалиции более определенную структуру. Она больше соответствовала классическим положениям международного права, нежели те структуры, которые ранее предлагал распущенный Коминформ или обеспечивали двусторонние договоры²².

Достаточно рациональной для своего времени и своих целей была и структура ОВД в организационно-техническом отношении. Варшавский Договор предусматривал создание политических и военных органов союза (ПКК и Объединенного Командования ОВС). При этом соотношение политических и военных органов ОВД, работавших на постоянной основе, было явно в пользу последних²³. Это было вполне объяснимо, если учесть, что важной причиной создания ОВД было стремление советского руководства получить юридическую базу для сохранения в странах Восточной Европы своих войск. Особенно это касалось Венгрии. Если пребывание советских войск в Польше объяснялось необходимостью поддержания связи с Группой советских войск в Германии, то в отношении Венгрии этот аргумент после заключения Договора с Австрией в мае 1955 г. и вывода оттуда советских войск не действовал. По мнению российских исследователей, присутствие в Венгрии советских войск в масштабах, во много раз превосходивших численность венгерской армии, не только обеспечивало защиту общей линии фронта с империализмом, но и в значительной степени предопределяло развитие внутривосточноевропейской обстановки.

Целью пребывания советских войск в странах восточного блока было не только оказание военной помощи своим союзникам против любого нападения извне, но и гарантия определенной стабильности внутривосточноевропейской обстановки, опора коммунистических режимов в этих странах. Как стремление советского руководства достичь юридического оправдания для

размещения своих войск в Восточной Европе рассматривали создание ОВД многие западные исследователи²⁴.

В общем виде Варшавский Договор в работах западных исследователей определяется как инструмент советской внешней и военной политики по отношению, с одной стороны – к Западу, с другой – к восточноевропейским союзникам. Варшавский Договор, по мнению Ф.Рубина, закреплял в Европе регион, который Советский Союз рассматривал как область главных жизненно важных интересов как в военном, так и в идеологическом отношениях, для защиты которой он был готов использовать военную силу и даже пойти на риск всеобщей войны²⁵.

Договор явился основанием для сохранения советских войск после подписания Мирного договора с Австрией (15 мая 1955 г.) на территории Венгрии и Румынии. Позитивный для СССР результат заключения Варшавского Договора усматривался авторами коллективной монографии «Варшавский пакт: политическая цель и военные средства»²⁶ в том, что существовавшие в первые послевоенные годы «неформальные инструменты контроля» над положением в Восточной Европе были заменены более подходящими формальными механизмами. Х.-И.Мэль, один из авторов этой монографии, в создании ОВД видит результат советской политики, целью которой было расширение и дополнение экономической интеграции стран – членов СЭВ интеграцией в военной области.

Создавая Варшавский Договор, Советский Союз преследовал, с точки зрения западных исследователей, следующие цели: усилить свой военный потенциал за счет включения в него потенциала восточноевропейских стран для создания противовеса НАТО; создать контролирующий инструмент, усиленный рядом обязательств стран Восточной Европы в военной области, для использования его в целях обеспечения безопасности своих позиций в этих странах, а также для добровольного признания советской ведущей роли и координации внешней и внутренней политики стран – участниц Варшавского Договора.

Варшавский пакт преуспел в своей роли инструмента внутреннего контроля, осуществляемого Советским Союзом над своими восточноевропейскими союзниками. Стремление советского руководства закрепить военно-политический контроль над странами восточного блока, ослабевший после смерти Сталина, также рассматривалось как причина создания ОВД.

Координационный механизм и общие институты ОВД значительно облегчали Советскому Союзу осуществление его военной стратегии в Европе. Даже если оставить в стороне вопрос о боевой роли, эффективности и надежности союзников СССР, сами размеры и полезность их вооруженных сил не могли не учитываться. Во многих западных исследованиях подчеркивается, что еще большее, чем военный союз, имело значение использование пакта как инструмента насаждения политической и идеологической ортодоксальности, а также контроля, осуществляемого Советским Союзом над Восточной Европой²⁷.

Американский исследователь И.Вельгеш считает, что ОВД в значительной степени способствовала экономическому развитию по крайней мере некоторых стран – членов этой организации. Так, например, распределение ответственности за военное производство – легкое вооружение, артиллерию, танки и т.д. – в рамках ОВД значительно увеличило экономический потенциал таких стран, как ГДР и Чехословакия²⁸. Автор справедливо считает, что ОВД была союзом, основанным на двух противоречивых элементах: навязанном господстве великой державы, которая определяет внутривнутриполитические условия и границы их изменений, и системе взаимозависимости и взаимных преимуществ, проистекавших из военно-экономических отношений.

По мере развития ОВД происходило углубление противоречий, во-первых, между армиями отдельных стран и контролирующими их партиями, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, и, во-вторых, между ОВД в целом и устремлениями Советского Союза. Совершенно очевидно, в частности, французской исследовательнице Каррер д'Анкос, что в гипотетической военной конфронтации с Западом СССР рассчитывал

лишь на собственные силы²⁹. По ее мнению, создание ОВД преследовало прежде всего политические цели, ибо в военном отношении оно ничего не давало СССР, который и без того был связан плотной сетью двусторонних договоров с соцстранами. Политические же цели сводились к демонстрации того, что соцлагерь – реальность, которую нельзя изменить, и к стремлению придать коллективным отношениям восточноевропейских стран договорный вид по примеру НАТО, который затушевывал бы принудительный характер соглашений, навязанных этим странам после войны.

В контексте дипломатических инициатив советского руководства рассматривает создание ОВД американский исследователь В.Мастны. По его мнению, создание Варшавского пакта отвечало намерениям Н.С.Хрущева «демилитаризировать» холодную войну, т.к. ликвидация обоих блоков – НАТО и ОВД в случае создания системы коллективной безопасности давала СССР преимущества в невоенных средствах влияния в Европе³⁰.

Варшавский Договор, предусматривая развитие всесторонних связей между его участниками, был открыт для присоединения к нему любого государства, независимо от его общественного строя. Однако ни одно государство не могло в тот период выйти из ОВД добровольно. Когда во время венгерских событий 1956 г. премьер-министр Венгрии И.Надь объявил о выходе своей страны из Варшавского Договора, он впоследствии поплатился за это жизнью³¹.

Несмотря на провозглашенное в Договоре равноправие его участников как в политическом, так и в военном сотрудничестве, преобладающую позицию занимал Советский Союз. Проекты всех важнейших документов ПКК ОВД готовились и утверждались советским руководством перед тем, как отправить на рассмотрение ПКК, где они принимались практически без изменений. Должность генерального секретаря ПКК занимали сначала генерал армии А.И.Антонов и заместитель министра иностранных дел СССР Н.П.Фирюбин, а затем уже представители тех стран, где проходило очередное заседание ПКК³².

Во многом соответствовал действительности опровергаемый в свое время советскими авторами тезис о том, что разработка планов обороны в рамках ОВД осуществляется Советским Союзом, а советское командование руководит вооруженными силами государств Варшавского Договора. Советские военачальники доминировали в военных органах ОВД: в Москве находились Объединенное Командование ОВС и его Штаб. Советские маршалы и генералы руководили вооруженными силами государств – участников ОВД, занимая посты Главнокомандующего и Начальника Штаба ОВС. Ротация же на этих постах никогда на практике не осуществлялась, хотя и была предусмотрена.

Важным фактором, обеспечивавшим доминирующее положение СССР в ОВД, являлась идентичная подготовка руководящих кадров национальных армий в советских военных учебных заведениях, где офицеры, выучив русский язык, овладевали общими техническими методами и военно-стратегическими принципами, а также единой идеологией. Национальные армии, в которых они, как правило, держали командные рычаги, в какой-то мере переставали служить для них инструментом, обеспечивающим национальный суверенитет. Западные исследователи отмечали, что структура, организация, стратегия и координационная политика ОВД, предполагавшая использование военных советников, которых СССР содержал в каждой стране – все это опутывало армии стран-участниц сетью обязательств, постепенно превращая их в национальные отряды объединенной советизированной армии. Если на первоначальном этапе Варшавский Договор не имел большого значения во взаимоотношениях между участвующими в нем государствами, то позднее это значение стало непрерывно возрастать³³.

Основную часть расходов на содержание Объединенных Вооруженных Сил и военной инфраструктуры Варшавского Договора, составлявшую свыше 90%³⁴, нес Советский Союз. Советской военной техникой были в основном оснащены вооруженные силы стран – участниц ОВД. Военно-техническое сотрудничество между странами Варшавского Договора до

1969 г. осуществлялось в основном по двусторонним соглашениям. Координирующую роль в этом играли техническое управление 10-го Главного управления Советского Генерального Штаба и комиссия по оборонной промышленности СЭВ. Причем работой СЭВ и в более поздний период – 60-70-е годы, так же как и в начале 50-х годов, руководители государств советского блока были недовольны, считая его тормозом при решении важных совместных экономических программ.

Н.С.Хрущев в своих воспоминаниях писал о том, что военные расходы Советского Союза были бы сокращены наполовину, если бы удалось равномерно распределить расходы на оборону социалистического лагеря. Цена СССР за создание восточного блока была несопоставима и с ценой, затраченной на создание западного блока Соединенными Штатами. США предпочитали делить бремя военных расходов со своими союзниками, тщательно обговаривая вклад каждой страны в общую оборону. Существовавшая атмосфера взаимного страха перед возможностью агрессии как со стороны НАТО, так и со стороны ОВД, активно нагнеталась как социалистической, так и западной пропагандой.

Итак, создание Организации Варшавского Договора завершило раскол Европы на два военно-политических блока и подвело черту под оформлением биполярной структуры международных отношений. Эволюция и распад ОВД требуют особого исторического осмысления, но с ее возникновением «европейский фронт» холодной войны был стабилизирован. К середине 50-х годов на две противостоящие друг другу системы блоков, ни одна из которых не имела решающего перевеса, был расколот и весь мир.

Черту под послевоенной эрой конфронтации и раскола Европейского континента подвело подписание Венских договоренностей в январе 1989 г. и Парижской хартии для Новой Европы в ноябре 1990 г. Однако после распада ОВД и СССР стало ясно, что решение проблем европейской и мировой безопасности без учета интересов России чревато новым противо-

стоянием между Россией и Западом. Россия и страны НАТО не рассматривают больше друг друга в качестве противника, а выступают как партнеры в борьбе с такими угрозами современного мира, как терроризм и региональная нестабильность. Но достичь евроатлантического единства они смогут совместными усилиями только в том случае, если будут строить свои взаимоотношения на доверии с учетом уроков прошлого.

- ¹ См.: *Смирнов Ю.Н.* Холодная война как явление ядерного века // Холодная война, 1945-1963 гг. М., 2003. С. 597-622; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000; Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999; *Мальков В.Л.* «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М., 1995; и др.
- ² См.: Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995; Сталин и холодная война. М., 1998; *Егорова Н.И.* Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947-1953 гг.) // Холодная война, 1945-1963 гг. С. 187-223; и др.
- ³ См., например: Москва и Восточная Европа. Становление режимов советского типа (1949-1953): Очерки истории / Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. М., 2002; *Гибянский Л.Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война, 1945-1963 гг. С. 105-132; Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944-1948. М., 2002; *Neimark N.M.* Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin // The Russian Review. 2002. Vol. 61, № 1. January P. 1-16; The Soviet Global Impact, 1945-1991 // Russian History. 2002. Vol. 29, N 2-4. Summer-Fall-Winter; и др.
- ⁴ Восточная Европа в документах российских архивов, 1944-1953. Т. 2: 1949-1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 150-151.
- ⁵ *Холловэй Д.* Сталин и бомба. Новосибирск, 1997. С. 318.
- ⁶ АВПРФ. Ф. 56 б. Оп. 1. Д. 578. П. 255. Л. 358.
- ⁷ *Боффа Дж.* История Советского Союза: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 381.
- ⁸ См.: *Егорова Н.И.* Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947-1953 гг.) // Холодная война, 1945-1963 гг. С. 202.
- ⁹ Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 918-919.

- ¹⁰ Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 245.
- ¹¹ См.: Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав – СССР, Великобритании, США и Франции (25 января – 18 февраля 1954 г.): Документы и протоколы. М., 1954. С. 172-176.
- ¹² Там же. С. 16.
- ¹³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 183. П. 13. Л. 20-24.
- ¹⁴ Там же. Д. 54. П. 4. Л. 3-9.
- ¹⁵ Там же. Л. 27-28.
- ¹⁶ Там же. Л. 76-78.
- ¹⁷ Там же. Л. 77.
- ¹⁸ Там же. Д. 53. П. 4. Л. 23.
- ¹⁹ Варшавское Совещание европейских социалистических государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. М., 1955. С. 7-10.
- ²⁰ Там же. С. 28.
- ²¹ Сборник основных документов и материалов Организации Северо-атлантического Договора, 1949-1969 гг. М., 1969. С. 5-9.
- ²² Бюффа Дж. Указ. соч. Т. 2. С. 452.
- ²³ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1: Становление «реального социализма», 1945-1965. М., 2000. С. 302
- ²⁴ См., например: *Staar R. Communist Regimes in Eastern Europe*. Stanford, 1977. P. 213; *Johnson A.R. The Warsaw Pact: Soviet military policy in Eastern Europe*. N.Y., 1984.
- ²⁵ *Rubin F. The theory and concept of national Security in the Warsaw Pact countries // International Affairs*. 1982. Vol. 58, N 4. P. 648-657.
- ²⁶ *The Warsaw Pact: Political Purpose and Military Means*. Wilmington (Del.), 1982. XXV.
- ²⁷ *Ibid*. P. 94.
- ²⁸ *Volgys I. The Warsaw Pact: A study of vulnerabilities, tension and reliability // The Future of European alliance system*. Boulder (Col.), 1982. P. 154.
- ²⁹ Западные политологи об Организации Варшавского Договора. М., 1985. С. 85
- ³⁰ См.: *Mastny V. Did NATO Win the Cold War?: Looking over the Wall // Foreign Affairs*. 1999. Vol. 78, N 3. May/June. P. 180-181; *Idem. The New History of Cold War Alliances // Journal of Cold War Studies*. 2002. Vol. 4, N 2. Spring. P. 66-67.
- ³¹ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. С. 301.
- ³² Там же. С. 302.
- ³³ См., например: *The Future of European alliance system: NATO and the Warsaw Pact*. Boulder (Col.), 1982. XX. P. 241
- ³⁴ См.: Центральная-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. С. 303.

IV. ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ВОЙНЕ

Дорожкин А.Г.

РОССИЙСКАЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ГЕРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XX В.

Проблемам капиталистической индустриализации Российской империи посвящена обширная литература – как отечественная, так и зарубежная. Становление и развитие концепций современной англоязычной историографии данной темы было проанализировано в диссертационном исследовании И.В.Поткиной и в ряде других трудов¹. Существенно меньшее внимание, однако, уделялось освещению трактовки проблемы капиталистической индустриализации России в германоязычной литературе, особенно вышедшей в начале XX столетия. Между тем, интерес к обозначенной тематике существовал в Германии уже во второй половине XIX в.; как справедливо отмечено в работе немецкого историка У.Тройцша, соответствующие публикации имеют не только историографическую, но и немалую источниковую значимость, тем более, что их авторами выступали представители страны, поколением ранее пережившей аналогичный процесс².

Как и в XIX в., авторы многих вышедших в Германии в начале XX столетия работ, в которых рассматривались различные аспекты российской индустриализации, в большинстве своем посещали Россию либо находились в ней по долгу служ-

бы и могли оперировать собственными наблюдениями. К числу привлекаемых ими источников относились материалы периодической печати, статистические сборники, труды российских экономистов, техническая литература; использовалась также информация, полученная от предпринимателей и служащих частных и государственных предприятий. Не все из источников надежны в равной мере; как отмечает У.Тройцш, статистические сведения, содержащиеся во многих сборниках, например, по металлургии, могли базироваться на недостоверных данных; в отчетах германских комиссий о различных международных выставках нередко наличествовала противоречивая информация³. Это обусловило не всегда верные оценки состояния промышленного потенциала России германской экономической литературой и в начале XX в.

Принимая во внимание чрезвычайное многообразие аспектов проблемы капиталистической индустриализации России, в рамках предлагаемой статьи представляется возможным остановиться на интерпретации немецкими экономистами и отчасти историками начала XX в. таких вопросов, как результаты, достигнутые российской промышленностью в довоенный (до 1914 г.) период, роль государственной политики в процессе народнохозяйственной трансформации, возможные перспективы развития индустрии страны и русско-германских экономических отношений. Существенно принимать во внимание причины интереса исследователей к промышленному развитию России. Помимо чисто служебного интереса (например, у историка О.Хетча, профессионально занимавшегося историей России, или у чиновников кайзеровской дипломатической службы О.Гебеля и К.Виденфельда), определенную роль играло стремление ознакомить потенциальных инвесторов с положением русской индустрии, заинтересовать их в осуществлении вложений в нее или, напротив, предостеречь их от этого (в зависимости от позиции автора). Могли наличествовать и разведывательные соображения – современный германский историк Г.Фойгт, не говоря об этом прямо, тем не менее признает, что доклады участников учебной поездки по России, организован-

ной в 1912 г., были заслушаны рядом высокопоставленных чиновников Германской империи⁴. Разнообразие мотивов обращения к результатам промышленного развития России начала XX в. и различное отношение немецких исследователей к восточному соседу своей страны предопределило значительную несогласованность в оценках и выводах, особенно заметную в кризисные для России 1904-1907 гг.

Непосредственным предшественником вышедших в Германии в начале XX в. работ, рассматривавших российскую индустриализацию, явился фундаментальный труд экономиста Г.Шульце-Геверница. Высоко оценивая обозначившиеся к концу XIX в. успехи в развитии российской тяжелой индустрии, а также текстильной промышленности, Г.Шульце-Геверниц особо подчеркивал вклад иностранцев в преобразование соответствующих отраслей. Вместе с тем немецкий экономист признавал и значительные заслуги государства в создании крупного производства, в т.ч. и в плане поддержки частной инициативы. Предпринимательская активность стимулировалась госзаказами; кроме того, могли наличествовать определенные гарантии прибыли: Новороссийское общество, например, в течение первых 10 лет своего существования получало от казны премию в размере 50 копеек за каждый пуд произведенных им рельсов. Таможенный протекционизм, значительно облегчавший развитие русской индустрии, вместе с тем имел и свои издержки – его оборотной стороной были высокие цены, прежде всего на металлопродукцию. Признавая его необходимость и неизбежность для российской индустриализации, Г.Шульце-Геверниц вместе с тем, по справедливому замечанию У.Тройцша, предостерегал от чрезмерной односторонности, выгодной лишь крупному производству в отраслях тяжелой индустрии⁵.

На издержках промышленного протекционизма и в целом индустриализаторской политики самодержавия особенно акцентировали внимание антирусски настроенные публицисты, относимые современным историком Б.Лер к «восточному» или «балтийскому» направлению в тогдашней немецкой литерату-

ре. Известный пангерманец П.Рорбах, не отрицая в принципе позитивных результатов политики С.Ю.Витте, одновременно подчеркивал непрочность достигнутого. Он рассматривал успехи индустриализации как временное и поверхностное явление. Ценой этих успехов являлось напряженное состояние аграрного сектора экономики; при этом активное сальдо торгового баланса не покрывало пассива платежного баланса и наличие золотого стандарта в действительности не было показателем действительного прогресса народного хозяйства⁶. Подобным образом оценивал ситуацию в российской экономике и национал-либерал Г.Бернхард. Считая, что единственной целью виттевской валютной реформы 1895-1897 гг. являлось привлечение в Россию иностранного капитала, Г.Бернхард не отрицал, что С.Ю.Витте достиг ее. Платой за это, однако, являлось ухудшение положения сельского хозяйства, а улучшение финансового состояния страны оказалось кратковременным, так как большая часть прибылей зарубежных инвесторов вывозилась из России⁷. Это свое суждение Г.Бернхард, однако, не подкрепил какими-либо данными и свидетельствами, так что оно осталось голословным. Тезис же о сельском хозяйстве как жертве российской капиталистической индустриализации и главном источнике средств для нее почти безраздельно господствовал и в отечественной, и в зарубежной историографии вопроса на протяжении всего XX в.; в германской исторической науке лишь в самое последнее время предприняты были попытки поставить под сомнение его правомерность⁸.

На неудовлетворительном состоянии аграрного хозяйства как оборотной стороне индустриализаторской политики царского правительства акцентировал внимание и советник германского имперского статистического комитета Р.Мартин. Сами достижения в промышленном развитии Российской империи Р.Мартин безоговорочно приписывал иностранному капиталу. При этом он, однако, фактически должен был признать, что благодаря экономической политике самодержавия зарубежные инвестиции в русскую индустрию являлись неотъемлемой частью последней, обслуживали именно ее нужды. В

отличие от Г.Бернхарда, Р.Мартин говорил и об определенном укрепляющем воздействии внешних займов на народное хозяйство страны. Предостерегая от инвестирования в любой форме в русскую экономику, Р.Мартин аргументировал свою позицию не только и не столько соображениями невыгодности партнерства с Россией, сколько опасениями, что дальнейшие вложения укрепят ее мощь. В то же время в трагических тонах описывая ситуацию в народном хозяйстве страны в 1905 г., Р.Мартин находил неизбежным объявление царским правительством государственного банкротства и настоятельно советовал держателям русских ценностей избавиться от них возможно быстрее⁹.

Как справедливо было отмечено в предисловии к русскому изданию книги Р.Мартина «Будущность России», фактические данные этого труда были построены на весьма тенденциозном использовании отдельных сведений о трудностях, переживаемых российской экономикой в первые годы XX в. Выборочное и крайне предвзятое отношение Р.Мартина (на наш взгляд, то же самое можно сказать о П.Рорбахе и Г.Бернхарде) к данным серьезной и общепризнанной литературе о России отмечает и современный исследователь Б.Лер¹⁰. Отобрав из экономической литературы начала XX столетия лишь относящееся к характеристике слабых сторон хозяйственного развития России, дополнив их собственными резкими и голословными утверждениями, пангерманцы руководствовались исключительно политическими расчетами – содействовать, насколько возможно, замедлению роста народного хозяйства России, подрыву ее кредита в глазах немецкой публики и ослаблению ее в целом как государства. Крайне негативными суждениями, однако, не исчерпываются оценки, дававшиеся в 1905-1907 гг. немецкими исследователями индустриализаторской политике самодержавия и ее результативности.

В этой связи заслуживают внимания основательные труды В.Витчевского и К.Гельфериха об экономическом и финансовом состоянии Российской империи. В.Витчевский, рассматривая бюджет страны за ряд лет, указал на необходимость крити-

ческого отношения к официальной статистике. К негативному в общем балансе развития России исследователь отнес постоянный рост задолженности, трудности в аграрном секторе, отставание промышленности в качественном отношении¹¹. Вместе с тем В.Витчевский находил протекционистскую политику самодержавия адекватной российским условиям и необходимой для успешного индустриального развития. Для последнего она имела несомненно положительное значение – здесь налицо значительные количественные успехи, хотя они не всегда подкреплены качественными показателями. Существенно, что В.Витчевский не рассматривал сельское хозяйство страны только как жертву ускоренного промышленного роста. Он отмечал увеличение на рубеже XIX-XX вв. импорта в Россию сельхозмашин, предоставление правительством кредитов на мелиорацию, развитие торговли на селе. В негативном воздействии на индустрию кризиса 1900-1903 гг. В.Витчевский, в отличие от пангерманцев, не усматривал свидетельство несостоятельности предыдущей экономической политики – развитие чисто объективно не может быть лишь поступательным, да и в 1903 г. уже обнаружились признаки выхода тяжелой промышленности, наиболее пострадавшей от кризиса, из сложного положения. Последующие события помешали стабилизации и дальнейшие перспективы индустриального роста увязывались В.Витчевским с разрешением проблем политического характера – преодолением последствий русско-японской войны и внутренней смуты¹².

С этим же связывал возможность успешного развития российской экономики в целом и промышленности в частности К.Гельферих. Этим исследователем детально проанализировано финансовое состояние России на рубеже двух столетий. К.Гельферих отметил безусловный успех денежной реформы 1895-1897 гг.: были достигнуты обе ее цели – стабилизация курса рубля и привлечение иностранного капитала. Последний К.Гельферих рассматривал как важный, но все же вспомогательный источник индустриализации страны. Отмечено германским экономистом и значение конверсионной политики

С.Ю.Витте для уменьшения бремени госбюджета расходами по погашению внешних займов. Последнее обстоятельство позволило правительству существенно разгрузить чрезвычайный бюджет империи – все расходы, непосредственно не служащие целям производства, с 1890–х гг. зачислялись на статьи обычного бюджета. В этом К.Гельферих усматривал показатель достаточно благоприятного финансового и в целом экономического положения России к началу XX в.¹³

Факт устойчивости русских финансов, выдержавших испытание войной и революцией, отметил и Р.Клаус. Этим исследователем уделено значительное внимание и государственным мероприятиям по поддержке частных предприятий тяжелой промышленности, в особенности ее антикризисному финансированию. Не идеализируя методы хозяйствования русских и иностранных владельцев металлургических предприятий, Р.Клаус указал на трудное положение многих из них в период кризиса начала XX столетия, усугубленное неудовлетворительным управлением. Это предопределило частые обращения в Госбанк страны за финансовой поддержкой и, соответственно, рост количества ссуд, предоставляемых частной промышленности. В 1895 г. на балансах Госбанка значилась сумма этих ссуд в размере 4 млн руб., в 1896 – в размере 16,74 млн руб., а к началу 1903 г. она составила 39,23 млн руб. Поддерживая в период промышленного спада ряд предприятий важнейших отраслей российской индустрии, прежде всего тяжелой, Госбанк не только содействовал тем самым частному сектору, но и создавал о себе представление как о гаранте продолжения кредитуемыми предприятиями своей производственной деятельности¹⁴. Тому же, несомненно, служила практика учреждения правительственной администрации над убыточными в кризисные периоды, но экономически важными промышленными предприятиями.

1907–1913 гг. отмечены были выходом значительного количества работ, посвященных различным аспектам промышленного развития России. Явно в целях ознакомления потенциальных инвесторов с положением в отдельных секторах рус-

ской индустрии в немецких периодических и продолжающихся изданиях публиковались данные о прибыльности предприятий различных отраслей. В основе приводимых данных лежали обычно сведения, публикуемые в российской периодике. Используя соответствующие статистические материалы, Р.Клаус обобщил показатели о величине прибылей по отраслям русской индустрии за первое пятилетие XX в. Наивысший дивиденд выплачивали в эти годы предприятия сахарной и хлопчатобумажной промышленности (в среднем 8,8% и 5,89% соответственно). Минимальным оказался дивиденд, выплачивавшийся золото- и платинопромышленными обществами (1,24%). В угольной, металлургической и нефтяной промышленности он колебался между 3,61% и 4,41%. Говоря о скромном размере дивиденда в нефтедобыче и металлургии, необходимо учитывать негативные последствия для них не только событий 1905 г., что делает Р.Клаус применительно к нефтяной индустрии, но и воздействие экономического кризиса начала XX в. При иных условиях эти отрасли, в т.ч. и металлургия, относились к числу наиболее доходных в Российской империи¹⁵.

Германский публицист М.Л.Шлезингер, неоднократно бывавший в России и широко оперировавший собственными наблюдениями, усматривал одну из причин невысокой в отдельных случаях прибыльности предприятий в не всегда удовлетворительной их организации. Данная черта присуща была многим иностранным обществам, действовавшим в России. В то же время хорошо организованные крупные фирмы пережили кризис начала XX в. и к 1904 г. начали выходить на докризисный уровень производства. Однако эта тенденция была прервана начавшейся войной и, прежде всего, революцией. «Великие потрясения» нанесли русской индустрии столь тяжелый урон, что потребует время для нормализации положения, отмечал автор¹⁶.

Вместе с тем Шлезингер отнюдь не рассматривал состояние российской промышленности к 1907 г. как безнадежное. Исследователь особо отмечал значение устойчивости финансовой системы страны для будущего экономического развития.

Подобно К.Гельфериху и В.Витчевскому, Шлезингер находил вполне достоверными официальные статистические данные о бюджете империи. В этой связи германский публицист указывал на вполне совершенную организацию госконтроля над расходованием средств и на независимость соответствующей службы от министерства финансов. Не отрицая негативного воздействия внешних займов на платежный баланс России, М.Л.Шлезингер в то же время возражал экономистам, полагавшим, что страна не в состоянии выполнять свои старые долговые обязательства без получения новых кредитов. Наличие в России, в отличие от большинства европейских стран, казенной винной монополии дает необходимые средства и для соответствующих выплат¹⁷; сам же факт, что финансовая система страны выдержала испытания 1904-1906 гг., — свидетельство определенной прочности положения.

Важно отметить, что М.Л.Шлезингер явился в начале XX в. одним из немногих германских исследователей, поставивших под сомнение тезис о русском крестьянстве того времени как основном источнике субсидирования и жертве индустриализации. Аргументация Шлезингера, впрочем, неполная — он ограничивается указанием на скромную роль земледельцев как плательщиков прямых налогов, а также напоминанием об отказе правительства взимать выкупные платежи с 1 января 1907 г. Данная мера продолжила линию на смягчение обложения крестьянства, начатую при Александре III и выразившуюся тогда в отмене подушной подати и соляного налога, основным своим бременем падавших на земледельцев. Шлезингер отметил значительное увеличение вкладов в сберкассы страны при одновременном росте численности вкладчиков как свидетельство определенного улучшения положения населения, в т.ч. и сельского. Дальнейшее повышение покупательной способности масс, несомненно, даст стимул и ускоренному развитию промышленности¹⁸.

Являясь сторонником активизации русско-германских экономических отношений, М.Л.Шлезингер особо подчеркивал заинтересованность России в привлечении зарубежных инве-

стиций. В пользу осуществления такого инвестирования в интересах обеих стран если не прямо, то косвенно высказывался также О.Гебель. Им подробно проанализировано состояние различных отраслей промышленности в каждом из выделенных им 9 индустриальных районов России (Петербургский, Центральный, Южный, Уральский, Кавказский, Украинский, Польский, Прибалтийский и Финляндский), отмечены успехи в развитии и недостатки. К последним Гебель отнес неравномерность в распределении предприятий, концентрацию крупного производства в отдельных, немногочисленных центрах, незначительную роль в экономике средних по масштабам фабрик, сохранение на многих производствах, например, на Урале, архаических технологий, низкую в целом квалификацию рабочей силы и как следствие этого – далеко не всегда высокое качество продукции¹⁹. Отмечена Гебелем и значительная неравномерность промышленного развития отдельных регионов страны, отражавшаяся и на состоянии в них рабочего вопроса²⁰. Исследователь обратил внимание на далеко зашедшее синдицирование и трестирование российской индустрии. В то же время бурный промышленный рост, если говорить о начале XX в., по мнению Гебеля, начался в России с 1911 г. (отечественная историография, как известно, датировала его 1909 г.), а до него прибыльность предприятий не была высокой. Наряду с немногочисленными высокодоходными компаниями в период депрессии функционировало множество среднеприбыльных заводов; не были редкостью и убыточные предприятия. В 1908 г., к примеру, треть всех химических фабрик России имели прибыль менее 5% на капитал²¹. Применительно к периоду начавшегося подъема Гебель избегает говорить о значительном увеличении доходности предприятий – очевидно, любые выводы в этом плане считались им в 1913 г. преждевременными.

О.Гебель и К.Виденфельд поставили вопрос о результативности в целом российской капиталистической индустриализации. Гебель в этой связи отметил выход отдельных отраслей русской промышленности на передовые позиции: хлопчатобу-

мажного производства – на уровень, близкий к германскому, выплавки чугуна и добычи каменного угля – на уровень Франции, нефтяной индустрии – на 2-е место в мире. Определенных успехов достигли также металлообработка, пищевая и отчасти химическая промышленность. В мировом производстве прочих отраслей индустрии доля России по-прежнему остается скромной; несмотря на все успехи в росте тяжелой промышленности ведущая роль еще принадлежит текстильному производству²².

В целом, по мнению О.Гебеля, Россия к 1913 г. оставалась преимущественно аграрной страной; ей лишь предстояло преодоление трудностей, приносимых индустриализацией. Сходный вывод присутствует и в статье К.Виденфельда. Этот исследователь отметил, что переходный характер российской экономики отчетливо виден в характере внешнеторговых ее связей. Здесь Виденфельд усмотрел определенные параллели между Россией начала XX в. и Германией за столетие до того. Подобно германским государствам начала XIX в., Россия выступала поставщиком промышленной продукции в страны Азии и Юго-Восточной Европы, одновременно импортируя оттуда сырье, а с Запада – прежде всего готовые изделия. В то же время в более развитые экономически державы Российская империя экспортировала сельхозпродукцию – и здесь К.Виденфельд также не без оснований усматривал сходство тогдашней России, как, впрочем, и Австро-Венгрии, с Германией первой четверти XIX в.²³

Работы М.Л.Шлезингера, Р.Клауса, О.Гебеля, К.Виденфельда, несомненно, давали потенциальному инвестору достаточно верное представление о российской промышленности первых лет XX в., и выход в свет подобных трудов не мог не явиться положительным фактором для развития экономических отношений России с Германией. Вместе с тем в 1909-1914 гг. акцент на успехах индустриального развития России мог делаться и в прямо противоположных целях. Б.Лер отмечает, что многие из тех, кто в 1905-1906 гг. говорили о неминуемом крахе русской экономики, несколько лет спустя утверждали прямо противоположное и даже значительно переоце-

нивали достижения промышленного подъема 1909-1913 гг., аргументируя тем самым свой тезис о росте «опасности с Востока»²⁴. Но имели место и настроения иного рода. Так, германский вице-консул в Петербурге О.Траутман в 1911 г., подобно О.Гебелю, характеризовал Россию как аграрную, но быстро индустриализирующуюся страну. В этом, однако, он не усматривал никакой угрозы для Германии, подчеркивая, что в результате хозяйственного роста возрастает и покупательная способность населения, следовательно, расширяются возможности для импорта Россией немецких товаров и капиталов. Кроме того, отмечал Траутман, экономически сильная Россия будет менее заинтересована в союзе с Францией²⁵.

Весьма обстоятельный анализ промышленного развития и капиталистической эволюции России дал историк О.Хетч. Его обобщающая работа о развитии Российской империи начала XX в. была издана в 1913 г. и переиздана в 1917 г. Важно отметить, что несмотря на состояние войны между двумя странами в момент переиздания работы, Хетч в предисловии указал на необходимость разграничения политической конъюнктуры и задач научного исследования и в основном сумел сохранить объективность – по крайней мере, при рассмотрении развития народного хозяйства России в 1861-1914 гг. Он подчеркнул наличие в стране еще в дореформенную эпоху определенной исходной базы для последующего роста индустрии. К этой базе исследователь отнес имевшиеся тогда в стране металлургические и текстильные предприятия, а также кустарную промышленность, впоследствии частично эволюционировавшую к мануфактуре и фабрике. Вместе с тем громадную роль в ускоренном индустриальном преобразовании сыграла государственная протекционистская политика – в ее положительной оценке Хетч полностью солидарен с Г.Шульце-Геверницем, В.Витчевским, К.Гельферихом, С.Гебелем. Особо отмечены Хетчем заслуги С.Ю.Витте в индустриализации Российской империи – в этой связи немецкий историк указал на введение по инициативе Витте государственной винной монополии, валютную реформу и курс на привлечение в Россию ино-

странных капиталов. Все это, как и последовательно проводимая Витте политика таможенного протекционизма и форсированное железнодорожное строительство содействовало, прямо или косвенно, промышленному росту страны. Не употребляя характерного для историографии второй половины XX в. термина «модернизация», О.Хетч вместе с тем указывает, что благодаря виттевской политике переход России от аграрного государства к «аграрно-мануфактурному» принял ускоренный темп, что не устранило всех экономических трудностей²⁶.

К слабым сторонам «системы Витте» О.Хетч отнес усиление налогового бремени и значительную роль внешних источников накопления со всеми очевидными издержками²⁷. Воздействие прямых инвестиций и особенно займов на платежный баланс империи действительно не было однозначным, и точка зрения Хетча не вызывает никаких возражений. В тезисе же о сельском хозяйстве как источнике средств для индустриализации Хетч, подобно М.Л.Шлезингеру, избегал впадать в крайности – германским историком отмечена незначительность налогообложения на душу населения России в абсолютном выражении. В среднем по европейской части страны на одного жителя в 1913 г. приходилось приблизительно 14 руб. выплат по прямым и косвенным налогам в год, что существенно уступало западноевропейским показателям. В то же время О.Хетч справедливо отметил необходимость учета и среднегодового дохода на душу населения – в противном случае сопоставления некорректны²⁸. Представляется, что необходимо также принимать во внимание региональные особенности России и не абсолютизировать саму методику «средних величин».

При всех издержках «система Витте» оправдала себя – она, подчеркивал О.Хетч, не была сломлена русско-японской войной и революцией 1905 г. Заложенные С.Ю.Витте основы российской финансовой и в целом экономической политики остались в силе и при его преемниках. Вместе с тем крестьянское движение начала XX в. поставило на повестку дня вопрос о преодолении одностороннего содействия развитию крупной промышленности любой ценой. В результате была начата аг-

рарная реформа П.А.Столыпина²⁹. Здесь, однако, автор не вполне точен – С.Ю.Витте уже в 1890-х гг. придавал большое значение аграрному вопросу и отчасти предвосхитил многие элементы столыпинской политики. Более того, именно он являлся инициатором созыва Особого совещания о мерах содействия сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. Последнее, как известно, сыграло немалую роль в изменении курса русского правительства по отношению к крестьянству.

В оценках результативности российской капиталистической индустриализации в канун Первой мировой войны О.Хетч солидарен с О.Гебелем, как и в признании успехов и недостатков промышленного развития страны. Подобно Гебелю, Хетч рассматривал экономическое состояние России периода предвоенного подъема как переходное от аграрного к «аграрно-мануфактурному» (т.е. в современном понимании – аграрно-индустриальному) строю. Сам российский капитализм германский историк характеризовал как еще незрелый, не успевший охватить все стороны жизнедеятельности общества и несамостоятельный по отношению к правительству³⁰. Данный подход оказал определенное воздействие на германскую (и в целом германоязычную) историографию последующего времени, в т.ч. второй половины XX столетия.

Подводя итоги, можно констатировать наличие в германской экономической литературе начала XX в. двух подходов к проблеме российской капиталистической индустриализации. Для первого из них характерны были крайняя политизированность и тенденциозность. Носителями данного подхода выступали пангерманцы, антирусски настроенные национал-либералы и социал-демократы³¹; среди его представителей немало было выходцев из балтийских губерний России, переселившихся в Германию. Все они акцентировали внимание на негативных явлениях в промышленной и в целом в экономической жизни Российской империи (в годы предвоенного периода, впрочем, могло наличествовать и прямо противоположное при сохранении неизменной антирусской направленности). Работам соответствующих авторов присущ весьма тенденциозный

отбор источников и фактов. При этом, как правило, отсутствовал глубокий анализ реальных трудностей, существовавших в народнохозяйственной жизни страны. В то же время в германской экономической литературе и публицистике имел место и иной, гораздо более взвешенный и объективный подход к проблеме. Его представители обращали внимание как на достижения, так и на трудности российской индустриализации; не приукрашивая реального положения, они вместе с тем воздерживались и от другой крайности. Сторонники этого подхода в большинстве своем являлись приверженцами активизации русско-германских экономических отношений, в т.ч. и в плане инвестирования немецких капиталов в Россию. Не в последнюю очередь отсюда проистекало стремление обрисовать потенциальным инвесторам действительную картину народнохозяйственного развития страны с учетом как положительного, так и отрицательного в общем балансе. Существенно отметить, что многие данные, приводимые Г.Шульце-Геверницем, М.Л.Шлезингером, О.Хетчем, объективно подрывали ряд стереотипных установок о России и ее экономике. Это способствовало, если не прямо, то косвенно, формированию, в т.ч. у потенциальных инвесторов, более реального представления об уровне промышленного развития Российской империи и о ее месте в системе мирового хозяйства.

¹ См., например: *Олегина И.Н.* Капиталистическая и социалистическая индустриализация в трактовке А.Гершенкрона // История СССР. 1971. № 2; *Гиндин И.Ф.* Концепция капиталистической и социалистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4; *Поткина И.В.* Россия эпохи капитализма на страницах «Кембриджской экономической истории Европы» // История СССР. 1981. № 4; *Она же.* Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.

² *Тройцки У.* Развитие русской металлической промышленности в отражении немецкой экономической и технической литературы (1850-1900). М., 1970. С. 6.

³ Там же. С. 2.

⁴ *Voigt G.* Russland in der deutschen Geschichtsschreibung, 1843-1945. Berlin, 1994. S. 100.

- ⁵ *Schultze-Gaevernitz G.* Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. Leipzig, 1899. S. 283, 299-300.
- ⁶ *Rohrbach P.* Das Finanzsystem Witte. Berlin, 1902. S. 49, 70-71.
- ⁷ *Bernhard G.* Armes reiches Russland: Ein Mahnwort an Deutschlands Kapitalisten. Berlin, 1905. S. 8-34.
- ⁸ В современной германской историографии новый подход к освещению источников финансирования капиталистической индустриализации России особенно наглядно проявился в сравнительно недавней работе С.Плаггенборга. См.: *Plaggenborg S.* Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland, 1881-1903: Die Bilanz der Steuerpolitik fuer Fiskus, Bevoelkerung und Wirtschaft // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte.* 1990. V. 44. S. 152, 179-180, 213-214, 219.
- ⁹ *Мартин Р.* Будущность России. М., 1906. С. 36-60, 91-108, 128, 136, 138, 166, 167, 276-279; *Он же.* Будущность России и Японии. М., 1907. С. 77, 79-85, 105-108.
- ¹⁰ *Loehr B.* Die «Zukunft Russlands»: Perspektiven russischer Wirtschaftsentwicklung und deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen vor dem ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1985. S. 24.
- ¹¹ *Wittschewsky V.* Russlands Handels-, Zoll- und Industriepolitik von Peter dem Grossen bis auf die Gegenwart. Berlin, 1905. S. 179, 384-386.
- ¹² *Ibid.* S. 285-295, 380-383.
- ¹³ *Helfferrich K.* Das Geld im russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1906. S. 19, 24, 25, 30-37, 135-184, 235-240.
- ¹⁴ *Claus R.* Die Entwicklung des Bankwesens in Russland. Altenburg, 1907. S. 56.
- ¹⁵ *Claus R.* Die Rentabilitaet der russischen Aktiengesellschaften // *Jahrbuecher fuer Nationaloekonomie und Statistik.* 1910. Bd. 39, h. 2. S. 496-498; О значительной прибыльности металлургических предприятий России в конце XIX в. см., например: *Schultze-Gaevernitz G.* *Op. cit.* S. 274-275, 305; *Гливиц И.* Железная промышленность в России. СПб., 1911. С. 101, 103.
- ¹⁶ *Schlesinger M.L.* Russland im XX: Jahrhundert. Berlin, 1908. S. 415-416.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 433-435, 437.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 436, 527, 530.
- ¹⁹ *Goebel O.* Russische Industrie // *Russlands Kultur und Volkswirtschaft.* Aufsaezte und Vortraege. Berlin; Leipzig, 1913. S. 173-194.
- ²⁰ *Ibid.* S. 191.
- ²¹ *Ibid.* S. 182, 201-202.
- ²² *Ibid.* S. 180-187.

- ²³ *Wiedenfeld K.* Russlands Stellung in der Weltwirtschaft // *Russlands Kultur und Volkswirtschaft*. S. 263-268.
- ²⁴ *Loehr B.* Op. cit. S. 98, 165-170, 190-191.
- ²⁵ Цит. по: Отечественная история. 1994. № 2. С. 199.
- ²⁶ *Hoetzsch O.* Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg. Berlin, 1917. S. 73-74, 76-78, 142-143.
- ²⁷ Ibid. S. 74-76.
- ²⁸ Ibid. S. 181.
- ²⁹ Ibid. S. 79.
- ³⁰ Ibid. S. 192, 194-195.
- ³¹ Свою антирусскую позицию германские социал-демократы выдавали за враждебное отношение к самодержавию, которое они совершенно безосновательно рассматривали как «оплот реакции в Европе» (см., например: *Vemte B.* Образы России у немцев в XX в. // *Россия и Германия*. Вып. 1. М., 1998. С. 229-230). При этом они явно замазывали вопрос об агрессивности и крайней реакционности собственного империализма и объективно выступали как ярые шовинисты, считая, например, бисмарковскую политику уступчивой по отношению к России и выступая за активизацию германской экспансии. Сама аргументация в пользу такой экспансии нередко заимствовалась социал-демократическим руководством из арсенала империалистической пропаганды (см., например: *Силин А.С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971. С. 235-236). Представляется поэтому ложным суждение В.Ветте, что образ России у германской социал-демократии якобы не был окрашен в империалистические и милитаристские тона; резкие выпады представителей данного направления в адрес российского самодержавия не мешали им мириться с собственной автократией и демонстрировать ей лояльность, о чем Ветте умалчивает.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Изучение взаимных представлений россиян и немцев друг о друге — объект постоянного внимания исследователей нашей страны¹ и ФРГ². Вместе с тем, многие вопросы еще не получили всестороннего освещения. В частности, недостаточно внимания уделялось представлениям советских современников о социально-экономических достижениях Германии в годы Веймарской республики. Частично восполнить обозначившийся пробел призвано данное сообщение. Для решения поставленной задачи был привлечен широкий круг источников: материалы архивов Наркомата внешней торговли и ВСНХ СССР, доклады и отчеты комиссий, посетивших Веймарскую республику, публикации документов, пресса, мемуары. Большая часть привлеченных нами материалов принадлежит специалистам, которые профессионально оценивали увиденное и стремились перенести немецкий опыт хозяйствования на российскую почву.

Германия, несмотря на поражение в первой мировой войне и существенные потери по Версальскому договору³, сумела в 1927-1929 гг. превзойти довоенный уровень производства⁴. Ее успехи в экономике многие советские современники связывали с западными, прежде всего, американскими кредитами⁵, но не только с ними. Одновременно возрастал интерес к немецкому опыту хозяйствования. Тем более, что увиденные достижения германского народного хозяйства и, как следствие, высокое благосостояние населения в сочетании с высокой социальной защищенностью порождали у некоторых граждан СССР следующие рассуждения: «...У рабочих здесь отдельные квартиры, они сыты, у них профсоюзы, больничные кассы — выходит, что социализма-то больше здесь, у немцев, чем у нас, где через 12 лет после революции по-прежнему нищая, полуголодная жизнь»⁶.

По мнению большевистских политиков и дипломатов, одним из факторов успеха немецкой экономики был образцовый опыт в организации и управлении⁷. Не случайно лидеры Советской России с момента захвата власти призывали к его всемерному освоению. «Наша задача, — писал В.И. Ленин в мае 1918 г., — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить его перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁸. Эту же мысль он повторял и позже⁹. Результатом таких настроений стало направление в Веймарскую республику на основе постановлений ЦК большевистской партии¹⁰ и без них большого числа делегаций для изучения работы госаппарата, управленческих структур на производстве, транспорте и т.д.

В 1923 г. в Германию выехала представительная группа наркомата путей сообщения во главе с А.И.Емшановым. Делегатов особенно интересовала деятельность руководства немецких железных дорог. Собранный во время поездки материал был обобщен в специальном докладе, согласно которому создавалась следующая картина¹¹. В администрации каждый чиновник был обязан решать возникавшие проблемы самостоятельно и не «гонять посетителей по канцеляриям». При необходимости он мог выполнять работу начальника или подчиненного. Такая ситуация приводила к тому, что у руководителей высшего звена посетителей было не много, и они имели возможность сосредоточиться на контроле за исполнением указаний или изучении профессиональной литературы. Для точного исполнения распоряжений в канцелярии были заведены папки разного цвета. Синяя — означала выполнение бумаги в течение 7-ми дней, красная — 3-х, желтая — в тот же день. Все чиновники администрации были приписаны к кассам. В определенный день бухгалтерия подсчитывала причитающиеся им деньги и запечатывала их в конверт, на котором делалась надпись кому, за что и сколько. Этот пакет передавался в руки по-

лучателя непосредственно или с нарочным. Также была организована выдача зарплаты рабочим. Для экономии времени обычно от 10-15-ти железнодорожников выделялся уполномоченный, получавший деньги. Сложившаяся система, по замечанию А.И.Емшанова, не вызывала «никаких перебоев или остановок в производстве работы».

Железные дороги были оборудованы телефоном, телеграфом и, на случай непредвиденной ситуации – радиостанциями. График движения поездов составлялся 2 раза в год (1 декабря и 1 июня) и строго выдерживался. Опоздание поезда на 10 минут рассматривалось как ЧП, после чего следовало заседание специальной комиссии для выяснения всех обстоятельств происшествия. Четкое функционирование всех звеньев – от рабочего до высших чиновников администрации способствовало тому, что даже в условиях кризиса и галопирующей инфляции 1923 г. германские железные дороги работали почти без сбоев. Высокая точность движения немецких поездов, по свидетельствам известного большевистского экономиста Н.Осинского (В.В.Оболенского) и советского ученого-кораблестроителя А.Н.Крылова, была особенно наглядна при сравнении с железными дорогами Франции и США, где составы в середине 1920-х гг. часто выбивались из графика и опаздывали¹².

Четкой работой в Веймарской республике отличались не только транспортники. Корреспондент «Известий» В.Михельс в 1923 г. посетил центральное управление фирмы «Сименс-Шуккерт». В здании, в котором, по его данным, работало около 5000 служащих, он в течение 10-20 минут в коридорах не встретил ни одного человека. Конторщики перемещались между этажами при помощи специальных подъемных машин. «Вообще, – заметил сопровождающий В.Михельса немец, – у нас принято работать и меньше гулять»¹³.

В конце 1920-х гг. в СССР началась реорганизация управленческих структур в промышленности. Для ознакомления с германским опытом в Веймарскую республику выехала представительная делегация ЦКК-РКИ. Вернувшись домой, руководитель группы А.З.Гольцман сделал доклад, основные по-

ложения которого были опубликованы. Советский представитель, отметив, что финансы, планирование и распределение находятся в руках правления трестов, особое внимание обратил на отчетность: уже к 15-16 числу были известны данные о работе за предыдущий месяц. Такой подход позволял принимать оперативные решения. В этой связи А.З.Гольцман заметил, что некоторые из вопросов советских делегатов вызвали у немцев удивление самим фактом их постановки. «...Например, на вопрос, как быстро заказ, поступивший в трест, передается заводу, последовал вполне четкий и ясный ответ: “при задержке на несколько дней нас всех пошлют к черту”»¹⁴. Наблюдения делегации А.З.Гольцмана подтверждают и дополняют сведения М.Гроссмана и Д.Эрлиха. На страницах «Правды» они писали о том, что «мозговым центром» немецких трестов является директорский корпус. Его решения «безусловно» обязательны для всего «оперативного производственного персонала»¹⁵.

Немцы в период Веймарской республики активно перенимали зарубежный опыт хозяйствования и организации производства. По данным корреспондента «Экономической газеты» В.Адлера, они внедряли на своих предприятиях конвейер, систему тейлоризма и т.д.¹⁶ Однако управленцы Германии не ограничивались использованием заграничных достижений, но и создавали свои оригинальные формы организации работы. Например, по наблюдениям советского журналиста К.Ленгарда, немецкие предприятия для сокращения времени движения товара от производителя к потребителю стали создавать сеть специализированных магазинов¹⁷.

Работа администрации напрямую связана с подбором кадров. По свидетельствам советских современников, этой проблеме немцы уделяли самое пристальное внимание. У них «каждый администратор» мог навести на своем рабочем месте порядок не хуже, чем офицер в армии¹⁸. Наиболее квалифицированные кадры трудились в конструкторских, аналитических, плановых, контролирующих и нормативных отделах¹⁹. Однако, назначение на важную административную должность не всегда

связывалась с узкопрофессиональными знаниями. По данным А.И.Емшанова, 75% руководителей железных дорог Веймарской республики не были дипломированными железнодорожниками, а имели юридическое, коммерческое образование или большой производственный стаж. Это, однако, не мешало ритмичной работе немецкого транспорта. Другой пример умелого подбора кадров можно найти в мемуарах дипломата и писателя Н.А.Равича. В турецкой Квархцане он познакомился с офицером-сапером Гинце, которого направили в этот город для решения проблемы нерентабельности местного металлургического предприятия. Немец не имел профессиональных знаний, но, сравнивая работающих на предприятии с военной частью, в которой есть командный и рядовой состав, и, взглянув на вопрос комплексно (завод-инфраструктура), сумел найти эффективные решения²⁰.

Узкопрофессиональные знания выдвигались у немцев на первый план при организации непосредственно процесса производства. Здесь основную роль играли инженеры или мастера-практики. «Когда я смотрел на работу цехов, машин, станков, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, — вспоминал линотипист Г.П.Сергеев, — то удивлялся... умению немцев разделить работу... на определенные простые, незамысловатые процессы и механизировать ее»²¹. Похожие чувства испытывал представитель Металлобюро СССР на заводах в Эссене В.С.Емельянов при посещении заводов Г.Рехлинга и Маннесмана, где применялись саморазгружающиеся вагоны. Они подавались на эстакаду, и далее требовалось только открыть люк, чтобы их содержимое попало в бункер, из которого с помощью конвейерных лент сырье поступало в цеха. Всей операцией руководил один человек. В.С.Емельянов в этой связи заметил, что на заводе ферросплавов в Челябинске, где отсутствовала эта специальная техника, на разгрузочных работах было занято более 40 человек²².

Высокопрофессиональную работу немецких инженеров отмечали и другие советские современники. Нарком просвещения А.В.Луначарский видел ее на предприятиях АЭГ²³,

управляющий государственным трестом «Электросталь» А.Ф.Бедуин – в машиностроении²⁴, инженер С.Гельд – в порту²⁵. Последний, в частности, сообщал, что германские докеры за счет продуманной организации погрузочно-разгрузочных работ трудились на 10-15% производительнее своих скандинавских коллег. Поиск новых форм организации производства затронул и сельское хозяйство. По свидетельству профессора из Казани В.В.Винера, в Веймарской республике для сокращения потерь времени и урожая велись целенаправленные изыскания по оптимальному размещению усадьбы, хозяйственный построек и обрабатываемых угодий²⁶. Технологические новации затронули и военное производство. В результате, как сообщал в Москву советский военный представитель Я.М.Фишман, на авиазаводе Г.Юнкерса в середине 1920-х был построен пассажирский самолет G-23, сконструированный таким образом, что при необходимости его могли переоснастить более мощными двигателями и трансформировать в бомбардировщик или распылитель отравляющих газов. Всего за месяц-полтора на предприятиях Герца немцы освоили массовое производство артиллерийских и авиационных прицелов. Еще более значительным был успех в изготовлении пушек. По данным И.П.Уборевича, германские специалисты стремились освоить производство орудия за шесть недель, хотя в кайзеровское время этот процесс занимал до девяти месяцев²⁷.

По данным А.З.Гольцмана, основой работы предприятий Веймарской республики был хозрасчет. Это мнение подтверждало высказанные ранее слова наркома внешней торговли и знатока немецкой экономики Л.Б.Красина. Опираясь на свой опыт, он в 1923 г. выступил против ленинских планов реорганизации Рабкрин и усиления государственного контроля над производством²⁸. Ратуя за то, чтобы советские предприятия работали «по буржуазному», как у Стиннеса или в АЭГ, он требовал допустить к управлению вместо «сотен партийных масовиков» опытных производственников и подчеркивал, что во всех ведущих фирмах существует «самоконтроль», и, если де-

ло идет плохо, то меняют руководство, а не создают новых контролирующих органов.

Система хозрасчета вела к тому, что в Веймарской республике администрация постоянно искала пути повышения эффективности производства. В этой связи показательны наблюдения Я.М.Фишмана на авиационных предприятиях Юнкера и В.С.Емельянова на металлургических и военных заводах Круппа. В первом случае помимо самолетов выпускали листовой металл, калориферы²⁹, а во втором – от сельскохозяйственных машин и паровозов до столовых наборов и запонок³⁰. Производство разных товаров помогало быстро ориентироваться при изменении конъюнктуры рынка, рационально использовать фабричные мощности и сырье.

Конкуренция и хозрасчет заставили немцев обратить внимание на максимальное использование сырья и отходов производства. Так, на строительных площадках, по словам крупного специалиста в этой области С.З.Гинзбурга, он ни разу не видел «боя кирпича, стекла или других материалов»³¹. Как сообщали другие советские наблюдатели, немцы вторично использовали старые лампочки, газеты и битое стекло³², из доменных шлаков научились делать материалы для дорожного строительства³³, а из отходов военного производства выпускать гражданскую продукцию³⁴. Подход немцев к рациональному использованию ресурсов ярко передают слова главного инженера одного из заводов д-ра Фауста: «На производстве ничего не должно пропадать. Вообще должно исчезнуть понятие “отходы производства”. То, что представляет отход данного производства, может и должно стать сырьем для другого. Задача инженера – так построить технологический процесс, чтобы использовать все полностью, работая без отходов». В этой связи В.С.Емельянов с огорчением вспоминал, что его попытки использовать вторичные ресурсы на Челябинском заводе ферросплавов долгое время были безрезультатны. Специалист, назначенный для организации этого дела, посчитал себя униженным таким предложением и не соглашался занять рабочее место. «Я уже знал, – пишет Емельянов, – что и другие откажутся»³⁵.

Советские люди, оценивая результаты немцев по рациональному использованию ресурсов, отмечали не только достижения, но и недостатки. Г.П.Сергеев вспоминал, что владельцы завода по производству линотипов преднамеренно не устанавливали вентиляцию в цеху по измельчению чугунного лома. Они опасались, что при проветривании можно потерять ценное сырье³⁶. Предпринимателей мало беспокоил тот факт, что рабочие вдыхали воздух с большим содержанием металлической пыли. Сотрудница Коминтерна и писательница Л.М.Рейснер при посещении шахт Рура отметила, что, из-за стремления владельцев копий экономить на крепежном материале, под землей создавалась аварийная ситуация³⁷.

Барометром в работе германских предприятий была себестоимость продукции. М.Гроссман и Д.Эрлих сообщали, что еще до начала производства специальные отделы просчитывали затраты на выпуск товара и его конкурентоспособность. Руководство заводов имело право закрывать нерентабельные линии или не принимать продукцию смежных фабрик, «если она отпускалась по ценам, превышающим рыночные»³⁸. Борьба за снижение себестоимости товара была тесно связана с конкуренцией и подталкивала развитие инженерной мысли. Емельянов в этой связи вспоминал, что начальник мартеновского цеха на заводе Г.Рехлинга Швайгер был крайне взволнован, узнав, что на соседнем предприятии расход огнеупоров на тонну стали меньше, чем у него³⁹. Он провел множество опытов и, в итоге, нашел способ снижения затрат на производство. Борьба за себестоимость захватила и немецкий транспорт. По наблюдениям наркома здравоохранения Н.А.Семашко, в Берлине «каждый грузовик, каждая подвода наполнены до крайности... Нигде не встретишь нашего “порожняка” и “простоя”»⁴⁰.

Советско-германские отношения в 1920 – начале 1930-х гг. развивались в «духе Рапалло» и были проникнуты взаимной заинтересованностью, взаимоуважением и даже дружбой. Немцы с готовностью передавали представителям СССР свой организационный опыт. Многие из них переезжали в советскую страну и помогали развивать производство. В 1930 г. немцы и

австрийцы составляли более 50% иностранцев, работавших в СССР⁴¹. Часто они не ограничивались простым исполнением обязанностей, а вели поиск по рационализации технологического процесса⁴². Так, работавший на Ижорском заводе Гартенгаузен внес более 30 предложений, направленных на повышение эффективности работы предприятия⁴³. Однако не всегда прививание германского опыта хозяйствования на российскую почву происходило безболезненно. Корреспондент «Известий» А.Аграновский в ноябре 1929 г. сообщал о проблемах, с которыми встретился инженер Вальтер на новгородском заводе по производству посуды «Коммунар»⁴⁴. Не было выполнено более 200 его распоряжений, в подготовленную им фаянсовую массу подбросили железные опилки, на предприятии целенаправленно распространялись слухи, что немец – фашист. Причины неприязни объяснялись тем, что Вальтер открыто выражал недовольство местными порядками. В частности, он ставил под сомнение правомерность разговоров о нехватке металла, если на территории завода обнаруживаются бесхозные топоры и стамески, и просьб о новых денежных вливаниях, после того как уже получена сумма, достаточная для постройки целого предприятия.

По наблюдениям советских современников, важным фактором экономических успехов Веймарской республики была тесная связь производства с наукой. В стране исследовательская работа велась в университетах и НИИ, которые были как у министерств, так и у крупных фирм. Часто они объединяли свои усилия в разрешении возникавших практических проблем. Большая часть германских лабораторий имела уникальное оснащение. Например, на заводе Круппа построили специальный бассейн, в котором велось изучение коррозии металлических листов, использовавшихся для обшивки судов, работавших в южных широтах⁴⁵. Для чистоты эксперимента воду привозили из Индийского океана, а для регулирования давления резервуар покрывали стеклянным колпаком. Данный метод моделирования использовался и в других отраслях. Один из руководителей строительства Волго-Донского канала

А.С.Аксамитный наблюдал его в лаборатории, занимающейся разработкой гидросооружений. Подход германских инженеров к изучению воздействия воды на разные породы грунтов показался советскому специалисту столь впечатляющими, что он со страниц «Экономической жизни» призвал «целиком перенести его в нашу практику»⁴⁶.

По наблюдениям директора «Электростали» А.Ф.Бедуина, хорошая оснащенность лабораторий приборами позволяла немцам постоянно контролировать качество товаров, точно выполнять требования заказчика и добиваться повышения производительности труда. На машиностроительных и металлургических предприятиях, которые он посетил, получение сведений о выпускавшейся продукции не превышало 3-х минут, что контрастировало с ситуацией на руководимом им предприятии. Здесь до 50% операций выполнялось «на глаз», а лабораторная обработка данных занимала не менее двух с половиной часов. «Мы, – сокрушался красный директор, – качество достигаем нервами, то, что у них (немцев. – В.Ч.) достигается техникой»⁴⁷.

В Веймарской республике понимали, что эффективное развитие экономики в значительной степени зависит от отношения к ученым. Власти и «капитаны индустрии» обладали умением видеть за техническими идеями большое практическое будущее. Так, в начале 1920-х гг. они, несмотря на собственные финансовые трудности, поддержали опыты Ю.В.Ломоносова по созданию тепловоза⁴⁸. В то время мало кто верил, что новый вид транспорта когда-нибудь сможет конкурировать с паровозом. В результате, уже в 1925 г. Ю.В.Ломоносов смог заявить, что проводимая им работа выведена из стадии «академического изучения» и начинает воплощаться «в формы, пригодные для несения регулярной товарной службы»⁴⁹. Вообще, по наблюдениям советских специалистов, немецкое государство постоянно оказывало помощь ведущим ученым страны⁵⁰ и по сравнению с довоенным временем увеличило расходы на науку в полтора раза⁵¹. Академик В.И.Вернадский при посещении Веймарской республики в 1927 г. обратил вни-

мание еще на одну сторону взаимоотношений официальной германской власти и ученой корпорации: политики и чиновники, оказывая материальную поддержку, не стремились к установлению контроля ни над исследователями, ни их объединениями⁵².

Широкую поддержку германским ученым оказывали также ведущие промышленники. Председатель комиссии по zahraniчному снабжению Наркомпроса РСФСР З.Г.Гринберг и сотрудники научно-информационного отдела РАН сообщали о том, что в первые послевоенные годы «капитаны немецкой индустрии» выделили значительные средства Союзу германских академий и высших школ, помогали ученым в приобретении необходимого оборудования⁵³. Правда, эта поддержка относилась, прежде всего, к науке, связанной с производством⁵⁴.

Сохранению и распространению научных достижений в Германии способствовала также практика создания на предприятиях технических архивов, материалы которых были доступны всем специалистам предприятия⁵⁵, и специальных отделов, которые выписывали немецкие и зарубежные профессиональные издания⁵⁶. Об уважительном отношении к научным знаниям в Веймарской республике может свидетельствовать и тот факт, что руководители предприятий были обязаны знакомиться с новейшей литературой. В результате управленческий аппарат отличался хорошим знанием новейших научных разработок. Это относилось и к владельцам ведущих фирм. Наглядным примером может служить случай, рассказанный В.С.Емельяновым. В 1932 г. он получил от Г.К.Орджоникидзе задание – выяснить, какие печи (мартеновские или конверторные) эффективнее строить в СССР? Советский инженер с этим вопросом обратился к «капитану» германской промышленности Г.Рехлингу. Между ними состоялся следующий диалог:

«Разумеется, конверторы, – не задумываясь, ответил Рехлинг.

– А почему?

Рехлинг в упор посмотрел на меня и задал вопрос, который поставил меня в тупик:

— В тысяча девятьсот тридцать седьмом году вы хотите выплавлять семнадцать миллионов тонн стали... Наиболее экономичным производство стали в мартеновских печах будет тогда, когда вы в печь будете загружать тридцать процентов чугуна и семьдесят процентов стального лома-скрапа. Скажите, сколько в тысяча девятьсот тридцать седьмом году у вас будет скрапа?

У меня сразу же мелькнула мысль: “А кто на этот вопрос у нас может ответить?”

— Не знаю, — произнес я в смущении⁵⁷.

В отличие от советского специалиста Г.Рехлинг знал ответ и заявил, что в Советском Союзе в 1937 г. будет 4,5 млн тонн скрапа, а для эффективной работы мартеновских печей надо 11 млн. Свои расчеты германский промышленник основывал на выявленной научной закономерности: примерно через 20 лет большая часть металла, произведенного в стране, возвращается на металлургические предприятия в виде лома. Исходя из этих данных, Рехлинг предостерегал, что, если СССР начнет строить мартеновские печи, то придется использовать много дорогостоящего чугуна, и производство стали станет неэкономичным. Видимо, слова немца остались без внимания. Во всяком случае, позже директор Магнитогорского металлургического завода А.П.Завенягин столкнулся с трудно разрешимой задачей: из-за нехватки скрапа в построенные мартены пришлось загружать большое количество чугуна, что резко удорожало стоимость выпускаемой стали⁵⁸.

Наблюдая работу германских ученых, советские современники отмечали их трудолюбие и самоотдачу. Нарком здравоохранения Н.А.Семашко описал их поведение в тяжелейшей 1923 г. следующими словами: «...В центральной гигиенической лаборатории под Берлином [я] видел страшную нужду и бедность этого главного государственного учреждения: нет опытных животных. Не хватает топлива, реактивов, даже спирта. И я подумал: какие громовые речи произносили бы некоторые наши ученые при таком положении дел. Немецкие ученые не хнычут и не проклинают. Наоборот, чем прогрессивней ученый, тем меньше он любит говорить о своих научных за-

труднениях: лишь вскользь, нехотя, сильно смущаясь... Не нахныканье тратят немецкие ученые время, а на поиск выхода из положения»⁵⁹. Научная одержимость у немцев сохранилась и в последующие годы. В.И.Вернадский при посещении Веймарской республики отметил, что его германские коллеги всего за 8-9 месяцев создали и освоили центр по изучению силикатов. «Этот темп работы, – сокрушался советский ученый в 1927 г., – совершенно немыслим сейчас у нас»⁶⁰.

Внедрение научных разработок в производство, по наблюдениям граждан СССР, способствовало росту германской экономики и повышению качества жизни миллионов людей. Так, ученые заводов Байера сумели найти заменитель красителя индиго, что дало эффект в 30 млн. марок и превратило Веймарскую республику в крупнейшего в мире экспортера этого продукта⁶¹. Немцы научились всего за два дня возводить трехэтажные дома, оборудованные санузлом, канализацией и центральным отоплением⁶². Высокие темпы строительства позволили им с оптимизмом смотреть на разрешение пресловутой «жилищной проблемы». Внедрение новых видов удобрений, агротехники и заменителей натуральных продуктов позволило жителям Веймарской республики снять остроту «продовольственного вопроса»⁶³. Применение достижений науки в судостроении привело к восстановлению германского торгового флота и переводу его большей части с угля на более экономичное жидкое топливо⁶⁴. Не осталась в стороне и армия. В арсенале рейхсвера появились переносные огнеметы, новые типы ручных гранат, минометы, противотанковые мины, новые оптические приборы, позволявшие добиваться высокой точности стрельбы, и т.д.⁶⁵ Техническое перевооружение позволило немногочисленной германской армии стать на востоке Европы реальной силой.

Авторитет немецких ученых в глазах советских коллег за годы Веймарской республики поднялся на такую высоту, что многие в СССР на публичных выступлениях германских специалистов ожидали услышать «какие-то невероятные чудеса». Так было, например, при посещении Советского Союза про-

фессором по механизации строительства Гарботцом. Однако, вскоре выяснилось, что все новшества, о которых говорил заграничный специалист, уже применялись на новостройках СССР⁶⁶. Общее же впечатление советских ученых о людях умственного труда Веймарской республики передают слова физика С.Э.Фриша: «Новая немецкая интеллигенция пыталась создать культуру, освобожденную от гнета мещанства, столь сильного при кайзере. И эту культуру многие у нас считали передовой, заслуживающей подражания. Появились переводы немецких книг, в кино шли многочисленные фильмы, в филармонии выступали приезжающие на гастроли немецкие дирижеры и пианисты. Проникали и идеи послевоенной немецкой философии»⁶⁷.

По мнению наблюдателей из СССР, высокой результативности германские исследовательские центры в значительной степени были обязаны продуманной организации труда⁶⁸. Всю второстепенную работу в НИИ или лабораториях университетов выполнял многочисленный и высококвалифицированный вспомогательный персонал, что позволяло ведущим специалистам вести одновременно несколько научных тем. Сами немцы так объясняли свой подход к делу: «Зачем же мы будем тратить высокооплачиваемые часы доктора на проведение работ, которые с успехом и даже лучше может сделать любой лаборант или техник». Существенную роль играло скоординированное взаимодействие с финансовыми органами. Например, в экспериментальных центрах на заводах Круппа ученый после выделения на исследования определенных средств получал в бухгалтерии книжку заказов, каждый лист которой открывал для него возможность провести необходимые изыскания в любой лаборатории предприятия. После проведения необходимых работ 3 листа книжки заказов заполнялись и направлялись по следующим адресам: один оставался в лаборатории, где были проведены исследования, второй возвращался заказчику, а третий направлялся в бухгалтерию. В результате ученый уже в день окончания заказанных им экспериментов знал, сколько средств им уже израсходовано и сколько осталось⁶⁹.

Прочная связь научных и инженерных кадров с народным хозяйством в известном смысле была результатом системы высшего образования⁷⁰. Так, до поступления в технический или горный вуз абитуриент должен был освоить рабочую профессию и проработать некоторое время на производстве или в шахте. В студенческие годы обучающийся проходил ряд практик. Исключение делалось лишь для студентов химических факультетов. Считалось, что для их профессионального роста достаточно лабораторий университетов.

Высоким профессионализмом и честным трудом отличались не только ученые, технический персонал научных лабораторий или инженеры. Он был характерен и для других категорий трудящихся. С.Э.Фриш, в частности, по этому поводу вспоминал: «Меня поразило здесь отношение людей к профессии. У каждого человека, что бы он ни делал, свои профессиональные навыки. Приказчик в магазине специальными профессиональными движениями четко, быстро отвечает и заворачивает товар. Даже газетчики выкрикивают названия газет каким-то особенным профессиональным голосом»⁷¹. Словам ученого вторил руководитель «Электростали» Бедуин. Сравнивая кузнечные цеха Круппа и французской фирмы «Hornet», он отметил, что немцы при меньшем количестве людей и почти полном отсутствии посторонних разговоров провели необходимые операции «быстрее и чище» своих коллег⁷². Высоких производственных показателей достигли и германские строители. По свидетельству знатока этого дела С.З.Гинзбурга, на всех осмотренных им площадках «бросалась в глаза небольшая численность рабочих и инженерного персонала. Никакой суеты, шума, штурмовщины. Казалось, что стройка продвигается вперед очень медленно. Однако, придя сюда через неделю, убеждался, что работы значительно продвинулись. Производительность труда и квалификация рабочих были очень высокие»⁷³. Сравнение труда немецкого и советского каменщиков в начале 1930-х гг. дало следующие результаты. Если германский рабочий за смену выкладывал до 55 кв. м кирпича, то его коллега в СССР не более 15,5 кв.м⁷⁴. Столь же впечатляющим

было различие в работе типографских наборщиков. Так, у немца Ульштейна верстку производили за 8-16 минут, тогда как в советской стране эта операция занимала до 4 часов⁷⁵. При этом свои обязанности германские трудящиеся исполняли не только быстро, но и добросовестно. Руководитель «Электростали» Бедуин наблюдал следующую картину. Кузнец, ковавший быстрорежущую сталь и заметив в ней трещины, по собственной инициативе устранил обнаруженный брак⁷⁶. Похожее отношение к своим обязанностям видел на германских заводах уральский рабочий Щипанов⁷⁷.

Добросовестное отношение немецких пролетариев к труду на капиталиста или буржуазное государство, да еще в условиях низкой оплаты (об этом в 1920-1930-е гг. в СССР писали много и охотно⁷⁸) вызывало у некоторых советских хозяйственников и тем более политиков непонимание и даже обиду⁷⁹. Причины этого явления советские современники объясняли по-разному. Одни говорили, что немцами движет страх потерять работу. Вторые выделяли сложившуюся систему подготовки кадров. В Веймарской республике отказались от фордовской модели, которая для выполнения простых операций на конвейере не требовала длительного обучения. Здесь рабочий долго и всесторонне овладевал своей будущей специальностью⁸⁰. Третьи отмечали традицию передавать трудовые навыки от старших к новичкам, от отца к сыну⁸¹. Так, на ряде предприятий, производивших линотипы, немецкие пролетарии устраивали собрания, на которых обсуждались ошибки и промахи коллег и намечались пути их устранения⁸². Четвертые акцентировали внимание на врожденном уважении немцев к любому труду. Видный деятель международного коммунистического движения Ю.Ю.Мархлевский по этому поводу писал: «Среди земледельческих рабочих в Польше и Германии я встречал таких, которые, несмотря на то, что “не хозяева”... “з кожи лезут” на работе, для них порядочная работа, аккуратная работа – просто потребность, без нее жить нельзя»⁸³. Словам политика вторил сотрудник советского торгпредства Калецкий. В 1929 г. на встрече с ученым С.Э.Фришем он, в частности, сказал: «Немцы умеют и любят работать... В России придумали глупый анекдот,

будто немец пытался отучить лошадь есть, чтобы было дешевле. Нет, у немца лошадь сытая, холеная, чтобы лучше работала... И работают они как черти... Мало кто замечает, но уверяю Вас, через несколько лет они станут самыми сильными в Европе»⁸⁴.

По свидетельствам советских граждан, посетивших Веймарскую республику, большинство жителей этой страны дорожили авторитетом и заработанным социальным положением. Представитель «Металлобюро» на заводах Эссена В.С.Емельянов вспоминал следующие два случая. Мастер одного из цехов, допустивший потерю стали, очень переживал из-за начавшегося разбирательства. Причем его беспокоил не наложенный штраф, а именно огласка проступка. В другом случае ведущий специалист на заводе Круппа доктор Кютнер заявил советскому инженеру, что сгорел бы от стыда, если бы тот назвал ему профессиональную научную статью, о которой бы он не знал⁸⁵. Столь же сильно дорожили авторитетом ведущие предприниматели Германии. По данным советского торгпреда в Берлине Б.С.Стомонякова, многие из них помогали сотрудникам его миссии выявлять разного рода аферистов и спекулятивных посредников⁸⁶. Поставленная под документом подпись служила гарантией выполнения договорных обязательств. Выдающийся советский инженер А.Н.Крылов в этой связи вспоминал о ситуации с руководством фирмы «Арнольд Бернштейн», которое заключило соглашение на перевозку паровозов из Германии в РСФСР⁸⁷. В документе было прописано, что за каждый комплект немцы получают по 54 тыс. марок, что равнялось 150 ф. стерлингов. Инфляция, захлестнувшая Веймарскую республику, привела к тому, что к окончанию сроков контракта обговоренная в договоре сумма при пересчете на английскую валюту не превышала и 6 пенсов за комплект. Однако руководство германской фирмы строго придерживалось достигнутых ранее договоренностей и полностью выполнило условия контракта. Страх потерять завоеванное социальное положение был у многих германских предпринимателей столь высок, что в случае выпуска бракованной продукции, а тем

более банкротства, многие из них общественному порицанию или тюрьме предпочитали самоубийство⁸⁸.

Конечно, немецкие предприниматели не упускали шанса заработать в торговых операциях с советской страной больше суммы, обозначенной в контракте. Однако часто к этому их подталкивали некомпетентность или алчность многих сотрудников заграничных торговых миссий РСФСР/СССР⁸⁹.

В заключение подведем некоторые итоги. Советские современники, рассматривая достижения Германии в социально-экономической сфере, выделяли организационный опыт немцев, сложившуюся в стране систему подготовки кадров, ведущую роль науки в преобразовании народного хозяйства и быта людей. Многое из увиденного казалось образцовым и ставилась задача всемерного переноса германского опыта на советскую почву. Важной составляющей немецких достижений было трудолюбие и добросовестное отношение к работе всех слоев населения – от простых тружеников до «капитанов промышленности».

¹ В последние годы в России большая работа по изучению взаимных представлений россиян и немцев проводится в Липецке. Здесь под руководством известных ученых А.И.Борозняка, В.Ф.Черновой и Е.И.Пассова регулярно проходят Международные Копелевские чтения, собирающие историков, филологов, деятелей культуры разных стран. Отражением полученных результатов стали 3 сборника «Россия и Германия: диалог культур» (1996, 1998, 2000 гг.). Проблема представлений россиян о немцах нашла отражение также в ряде публикаций автора этих строк. См., напр.: *Чернышев В.Л.* КПГ и веймарская демократия в оценках советских современников // Веймар–Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия. Челябинск, 1998; *Он же.* Театр Веймарской Германии глазами А.В.Луначарского // Копелевские чтения. Россия и Германия: диалог культур, 1997. Липецк, 1998; *Он же.* Берлин и берлинцы в зеркале сообщений членов делегаций Моссовета (1924-1925 гг.) // Россия и Германия: События, образы, люди. Вып. 3. Воронеж, 2000; *Он же.* Германия 1923 года в стихах иваново-вознесенцев // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения профессора Ю.А.Якобсона. Иваново, 2000; и др.)

- ² См., напр.: *Bemte B.* Представления немцев о России в XX столетии // Веймарская республика: история и источниковедение. Иваново, 2001. С. 14-38; *Osthoff H.W.* Die deutsch-russischen Vertragsbeziehungen im Spiegel ihrer Zeit, 1872-1976. Bern; München, 1980; *Sywottek A.* Russen und "Sowjets". Bilder und Feinbilder // Epd-Dokumentation. 1988. № 5 / Hrgs. Das Russlandbild im Dritten Reich Volkmann I.-E. Wien; München, 1994; и т.д.

Много и продуктивно в исследовании взаимных представлений россиян и немцев в рамках «Вуппертальского проекта» работала группа под руководством ученого и гуманиста Л.З.Копелева. См., напр.: *West-östliche Spiegelungen. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert.* Wuppertaller Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdbilder unter der Leitung von Lev Kopelev. Reiche A.B. München, 1985, 1987, 1991, 1992; *Deutsche und Deutschland in russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts.* West-östliche Spiegelungen. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von Anfängen bis zum Erforschung der Geschichte deutscher Fremdbilder unter der Leitung von Lev Kopelev. München, 1988. Эта работа германских коллег была высоко оценена отечественными исследователями (см., напр.: *Дмитриев М.В., Пушкарева Н.Л.* Русские и немцы: представление друг о друге // Вопросы истории. 1991. № 6; *Дмитриев М.В.* Немцы и Германия в восприятии русских, XVIII в. Просвещение // Там же. 1994. № 1; *Виноградов В.Н.* Русские и Россия глазами немцев, XIX в. От начала века до создания империи (1800-1871 гг.) // Там же; и др.).

- ³ По условиям Версальского договора 1919 г. вооруженные силы Германии ограничивались 100 000 человек (при 4 000 офицеров) в сухопутных частях и 15 000 на флоте. Армии запрещалось иметь танки, боевые самолеты, подводные лодки, тяжелую артиллерию, химическое оружие и т.д. От Германии была отторгнута 1/8 территории, на которой до войны проживала 1/12 населения, добывалось до 50% железной руды, 25% каменного угля, было сосредоточено 6-7% перерабатывающих предприятий, собиралось до 17% картофеля и 13% пшеницы. Победители конфисковали также 90% торгового флота и почти все локомотивы. Германия обязывалась в счет репараций в течение многих десятилетий вносить значительные денежные суммы в золоте и осуществлять натуральные выплаты сырьем и промышленными изделиями. Часть ее территории подлежала оккупации.

- ⁴ Index der industriellen Produktion // Die Weimarer Republik, 1918-1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. Bonn, 1987. S. 637.
- ⁵ См., напр.: *Сталин И.В.* Соч. М., 1947. Т. 7. С. 35; *Раковский Х.Г.* Локарнский договор и его последствия // Мировой хозяйство и международная политика. 1926. № 1; *Любимов Н.Н.* Введение // План Дауэса. Финансовое восстановление Германии. Доклад комиссии Дауэса. М., 1925.
- ⁶ *Фриш С.Э.* Сквозь призму времени. М., 1993. С. 143.
- ⁷ См., напр.: *Красин Л.Б.* Вопросы внешней торговли. М., 1970. С. 305; *Радек К.Б.* Германская революция. Ноябрьская революция в Германии. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 14-15; *Раковский Х.Г.* Грядущая революция. В Лозанну и обратно. Путевые заметки о международном положении. М., 1923. С. 33; *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 84.
- ⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 303.
- ⁹ Там же. Т. 43. С. 211.
- ¹⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 4. М., 1984. С. 201, 549-551.
- ¹¹ *Емшанов А.И.* Организация управления на государственных немецких железных дорогах: Доклад съезду УПД и представителей железных дорог 27 февраля 1924 года: (стенографический отчет). М., 1924. С. 5, 9-11, 14, 16, 18-19, 34.
- ¹² *Осинский Н.* По ту сторону океана: Из американских впечатлений и наблюдений. М.; Л., 1926. С. 20-21; *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. Л., 1984. С. 290.
- ¹³ *Михельс В.* На заводе Сименс-Шуккерт: (Из берлинских впечатлений) // Известия. 1923. 8 мая.
- ¹⁴ О реорганизации системы управления промышленностью: (Объединенное заседание президиума ЦКК и коллегии РКИ СССР) // Там же. 1929. 13 июля.
- ¹⁵ *Гроссман М., Эрлих Д.* Управление предприятиями в СССР и Германии // Правда. 1931. 15 мая.
- ¹⁶ *Адлер В.* Проблемы рационализации в Германии // Экономическая жизнь. 1926. 29 мая.
- ¹⁷ *Ленгард К.* Рационализация германского торгового аппарата // Там же. 1927. 16 октября.
- ¹⁸ *Равич Н.* Молодость века. Война без фронта. М., 1972. С. 535.
- ¹⁹ *Гроссман М., Эрлих Д.* Управление предприятиями в СССР и Германии // Правда. 1931. 15 мая.
- ²⁰ *Равич Н.* Указ. соч. С. 532-534, 573-574.
- ²¹ *Сергеев Г.П.* Производственные наблюдения линотиписта в Германии. М., 1932. С. 10.

- ²² Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе: (Записки инженера) // Новый мир. 1967. № 1. С. 54-55.
- ²³ Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1964. С. 66.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1783. Л. 9 об.-10.
- ²⁵ Гельд С. Порты отправления // Перевозка паровозов Эш и Эз из-за границы. Берлин, 1923. С. 59.
- ²⁶ Винер В.В. Сельское хозяйство Германии: (из впечатленийграничной командировки летом 1928 года). Казань, 1928. С. 7-8.
- ²⁷ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1920-1933: Неизвестные документы. М., 1992. С. 217, 236, 250.
- ²⁸ Подробнее см.: Черноперов В.Л. Л.Б.Красин в дискуссии 1923 года о реорганизации партийного и советского аппарата // Государство и власть в историческом процессе: проблемы истории, теории, практики. Иваново, 1997. С. 77-80.
- ²⁹ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. С. 217.
- ³⁰ Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе // Новый мир. 1967. № 2. С. 72.
- ³¹ Гинзбург С.З. О прошлом — для будущего. М., 1984. С. 69.
- ³² Емшанов А.И. Организация управления на государственных немецких железных дорогах... С. 31.
- ³³ Соловьев Ю. Мошение дорог искусственным камнем в Германии // Экономическая жизнь. 1929. 6 января.
- ³⁴ Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе // Новый мир. 1967. № 2. С. 72.
- ³⁵ Там же. С. 69, 73.
- ³⁶ Сергеев Г.П. Указ. соч. С. 13.
- ³⁷ Рейснер Л.М. Избранное. М., 1969. С. 472.
- ³⁸ Гроссман М., Эрлих Д. Указ. соч. // Правда. 1931. 18 мая.
- ³⁹ Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе // Новый мир. 1967. № 1. С. 40.
- ⁴⁰ Семашко Н. Германия под гнетом рурской оккупации // Известия. 1923. 3 февраля.
- ⁴¹ Росенко И.А. Интернациональные связи рабочих Ленинграда (1921-1937). Л., 1977. С. 116.
- ⁴² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1792. Л. 1, 17, 46; Немецкое инженерство и техническая помощь нашей промышленности // Экономическая жизнь. 1928. 7 октября.
- ⁴³ М. Рожденный энергией масс // Экономическая жизнь. 1931. 1 мая.
- ⁴⁴ Аграновский А. Инженер Вальтер не одинок // Известия. 1929. 12 ноября.
- ⁴⁵ Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе. М., 1974. С. 96.

- 46 Аксамитный А.С. Сближение советской и германской технической мысли // Экономическая жизнь. 1929. 3 января.
- 47 РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1783. Л. 10.
- 48 Ломоносов Ю. Тепловоз Юэ № 001 и его испытание в Германии. Берлин, 1923. С. 13.
- 49 Там же. С. 140. См. также: Домбровский Н.А. Тепловоз Юш № 005 и его испытание в Германии. М., 1927.
- 50 Международные связи Академии наук СССР, 1917-1941. М., 1992. С. 93-94; Фриш С.Э. Указ. соч. С. 144-146; Использование опыта заграничной техники: (Из заграничных впечатлений хозяйственников и специалистов) // Экономическая жизнь. 1927. 31 марта.
- 51 Домбровский Н. Как живут люди в Германии. М., 1929. С. 11.
- 52 Международные связи Академии наук СССР, 1917-1941. С. 236.
- 53 Там же. С. 43-44, 94.
- 54 Ферсман А.Е. Новые центры новой науки: Из заграничных впечатлений. Л., 1925. С. 13.
- 55 Гроссман М., Эрлих Д. Управление предприятиями в СССР и Германии // Правда. 1931. 15 мая.
- 56 О реорганизации системы управления промышленностью: (Объединенное заседание президиума ЦКК и коллегии РКИ СССР) // Известия. 1929. 13 июля.
- 57 Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе // Новый мир. 1967. № 1. С. 68.
- 58 Там же.
- 59 Семашко Н. Указ. соч. // Известия, 1923. 3 февр.
- 60 Международные связи Академии наук СССР, 1917-1941. С. 238.
- 61 Крицкая Н.А. Жизнь и быт рабочих в Германии. М., 1927. С. 10.
- 62 Домбровский Н. Как живут люди в Германии. С. 25; Фриш С.Э. Указ. соч. С. 141.
- 63 Волков Н. На выставке питания: (Письмо из Берлина) // Известия. 1928. 14 июля; Кочетков, проф. Химические удобрения за границей и в СССР // Там же. 1928. 4 августа; Винер В.В. Сельское хозяйство в Германии. Казань, 1928; Осинский Н. Как добывается хлеб в России и за границей. Самара, 1921.
- 64 Бессонов С.А. К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме. Закон неравномерности развития. Л., 1927. С. 54; Кушнер В. Морская сталь. М., 1928. С. 16.
- 65 Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. С. 229-230, 251-253.
- 66 РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 3925. Л. 4 об.
- 67 Фриш С.Э. Указ. соч. С. 127.
- 68 Гроссман М., Эрлих Д. Управление предприятиями в СССР и Германии // Правда, 1931. 15 мая; Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе. С. 100.

- ⁶⁹ Там же. С. 97.
- ⁷⁰ Вопросы высшей школы. Производственная практика за границей. Как поставлена производственная практика в Германии // Экономическая жизнь. 1929. 1 февраля.
- ⁷¹ *Фриш С.Э.* Указ. соч. С. 143.
- ⁷² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1783. Л. 11 об.-12.
- ⁷³ *Гинзбург С.З.* О прошлом – для будущего. С. 69.
- ⁷⁴ *Гинзбург С.* Первая Всероссийская конференция работников промышленности // Правда. 1931. 4 февраля.
- ⁷⁵ *Сергеев Г.П.* Указ. соч. С. 103.
- ⁷⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1783. Л. 10 об.
- ⁷⁷ *Емельянов В.С.* О времени, о товарищах, о себе. С. 145-146.
- ⁷⁸ См., напр.: *Гофман К.Б.* Голодающая Германия. М.; Пг., 1924. С. 7-8; *Осинский Н.* Мировое экономическое положение с точки зрения СССР: Речь на Женевской экономической конференции // Женевская экономическая конференция Лиги Наций. М.; Л., 1927. С. 7; *Сталин И.В.* Соч. М., 1955. Т. 12. С. 293-294.
- ⁷⁹ *Калинин М.И.* Избранные произведения. В 4 т. Т. 2. М., 1959. С. 222; РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1783. Л. 10 об.
- ⁸⁰ Использование опыта заграничной техники: (Из заграничных впечатлений хозяйственников и специалистов) // Экономическая жизнь. 1927. 31 марта.
- ⁸¹ *Емельянов В.* О времени, о товарищах, о себе // Новый мир. 1967. № 1. С. 15.
- ⁸² *Сергеев Г.П.* Указ. соч. С. 60-61.
- ⁸³ *Мархлевский Ю.Ю.* Об искусстве: Литература. Искусство. Классовая борьба: Из литературного наследия. М., 1976. С. 248.
- ⁸⁴ *Фриш С.Э.* Указ. соч. С. 143.
- ⁸⁵ *Емельянов В.С.* О времени, о товарищах, о себе. С. 543, 97.
- ⁸⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 808. Л. 27-29.
- ⁸⁷ *Крылов А.Н.* Указ. соч. С. 242-243, 266.
- ⁸⁸ *Емельянов В.С.* О времени, о товарищах, о себе // Новый мир. 1967. № 1. С. 20-21; *Он же.* О времени, о товарищах, о себе. С. 543.
- ⁸⁹ *Черноперов В.Л.* В.Л.Копп и германо-советские отношения 1918-1921 годов // Веймарская республика: история и источниковедение. Иваново, 2001. С. 82-83.

ГЕРМАНИЯ, БЕРЛИН И НЕМЦЫ В РОМАНЕ В.В.НАБОКОВА «ДАР»

В самом схематичном виде диалог культур можно смоделировать как перевод, трансляцию и адаптацию.

Говоря о переводе художественного произведения с одного вербального языка (языка культуры или культурного кода) на другой, прежде всего следует учесть возможность заимствования произведения другой культурой и на языке оригинала, т.е. без перевода. Проникновение произведения в «чужой» культурный контекст без перевода определяет круг его потребителей – адресата. Так, в первой трети XIX века произведения французской литературы, в отличие от немецкой, в России не требовали перевода.

Говоря о трансляции, мы имеем в виду способ «доставки» произведения в новый культурный контекст. Для зарубежных литературных произведений в советское время, в 1960-1990-е гг., прежде всего таким способом были публикации в журнале «Иностранная литература». Со второй половины 1990-х гг. способы доставки претерпели изменение: сначала могла появиться экранизация, а потом выйти перевод, как случилось с фильмом «Под покровом небес», который в России вышел раньше одноименного романа Пола Боулза.

Под адаптацией мы понимаем приспособление конвенциональных способов выражения, принятых в «чужой» культуре, к «своим» конвенциям. Это выражается в способах перевода и комментирования. Далее заимствованное произведение «начинает искать» своего адресата в новой культуре. Это не значит, что адаптации не существует в рамках одной культуры. Разумеется, такая адаптация существует и в синхронном, и в диахронном плане. А, кроме того, адаптации подвергаются произведения и в рамках одной культуры. В диахронном плане адаптация может переадресовать произведение иному, чем

предназначал автор, коллективному адресату. Так, Н.В.Гоголь не создавал «Вечеров на хуторе близ Диканьки» как детского произведения, каким одно оказалось в 1960-1970-х гг. В синхронном плане можно говорить об адаптации как способе упрощения произведения (экранизация, сериал, пересказ), благодаря чему аутентичный текст заменяется упрощенным и обретает нового адресата.

Рассматривая характер культурного взаимодействия, или диалога культур, отраженного в художественном тексте, мы опираемся на конструктивные и содержательные характеристики текста. Под конструктивными характеристиками мы имеем в виду способы организации текста, т.е. композицию, систему художественных приемов, характер цитирования, систему персонажей и организацию сюжета. Под содержательными характеристиками анализа мы понимаем те или иные сферы и явления действительности, находящие отражения в художественном тексте. Разумеется, граница между конструктивными и содержательными особенностями литературного произведения не может быть жесткой.

Говоря о конструктивной стороне художественного текста, мы имеем в виду, во-первых, включение иностранного языка в русскоязычный текст, во-вторых, интертекстуальные явления (аллюзии, цитаты), в-третьих, систему персонажей (наличие/отсутствие персонажей-иностранцев), в-четвертых, сюжет (роль персонажей-иностранцев в развитии действия), в-пятых, место действия («размещение» сюжетных эпизодов в России/за границей).

Проблема интертекстуальности в последние десятилетия привлекает внимание литературоведов, лингвистов и культурологов. «Интертекстуальность – термин, введенный Кристиной для обозначения спектра межтекстуальных отношений, постулирует, что любой текст всегда является составной частью широкого культурного текста... Проблему интертекстуальности можно рассматривать в двух аспектах: интертекстуальность как принципиальный художественный прием и интертекстуальность как метод прочтения любого текста...»¹ Таким образом, термин, возникший в рамках французского структу-

рализма, употребляется с целью интерпретации общей природы произведения искусства и при анализе цитат, представляющих «чужое» слово в авторском художественном тексте. Мы в данной статье понимаем интертекстуальность как прием.

Что касается содержательной стороны, здесь мы намереваемся рассмотреть, во-первых, отражение бытовых представлений русских об инородцах, иностранцах, а также в целом о других нациях (манере поведения, характере, склонностях); во-вторых, представления о цивилизации, включая воплощенные в технике достижения, служащие большему комфорту, заимствованные в российском укладе жизни; в-третьих, представления о науке; в-четвертых, о художественной культуре иных народов.

Наибольшее сближение намечается между интертекстуальной стороной текста как системой приемов введения «чужого слова» в свой текст и представлениями автора и его персонажей об иной художественной культуре.

Мы должны сделать одно важное предварительное замечание: объектом нашего рассмотрения является повествовательный художественный текст, а, следовательно, речь идет о специфическом, художественном «зеркале», в котором отражаются как национальные, так и авторские представления о других культурах.

И еще одно замечание: в повествовательном художественном тексте читатель сталкивается со сложной системой субъектов речи и субъектов восприятия, так что авторские представления о диалоге культур следует отличать от представлений персонажей.

«Дар» написан в Берлине и опубликован без четвертой главы в 1937-1938 гг. в парижском журнале «Современные записки», а полностью в Нью-Йорке в 1952 г.

Мы намереваемся выделить и рассмотреть только одну составляющую проблемы диалога культур: изображение «немецкого» в романе. Естественно, присутствие разных национальных культур в «Даре» многообразнее. Правомерность на-

шего подхода и выделения именно такого аспекта в том, что роман создан в Германии, действие его происходит в Берлине.

Главным героем романа является Федор Константинович Годунов-Чердынцев, эмигрант, начинающий писатель, живущий на деньги от переводов и частных уроков.

Речь в романе ведется и от первого, когда главный герой повествует от имени Я, и от третьего лица единственного числа, когда Годунов-Чердынцев описывает себя как бы со стороны.

Ведущим приемом построения романа стала антитеза настоящего эмигрантского пребывания персонажей и воспоминаний главного героя о России. Германия и Берлин оцениваются в «Даре» преимущественно отрицательно, а Россия положительно. В начале второй главы помещены пространные размышления Годунова-Чердынцева о немцах. «Русское убеждение, что в малом количестве немец пошел, а в большом – пошел нестерпимо, было, он знал это, убеждением, недостойным художника; а все-таки его пробирала дрожь...»² Федор ненавидит немцев «за любовь к частоколу, ряду, заурядности; за культ конторы; за то, что если прислушаться, что у него говорится внутри... неизбежно услышишь цифры, деньги; за дубовый юмор и пипифаксовый смех...»³

Излив на случайного попутчика в трамвае всю свою нелюбовь к немцам и проговорив свой внутренний монолог, Годунов-Чердынцев с удивлением замечает, что предмет, вызвавший столь бурную реакцию с его стороны, и принятый им сначала за немца, оказывается русским. Это может свидетельствовать о сходстве немцев и русских. Однако далее в романе эта ошибка главного героя не осмысливается.

При явной нелюбви к немцам и немецкому «Дар» дает более сложную картину диалога культур «русские–немцы».

Рассмотрим сначала конструктивные основания диалога культур. Несмотря на то, что роман представляет собой одно из лучших произведений русской эмигрантской прозы и его действие разворачивается в Берлине, среди персонажей-иностранцев можно назвать только квартирную хозяйку главного героя.

Т.о., можно сказать, что на уровне персонажей и сюжета диалог культур в романе «ослаблен». Для анализа и интерпретации диалога культур остаются язык, интертекстуальные явления и место действия.

Рассмотрим сначала, какова в романе роль немецкого языка.

Немецкий язык дан в романе в зеркале русского. Особо следует выделить антропонимы. Говоря о своей домохозяйке, Годунов-Чердынцев замечает: «У этой крупной, хищной немки было странное имя; мнимое подобие творительного падежа придавало ему звук сентиментального заверения: ее звали *Clara Stoboy*»⁴. Кроме этого рассказчик в нескольких случаях прибегает к говорящим именам. Архитектора, гулявшего с собакой и видевшего, как Яша Чернышевский с товарищами шли к месту запланированного коллективного самоубийства, зовут Фердинанд Штокшмайсер, т.е. «бросатель палки». Среди соседей героя «старичок сапожник по фамилии Канариенфогель, и действительно, у него стояла клетка, хоть и без палевой пленницы, в окне»⁵. Появление частицы «действительно» объясняется тем, что Канариенфогель по-немецки канарейка. Директора адвокатской конторы, где служила возлюбленная Федора, Траум, Баум и Кзебир, также наделены значащими фамилиями (*мечта, дерево, сыр + пиво*).

Немецкий язык практически не присутствует в речи главного героя, хотя и Федор, и его возлюбленная Зина Мерц знают этот язык, более того, Зина работает переводчицей в адвокатской конторе. Для Годунова-Чердынцева важно говорить именно по-русски, ведь он осознает себя поэтом.

В речи семейства Чернышевских немецкий язык появляется, сопровождая душевную болезнь персонажа. Так, отец погибшего Яши Чернышевского Александр Яковлевич начинает говорить по-немецки, когда не в силах справиться с психическим недугом: «Вдруг оборвав речь, Александр Яковлевич безразлично и беспокойно указал пальцем на его висок, “*Was haben Sie da?*”, – спросил он, болезненно сморщась, – а затем нехорошо усмехнулся и, все больше сердясь и волнуясь, начал

говорить, что его не проведешь, – сразу признал, мол, свежего самоубийцу»⁶. Семья Чернышевских вообще связана с немецким языком: и отец, и сын. Для последнего это объясняется его занятиями философией в Берлинском университете.

Если говорить о главном герое, немецкий язык появляется в первой главе во время мысленного разговора Годунова-Чердынцева с Кончеевым, единственным из русских литераторов, близким главному герою по духу. Кроме этого в пятой главе такой мысленный разговор повторяется, но главный герой принял за Кончеева незнакомого человека: «*“Herrliches Wetter, – in der Zeitung steht es aber, dass es morgen bestimmt regnen wird”*», – проговорил, наконец, сидящий на скамье, рядом с Федором Константиновичем молодой немец, показавшийся ему похожим на Кончеева... *“Da kommen die Wolken schon”*», – продолжал кончеевovidный немец, указывая пальцем на полногрудое облако... *“Halb fünf ungefähr”*», – добавил он на вопрос Федора Константиновича...»⁷ Показательно, что в обоих случаях немецкие фразы вложены в уста Кончеева и немца, которого Чердынцев по ошибке принял за Кончеева.

Как издевка выглядит оставленная в Грюневальде записка по-немецки «*Vielen Dank*» после кражи вещей Годунова-Чердынцева.

География Берлина представлена в романе смешением реальных и вымышленных топонимов: Танненбергштрассе, Гогенцоллерндам, Виттенбергская площадь, Потсдамская площадь, Шарлоттенбург, Агамемнонштрассе 15, Курфюстендамм, Грюневальд, Тиргартен, Кайзераллее, отмечается «псевдо-парижский пошиб» одной из главных улиц столицы Унтерден-Линдена.

Для главного персонажа Берлин лишен поэтичности. «Был, между прочим, замечательный забор, составленный, по-видимому, из когда-то разобранный в другом месте... ограждавшего до того стоянку бродячего цирка, но доски были теперь расположены в бессмысленном порядке, точно их сколачивал слепой, так что некогда намалеванные на них цирковые звери,

перетасовавшись во время перевозки, распались на свои составные части, — тут нога зебры, там спина тигра, а чей-то круп соседствует с чужой перевернутой лапой»⁸.

Привлекательности лишен не только пейзаж, но непоэтична и городская жизнь Берлина. «Над порталом кинематографа было вырезано из картона черное чудовище на вывороченных ступнях с пятном усов на белой физиономии под котелком и гнутой тростью в отставленной руке. В плетеных креслах на террасе соседнего кафе, одинаково развалиясь и одинаково сложив перед собой пальцы крышей, сидела компания деловых мужчин, очень между собою схожих в смысле морд и галстуков, но вероятно различной платежеспособности; а между тем небольшой автомобиль, с сильно поврежденным крылом, разбитыми стеклами и окровавленным платком на подножке, стоял у панели, и на него еще глазело человек пять зевак... Через тротуар, пожилая, румяная нищая с отрезанными до таза ногами, приставленная, как бюст, к низу стены, торговала парадоксальными шнурками»⁹.

Пожалуй, единственное место, привлекающее героя в Берлине, — это лес Грюневальд. Но даже здесь герой отмечает неэстетичный вход, около которого устроены общественные уборные.

В романе можно говорить о трех персонажах, в жизни которых важно немецкое влияние, но каждый раз это влияние разное. Это Яша Чернышевский, Н.Г.Чернышевский, о котором главный герой пишет роман, и Константин Годунов-Чердынцев, отец главного героя. В иерархически более высокой позиции находится сам Годунов-Чердынцев, которому в «Даре» принадлежат все оценки.

Немецкие влияния, о которых мы говорим, раскрыты в тексте романа с помощью механизма интертекстуальности: цитат и упоминаний имен деятелей науки и культуры.

Яша Чернышевский — начинающий русский поэт, но Годунов-Чердынцев подчеркивает, что сходство между ним и Яшей поверхностное: любовь к поэзии и самостоятельные поэтические опыты. «Его пасмурность, прерываемая резким крикли-

вым весельем, свойственным безьюморным людям; его сентиментально-умственные увлечения; его чистота, которая сильно отдавала бы трусостью чувств, кабы не болезненная изысканность их толкования; его ощущение Германии; его безвкусные тревоги («неделю был как в чад», потому что прочитал Шпенглера); наконец, его стихи... словом все... мне лишь претило»¹⁰.

Одна из причин таких различий – образование. Годунов-Чердынцев «занимался инфузориями», а Яша учился в Берлинском университете на философском факультете. Применительно к нему возникают имена Шпенглера, Канта и Гегеля.

Среди настольных книг Яши Рильке; Федор больше не упоминает этого имени.

Изучая материалы о Н.Г.Чернышевском, Годунов-Чердынцев также отмечает знание им немецкого языка. В немецких пристрастиях Яша сопоставим со своим однофамильцем, Н.Г.Чернышевским. Только в последнем случае вокруг персонажа сконцентрированы имена не только философов, но и историков. Применительно к Н.Г.Чернышевскому и кругу его единомышленников упоминаются те же имена, что и во фрагментах, касающихся Яши, но в сниженном виде. Годунов-Чердынцев вскользь замечает, что В.Г.Белинский хранил «в коробке из-под Гегеля пятак, пробку, да пуговицу»¹¹.

В круг чтения Н.Г.Чернышевского входили Мишле, Конт, Гегель, Лессинг и Фейербах. Однако здесь важно распределение симпатий и антипатий: «Сердце как-то чудно билось от первой страницы Мишле»¹².

Описывая философские симпатии и антипатии Н.Г.Чернышевского, Годунов-Чердынцев отмечает, что в русском обществе середины и второй половины XIX века идеалист Гегель не вызвал большого интереса: «В те годы Андрея Ивановича Фейербаха предпочли Егору Федоровичу Гегелю. Номо feuerbachі есть мыслящая мышца»¹³. Н.Г.Чернышевский не выделялся из общей принятой в демократическом кругу своего времени системы оценок: «Властители дум понять не могли живительную истину Гегеля: истину, не стоячую, как мелкая

вода, а, как кровь, струящуюся в самом процессе познания. Простак Фейербах был Чернышевскому больше по вкусу. Есть однако всегда опасность, что из космического или умозрительного одна буква выпадет; этой опасности Чернышевский не избежал, когда в статье “Общинное владение” стал оперировать соблазнительной гегелевской триадой, давая такие примеры, как: газообразность мира – тезис, а мягкость мозга – синтез, или, еще глупее: дубина, превращающаяся в шуццер»¹⁴. Среди неочтенных Чернышевским философов, кроме Гегеля, также Шопенгауэр. «Пренебрежительно и развязно судя о Шопенгауэре, под критическим ногтем которого его философия не прожила бы и секунды, он из всех прежних мыслителей, по странной ассоциации идей и ошибочным воспоминаниям, признает лишь Спинозу и Аристотеля, про которого он думает, что продолжает»¹⁵.

Критическое отношение Годунова-Чердынцева вызывает осмысление немецкого философского наследия, которое демонстрирует Н.Г.Чернышевский и в своих «научных» трудах, и в высказываниях о западных философах: «Еще недавно запах гоголевского Петрушки объясняли тем, что все существующее разумно...»¹⁶ Так, по мнению Годунова-Чердынцева, понято Чернышевским сочинение Гегеля, «Философия права», цитату из которой имеет в виду рассказчик: «То, что разумно, – действительно, то, что действительно – разумно».

Биографы Н.Г.Чернышевского отмечают переключку между его экономическими взглядами и работами К.Маркса. С точки зрения Годунова-Чердынцева, их творческие взаимоотношения сложнее. «Сам Маркс (“этот мелкий буржуа до мозга костей” по отзыву Бакунина, не терпевшего немцев) раза два сослался на “замечательные” труды Чернышевского, но оставил не одну презрительную заметку на полях главного экономического труда “дес гроссен руссишен гелертен” (русских вообще Маркс не жаловал). Чернышевский оплатил ему тем же. Уже в семидесятых годах он ко всему “новому” относился небрежно, неблагожелательно. Экономика в частности ему осточертела, перестав быть для него орудием борьбы, и тем са-

мым приобрета в его сознании вид пустой забавы, чистой науки»¹⁷. Для Годунова-Чердынцева взгляды обоих представителей экономической мысли одинаково неприемлемы.

После возвращения из ссылки Н.Г.Чернышевский занимается переводами немецкого историка Вебера. «Николай Гаврилович с постоянством машины переводит для издателя Солдатенкова том за томом “Всеобщей истории Георга Вебера”, – при чем, движимый давней, неудержимой потребностью высказаться, постепенно пытается, промеж Вебера, дать выбрать-ся и собственным мыслям»¹⁸.

В выборе имен философов и пристрастии Н.Г.Чернышевского к тем или иным философским школам Годунов-Чердынцев видит отсутствие подлинного творческого начала в русском социал-демократе и его стремление к упрощенной интерпретации социальных явлений и произведений культуры: «уже студентом, Николай Гаврилович украдкой списывает: “Человек есть то, что ест”, – глаже выходит по-немецки»¹⁹.

Среди научных интересов Н.Г.Чернышевского также труды историка Шлоссера, которые он переводит. В.В.Водовозов, автор статьи о Фридрихе Христофоре Шлоссере (1776-1861) и его основном труде, «Всемирной истории», отмечал, что, «Шлоссеру была чужда общеполитическая точка зрения... несмотря на умение понимать и изображать дух эпохи, Шлоссер находил возможным произносить приговоры над историческими деятелями со своей личной точки зрения»²⁰.

В этом сближении можно обнаружить сходство субъекта и предмета интереса. И в одном, и в другом упрощенное отношение к действительности, а, кроме того, и Шлоссер, и Чернышевский позволяют себе высказывать свою точку зрения, один в историческом сочинении, другой в своем переводе.

Говоря о литературных пристрастиях Н.Г.Чернышевского, Годунов-Чердынцев упоминает о том, что Чернышевскому был близок Лессинг (Чернышевский ставил служение народу выше служения науке и мыслил себя фигурой, похожей на немецкого просветителя). Кроме того, Годунов-Чердынцев анализирует список книг, которые заключенный Н.Г.Чернышевский зака-

зывает себе в камеру во время пребывания в тюрьме: «В списке книг, прочитанных им в крепости, фамилия Флобера написана по-французски через “о”, и действительно, он его ставил ниже Захер-Мазоха и Шпильгагена»²¹. Психологические романы Флобера, с точки зрения Н.Г.Чернышевского, уступают произведениям Леопольда фон Захер-Мазоха и представителя объективного романа Фридриха Шпильгартена (1829-1911). Здесь рассказчик подчеркивает несовпадение систем эстетических оценок своих и героя своего романа.

Литературная тема затрагивается еще раз применительно к Н.Г.Чернышевскому, когда Годунов-Чердынцев пишет о его влюбленности: «Французский романтизм дал нам поэзию любви, немецкий – поэзию дружбы»²². Любовь воскрешает в памяти Чернышевского «песню Маргариты»²³ из оперы «Фауст».

«Его жениховство – с легким немецким оттенком, с шиллеровскими песнями, с бухгалтерией ласок: “расстегивал сначала две, после три пуговицы на ее мантилье...”»²⁴

Немецкое влияние для Яши Чернышевского воплощается в увлечении умозрительными философскими идеями, имеющими мало общего с действительностью. Для Н.Г.Чернышевского, с точки зрения Годунова-Чердынцева, немецкое влияние выражено в механическом вульгарно-материалистическом понимании жизни и в слезливой сентиментальности. В обоих случаях и Яша, и его знаменитый однофамилец одинаково далеки от реальности, наивны и беспомощны в жизни.

Что касается отца главного героя, которому почти полностью посвящена вторая глава романа, и в его жизни, и профессиональной деятельности немецкое влияние также важно. Но в этом случае это влияние воплощено в иных именах собственных. С отцом главного героя связана область научных исследований.

Мать Федора в письме уговаривает сына заняться его биографией, собрать материал и написать книгу: «Если тебе что нужно, я сообщу тебе все, что могу, но о специальных сведениях сам позаботься... возьми все его книги... и еще, и еще, ты конечно разберешься в этом, и непременно обратись к Крюге-

ру, Василию Германовичу, разыщи его, если он еще в Берлине, он с ним раз вместе ездил, помнится, а также к другим, ты лучше меня знаешь к кому... напиши к немцу, который до войны приезжал к нам, Бенгас? Бонгас? напиши в Штуттгарт...»²⁵

В письме речь идет об Отто Банг-Хаасе (1882-1948), совладельце немецкой фирмы, торговавшей коллекционными насекомыми.

Константин Годунов-Чердынцев – энтомолог. Сын пишет о нем так: «до 1918 года вся его жизнь состоит из странствий и писания ученых трудов. Главные эти труды суть: “*Lepidoptera Asiatica*” (8 томов, выпусками с 1890 года по 1917 год), “Чешуекрылые Российской Империи” (вышли первые 4 тома из предполагавшихся 6-ти, 1912-1916 гг.) и, наиболее известные широкой публике, “Путешествия Натуралиста” (7 томов, 1892-1912 гг.). Эти труды были единогласно признаны классическими и еще в молодые годы имя его заняло одно из первых мест в изучении состава русско-азиатской фауны, наряду с именами зачинателей, Фишера-фон-Вальдгейма, Менетриэ, Эверсмана»²⁶.

Годунов-Чердынцев упоминает нескольких немцев-лепидоптерологов: профессора Московского университета Фишера фон Вальдгейма Готхельма (1771-1853), врача и естествоиспытателя, профессора Казанского университета Эверсмана Эдуарда Фридриха (1794-1860), немецкого зоолога и лепидоптеролога Зайтча Адальберта (1860-1935), главного редактора энциклопедического издания «Бабочки земли», которое выходило в Штуттгарте в 1906-1954 гг. Говоря о деятельности отца, Федор Константинович упоминает также Отто Штаудингера (1830-1900), составителя «Каталога чешуекрылых палеарктической зоны» (1861), второе издание которого вышло в 1901 г.²⁷

Половина этих ученых энтомологов – русские немцы. И здесь важно привести еще один фрагмент из романа. «Мой отец родился в 1860 году. Любовь к бабочкам ему привил немец-гувернер (кстати: куда девались нынче эти учившие русских детей природе чудаки, – зеленый сачок, жестянка на пе-

ревязи, уколотая бабочками шляпа, длинный ученый нос, невинные глаза за очками, – где они все, где их скелетики, – или это была особая порода немцев...»²⁸

Таким образом, из огромного количества немцев, представляющих то, что Годунов-Чердынцев не приемлет и что отмечено в его восприятии и оценке знаком «минус», выделены, во-первых, представители немецкой биологической науки, а, во-вторых, русские немцы, заслуживающие в глазах главного героя положительной оценки.

Константин Годунов-Чердынцев общался на равных с немецкими коллегами, его научные занятия объединили русского и немецких энтомологов. «В берлинском музее многочисленные бабочки отцовского улова так же свежи сегодня, как были в восьмидесятых, девяностых годах»²⁹.

Федор Константинович Годунов-Чердынцев, подобно автору «Дара» Набокову, не принимает подхода З.Фрейда к интерпретации духовной жизни человека и литературных произведений. Не принимаются ни сами психологические штудии Фрейда, ни литература с фрейдистским подтекстом. Годунов-Чердынцев не хочет писать книгу о Яше Чернышевском, замечая: «я невольно бы увяз как раз в глубокомысленной с гнусным фрейдовским душком беллетристике»³⁰.

Федору свойственно трезвое, лишенное умозрительности восприятие жизни, что не делает его ни простым, ни биологическим. Тем не менее, он не то, чтобы не принимает классической немецкой философии, а отказывается признавать то качество понимания немецкой философии, которое «произрастает» на русской почве. В этом одна из причин принципиального несходства Яши Чернышевского и Годунова-Чердынцева, а также причина сходства Якова и Николая Гавриловича Чернышевских.

В речи Федора минимальны немецкие интертекстуальные вкрапления, почти все они отрицательно маркированы. Исключения малочисленны. В диалоге Годунова-Чердынцева с Кончеевым всплывает немецкая цитата «Buchstaben von Feuer» из стихотворения Г.Гейне «Валтасар». Это упоминание можно

интерпретировать как отмеченное знаком «плюс». Полное неприятие Годунова-Чердынцева встречает современная немецкая художественная словесность. Оценка чужих литературных опытов как «торопливо-компилятивных трудов, в страшном стиле модерн немецкой республики (и, в сущности, мало чем уступавших трудам Людвиг и Цвейгов)» подразумевает знакомство с произведениями Эмиля Людвиг (1881-1948), Стефана (1881-1942) и Арнольда (1887-1968) Цвейгов³¹.

В письме к матери Годунов-Чердынцев высказывается и о Германии, и о романе Э.-М.Ремарка «На западном фронте без перемен». «Вообще, я бы завтра же бросил эту тяжкую, как головная боль, страну, — где все мне чуждо и противно, где роман о кровосмешении или бездарно-ударная, приторно-риторическая, фальшиво-вшивая повесть о войне считается венцом литературы; где литературы на самом деле нет, и давно нет; где из тумана какой-то скучнейшей демократической мокроты, — тоже фальшивой, — торчат все те же сапоги и каска... “Маленькая гемютная Германия” — ах, кирпичные домики, ах, ребяташки ходят в школу, ах, мужичек не бьет лошадку дрекольем!... Ничего, — он ее по-своему замучит, по-немецки, в укромном уголку, каленым железом»³². А.Долинин, комментатор издания романа, полагает, что роман о кровосмешении — это «Брат и сестра» 1929 г. Леонхарда Франка (1882-1961)³³.

Единственная положительно маркированная цитата из немецкой литературной традиции, принадлежащая Годунову-Чердынцеву, — контаминация крупнейших имен в области классической немецкой философии и литературы: «помните, как Гёте говаривал, показывая тростью на звездное небо: “Вот моя совесть!”»³⁴. Здесь цитата из «Критики практического разума» Эммануила Канта: «Две вещи наполняют душу все возрастающим удивлением и благоговением... звездное небо над мной и моральный закон во мне», приписывается великому немецкому поэту.

Другие великие представители немецкой культуры помещены в «странные» контексты: «невозмутимый мотоциклист провез в прицелной каретке бюст Вагнера»³⁵; «Ширин был

плотный, коренастый человек... Он был слеп как Мильтон, глух как Бетховен, и глуп как бетон»³⁶.

Пожалуй, объединяющим началом в нелюбви к немецкому служит для Годунова-Чердынцева неприятие бытового уклада, который, в представлении главного героя, часто не противостоит высокой немецкой культуре, вернее тому, как эта культура усвоена средним слоем немецкого общества. Поэтому быт, манера поведения и культура в «Даре» не противопоставлены.

Манера поведения немцев отражена в ряде фрагментов романа.

Своего ученика Годунов-Чердынцев характеризует так: «Он был самодоволен, рассудителен, туп и по-немецки невежественен, т.е. относился ко всему, чего не знал, скептически»³⁷.

В оценке главным героем проявления эмоций, которое главный герой считает национальными, сквозит явное неприятие: «хамская дребедень громкого немецкого веселья»³⁸. Описывая загорающих в Грюневальде горожан, Годунов-Чердынцев также не сдерживает своего отрицательного отношения к немцам: «прыщавые лопатки кривоногих дев, крепкие шеи и ягодицы мускулистых хулиганов, безнадежная, безбожная тупость довольных лиц, возня, гогот, плеск – всё это сливалось в апофеоз того славного немецкого добродушия, которое с такой естественной легкостью может в любую минуту обернуться бешеным улюлюканием»³⁹.

Подводя итоги, признаем, что диалог главного персонажа с немцами в «Даре» окрашен сильным чувством нелюбви. Нелюбовь, как и любовь, можно представить как диалог, эти эмоции в значительной степени говорят как о субъекте, так и об объекте, вызывающем подобное чувство. Однако единственной эмоцией, правящей главным персонажем, повествующем от первого лица единственного числа, а значит, соотносимого с автором, нелюбовь признать нельзя. Русско-немецкий диалог в романе сложнее и многообразнее.

Отсылки ко многим произведениям современной немецкой литературы вынуждают нас пересмотреть мнение о том, что В.В.Набоков очень плохо знал немецкий язык и практически не говорил на этом языке⁴⁰.

Каждый из важных персонажей, является своеобразным зеркалом, в котором отражается «немецкий лик». Среди персонажей немецкий язык объединяет Яшу и Н.Г.Чернышевского, их понимание, или вернее, недопонимание немецкой философии, дискредитирует не столько саму философию, сколько российские национальные интерпретационные возможности на определенном историческом этапе.

В романе положительно оцениваются представители немецкой биологической науки и русские немцы, их имена связаны с воспоминаниями о погибшем отце. А поскольку известна любовь к энтомологии самого Набокова, то можно и эти положительные оценки отнести к пристрастиям самого писателя.

В «Даре» представлены разные аспекты немецкой жизни: бытовой срез для Годунова-Чердынцева и В.В.Набокова окрашен пошлостью и неприемлем. В культуре выделены Гёте, Кант и Гегель, при неприятии З.Фрейда и современной немецкой художественной словесности.

Высокую оценку получают достижения немецкой энтомологии. Можно говорить о сдержанном отношении главного героя и его автора к немецкой философии, из недопонимания которой рождается, с одной стороны, приблизительность, а с другой, – упрощенчество. Признание точности как высшего достижения во всем отражено в позднем интервью Набокова Альфреду Аппелю (1970 г.). «Только близорукость смиряется с расплывчатыми обобщениями невежества. В высоком искусстве и чистой науке деталь – это все»⁴¹. По мнению Набокова 1930-х гг., постижение сложности мира и человеческой психики возможно как без обращения к общим умозрительным идеям, так и без апелляции к сексуальной сфере (по нашему мнению, для писателя ситуация не меняется и в 1950-е гг., когда выходит «Лолита»).

Рассмотренный в настоящей статье аспект диалога культур, как он отражен в романе «Дар», представляет собой только часть большой и сложной картины, в которой должны быть отражены представления о других культурах, но должен прозвучать и «русский голос»⁴².

¹ Родионова Е.В. Интертекстуальность // Культурология XX века. Словарь. СПб., 1997. С. 153.

² Набоков В.В. Русский период // Собр. соч.: в 5 т. СПб., 2000. Т. 4. С. 264.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 243.

⁶ Там же. С. 275.

⁷ Там же. С. 518.

⁸ Там же. С. 356-357.

⁹ Там же. С. 343.

¹⁰ Там же. С. 224.

¹¹ Там же. С. 380.

¹² Там же. С. 402. Имеются в виду Карл Людвиг Мишле (1801-1838) и его книга «История последних философских систем в Германии от Канта до Гегеля» (1837-1838).

¹³ Там же. С. 421.

¹⁴ Там же. С. 422.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 423.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 469.

¹⁹ Там же. С. 393.

²⁰ Водовозов В.В. Шлоссер // Энциклопедический словарь. СПб., 1908. Т. 78. С. 712.

²¹ Набоков В.В. Указ. соч. С. 430-431.

²² Там же. С. 399.

²³ Там же. С. 402.

²⁴ Там же. С. 408.

²⁵ Там же. С. 280.

²⁶ Там же. С. 285.

²⁷ Там же. С. 668.

²⁸ Там же. С. 285.

²⁹ Там же. С. 296.

- ³⁰ Там же. С. 227.
- ³¹ Там же. С. 370-371.
- ³² Там же. С. 525.
- ³³ Там же. С. 767.
- ³⁴ Там же. С. 359.
- ³⁵ Там же. С. 270.
- ³⁶ Там же. С. 490.
- ³⁷ Там же. С. 341.
- ³⁸ Там же. С. 385.
- ³⁹ Там же. С. 511.
- ⁴⁰ См: *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография. М., 2001. Отчасти сам писатель был виноват в том, что сложилось подобное мнение, т.к. в своих интервью высказывался о своем знании немецкого с большим скепсисом. Возможная причина этого скепсиса в том, что Вера Набокова, жена писателя и прототип Зины, знала немецкий значительно лучше своего мужа. См.: *Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков): Биография. М., 2002.
- ⁴¹ Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002. С. 303.
- ⁴² Один из аспектов представления русской культуры в романе рассмотрен в нашей статье: *Фролова О.Е.* А.С.Пушкин в романе В.В.Набокова «Дар» // Пушкинские чтения, 2002: Материалы конференции. М., 2003.

СТАЛИНГРАДСКИЕ ПИСЬМА СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ

Изучать «человека на войне» можно, используя разные подходы — в динамике (через вхождение в войну, участие в ней, а также выход из войны) и «одномоментно», ситуационно, рассматривая совокупность психологических проявлений в контексте какого-либо военного события и эпизода. В этом смысле Сталинградская битва представляет собой очень удобный объект изучения, поскольку фиксирует определенную, переломную стадию Великой Отечественной войны, достаточно протяженную во времени и характеризующуюся рядом специфических для нее параметров. Особое значение имело осознание обеими воюющими сторонами во многом решающего характера этого сражения, следствием чего явилась его крайняя ожесточенность и упорство обеих сторон. Причем развитие этой битвы стало как бы зеркальным для противников: немецкая сторона прошла путь от стадии успешного наступления через длительные позиционные бои к полному краху, тогда как советская сторона, напротив, — от этапа отступления и тяжелейших оборонительных боев до триумфальной победы в главном сражении Второй мировой войны. То есть сама битва на Волге представляет собой своеобразную естественную социально-психологическую модель динамики массовых настроений и поведения воинов в предельно экстремальной обстановке на грани жизни и смерти, в которой решалась судьба ключевых ценностей воюющих сторон, участь не только отдельных людей, но и целых народов. Она позволяет проводить весьма эффективный компаративный анализ психологического

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-01-00163а).

состояния и морального духа двух противостоящих армий в динамике военных событий на общем театре боевых действий. А уникальным источником для такого анализа могут служить солдатские письма.

С точки зрения источниковедения, весьма важен вопрос, насколько адекватно и полно фронтовые письма как вид источника отражали действительные умонастроения бойцов на фронте. Здесь следует принимать во внимание целый ряд «внешних» по отношению к человеку и «внутренних» факторов.

Когда бойцы писали письма, они, безусловно, учитывали неизбежность их прохождения через военную цензуру, а значит, обычно прибегали к самоцензуре (которую условно можно назвать «политической»), стараясь не допускать в своих посланиях той информации, которая могла бы вызвать неприятности для них самих и их адресатов, как правило – близких людей. Существовало и такое явление, как психологическая самоцензура, когда в письмах, направляемых родным и близким, бойцы сознательно умалчивали об опасности и тяготах фронтовой жизни, чтобы не волновать дорогих им людей. Поэтому следует учитывать степень откровенности в письмах в зависимости от их адресата: далеко не всегда то, что боец честно рассказывал другу, он мог написать матери, сестре, жене или невесте, щадя их чувства.

Современные исследователи, конечно же, не могут с абсолютной точностью определить степень влияния этой самоцензуры на содержание писем, т.е. насколько она искажала действительные настроения. Однако мы можем косвенно судить о тенденциях в этих настроениях по сохранившимся сводным данным о работе Отделений военной цензуры Особых Отделов НКВД (далее ОВЦ ОО НКВД), обрабатывавших сотни тысяч писем и осуществлявших их статистический анализ. Эти данные тем более важны, что даже при сознательной самоцензуре их авторов многие письма оказывались, с точки зрения цензоров, «неправильными». Поэтому, при всех оговорках, фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и ис-

кренными массовыми свидетельствами того времени. Они отражают, по сути, весь спектр солдатской жизни в боевых и прифронтовых условиях, но больше всего характеризуют ее бытовые аспекты.

Именно быт наиболее ярко выявляет закономерности, общие черты солдатской психологии. Как правило, людей на передовой волновали одни и те же житейские вопросы, о чем в частности свидетельствуют их письма домой. Так, во всех письмах участников Великой Отечественной войны преобладало описание деталей военного быта: устройство жилого помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Казалось бы, мелочи, но те мелочи, без которых нельзя жить... Затем следовали характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними, то есть проблемы человеческого общения. Нередки были воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем, о возвращении с войны. Давались описания погодных условий, местности, где приходилось воевать, и собственно боевых действий. Встречались рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» был явно вторичен, возникал там и тогда, когда «новостей нет» и «больше писать не о чем», хотя это во все не отрицало искренности самих патриотических чувств. Попадались и высказывания в адрес противника, как правило, иронические или ругательные. И все же «героический» аспект войны, отраженный в письмах, явно уступал по значимости житейскому, будничному, повседневному, потому что даже под пулями, рядом с кровью и смертью, люди пытались просто жить. И кроме того, старались успокоить своих близких, показать им, что живут неплохо и что на войне «не так уж страшно».

Вот отрывок из типичного солдатского письма, в котором есть и бытовые подробности, и забота о близких, и оптимистический настрой, вопреки всем тяготам войны. Морской пехотинец Виктор Барсов писал 8 сентября 1942 г.: «Здравствуйте,

мои дорогие! Извините за мое вынужденное молчание. Во-первых, был в окружении, во-вторых, ведем жестокие бои — некогда выбрать время для письма, да и бумаги с конвертом не так-то просто достать. Пользуясь кратковременной передышкой, — пишу. Я жив, здоров, питаюсь отлично, так как Родина для нас, защитников города Сталинграда, не жалеет ничего, но и мы для Родины готовы всем пожертвовать, вплоть до самой жизни. Сталинград должен быть наш и будет!.. Впрочем, у меня все в порядке, прошу обо мне не беспокоиться. Вот от вас давно уже ничего не получал... Ну, а как дома дела? Как с продуктами? Как учится Нина? Как здоровье папы?.. Мне пришлите свои фотокарточки... Пишите мне почаще и обо всем... Пока до свидания. Целую всех крепко»¹.

Материалы военной цензуры, пожалуй, с наибольшей адекватностью позволяют оценить состояние и динамику массовых настроений в армии на протяжении всей Сталинградской битвы. Они в целом подтверждают общую закономерность преобладания в переписке бойцов писем семейно-бытового содержания. Так, в спецсообщении отделения ВЦ 62-й армии в ОО НКВД Сталинградского Фронта «О перлюстрации красноармейской почты» за период с 15 июля по 1 августа 1942 г. указано, что из 67380 просмотренных писем 64392, то есть 95,6%, носят бытового характер².

Подавляющая часть писем, посвященных исключительно бытовым вопросам, в политическом плане оценивалась органами военной цензуры как «нейтральная». Значительная часть писем определялась ими как «положительная», как правило, отражающая, наряду с житейскими вопросами, «здоровое политико-моральное состояние личного состава частей армии, высокий дух патриотизма, преданность Родине и готовность вести борьбу с фашизмом до полного разгрома немецкой армии», выражающая «уверенность военнослужащих в полной победе над врагом»³. Так, в докладной записке ОО НКВД Сталинградского фронта в Управление ОО НКВД СССР и Политуправление Сталинградского фронта «О настроениях военнослужащих частей Сталинградского фронта, по материалам ВЦ

от 4 ноября 1942 г.» говорится: «Проверкой писем, исходящих от бойцов и командиров частей Сталинградского фронта, установлено, что большая часть писем содержит в себе положительные реагирования по вопросу защиты города Сталинграда и борьбы с немецкими оккупантами... Бойцы передовой линии в письмах своим родным и знакомым, делятся своими боевыми подвигами, выражают свою ненависть к немецким захватчикам и стремление бороться с врагом до полного его уничтожения»⁴.

Даже в самый напряженный период сражения на Волге люди верили в его успешный исход. С 17 июля по 18 ноября 1942 года продолжался оборонительный этап Сталинградской битвы, в ходе которого советские воины выдержали чудовищный натиск превосходящих сил вражеской группировки и обескровили ее. Но уже в конце октября в письме к матери старший лейтенант Борис Кровицкий написал пророческие слова: «На Волге бои идут тяжелейшие. И все-таки чувствуем: скоро перелом. Я уверен, что разгром немцев начнется так же внезапно, как и началась война. Собственно, это закономерно. В ходе войны накоплены опыт и силы. И это неизбежно приведет к резкому перелому на фронте (диалектика!) даже и без вмешательства наших упорно разговаривающих союзников»⁵.

Лишь незначительный процент писем оценивался военной цензурой как «отрицательный», причем к таковым относились как «провокационные», содержащие «антисоветские высказывания», «упаднические и религиозные» настроения, так и жалобы на плохое питание, вшивость, сообщения о смерти товарищей и т.п. При этом «вредных политических оценок» в письмах было гораздо меньше, чем выражений недовольства по поводу бытовых условий. По сути, цензура оценивала как негативные в подавляющей части просто критические, нередко здравые высказывания относительно положения на фронтах и компетентности командования, отношений с союзниками, плохих условий снабжения и быта, попытки трезво оценить действия и силу противника и т.д. Например, те редкие письма, в которых говорилось, что у немцев хорошая авиация или артиллерия, расценивались как «восхваление неприятеля». Некото-

рые авторы «отрицательных» писем брались «на учет» и «разрабатывались» органами НКВД.

Интересно сопоставить эти психологические характеристики советских бойцов с психологией противника, то есть немецких солдат на том же Сталинградском фронте, которая также нашла отражение в письмах.

Немецкие солдаты находились в такой же экстремальной ситуации на грани жизни и смерти, что и советские бойцы. Но отличалась она тем, что воевали они на чужой земле, на которую пришли оккупантами, находились за тысячи километров от своей страны, в глубине вражеской территории, и динамика ситуации развивалась не в их пользу.

Доминирующим настроением немецких солдат в этих условиях, в противоположность тому, что внушалось гитлеровской пропагандой, было отнюдь не стремление к подвигам во имя приобретения Рейхом новых пространств на Востоке, а стремление домой, к своей семье, тоска по прошлому, по мирному, отлаженному быту, уютному семейному очагу. Вот мнение американского исследователя Томаса А. Кохута и его немецкого коллеги Юргена Ройлекке, изучавших комплекс немецких писем из Сталинграда: «Одной из наиболее бросающейся в глаза особенностей этих солдатских писем Второй мировой войны является отсутствие в них рефлексий по поводу героического военного опыта... Весьма примечательно, как мало содержится в этих письмах описаний боевых действий, как редко выражают солдаты восторг по поводу своих военных переживаний, как откровенно мало гордятся они своими боевыми победами, орденами и повышениями в должности, как мало упоминают о психологическом и моральном значении товарищества, как редко говорят о враге в презрительном или резко пренебрежительном тоне, да и вообще как редко о нем упоминают и как мало в письмах, адресованных женщинам, шовинистических выражений»⁶. В немецких письмах, как и в письмах советских солдат, преобладают бытовые вопросы. Однако их доминанту можно определить как «жалобное нытье» по поводу утраченного бытового благополучия мирного

времени, несмотря на то, что и в немецкой армии активно работала военная цензура, существование которой авторы писем не могли не учитывать. Не могли они не знать и того, что их жалобы вызовут естественное волнение и беспокойство их адресатов, прежде всего близких людей. Однако тенденция деморализации армии, прошедшей от успехов и побед к аду сталинградского «котла», атрофировала многие нормальные человеческие качества, способность адекватно оценивать и свое положение, и последствия своих действий.

Приведем достаточно типичное, далеко не самое мрачное немецкое письмо из Сталинграда, в котором отразились и рефлексия по поводу довоенной жизни, и жалобы на бытовые трудности, и пессимистическая доминанта солдатских настроений перед лицом военных неудач с главной установкой на выживание, и стремление «приобщить» близких к своим проблемам. Вот что писал 3 декабря 1942 г. своим родным Курт Ройбер: «Внешне все выглядит так: мы сидим, скрючившись, в норах степных оврагов. Кое-как окопались и разместились. Грязь и глина. Кроме этого под руками нет ничего. Нет дерева для укрепления землянок. Огневые позиции очень неудобны. Воды в обрез, ее привозят издалека. Продовольствия хватает настолько, чтобы не умереть с голоду. Однообразный ландшафт наводит грусть и уныние. Обычная зимняя погода, мороз усиливается. Снег, поземка, холода, а то вдруг — дождь со снегом. Обмундирование нормальное: ватные штаны, куртки на меху, валяные сапоги. Моя драгоценная шуба в такой ситуации была бы незаменима. После отпуска ни разу не раздевался. Вши. Ночью мыши. Сверху сыплется песок. Вокруг все грохочет, но у нас хорошее прикрытие. Делимся остатками экономленной пищи... Вспоминается прекрасная прежняя жизнь с ее радостями, искушениями и любовью. Каждый мечтает только об одном — жить, выжить! И это — правда, может быть, она кажется грубой и примитивной. Сердце мое переполнено: внутри — серьезные размышления о Боге и мире, снаружи: страшные звуки разрушительной бойни. Я хочу, чтобы Вы знали, что я делаю сейчас и что делал недавно. Вы не должны оставаться в неведении...»⁷

Казалось бы, все в этом письме отражает только факты, однако при том, что и «обмундирование нормальное», и острого голода еще не испытывают (тем более, что К.Ройбер лишь в 20-х числах ноября прибыл в Сталинград), и «прикрытие хорошее», автор постоянно акцентирует внимание на своих страданиях, навязчиво делится своими проблемами, осознанно или бессознательно пытаясь пробудить к себе жалость. «Вы должны знать, мои дорогие, как я здесь страдаю!» – так и слышится в этом и особенно в последующих его письмах.

Поражает коренное отличие менталитета российского и немецкого солдата, заключающееся в том, что советские бойцы в подавляющем большинстве случаев старались оберегать своих близких, ограничивая сообщаемые им «неприятные сведения», тогда как немецкие солдаты очень часто «грузят» своих родных собственными проблемами, передавая им чувства страха, отчаяния и безнадёжности, пробуждая комплекс вины за невозможность помочь. Хотя по оценке Т.А.Кохута и Ю.Ройлекке немецких писем, их характеризует «большая сдержанность солдат, с которой они пишут о своем положении»⁸, в действительности, с точки зрения русского читателя, эти письма воспринимаются как крайне эгоистические, лишённые психологической деликатности и заботы о моральном состоянии близких людей. Кроме того, очень многие немецкие военнослужащие настойчиво просят своих родных о регулярных продовольственных посылках, при том, что, как известно, в немецком тылу продовольственное снабжение тоже было весьма скромным. Так, Вильгельм Корн 1 января 1943 г. пишет: «Могу честно сказать, что в этом году я провел самое грустное Рождество. Меня мучит едва выносимый голод. Дорогой брат... пожалуйста, выполни мою просьбу, о которой я матери уже писал. Пусть мама высылает мне каждый день по 3 посылочки по 100 грамм с печеньем или сухарями... Если каждый день вы печенье высылать не сможете, то высылайте по несколько ломтей хлеба... Остальные товарищи почти все получают такие посылки»⁹.

Психологическая динамика, которая прослеживается в немецких письмах в ходе Сталинградской битвы, может быть охарактеризована как переход от состояния неопределенности и некоторой надежды к полной безнадежности и обреченности. Существует версия, согласно которой гитлеровское командование предполагало опубликовать с пропагандистскими целями некоторые письма из последних почтовых мешков, вывезенных самолетом из Сталинграда, а именно те, которые отражали бы героическую выдержку солдат в «котле». Однако писем, в которых высказывалось положительное отношение к войне, оказалось ничтожно мало — около 2%, и от планов соответствующей публикации отказались¹⁰. В дошедших до нас трофейных письмах, хранящихся в Москве, «отражается глубокое отчаяние, тоска по дому и те условия, когда у человека не остается ничего, кроме самых элементарных потребностей»¹¹. Таким образом, к концу Сталинградской битвы стало очевидным морально-психологическое разложение личного состава немецкой армии на данном участке Восточного фронта.

Поражает полная неадекватность представлений немецких военнослужащих о своей роли в этой войне. Так, нередко ругательные высказывания в адрес «этой проклятой России» и «диких русских», но практически не встречается мыслей о том, что их, немцев, сюда, в Россию, никто не звал, что они пришли как оккупанты и получили заслуженное возмездие, что Германия, ее народ и солдаты пожинают плоды своих же действий. Но осознания и чувства вины в письмах вообще не прослеживается, есть только жалость к себе, любимым, почему-то (с их точки зрения, незаслуженно и несправедливо) оказавшимся в столь неприглядном положении.

Трудно сказать, следствием чего является такая позиция: то ли особенностей национального менталитета, то ли многолетней нацистской пропаганды. Но подобное состояние ментальности немецких военнослужащих под Сталинградом явно свидетельствует об их «социальном инфантилизме». Одним из важнейших результатов Сталинградской битвы как раз и яви-

лось то, что определенные сдвиги в этой ментальности все-таки начались: немцы впервые стали задумываться и задавать себе некоторые неприятные вопросы. Вот как описывает воздействие поражения под Сталинградом на настроения немецких солдат ефрейтор А.Оттен: «Часто задаешь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немцев. Но я опасаясь, что о подобных вещах думают 90% сражающихся в России солдат. Это тяжелое время наложит свой отпечаток на многих, и они вернутся домой с иными взглядами, чем те, которых они придерживались, когда уезжали»¹². Военная машина фашистской Германии была потрясена до основания, в этой битве был надломлен моральный дух немецкой армии.

Еще большее влияние победа под Сталинградом оказала на советский народ, положив начало перелому во всей Второй мировой войне. Моральный дух народа и его армии окреп настолько, что уже не возникало никаких сомнений в полной и окончательной победе над врагом. И эту роль Сталинградской битвы вполне осознавали советские бойцы. Вот как с некоторыми восторгом и патетикой, но глубоко искренне записал об этом в своем дневнике 7 февраля 1943 г. Михаил Белявский: «Полная ликвидация Сталинградской группировки! Нужно отойти на расстояние, по меньшей мере, нескольких лет, чтобы полностью понять все значение битвы за Сталинград. Сейчас, в дни побед, я часто думаю о тех людях, что выстояли, отстояли Сталинград, отстояли Россию. Сталинград останется в веках и люди его, овеянные славой, станут синонимом чуда, богатырской стойкости, выносливости, мужества. Их имена священны для каждого русского...»¹³

* * *

Итак, по солдатским письмам можно проследить состояние и динамику морального духа, всего комплекса социально-

психологических качеств личного состава советской и германской армий, сравнить их ментальности, то есть, по сути, выявить глубинные истоки конечного исхода противостояния двух сторон.

Но полноценный комплексный анализ этой проблемы еще впереди, тем более, что ставшие в последнее время доступными исследователям комплексы источников личного происхождения обеих противоборствующих сторон предоставляют для этого значительные возможности.

¹ По обе стороны фронта: Письма советских и немецких солдат, 1941-1945 гг. М., 1995. С. 43-44.

² Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 164.

³ Там же. С. 164, 216.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Вольф А. Звезда над передовой. М., 1983. С. 42-43.

⁶ Кохут Т.А., Ройлекке Ю. «Подохнуть крысой под крестьянским башмаком...»: Последние письма из Сталинграда // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 484-485.

⁷ По обе стороны фронта... С. 193-194.

⁸ Там же. С. 490.

⁹ Сталинградская эпопея... С. 331.

¹⁰ Кохут Т.А., Ройлекке Ю. Указ. соч. С. 482.

¹¹ Там же. С. 482-483.

¹² Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941-1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 220.

¹³ МБС истфака МГУ. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые записки.

У. США И РОССИЯ: В ПОИСКАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Журавлева В.И.

УАРТОН БАРКЕР – «АДВОКАТ» РОССИИ, ИЛИ КАК СФОРМИРОВАТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В США

В истории российско-американских отношений последней четверти XIX – начала XX в. фигура банкира, публициста и общественно-политического деятеля из Филадельфии Уартона Баркера (1846-1921) представляется не просто интересной, но и в определенной степени знаковой. Баркер называл себя самым бдительным американским защитником интересов России и не раз заверял официальный Петербург в том, что в Америке нет другого человека настроенного столь же прорусски, как он.

Впервые Баркер появился на горизонте российско-американских отношений в 1878 г., когда правительство Александра II, сделав предприимчивого американца своим специальным финансовым агентом в Соединенных Штатах, поручило ему строительство 4 крейсеров в кораблестроительных доках за океанской республики. Тогда за заслуги перед Россией царь пожаловал ему дворянский титул и наградил орденом Св. Станислава.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Баркер совершил несколько поездок за океан с целью изучения возможностей американских капиталовложений в экономику Российской империи и прочно обосновался в рядах тех предпринимателей США, которые выступали за широкое экономическое сотру-

ничество двух стран, высоко оценивая перспективы американского бизнеса по другую сторону Атлантики. Первым проектом Баркера стал грандиозный план развития южного региона России, включавший разработку железорудных и угольных месторождений на северном побережье Азовского моря. Затем он пытался договориться с российским правительством о выдаче концессии на строительство отрезка Транссибирской железной дороги. И хотя этим начинаниям по целому ряду причин не суждено было осуществиться, филладельфийскому банкиру удалось установить личные контакты с представителями высших правительственных кругов Российской империи, а также с членами царской семьи.

Перечисленные события хорошо известны историкам. Они зафиксированы в биографических словарях и энциклопедиях¹, еще в 1945 г. описаны американским исследователем Дж.Квинном², затем российским американистом Г.П.Куропятником³ и, наконец, Н.Солом в его фундаментальной работе, посвященной характеристике российско-американских отношений в 1867-1914 гг.⁴ Для автора данной статьи это лишь предыстория, которая помогает оценить реальные возможности Уартона Баркера к началу XX века, когда он выдвинул оригинальный проект по организации широкой, прорусски ориентированной пропагандистской кампании в США и предложил его правительству Николая II.

Избранный сюжет оказался вне поля зрения историков⁵. Между тем его изучение позволяет понять позицию той части американского общества, которая в период обострения межгосударственных отношений и неуклонного роста антирусских настроений в США продолжала выступать за сближение двух стран, исходя из интересов взаимовыгодного сотрудничества, что усиливало позитивную составляющую сложного и противоречивого образа России, формировавшегося в сознании американцев в конце XIX — начале XX в. Кроме того, анализ восприятия представителями американского общества иной страны и иной политической культуры открывает дополнительные возможности для лучшего понимания тех изменений, которые

происходили в самих Соединенных Штатах на рубеже веков, где вырабатывались методы контроля исполнительной власти над общественным мнением и новые формы их взаимодействия при решении внешнеполитических проблем, разворачивалась борьба между сторонниками политики изоляционизма, ставшей частью национальной традиции, и теми, кто выступал в пользу активизации внешнеполитического курса, включая участие в европейских союзах. Подобный подход позволяет проиллюстрировать утвердившийся в настоящее время в историографии тезис о постижении «своего» через восприятие «другого» и провести исследование в рамках междисциплинарного научного направления, получившего в англоязычной историографии название «имэджинологии» международных отношений.

Однако все приведенные выше рассуждения останутся лишь декларацией в том случае, если человек, действия которого избраны в качестве объекта изучения, окажется, во-первых, личностью совершенно не типичной (речь идет об одном из наиболее распространенных социальных типов, олицетворявших американское общество на рубеже XIX-XX вв.), а, во-вторых, выяснится его несостоятельность в смысле осуществления задуманного плана, т.е. обнаружится завышенная оценка собственных возможностей. Поэтому следует начать с характеристики самого Уартона Баркера, его взглядов, деловой и общественно-политической деятельности.

Прежде всего, Баркер был банкиром и предпринимателем, являясь компаньоном фирмы «Баркер бразерс» и одновременно представляя английский банк «Беринг бразерс» в США. Он стал известен и как публицист, печатаясь в ведущих периодических изданиях того времени. С 1880 по 1900 г. выпускал еженедельный журнал «The American», на страницах которого обсуждались злободневные политические, экономические и социальные вопросы, причем тон дискуссиям зачастую задавали публикации самого Баркера. По своим религиозным взглядам — квакер, по общественным обязанностям — попечитель университета штата Пенсильвания, в соответствии с интеллек-

туальными запросами — член Американского философского общества и Академии естественных наук, по политическим пристрастиям — популист (правда, до 1896 г. поддерживал программу республиканской партии, а затем на время оказался в рядах сторонников демократа У.Дж.Брайана). В 1900 г. после раскола Популистской партии последовательные приверженцы движения избрали его кандидатом на пост президента. На выборах потерпел поражение, собрав чуть больше 50 тыс. голосов, после чего ушел из большой политики, сохранив, тем не менее, обширные связи с представителями политического мира, видными государственными и общественными деятелями Америки. Баркер был знаком со всеми президентами США рубежа веков от Р.Хейса до В.Вильсона. К Теодору Рузвельту он неоднократно обращался с открытыми письмами через прессу, критикуя внешнеполитический курс вашингтонской администрации.

Баркер активно выступал в защиту доктрины Монро и политики изоляционизма. Он поддерживал идею тесного сближения стран Северной и Южной Америки (от создания коммерческого союза до политического) и ратовал за проведение единого американского курса, направленного против деятельности Великобритании в Западном полушарии. Этот американец находился в рядах тех, кто не одобрял отказ США от принципов изоляционизма, включение страны в европейскую политику и европейские союзы, сближение с Англией и Японией, а также американское вмешательство в дела Восточной Азии. Энергичный филаделфиец считал, что мощная кампания общественного протеста может оказать реальное давление на Белый Дом и госдепартамент, дабы вернуть США к американской политике в масштабах американского континента. По его мнению, это отвечало интересам большей части общества, находившегося в неведении относительно истинных целей Вашингтона или введенной в заблуждение англо- и японофильской пропагандой. В осуществимости подобного начинания Баркера убеждала результативность общественного движения, направленного против действия англо-американского Клейтон-

Булверского договора 1850 г., в котором он принял самое активное участие. В итоге, несмотря на возражения Великобритании, президент стал склоняться к идее превращения строительства Никарагуанского канала в чисто американское предприятие.

Суммируя имеющиеся у нас данные, можно сказать о Уартоне Баркере следующее: предприниматель и банкир в период расцвета и активизации бизнеса, публицист и издатель в эпоху революции в журналистике, человек, активно участвовавший в политике в то время, когда происходила политическая мобилизация общества, изоляционист, верный принципам Дж.Вашингтона, в стране, где соблюдение заветов отцов-основателей стало элементом массового сознания, а апелляция к их наследию – правилом игры для делателей политики. Всю жизнь он гордился своим родством с Б.Франклином (его дедушка приходился кузеном великому американцу). В социальном плане У.Баркер действительно был достаточно типичен как представитель верхних слоев нового среднего класса американского общества и в то же время достаточно неординарен как личность, чтобы затеряться в его общей массе.

В чем же состоял план банкира и общественно-политического деятеля из Филадельфии? Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к анализу содержания документов, обнаруженных автором в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса в Вашингтоне в личной коллекции Уартона Баркера⁶. Это переписка, которую предприимчивый американец вел в начале XX века с русскими адресатами. Даже неполный список имен выглядит впечатляюще: император России Николай II, министры иностранных дел В.Н.Ламздорф и С.Д.Сазонов, министр финансов, глава российской делегации в Портсмуте С.Ю.Витте, обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев, премьер-министр П.А.Столыпин, известный юрист-международник Ф.Ф.Мартенс, адмирал флота и наместник царя на Дальнем Востоке Е.И.Алексеев, вице-адмирал флота, начальник Главного морского штаба, а затем управляющий морским министерством Ф.К.Авелан, послы России в США А.П.Кассини, Р.Р.Розен, Ю.П.Бахметев.

У.Баркер рассматривал правительство Николая II в качестве союзника в борьбе с новым внешнеполитическим курсом вашингтонской администрации, т.к., по его мнению, Россия была заинтересована в охлаждении американско-японских отношений, в ослаблении Великобритании, недавнего общего противника обеих стран, в нормализации отношений с США, осложнявшихся ростом идеологических противоречий, столкновением интересов на Дальнем Востоке, усилением экономической конкуренции, дестабилизацией мировой системы баланса сил. Он рассчитывал на поддержку со стороны российских властей, учитывая объективное совпадение государственных интересов России и программы сторонников изоляционизма по другую сторону Атлантики⁷.

Прежде всего, как предполагал Баркер, следовало нейтрализовать англофильские настроения, получившие распространение в Соединенных Штатах. Эта идея впервые была сформулирована американцем в разговоре с А.П.Кассини и в письме к К.П.Победоносцеву в 1899 г. Тогда речь шла об отправке в заокеанскую республику русского секретного агента для конфиденциальных контактов с Баркером и реальной оценки деятельности тех, кто работал в пользу союза с Великобританией⁸.

Начиная с января 1901 г. Баркер отправил одно за другим несколько писем В.Н.Ламздорфу, уточняя и конкретизируя свой план⁹. Он пытался убедить внешнеполитическое ведомство на берегах Невы в том, что посредством проведения массовых митингов и создания постоянно действующей организации с ориентацией на поддержку американско-ирландцев возможно развернуть общественную кампанию протеста против союза США и Великобритании. Баркер просил предоставить в его распоряжение 250 тыс. долл., которые будут использованы для укрепления позитивного образа России в общественном сознании как страны, дружественной США и имеющей общие внешнеполитические ориентиры в рамках системы международных отношений.

На 1903 г. падает всплеск активности Баркера. Под влиянием сближения Англии и Японии, резкого всплеска антирусских

настроений в Америке после Кишиневского погрома, а, главное, отчаявшись дожидаться ответа от В.Н.Ламздорфа (хотя через А.П.Кассини американец был осведомлен о получении его сообщений адресатом), Баркер направил обстоятельное письмо на имя Николая II. Еще раз изложив основные доводы, он обратил внимание царя на ту зависимость, которая существовала между действиями США и позицией Великобритании в целом, а, следовательно, ее политикой в Персидском заливе, в Турции, на Дальнем Востоке¹⁰. Очевидно это послание возымело свое действие. По крайней мере, когда Баркер в очередной раз обратился к Ламздорфу, пообещав привлечь к оппозиции англо-американскому союзу 8 млн голосов избирателей ирландского, немецкого, шотландского, скандинавского и итальянского происхождения, министр иностранных дел России очень оперативно отправил ответ в Филадельфию, одобрив предложенный план и подчеркнув его полное соответствие поставленной цели: США противодействуют политике Великобритании на Дальнем Востоке, лишая тем самым Японию поддержки последней, и отказываются от содействия английским интересам в азиатских делах (и то, и другое к несомненной выгоде России). Ламздорф, кроме того, пообещал отправить за океан уполномоченного агента для выполнения особой миссии¹¹.

Однако прошло полгода, а агент так и не появился, что заставило Баркера в январе 1904 г. вновь обратиться к Николаю II. Он объяснял свою назойливость ухудшением обстановки в связи с угрозой русско-японской войны, отчего значимость предложенного им плана лишь возрастала. По мнению американца, Россия выйдет победительницей из грядущего военного конфликта, где ее единственным противником будет Япония, но никто не возьмется предсказать исход войны, если Страну Восходящего Солнца поддержит Англия и Соединенные Штаты. Помешать британо-американскому союзу, настаивал Баркер, возможно лишь с помощью создания мощной оппозиции в обществе, что реально осуществить в течение трех-четырех недель¹².

С началом военных действий между Россией и Японией на русских адресатов обрушился шквал посланий не оставлявшего своих надежд филаделфийца. Он писал В.Н.Ламздорфу, С.Ю.Витте, Ф.Ф.Мартенсу, Е.И.Алексееву, Ф.К.Авелану, отказываясь понимать бездействие русских властей и сокрушаясь по поводу упущенных возможностей. Параллельно Баркер обратился с открытым письмом к президенту Т.Рузвельту, содержащим резкую критику действий Вашингтона¹³.

Ответ Ф.Ф.Мартенса, который был лично знаком с автором предложенного плана¹⁴, помогает понять позицию его противников. Русский авторитет в области международного права, соглашаясь с основными доводами американца, откровенно заявил: «Если две англосаксонские нации пришли к выводу, будто для их коммерческих интересов на Востоке, и особенно в Китае, японцы менее опасны, чем русские, ничто в мире не сможет остановить их в стремлении поддерживать одних, и добиваться поражения других». Мартенс признавался в том, что не верит в возможность исправить положение вещей путем использования устного и печатного слова¹⁵.

И все-таки в связи с ухудшением ситуации на Дальнем Востоке в Петербурге обратили внимание на предложения филаделфийца. 12 мая 1905 г. в российском посольстве по поручению Ламздорфа состоялась встреча между А.П.Кассини и У.Баркером, во время которой последний представил развернутый план действий, уточненный затем в нескольких письмах к послу: создать в различных штатах систему организаций, опиравшихся на американо-ирландские клубы и действовавших под руководством национального комитета; использовать коммерческие и промышленные ассоциации, заинтересованные в развитии торговли; включить в сферу своего влияния систему местной печати и использовать центральные периодические издания для шумной и внятной презентации намеченной политики; провести массовые митинги по всей стране. Правда, запрашиваемая сумма, необходимая для организации широкомасштабной политической и экономической кампании против азиатской политики Вашингтона, выгодной Велико-

британии и Японии и губительной для России, возросла до 300 тыс. долл. Плюс к тому требовались дополнительные денежные средства для выплат конгрессменам, представителям деловых кругов и общественно-политическим деятелям, согласным оказать содействие в проведении антианглийской и антияпонской политики. Однако, по заверениям Баркера, все эти затраты были несущественными по сравнению с получаемыми в будущем выгодами¹⁶.

Баркер покинул посольство в полной уверенности, что его план получил всестороннее одобрение посла и будет должным образом представлен в МИД России. Его достаточно резкое письмо В.Н.Ламздорфу от 10 июля 1905 г. вызвано, безусловно, чувством разочарования из-за бездействия Петербурга. «Англичане и японцы, – писал он, – потратили несколько миллионов долларов на создание благоприятного для них общественного мнения в Америке... Эти затраты с лихвой окупились, сделав возможными британо-американские и британо-японо-американские соглашения, действующие в настоящее время»¹⁷.

Воспользовавшись прибытием в Соединенные Штаты российской делегации для ведения мирных переговоров в Портсмуте, Баркер, заручившись поддержкой Ф.Ф.Мартенса, попытался договориться о встрече с С.Ю.Витте. Секретарь делегации И.Я.Коростовец заверил американца, что главный уполномоченный непременно встретится с ним, вернувшись в Нью-Йорк¹⁸. Однако встреча не состоялась¹⁹. Этому есть ряд объяснений. В Metropolitan Club был устроен прием в честь Витте представителями финансово-промышленной группировки, выражавшей интересы Моргана и поддерживавшей мировую политику США, прежде всего, их сближение с Великобританией. И дело не в том, что они ввели Витте в заблуждение относительно своих истинных намерений, как считал Баркер. Эти люди олицетворяли те силы, которые оказывали реальное влияние на выработку внутренней и внешней политики, с чем было необходимо считаться представителю другого государства, к тому же рассчитывавшего заручиться их согласием на участие в русском займе с целью ликвидации последствий вой-

ны²⁰. Несмотря на обвинения, выдвигаемые Баркером в адрес правительства Николая II, оно усилило внимание к общественному мнению по другую сторону Атлантики. В подтверждение этого можно указать на действия российского посольства в Вашингтоне, следившего за настроениями в американском обществе и периодически прибегавшего к услугам представительской американской прессы²¹. Витте, в свою очередь, использовал пребывание в США для изменения общественного мнения в пользу России. Однако, в отличие от замысла Баркера, пресса и общественные контакты использовались не для того, чтобы критиковать действия вашингтонской администрации, а с целью доказать готовность России приложить максимум усилий для восстановления мира на Дальнем Востоке, приняв при этом во внимание мнение Рузвельта и выставив в невыгодном свете позицию японской делегации²². Итак, при совпадении средств, наблюдалось принципиальное расхождение целей. Для Баркера – это дискредитация внешнеполитического курса Вашингтона в том, что касалось отхода от принципов изоляционизма, для Витте – поиск в новой геополитической обстановке возможностей для нормализации российско-американских отношений после кризиса на Дальнем Востоке с учетом ошибок, допущенных в прошлом.

18 сентября 1905 г. Баркер отправил очередное письмо Николаю II, где снял с себя ответственность за срыв встречи с С.Ю.Витте, во время которой, по его мнению, должно было состояться всестороннее обсуждение всего комплекса вопросов. Расширяя систему аргументов, он обращал внимание на свои уникальные связи с влиятельными людьми в Китае, которые могли пригодиться для установления лучшего взаимопонимания между Россией и Поднебесной империей, а также противодействия распространению на ее территории английского и японского влияния. Пока же, подчеркивал Баркер, Великобритания, США и Япония навязывают Китаю политику «открытых дверей», препятствуя развитию этой страны и ее модернизации. В свою очередь, азиатская политика американского правительства создает угрозу для реализации потенциала

США и России. Послание заканчивалось выражением надежды на то, что Николай II, наконец, одобрит план действий, своевременность которого усиливалась самим историческим моментом, когда решался вопрос о будущей расстановке сил в системе международных отношений²³. Ответа не последовало.

После подписания в ноябре 1908 г. американо-японского соглашения Рут-Такахира Баркер предпринял последнюю и столь же безуспешную попытку обратить внимание русской стороны на свое предложение, параллельно выступив с заявлением в прессе, где содержалась резкая критика дальневосточной программы вашингтонской администрации. В нескольких письмах, обращенных к премьер-министру России П.А.Столыпину, он проводил мысль о том, что после Портсмутской конференции Соединенные Штаты блокируют все «китайские проекты» российского правительства в угоду интересам Великобритании и Японии и в ущерб интересам России и Китая, и вновь просил прислать для встречи с ним специального агента, независимого от посла Р.Р.Розена и ответственного лишь перед Столыпиным и Николаем II²⁴. Но и эти послания остались без ответа.

Итак, история окончилась ничем и, тем не менее, она представляет интерес и достойна внимания.

Начнем с того, что Баркер не был наивным прожектером и задумывал движение как чисто американское, дабы не вызвать обвинений в нарушении принципа невмешательства в дела другого государства. Он не собирался опровергать негативные характеристики внутривосточного развития России, вызывавшие критику друзей русской свободы в США и вовсе не спорил с теми, кто писал и говорил об отсутствии прав и свобод в заокеанской империи. Его система аргументов строилась на создании образа России – выгодного партнера в осуществлении внешней политики, что объяснялось совпадением государственных интересов двух стран. Предложенный проект, американский по своей сути, отражавший политическую программу сторонников изоляционизма и доктрины Монро, по мнению его автора, объективно отвечал интересами прави-

тельства Николая II. Перед нами вариант международной политики, не отягощенной общностью идеологических установок и осуществляемой в национальных интересах в эпоху Real-politic. Идеологические аргументы как раз использовались оппонентами У.Баркера, желавшими найти дополнительные «за» в пользу сближения с Великобританией и охлаждения отношений с Россией.

Правомерны вопросы: не завышал ли американец своих возможностей и не был ли эфемерен механизм реализации плана? Совершенно очевидно, что положение и влияние Баркера позволяли ему организовать пропагандистскую кампанию. Приемы, которые он предлагал использовать, уже стали частью новой политической культуры, которая формировалась на рубеже XIX-XX вв. в США. Это учитывала как Япония, так и Великобритания, затратившие огромные суммы денег на создание благоприятного для них общественного мнения в заокеанской республике. Россия, со своей стороны, особенно к концу русско-японской войны, учитывая реакцию на Кишиневский погром, а затем на события революции 1905 г., стала более трезво оценивать влияние общественного мнения в США. В качестве косвенного подтверждения аргументов Баркера можно привести отрывок из донесения Р.Р.Розена, составленного после окончания работы Портсмутской конференции. Высоко оценивая результаты деятельности С.Ю.Витте и обращая внимание на рост симпатий американского общества по отношению к России, он писал: «Что за отчуждение этих симпатий мы заплатились дорогой ценою, не подлежит никакому сомнению, ибо на этой почве зародилось и расцвело то широкое сочувствие Японии в ее конфликте с Россией, которое как я сам могу засвидетельствовать, послужило одним из самых важных факторов, побудивших японское правительство смело идти на риск войны с нами, которое ему служило все время могучей нравственной опорой и которое облегчило ему возможность добывать финансовые средства для ведения этой кровопролитной борьбы»²⁵.

Другое дело, не ошибался ли энергичный американский «адвокат» России по поводу возможных результатов реализации своего плана? Отвратить США от союза с Великобританией, оказать реальное влияние на политику вашингтонской администрации, которая поддерживалась влиятельными представителями индустриального и финансового мира, реагировала на изменение внутреннего развития страны и общего характера международных отношений на рубеже веков – было, конечно, нереально, что безусловно, понимали на берегах Невы. А вот стимулировать рост русофильских настроений, укрепить позитивное восприятие заокеанской империи в общественном сознании, сгладить критику, стимулируемую деятельностью антирусской оппозиции в США, – вполне выполнимая задача. Россия получила бы от этого немалую выгоду, как показали последующие события. Таким образом, правительство Николая II в любом случае осталась бы в выигрыше. У.Баркер прежде всего обманулся в своих надеждах на ответную заинтересованность Петербурга в последовательном проведении антианглийского курса, ибо не верил в возможность урегулирования русско-английских противоречий, на адекватное восприятие специфики американской политической культуры в России, где существовали иные традиции, переоценил значение личного фактора в международных отношениях. Автор проекта подчеркивал опасность русско-японского военного конфликта, но игнорировал тот факт, что в правящих кругах Российской империи существовала заинтересованность в «маленькой победоносной войне» с Японией, хотя подобное мнение и не было единодушным, не брал в расчет сложную внутривнутриполитическую обстановку в стране накануне революции 1905-1907 гг., не учитывал дестабилизирующее влияние идеологического фактора в российско-американских отношениях на рубеже XIX-XX вв. К тому же, по другую сторону Атлантики казалась преувеличенной роль США в мировой политике, которая по-прежнему делалась в Европе, да и сам проект «американского друга России» представлялся дорогостоящим.

Нам легко судить ошибки людей, подобных У.Баркеру, с позиции собственных знаний последующих событий. Более того, можно, конечно, обвинить нашего героя в преследовании собственных меркантильных интересов, т.к. он получил бы определенную финансовую выгоду от реализации своего плана. Однако предложенный сюжет, прежде всего, интересен тем, что его изучение расширяет наше представление о восприятии американцами – современниками событий роли США и России в менявшейся геополитической обстановке, позволяет лучше понять взгляды различных представителей американского общества в период, когда в заокеанской республике шла борьба по вопросу о кардинальном изменении внешнеполитического курса страны. Это означало отказ от принципов изоляционизма, завещанных американцам отцами-основателями, поиск новых союзников для проведения мировой политики и создания колониальной империи в бассейне Тихого океана. Переход к экспансионистскому курсу был во многом явлением закономерным, диктовался ростом экономического могущества государства и стремлением Соединенных Штатов превратиться в первоклассную мировую державу. И тем не менее, вплоть до начала Второй мировой войны в США как на государственном, так и на общественном уровнях будут продолжаться жаркие споры между противниками и сторонниками изоляционизма. Взгляды У.Баркера демонстрируют вероятность преломления этой борьбы в российско-американских отношениях, высвечивают дополнительную возможность улучшения взаимоотношений двух государств в сложный период их исторического развития.

Кстати, Баркеру нельзя отказать и в известной доли прозорливости в том, что касалось предвидения будущего военного столкновения между США и Японией, особой роли России, США и Китая в XX в., а также принципиальной значимости для интересов российского правительства общественного мнения за океаном. По крайней мере в период Первой мировой войны Россия предпринимала серьезные усилия по созданию благоприятного для нее мнения в американском обществе в

противовес пропагандистской кампании Германии (контакты представителей посольства с журналистами, открытие российского информационного бюро в Нью-Йорке, попытка организации в США самостоятельной русской прессы, выступления дипломатов в различных обществах).

Еще один важный момент. Баркер был неутомимым публицистом. В многочисленных статьях, с которыми он выступал в прессе, этот человек проводил свои идеи об американской политике в масштабах американского континента и о необходимости укрепления отношений с Россией, которая является союзницей США в борьбе с Великобританией; обращался с открытыми письмами к президентам по различным внешнеполитическим вопросам, прежде всего, критикуя американо-японо-английское сближение; привлекал внимание американской общественности к миролюбивым инициативам Николая II по созыву международных конференций в Гааге. Его корреспонденция, направляемая за океан, изобилует вырезками из ведущих филаделфийских, нью-йоркских и вашингтонских газет, таких журналов как «Independent» и «North American Review». Кроме того, Баркер принял участие в дискуссии по вопросу о роли России в период Гражданской войны в США, развернувшейся в американской прессе в начале XX в. в связи с кризисом межгосударственных отношений. Его самым известным оппонентом в тот момент стал О.Штраус — один из лидеров американской еврейской общины, впоследствии министр торговли и труда в кабинете Т.Рузвельта, первый посол США в Турции и советник президента В.Вильсона. Штраус, рассматривая историю взаимоотношений двух стран, начиная с правления Екатерины II вплоть до конца XIX века, развенчивал «миф о дружбе между царями и президентами». Он подчеркивал, что Россия в каждом отдельном случае стремилась к собственной выгоде, совершая такие «акты доброй воли», как, например, отправка русского флота к берегам Америки в 1863 г., а, следовательно, не могло идти речи ни о какой «благодарности за прошлые услуги». Баркер, отказываясь от идеологических аргументов и вовсе не идеализируя Россию, обращал

внимание на взаимовыгодность сотрудничества двух стран. Он также сообщал о своей встрече с Александром II в августе 1879 г., во время которой царь объяснил ему позицию Петербурга в период Гражданской войны. Представленная версия событий была такова: Александр II отправил эскадры к берегам США после того, как осенью 1862 г. отказался поддержать предложение правительства Франции и Великобритании о совместном признании независимости конфедерации, что расценивалось на берегах Невы как казус белли. Баркер приводил следующие слова русского монарха: «Я все это сделал не столько из любви к американской республике, сколько из любви к моей дорогой России, которая в случае краха Союза с его поступательным индустриальным развитием столкнется в будущем с еще большей проблемой, когда Великобритания будет контролировать большинство отраслей современной индустрии...» Филадельфиец призывал своих сограждан помнить, что они столь же обязаны России за ее содействие в 1862-1863 гг., сколь Франции за помощь, оказанную в 1778 г. И дело не в альтруизме или дружественных чувствах – это, конечно, из разряда мифического – а в объективном совпадении государственных интересов. Любопытная интерпретация событий, учитывая план Баркера. В данном случае нам не столь интересен вопрос о достоверности рассказанной им истории, сколько то, что она тиражировалась на страницах американских периодических изданий в противовес демаршам представителей антирусской оппозиции²⁶.

Так через публицистические выступления Уартон Баркер реализовывал свой план в его «русской составляющей», не получив поддержки со стороны России.

И последний штрих, впрочем, немаловажный. В 1913 г. Баркер отказался войти в Комитет по подготовке празднования столетия мирных отношений между США и Великобританией и занять место рядом с такими людьми, как Т.Рузвельт, Э.Рут, Э.Карнеги, У.Дж.Брайан, Дж.Чоатэ и др. Его отказ и публичное заявление вызвали многочисленные комментарии среди англичан и американцев, а в филадельфийской газете «Public

Ledger» появилась статья, где приводились следующие слова Баркера: «Это верно, что США и Великобритания не находились в состоянии объявленной войны друг с другом уже почти сто лет, но верно и то, что лишь действия российского императора Александра II помешали Англии вступить в войну с Соединенными Штатами в союзе с Францией в 1862 г. с целью разрушить единство американских штатов. Если бы Великобритания и Соединенные Штаты предложили немедленное всеобщее разоружение, я бы поверил в их стремление к миру, однако военные планы и военные расходы обеих наций подрывают эту надежду»²⁷. Баркер отправил министру иностранных дел С.Д.Сазонову и российскому послу в Вашингтоне Ю.П.Бахметеву вырезки из газеты «Public Ledger»²⁸. В письме к Бахметеву содержалось любопытное замечание, лишнее раз свидетельствующее о той позиции, которую У.Баркер занимал в общественно-политических кругах США. Он советовал послу в случае необходимости обратиться за информацией о нем к президенту В.Вильсону, госсекретарю У.Брайану или любому американскому сенатору. Русский дипломат выразил Баркеру искреннюю признательность за сделанное им справедливое и откровенное заявление и заверил американца, что Россия готова протянуть руку искренней дружбы и доверия Соединенным Штатам²⁹.

История эта свидетельствует еще об одной черте нашего героя: принципиальность, последовательность позиции и твердость убеждений. Начавшаяся мировая война поставила на повестку дня иные вопросы и изменила приоритеты.

В это время Баркер предлагал Николаю II и министру иностранных дел Сазонову использовать его возможности и связи во благо России. В 1914-1916 гг. он реализовал свои намерения, периодически выступая в качестве посредника между различными американскими фирмами, желавшими получить контракты на поставки промышленной продукции и вооружения, и посольством в Вашингтоне. Все предложения, исходившие от Баркера, передавались Бахметевым торговому и военному агентам в Америке³⁰. Параллельно он продолжал выступать со

статьями в поддержку России на страницах центральной и местной печати, указывая своим согражданам на вклад заокеанской империи в борьбу с германским милитаризмом.

Последней «русской идеей» Баркера стало предложение учредить Американо-российскую ассоциацию с капиталом в 100 млн долл. для совместного участия американцев и россиян в процессе экономического развития России, с которым он обратился к премьер-министру Г.Е.Львову, министру иностранных дел П.Н.Милюкову и председателю Государственной думы М.В.Родзянко в мае 1917 г. Неутомимый американец надеялся, что создание подобной организации укрепит экономические отношения между государствами и обеспечит американскому капиталу достойное место на российском рынке³¹. Его предложения остались без ответа. Может быть на этот раз помешала сложная внутривосточная ситуация и грядущая Октябрьская революция?..

¹ См., например: Энциклопедия российско-американских отношений XVIII-XX века / Автор и составитель Э.А.Иванян. М., 2001. С. 65; Dictionary of American Biography. Vol. 1. N.Y., 1957. P. 606-607.

² *Queen G.S. Wharton Barker and Concession in Imperial Russia, 1878-1892* // *Journal of Modern History*. 1945. Vol. 17, N 3. P. 202-214.

³ *Куропятник Г.П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867-1881. М., 1981. С. 70-73, 302-325.

⁴ *Saul N.E. Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867-1914.* University Press of Kansas, 1996. P. 125-129, 153, 379-378.

⁵ Н.Сол лишь вскользь упоминает о том, что в 1905 г. У.Баркер пообещал В.Н.Ламздорфу и С.Ю.Витте за 300 тыс. долл. переориентировать американское общественное мнение в пользу России, при этом воздержавшись от всяких комментариев. См.: *Saul N.E. Op. cit.* P. 485.

⁶ Часть документов была опубликована автором ранее. См.: «Американский друг России»: Об упущенных возможностях в российско-американских отношениях, 1899-1913 гг. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 126-155.

⁷ В фондах Архива внешней политики Российской империи (далее АВПРИ) не удалось обнаружить сведений о плане У.Баркера. Это можно объяснить деликатностью самого проекта и отношением к

нему российского посланника в Вашингтоне А.П.Кассини, который плохо понимал специфику той страны, в которой был дипломатическим представителем и не воспринял всерьез предложение американца. Однако в делах посольства в Вашингтоне за 1902 г. отложилось донесение вице-консула в Филадельфии У.Тукера в Вашингтон, где он сообщал о том, что передал пакет с корреспонденцией У.Баркеру. В Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ) в фонде В.Н.Ламздорфа был выявлен оригинал одного письма У.Баркера личного характера от 19 декабря 1906 г. В дневнике В.Н.Ламздорфа за 1898-1905 гг. и в частной переписке А.П.Кассини и В.Н.Ламздорфа имя У.Баркера ни разу не упоминается. См.: АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/Л. Д. 160. Т. 3. Л. 232; ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 312. Л. 1-2; Д. 47; Д. 527.

- ⁸ «Американский друг России»... С. 130-131. См. также письма к А.П.Кассини от 24 и 27 декабря 1899 г. и от 1 января 1900 г.: The Manuscript Division (MD). Library of Congress (LC). The Papers of Wharton Barker (WB). Box. 9.
- ⁹ У.Баркер – В.Н.Ламздорфу, 5 января, 11 апреля, 26 августа 1901 г.; 1 июля, 17 августа 1902 г. // Ibid.
- ¹⁰ У.Баркер – Николаю II, 7 июля 1903 г. // «Американский друг России»... С. 133-134.
- ¹¹ У.Баркер – В.Н.Ламздорфу, 7 июля 1903 г.; В.Н.Ламздорф – У.Баркеру, 11/24 июля 1903 г. // Там же. С.135-136.
- ¹² У.Баркер – Николаю II, 9 января 1904 г. // Там же. С. 136.
- ¹³ У.Баркер – В.Н.Ламздорфу, 6 марта, 7 марта, 8 апреля, 29 сентября, 17 октября, 26, 28 октября, 15 ноября 1904 г.; 13 апреля, 9 февраля, 4 мая 1905 г.; У.Баркер – С.Ю.Витте, 3 декабря 1904 г.; 3 апреля 1905 г.; У.Баркер – Ф.К.Авелану, 4 мая 1904 г.; У.Баркер – Ф.Ф.Мартенсу, 2 октября 1904 г.; У.Баркер – Е.И.Алексееву, 9 декабря 1904 г.; // MD. LC. WB. Box 9, 10.
- ¹⁴ См. неопубликованный дневник Ф.Ф.Мартенса, где он сообщает о встречах с Баркером во время своей поездки в США в октябре 1901 г. для получения докторской мантии в Йельском университете: АВПРИ. Ф. 340. Личный архив Ф.Ф.Мартенса. Оп. 787. Л. 6-7.
- ¹⁵ Ф.Ф.Мартенс – У.Баркеру, 15/28 октября 1904 г. // «Американский друг России»... С. 138.
- ¹⁶ У.Баркер – А.П.Кассини, 23 мая, 3 июня, 13 июня, 23 июня, 3 июля 1905 г. // MD. LC. WB. Box 10.
- ¹⁷ У.Баркер – В.Н.Ламздорфу, 10 июля 1905 г. // «Американский друг России»... С. 145.

- ¹⁸ У.Баркер – С.Ю.Витте, У.Баркер – Ф.Ф.Мартенсу, 1 августа 1905 г.; Ф.Ф.Мартенс – У.Баркеру, 4 августа 1905 г.; И.Я.Коростовец – У.Баркеру, 28 августа 1905 г. // «Американский друг России»... С. 145-146; см. также: MD. LC. WB. Box 10.
- ¹⁹ Н.Сол ошибочно полагает, что Витте использовал посредничество У.Баркера для оказания влияния на американское общественное мнение, в то время как тот не встречался с последним и лично ему не писал. V.: *Saul N.* Op. cit. P. 503.
- ²⁰ О разговоре с Морганом на эту тему см.: *Bumte С.Ю.* Воспоминания: В 3 т. Таллинн; М., 1994. Т. 2. С. 422-423.
- ²¹ См., например: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1904 г. Д. 129. Т. 1. Л. 40-42 об.; Д. 143. Т. 2. 1906. Л. 204-206; Россия и США: дипломатические отношения, 1900-1917: Документы. М., 1999. С. 365-369, 372-373.
- ²² См., например: *Bumte С.Ю.* Указ. соч. С. 397-399, 410-411, 417-418.
- ²³ «Американский друг России»... С. 146-149.
- ²⁴ У.Баркер – П.А.Столыпину, 2 февраля, 26 августа 1909 г. // MD. LC. WB. Box 10. См. также: «Американский друг России»... С. 149-150.
- ²⁵ Россия и США... С. 102.
- ²⁶ *Straus O.S.* The United States and Russia: Their Historical Relations // *North American Review.* 1905. Vol. 181. Aug. P. 237-250; *Barker W.* The Secret of Russia's Friendship // *Independent.* 1904. Vol. 56. Feb. P. 645-649. Дискуссию об отправке русского флота к берегам США см. также: *Sun.* 1902. Jan. 9, 11; *Washington Post.* 1902. Jan. 11.
- ²⁷ *Public Ledger.* 1913. May 11.
- ²⁸ У.Баркер – С.Д.Сазонову, 12 мая 1913 г.; У.Баркер – Ю.П.Бахметеву, 12 мая 1912 г. // MD. LC. WB. Box 11.
- ²⁹ *Saul N.* War and Revolution. The United States and Russia, 1914-1921. University Press of Kansas, 2001. P. 34. См. также: У.Баркер – послу Временного правительства Б.А.Бахметеву, 4 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 526. Л. 33-35.
- ³⁰ У.Баркер – Николаю II, 21 сентября 1914 г.; У.Баркер – С.Д.Сазонову, 18 сентября 1914 г.; У. Баркер – К.Ю.Меддыховскому, 21 сентября 1914 г.; У.Баркер – Ю.П.Бахметеву, 25 октября 1916 г.; У.Баркер – Н.М.Храброву, 11 ноября 1916 г. // *Ibid.* Box 12.
- ³¹ У.Баркер – М.В.Родзянко, П.Н.Милюкову, Г.Е.Львову, 9 мая 1917 г. // *Ibid.* Box 13. См. также: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3697. Л. 3.

МИССИЯ ЭЛИХУ РУТА В РОССИИ В 1917 Г.

В истории русско-американских отношений 1917 г. едва ли можно найти сюжет более изученный, чем поездка в Россию специальной миссии во главе с сенатором Э.Рутот. Нам бы хотелось, не повторяя уже сказанное другими исследователями¹, поставить те вопросы пребывания миссии Рута в России, которые либо не попали в поле зрения ученых, либо не были изучены достаточно глубоко. К таким сюжетам относятся, как нам представляется, проблема задач миссии, сути полученной ею информации и ее источников; того образа России, который сложился у членов миссии и который она донесла до политических лидеров и общественного мнения США; результатов вояжа в плане использования полученной информации вильсоновской администрацией в «русской политике».

Кратно напомним: идея послать в Россию политическую миссию родилась в марте–апреле 1917 г.; процесс ее формирования занял первую половину мая. 15 мая миссия выехала из Вашингтона, 3 июня прибыла во Владивосток, 13 – в Петроград. Обратный путь также занял почти месяц: 9 июля миссия покинула Петроград, 8 августа добралась до Вашингтона. Состав подбирался очень тщательно. При назначении сенатора Элиху Рута главой миссии его принадлежность к республиканской партии сыграла свою роль. Вильсон пытался доказать, что в критический момент войны, когда нет места политическим разногласиям, президент доверяет ответственные посты не только демократам. Его решение, думается, все же определили другие соображения: Э.Рут был во всех отношениях человеком замечательным. За него говорило блестящее образование (учился в Нью-Йоркском, Йельском, Колумбийском университетах), богатый опыт работы в самых разных областях: юриспруденции (почти двадцать лет адвокатской практики), военной (военный министр в 1899-1903 гг.), дипломатической (гос-

секретарь в 1901 г.); политической деятельности и законотворчества (неоднократно избирался председателем национальных съездов республиканской партии и республиканской партии штата Нью-Йорк, сенатор от этого штата в 1909-1915 гг.)².

Под стать главе миссии были и другие ее члены. Оценку состоянию вооруженных сил России предстояло дать начальнику штаба американской армии генералу Хью Л. Скотту; контр-адмирал Джеймс Гленнон (на флоте с 1878 г., в 1915-1917 гг. управляющий Вашингтонского морского завода) прекрасно разбирался в вопросах артиллерийского и технического снабжения флота. Приданный миссии в качестве секретаря опытный дипломат Бэзил Майлз работал в России в 1904-1905 гг. и с начала 1917 г.; присоединившийся к миссии во Владивостоке Стэнли Уошборн 1914-1917 гг. провел на русском фронте, представляя лондонскую «Таймс». Джон Мотт, занимавший пост секретаря Международной комиссии Американской ассоциации христианской молодежи, был известен работой в России с военнопленными.

Состояние русской экономики должны были определить владевший заводом в России (г. Люберцы) президент «Интернэшнл харверстер» Сайрус Маккормик и опытный финансист Сэмюэль Р. Бертрон. К числу американцев, составлявших костяк делегации, добавим официально приданного миссии, уже находившегося в России, советника президента по «русскому вопросу», предпринимателя и филантропа Ч. Крейна. Самым слабым звеном делегации было, пожалуй, «рабочее». Профессиональный чиновник от АФТ Дж. Дункан, решительный сторонник философии «делового юнионизма», впервые сталкивался с российским рабочим и социалистическим движением. Этого нельзя было сказать о правом социалисте Ч. Э. Расселе, внимательно его изучавшем. Их взгляды, однако, были весьма консервативны, далеки от настроений трудящихся России, больше «слушавших» социалистов; в работе с ними у американцев могли возникнуть «трудности»³. Серьезный подбор делегации не оставлял сомнений, что в Вашингтоне хотели получить точную информацию по различным аспектам «русской проблемы».

В руках Вильсона комиссия Рута была оружием многоцелевого использования. Президент вел тонкую политическую игру, держа в уме надвигающуюся осенью 1918 г. избирательную кампанию в конгресс. Указывая на дружеский характер отношений находившегося в Петрограде Ч.Крейна и президента, личный секретарь британского министра иностранных дел Э.Грея Эрик Драммонд конфиденциально информировал английского посла в Петрограде Дж.Бьюкенена: «Если в России будет достигнут успех, президент поставит его в заслугу себе и господину Крейну, а не господину Руту»⁴. Следуя президентской логике, если комиссия не удастся, президент в ответ на наскоки политических оппонентов руками разведет: даже Рут не справился. Другая задача миссии – пропагандистская, разъяснение россиянам позиции США в войне. Известный правый социалист Ф.Бон в послании социалисту-конгрессмену М.Лондону, убеждая последнего добиваться назначения в состав делегации, писал: «Вы могли бы попытаться удержать толпу русских радикальных социалистов в рамках разумной политики, если вообще это может сделать кто-либо из американцев... Если в России произойдет контрреволюция и она выйдет из войны, она продлится на 2-3 года дольше»⁵.

Рут рассматривал пропагандистскую задачу миссии как подчиненную. В разговоре с русским послом Б.А.Бахметевым по возвращению домой Рут на первый план выдвинул цель политической разведки⁶. Делегация, скорее всего, была ориентирована на то, чтобы представить не один итоговый документ. С.Харпер ссылаясь на мнение Дж.Мотта, полагавшего: из России следовало бы привезти два набора фактов. Один – для широкого круга читателей, общественного мнения; другой, о котором «не следует упоминать»⁷, видимо, для «внутреннего пользования» ведущих специалистов и политиков. Забегая вперед, отметим, что составленный делегацией по возвращению в августе официальный многостраничный документ, оценивавший события в России умеренно оптимистически, «работал» именно не на публику.

На первый взгляд могло показаться, что радушный прием русских властей, встречи и церемонии на самом высоком уровне были способны создать вокруг миссии такую ауру внешнего благополучия, которая могла помешать ее членам увидеть реальное положение дел в России. Этого не случилось. Информация была самой разнообразной, как и ее источники; каждый день был насыщен встречами с русскими и иностранцами различной профессиональной принадлежности и социально-политических взглядов. Дотошный Дж.Мотт фиксировал все контакты членов миссии, и список получился весьма впечатляющим. Его возглавляли имена Г.Е.Львова, А.И.Гучкова, П.Н.Милюкова, А.И.Шингарева, М.В.Родзянко, С.Д.Сазонова, Н.Н.Покровского и ряда других. Атмосфера встреч, как свидетельствовали документы, не была формальной, торжественно-радостной. Одна из записей Мотта гласила: при встрече с членами кабинета министров они выглядели «усталыми, измученными», как будто на их плечи легла «огромная ответственность», и они «находятся в постоянном напряжении». Не были забыты и социалисты. С ними общались Дж.Дункан и Ч.Э.Рассел. Среди тех, с кем они вели беседы, выявляя весь спектр мнений социалистов о ситуации в России, были А.Ф.Керенский, В.М.Чернов, И.Г.Церетели, М.И.Скобелев, П.А.Кропоткин. Состояние русской армии обсуждалось американскими военными – Гленноном, Моттом, военным атташе Уильямом В.Джадсоном, полковником Р.Миши – с генералами А.А.Брусиловым, А.А.Михельсоном, А.А.Маниковским, рядом иных высокопоставленных военных чиновников. Было много встреч с находившимися в России английскими и французскими дипломатами и военными – А.Тома, А.Гендерсоном, Ф.Пулом, М. Жаненом.

Миссией не был забыт ни один работавший в России американский дипломат. Из тех, у кого сложилось скорее пессимистическое видение событий в стране, были опрошены консул в Москве М.Саммерс и вице-консул Д.Макгован, торговый атташе посольства У.Хантингтон, консул в Тбилиси У.Смит и в Петрограде Н.Уиншип, секретарь посольства Дж.Райт. Думается, невеселые мысли возникли у членов миссии Рута в ре-

зультате общения с представителями деловых кругов США, пытавшихся работать в хаосе революционных событий: Ф.Холбруком из Американской международной корпорации, Г.Ф.Мезервом из «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», Б.Х.Катлером, представлявшим Ассоциацию торговли и промышленности в России⁸.

«Багаж» знаний о ситуации в России пополнялся и за счет незапланированных встреч. Дж.Мотт упоминал, в частности, о разговоре с неким американцем, работавшим в России по линии Американской ассоциации христианской молодежи; о встрече с врачом Хердом, представлявшим Американский Красный Крест. Они поведали много горького о страшных потерях русской армии, о катастрофическом падении дисциплины, эффективных действиях германской пропаганды. Американцы не могли не отметить для себя нерешительности властей, многословия, нежелания брать на себя ответственность⁹. Разными путями к американцам попадали документы, правдиво отражавшие кризисные стороны русской действительности. В частности, Ч.Э.Расселу был передан составленный английскими предпринимателями документ о состоянии российской промышленности. Лейтмотивом его было: в России стало невозможно работать. Английские бизнесмены вынуждены были сворачивать деятельность. Дабы оградить «жизнь и собственность» владельцев предприятий, Временному правительству предлагалось установить контроль над принадлежавшими английскому капиталу предприятиями¹⁰. По прибытию миссии в Россию на стол ей легли несколько докладов Норта Уиншипа на тему «революционного и социалистического движения в России» с весьма объективным описанием их развития после Февраля. С.Уошборн оценил содержащийся в них анализ как «исключительно умный и точный»¹¹.

Полагаясь не только на свидетельства очевидцев, многие члены миссии спешили дополнить их личными наблюдениями. Мотт своими глазами наблюдал охваченный митинговыми страстями Петроград: как-то прогуляв по городу 2-3 часа, он насчитал «до двух сотен митингов». Контр-адмирал Дж.Глен-

нон в Петрограде посетил оборонные предприятия, вместе с военно-морским атташе Н.Мак-Калли съездил в Севастополь, побывал в Гельсингфорсе, Архангельске, Риге и Кронштадте, получив острые впечатления о кипении революционных страстей на Черноморском и Балтийского флотах, о неблагоприятном состоянии русских армии и общества в целом¹².

Информации для размышления было с избытком и, думается, члены миссии Рута составили себе вполне адекватные представления о происходившем в стране. С.Маккормик в ноябре 1917 г. говорил о том, что ему пришлось наблюдать в России летом: о разрушении экономических основ общества, разложении традиционных социальных и политических структур и отношений. Более всего, однако, Маккормика угнетала трагедия армии. Русский солдат сражаться не хотел, его голова была занята политикой, его тянуло на родину, домой. Джон Мотт развивал тему. Недовольство, смятение умов умело использовала германская пропаганда, убеждавшая русских: давайте «мириться» и идите землю делить. Германия якобы раньше воевала с угнетателем русского народа – царем, пора забыть былые обиды¹³.

Одной из определявших тенденций русской жизни эпохи революции американцы считали кризис власти, неспособность государственных структур контролировать ситуацию в стране. Но и волнений, стихийной смуты, как показалось гостям из США, было немного. Как отмечал генерал Х.Скотт, порядок держался, складывался, казалось, как-то «сам по себе»; опирался на беззлобность и доброту, присущие загадочной широкой русской душе¹⁴. На этот момент обращал внимание Э.Рут в письме к И.Уинслоу, успокаивая отца, переживавшего за безопасность находившегося в России в составе миссии Американского Красного Креста сына¹⁵.

Действительно, пребывая в России, «Рут и его команда» не могли не чувствовать себя несколько скованно, не ощущать внутреннего напряжения при общении с людьми. Но пожаловаться было решительно не на что. Прием – предельно внимательный, никаких эксцессов. И это при том, что русские власти

их опасались, заблаговременно предупреждая членов миссии. Как сообщал, описывая пребывание миссии Рута в России, журнал «Каррент хистори», социалист Ч.Э.Рассел накануне выступления перед Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов получил информацию, что можно ожидать «недружественных действий» со стороны придерживавшейся крайне левых взглядов части аудитории. Прогноз, однако, не подтвердился¹⁶. Позднее известный американский журналист Л.Стеффенс в беседе с В.Вильсоном пытался объяснить феномен этой атмосферы благожелательности. Журналист связывал его с той эйфорией братства, которую переживала Россия после Февральской революции. Хотят американцы прислать миссию — пускай присылают. Большинство русских людей было настроено апатично по отношению к миссии Рута, лишь «некоторые» были решительно «против». Но неуважительного отношения никто не допустил¹⁷.

Это внешнее спокойствие, впрочем, чреватое взрывом огромной мощности, не обманывало американцев. Они оставили не одно свидетельство, что прониклись всей серьезностью сложившейся в России ситуации. Об этом говорили редкие их телеграммы в Вашингтон с вопросом: как вести себя в случае постановки русской аудиторией злободневных, дискуссионных тем. Вполне осознав, как остро ставили ее граждане вопрос о путях достижения быстрого «мира без аннексий и контрибуций», о целях союзников в войне, миссия интересовалась, как следует отвечать на него. По просьбе президента, госсекретарь Р.Лансинг 26 июня информировал Рута, что считает выступления на тему «условий мира и того урегулирования, которых будут требовать от США», нежелательными. Сам президент, сообщал госсекретарь, откладывает заявление на эту тему до более подходящего момента, пока не сложатся «совершенно иные обстоятельства». Горькую пилюлю Лансинг подсластил поздравлением комиссии по случаю удачно проделанной работы¹⁸.

Обратимся к документам, подготовленным членами миссии по результатам поездки в Россию. Отчет, представленный генералом Х.Скоттом 25 июля, был посвящен состоянию русской армии. Автор отмечал, что разложение пошло «снизу», от солдатской массы; после революции офицеры потеряли контроль над ней, против них выплеснулась накапливавшаяся десятилетиями ненависть, злоба. Социалисты – умышленно или бездумно – стимулировали развал (Приказ № 1 от 1 (14) марта 1917 г., солдатские комитеты); отметил Скотт и пагубное влияние «крайних экстремистов» – большевиков в войсках. Впрочем, по глубокому убеждению американского генерала, положение в армии точно отражало то состояние анархии, в которое погружалось все русское общество. И тем не менее, констатировал Скотт, 2 млн русских солдат продолжали сражаться, в прифронтовых районах (генерал проехал от Могилева до Тарнополя) порядка, как ему показалось, было больше. Временное правительство предпринимало отчаянные усилия изменить ситуацию, и солдаты возвращались на фронт – под влиянием где пропаганды, а где и принуждения. Все эти факты приводили Скотта к выводу, что Россия все же останется в рядах союзников¹⁹.

Тему состояния вооруженных сил России развивал в своем докладе Дж.Гленнон. Он так видел состояние дел: самоуправство матросских комитетов на кораблях, в городах-крепостях; поддержка «матросской вольницы» Петросоветом и неспособность Временного правительства контролировать ситуацию; слабая дисциплина экипажей боевых кораблей, недостаток боевой подготовки постоянно митинговавших матросов, накалившиеся до предела отношения между ними и офицерами. Это привело к массовым расправам и издевательствам над ними в Гельсингфорсе и Кронштадте, к уходу наиболее талантливых командиров с кораблей (в Севастополе до этого не дошло). Приведенные Гленнаном свидетельства наталкивали на очевидный вывод: российский флот пребывал в состоянии еще более тяжелом, чем сухопутная армия; в него вселился дух анархии и радикализма²⁰.

В самых пессимистических тонах был выдержан подготовленный С.Бертроном и С.Маккормиком меморандум, посвященный острейшему финансовому кризису в России. Вызванное нестабильностью внутривнутриполитической ситуации «бегство» капиталов за рубеж приобрело самые широкие масштабы. Этот процесс, вместе с огромной инфляцией, резким сокращением поступлений от внешнеторговых операций, вызвали резкое падение курса рубля на международных валютных рынках; правительство предпринимало отчаянные усилия, чтобы остановить его. Авторы меморандума отметили, что многие финансовые мероприятия русского правительства они считали ошибочными. Например, введение налога на доходы в размере до 90%, на сверхприбыли – до 60% в целях пополнения казны на деле могло привести к результату совершенно обратному.

Учитывая неудачные попытки покрыть расходы на войну за счет займа свободы (с огромным трудом удалось реализовать облигации на сумму 2,5 млн рублей, из 180-миллионного населения страны участие в подписке приняли не более 500 тыс. человек), Бертрон и Маккормик предсказывали, что для изыскания средств правительству придется прибегнуть к принудительным займам, запустить печатный станок, начав массовый выпуск бумажных купюр. Финансовый кризис, поразивший Россию, казался авторам доклада серьезным и запущенным. Его преодоление они связывали с длительным процессом «восстановления доверия граждан к правительству», увеличения экспорта товаров, широкого привлечения капиталов из-за рубежа для разработки природных ресурсов и принятия законов, защищавших интересы иностранных вкладчиков. Другие меры воспринимались авторами доклада как «искусственные», не способные оздоровить российские финансы²¹.

Как нам представляется, членами миссии был дан весьма критический и объективный анализ ситуации в России. Логичным следствием размышлений членов комиссии должен был стать ответ на вопрос: следует ли продолжать оказывать ей помощь? Х.Скотт полагал, что у американцев иной альтернативы просто не существует. Поддержка Временного прави-

тельства, остававшегося верным союзническим обязательствам, — ключ к сохранению России в войне. А это означает, что до 150 дивизий Германии и ее союзников будут скованы на Восточном фронте, и Россия не станет источником нужных для германской промышленности товаров. Положение на других фронтах, на итальянском, во Франции, в Месопотамии — в худшем для союзников случае — останется неизменным. Накопив силы, добившись более тесной координации усилий, антигерманская коалиция весной-летом 1918 г. сможет нанести врагу смертельный удар.

Наоборот, в случае прекращения союзнической помощи и выхода России из войны, события примут совершенно иной оборот. Спустя какое-то время российские товары потекут в Германию широкой рекой. переброска Германией и ее партнерами хотя бы части дивизий с русского фронта во Францию может лишить союзников надежды провести успешные наступательные операции в обозримом будущем (хотя сил сдержать немецкое наступление, видимо, и в этом случае хватит). А вот на других фронтах, в случае переброски дивизий с востока, ситуация изменится к худшему. Итальянцы едва ли выдержат удар усиленных подкреплений австро-немецких войск. Для спасения Италии придется перебрасывать войска из района Салоник, поставить под удар коммуникации союзников в Восточном Средиземноморье, выход к Суэцкому каналу. Скотт полагал, что, учитывая вступление в войну США, положение антигерманской коалиции, даже в случае выхода России из войны, выглядело более предпочтительным, чем у Четверного союза. Но победу, при самом благоприятном стечении обстоятельств, пришлось бы отложить до лета 1918 г. При менее благоприятном — ничего не оставалось бы делать, кроме как искать мира, возвратиться к *status quo ante bellum*, чреватому новой войной.

Скотт предлагал весьма гибкую схему помощи России: поддерживать ее настолько, чтобы не пострадали интересы главных партнеров — Англии и Франции. Генерал сохранял надежду, что, получив передышку до весны, Россия накопит си-

лы и сможет действовать более решительно²². Что касается конкретных мер, генерал хотел видеть активное участие США в реорганизации железнодорожного транспорта России: направить ей «все вагоны и двигатели, которые мы можем». Следовало продолжать (по возможности) поставки всего того, что заказала в США Россия. «Им нужны локомотивы, обувь, винтовки, боевое снаряжение. Если мы позволим им пасть до такого состояния, что они вынуждены будут заключить сепаратный мир, 150 немецких дивизий вместе со всеми транспортными средствами, аэропланами, орудиями большого калибра будут высвобождены с русского и румынского фронтов и отправлены сражаться как с нашими гражданами во Францию, так и с итальянцами в Италию. Сепаратный мир откроет зернохранилища юга России (для Германии. — С.Л.). Исчезнут все надежды голодом заставить Германию сдаться, и война затянется на неопределенное время», — прогнозировал Скотт²³. Исходя из тех же соображений, С.Бертрон и С.Маккормик предлагали выделить значительные средства на покрытие доставки необходимых России грузов на английских судах²⁴.

Рут оценил документы своих коллег очень высоко, отметив, в частности, что только представленные Скоттом документы «окупают» стоимость поездки всей миссии в Россию²⁵. Однако, официальный доклад миссии, как отмечалось, был окрашен в более мягкие тона. Познакомившийся с ним министр сельского хозяйства США Д.Ф.Хьюстон отмечал, что события в России в целом позволяли оптимистически смотреть в будущее²⁶. Логика официального документа была очевидна: убедить американское общественное мнение, что в России все обстоит более или менее благополучно; финансовые вложения в нее не пропадут, миссия съездила удачно. Отметим, что «вся правда» была известна только очень ограниченному кругу посвященных.

На популяризацию официальных выводов миссии, ставших достоянием широкой общественности, работали пышный прием после возвращения в США, выступления ее членов перед многочисленными аудиториями. Американские власти зада-

лись целью показать, сколь важное значение придавали они дружбе и взаимодействию с демократическим правительством России. Миссию приветствовали ведущие политики, включая Теодора Рузвельта²⁷. Широко освещавшийся в американской прессе обмен официальными посланиями между Петроградом и Вашингтоном по поводу пребывания миссии Рута в России также должен был настроить американскую публику на оптимистический лад, подстегнуть интерес к «русскому вопросу» в целом. Активизировать свою деятельность на «русском направлении» намеревались те организации, которые, обладая немалыми финансовыми ресурсами и опытом деятельности за рубежом, сочетали решение гуманитарных задач с работой по укреплению американских интересов в мире. Именно доклад Рута, признавал один из руководителей Американского Красного Креста У.Б.Томпсон, убедили лидеров этой организации в США, что в России для нее существует «огромное поле деятельности»²⁸.

О том, насколько удалось членам миссии повлиять на настроения граждан России, коллеги Рута говорили весьма осторожно. Оценку выступлениям Рута и его коллег военный журналист С.Уошберн давал в самых обтекаемых выражениях: они «имеют высокую потенциальную значимость». «Его (т.е. Рута. — С.Л.) речи были образцом такта и мудрости», — указывал военный, дипломатично предполагая, что результаты их, однако, могут сказаться нескоро²⁹. Американские газеты и журналы «Окленд Трибьюн», «Ньюакр ньюз», «Сан-Франциско кроникл» и другие выражали надежду, что сплочение здоровых сил вокруг признанного вождя, Керенского, позволит обуздать «анархистов и прогерманских агитаторов»³⁰.

Оценивая происходившее в американском обществе через призму приобретенного в России опыта, Э.Рут не преминул его использовать и обрушился на антивоенные и левые силы в США, якобы сеявшие смуту и неповиновение властям. В этом городе, говорил Рут в Нью-Йорке, существует несколько газет, редактора которых заслуживают придания суду и смертной казни за предательство национальных интересов. Рано или

поздно они свое получают³¹. Издатели социалистической «Нью-Йорк колл», безусловно, относились именно к этой группе людей. Газета писала, что целью направления миссии было уговорить русских людей продолжать войну во имя «империалистического грабежа и добычи»; что их попытки создать «новую систему социальных институтов» вызвало откровенное неприятие лидеров США. «Успехи» миссии «Нью-Йорк колл» оценивала крайне скептически. Впрочем, и многие влиятельные газеты и журналы и, среди них, вашингтонские «Геральд» и «Стар», чикагские «Трибюн» и «Геральд» восприняли доклад Рута весьма сдержанно. К такому подходу располагали, как отмечала «Филадельфия пресс», весьма «противоречивые сообщения» из России, далеко не всегда подтверждавшие в целом позитивные выводы миссии. Как писал родственник С.Маккормика журналист Фрэдрик Маккормик, сообщения об июльских событиях показали крайнюю неустойчивость Временного правительства, вызвав «тревожные чувства» за его судьбу. «События в Петрограде почти стерли впечатления, произведенные американской комиссией», — т.е. те, которые произвел выдержанный в благоприятных тонах для Временного правительства доклад Э.Рута³².

Официальный доклад миссии разочаровал многих видных либералов. Впрочем, некоторые — в частности, известный журналист «Филадельфии паблик леджер» У.Колкорд еще до поездки делегации предрекал Руту неудачу, поскольку сенатор не хотел понять Россию социалистическую и пацифистскую. Россия нуждалась в «симпатии», а не в поучении, — писал полковнику Хаузу журналист³³. По мнению прибывшего в Россию одного из лидеров Американского Красного Креста Р.Робинса, работа по убеждению русских людей в преимуществах американской демократии и доведению войны до победы была откровенно провалена³⁴.

Думается, однако, что с основной задачей — раскрыть перед Вильсоном и его ближайшим окружением подлинную картину происходившего в России — Рут и его коллеги справились. Президент проявил подлинный интерес, познакомившись не толь-

ко с официальным докладом миссии Рута, но и с документами, составленными его коллегами. В частности, со столь важным докладом Х.Скотта, направленным ему Н.Бейкером 9 августа. В тот же день Лансинг переслал ему два письма С.Уошборна, датированных 18 и 29 июня 1917 г. Три момента выделил американский военный для характеристики положения в России: очевидное «нежелание русских сражаться», хаос в стране, где «нет ни государства, ни власти», неопределенность и непредсказуемость ситуации³⁵.

Возвращая с благодарностью письма С.Уошборна Р.Лансингу, Вильсон подчеркнул, что в них затронуты сюжеты, которые он «очень внимательно обсуждал с членами миссии». Эта ремарка позволяет предположить, что во время состоявшейся 8 августа встречи откровенно обсуждался самый широкий спектр вопросов, имевших отношение к «русской теме»³⁶. «У нас была двухчасовая встреча с президентом», – писал Х.Скотт В.Шеппарду в Петроград. Имеются свидетельства, что во время встречи с президентом Рут говорил всю правду, далеко выходя за рамки официального отчета. По возвращению в Вашингтон сенатор рассказал о поездке Б.А.Бахметеву. Тот оценил американца как «величайшего государственного деятеля», с которым ему довелось встречаться и который глубоко прочувствовал и постиг суть ситуации в России.

Министры Временного правительства произвели на Рута самое выгодное впечатление – людей, искренне радевших о благе отечества и стремившихся изменить ситуацию к лучшему. Однако, кризис в стране зашел столь глубоко, что вывод страны из него мог оказаться для этих добропорядочных людей задачей невыполнимой. По Руту, судьбу России должно было определить разрешение конфликта интересов между Временным правительством и многомиллионной массой крестьянства, ожидавшей развития революции, более радикальных мер (видимо, речь шла о разделе земель). Станет ли несчастная страна ареной новой междоусобной борьбы, революционного взрыва, Рут предсказать не брался. В этой критической, взрывоопасной ситуации, считал Рут, США должны были поддер-

жать Временное правительство. И вместе с тем, по Руту, не было никаких гарантий, что даже при наличии такой поддержки оно выстоит. «Я намереваюсь сказать президенту и другим, — говорил Рут Бахметеву, — что мы играем в азартную игру. Я не в чем не могу быть уверен. Я говорю это Вам совершенно откровенно. Я не могу быть уверен, что это сработает...» Можно предположить, что и в беседе с президентом Рут был не менее откровенен³⁷.

В другом разговоре — с британским послом С.Спринг-Райсом — Рут был на первый взгляд менее пессимистичен и категоричен. Сенатор высказал заинтересованность в том, чтобы британская пресса в освещении ситуации в России смягчила негативный тон, несколько ослабила резко критическую направленность своих выступлений в адрес Временного правительства. Рут говорил о непредсказуемости ситуации в России. Британский посол мог вынести из разговора и то суждение, что Россия якобы пережила критический момент своей страшной «революционной болезни», хотя на пути выздоровления ее еще ожидают большие осложнения. Рут выражал надежду, что Временное правительству все же удастся вытащить страну из кризиса. В первую очередь потому, что либералам, кажется, удалось найти общий язык с умеренными социалистами, изолировав крайне левых. Русская армия все же сохранилась и будет оказывать сопротивление врагу.

Вместе с тем, рассказ Рута был весьма противоречив, он поведал английскому послу много такого, что должно было навести Спринг-Райса на самые неприятные размышления. Русские очень устали от войны, апатичны, не способны ненавидеть немцев. Эти чувства прежде всего порождены осознанием бессмысленности огромных жертв, понесенных Россией с августа 1914 г.; потерю 7 млн человек народ связывает с интересами «исчезнувшей монархии». Рут полагал, что нежелание россиян сражаться проистекало от непонимания целей войны. Это был «камень в огород» западных союзников, так и не предложивших русскому солдату удовлетворительного ответа на вопрос: за что воюем. Руту казалось, что миллионы людей в

России охватил дух пораженчества, люди просто сложили руки в ожидании надвигающейся беды, не имея сил ее предотвратить. Особенности национального характера этому потворствовали: «они слишком много говорят и не научились хорошо работать», – передавал в Лондон слова Э.Рута Спринг-Райс³⁸.

В целом, из привезенной миссией Рута информации с неизбежностью следовал вывод: в России царит хаос, течение событий непредсказуемое, с нарастанием очень опасных тенденций радикализма и перспективами выхода из войны; помощь России нужна, но это предприятие неверное. Заключение для практической политики – США следует поддержать Россию настолько, чтобы не пострадали интересы «более надежных» западных партнеров, Англии и Франции. В целом, миссия вполне подтвердила мысль Хауза, высказанную в письме патрону 23 июля 1917 г.: «Я не думаю, что мы можем уделять слишком много внимания ситуации в России. Если нас постигнет неудача, мы наживем много больших бед»³⁹. Впрочем, американцы, определив приоритеты и верные привычке не терять самообладания в самых критических ситуациях, сидеть сложа руки не собирались. После беседы с президентом миссия Рута была принята многими членами кабинета, включая министров финансов У.Мак-Аду и внутренних дел Ф.Лейна. Разговор шел о путях конкретной помощи России: выполнении на заводах США заказов и доставке локомотивов и вагонов; направлении через океан специалистов, широкой пропагандистской кампании. После встречи с членами миссии 10 августа Ф.Лейн доносил Вильсону: Д.Виллард поддерживает постоянный контакт с главой американской миссии железнодорожных экспертов в России Дж.Стивенсом, сообщает, что готов направить в Россию специалистов для сборки локомотивов, есть корабли и для переброски железнодорожного оборудования в Россию. Он добавлял: «Я полагаю, наши интересы настоятельно требуют немедленной организации большой пропагандистской кампании посредством кинофильмов, устных выступлений, работы Ассоциации христианской молодежи»⁴⁰.

- ¹ См.: Миссия Рута в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 87-100; Ганелин Р.Ш. Россия и США, 1914-1917 гг. М., 1969. С. 205-208, 249-267; Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. М., 2002. С. 81-101; Warth Robert. The Allies and the Russian Revolution. Durham (N.C.), 1954; и др.
- ² О жизненном пути Э.Рута, его поездке в Россию и выступлениях там см.: Jessup Ph. Elihu Root. Vol. 1-2. N.Y., 1938; Root E. The United States and the War: The Mission to Russia Political Addresses. N.Y., 1954.
- ³ См.: Who was who in America. Vol. XI: 1920-1921. Chicago, 1922. P. 542-543, 823, 1099, 1860, 1865, 1867, 2050; Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 204-208; Saul N. War and Revolution: The United States and Russia, 1914-1921. Univ. of Kansas Press, 2001. P. 106-111.
- ⁴ E.Drummond to G.Buchanan, Aug. 6, 1917 // Erik Drummond Papers. FO 800/383. Public Record Office. London. (Далее: PRO).
- ⁵ F.Bohn to M.London, May 1, 1917 // Meyer London Papers. Box 2. The Tamiment Library. New York University. (Далее: TL NYU).
- ⁶ Bakhmeteff B. Manuscripts. Oral history memoirs // B.Bakhmeteff Papers. Box 38. P.353. B.Bakhmeteff Archive Collections. Columbia University. (Далее: BA CU).
- ⁷ S.Harper to R.Williams, April 12, 1917 // Charles R.Crane Papers. Box 2. BA CU.
- ⁸ Mott J. Special Diplomatic Mission to Russia // J.Mott Papers. Box 153. F. 2550. Yale University. Divinity School Library Archive. (Далее: DSA). Ч.Рассел хотел встретиться и с представителями большевиков. Его появление в редакции «Правды», однако, встретило решительный отпор А.М.Коллонтай (Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 253).
- ⁹ Cormick C.Mc. Address before Theological Seminary, Nov. 3, 1917 // C.McCormick Papers. Box 117. State Historical Society of Wisconsin (Madison, Wisconsin). (Далее: SHSW); Mott J. Address before Northern Headquarters, YMCA, Boston City Club, Oct. 4, 1917 // Box 145. F. 2415. J.Mott Papers. DSA.
- ¹⁰ Документ был помечен 12/25 июня и передан А.Гендерсону для представления М.И.Терещенко. См.: Ch.E.Russell Papers. Box 6. Library of Congress Manuscript Division. Washington, D.C. (Далее: LC MD).
- ¹¹ S.Washburn to Ch.E.Russell, June 12, 1917 // Ch.Russell Papers. Box 6. LC MD.
- ¹² The New York Times Current History. 1917. Aug. P. 211-212. См. подробнее: Дроков С.Н. Военно-морская миссия контр-адмирала

- Гленнона в Севастополь // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 79-87.
- ¹³ *McCormick C.* Address before Theological Seminary, Nov. 3, 1917 // *C.McCormick Papers*. Box 117. SHSW; *Mott J.* The Opportunity of the Hour. Second National Convention of the YMCA, Nov. 3, 1917 // Box 140. F. 2294. *J.Mott Papers*. DSA.
- ¹⁴ *H.Scott* to *L.W.Shelling*, Sept. 8, 1917 // *H.Scott Papers*. Box 30. MD LC.
- ¹⁵ *T.Root* to *I.Winslow*, Aug. 28, 1917 // *E.Root Papers*. Box 192. MD LC.
- ¹⁶ The New York Times Current History. 1917. Aug. P. 211-212.
- ¹⁷ *G.Butler* to *E.Drummond*, July 7, 1917 // *Lloyd George Papers*. Series F. USA. F/60/2/24. House of Lords Record Office. London. Журналист Л.Стеффенс, находившийся в России в момент пребывания там миссии Рута, по просьбе его и посла Д.Фрэнсиса срочно отбыл в США для доклада В.Вильсону о положении дел в этой стране. Встреча состоялась 26 июня – на полтора месяца ранее возвращения миссии домой. См.: *Листиков С.В.* Журналист и внешняя политика В.Вильсона: Линкольн Стеффенс и «русский вопрос» // Американский ежегодник, 1999. М., 2000. С. 219-222.
- ¹⁸ *R.Lansing* to *E.Root*. June 26, 1917 // *Papers of W.Wilson*. Princeton, 1983. Vol. 43. P. 15. (Далее: PWW).
- ¹⁹ Report of General *H.L.Scott* on Russia, July 25, 1917 // *E.Root Papers*. Box 192. P. 39. MD LC.
- ²⁰ Report of Rear Admiral *J.Glennon*, July 30, 1917 // *E.Root Papers*. Box 192. MD LC.
- ²¹ *Bertron S., McCormick C.* Financial Memorandum // *E.Root Papers*. Box 192. MD LC.
- ²² Report of General *Scott* on Russia, July 25, 1917 // *E.Root Papers*. Box 192. P. 35-39. MD LC.
- ²³ *H.Scott* to *A.P.Coles*, Aug. 21, 1917 // *H.Scott Papers*. Box 29. MD LC.
- ²⁴ *Bertron S., McCormick C.* Financial Memorandum. P. 10.
- ²⁵ *H.Scott* to *W.Judson*, Aug. 14, 1917 // *H.Scott Papers*. Box 29. MD LC.
- ²⁶ *D.F.Houston* to *C.R.Crane*, Aug. 29, 1917 // *Ch.Crane Papers*. Box 2. BA CU.
- ²⁷ *H.Scott* to *J.Peabody*, Aug. 16, 1917 // *H.Scott Papers*. Box 29. MD LC.
- ²⁸ *W.B.Thompson* to wife, July 27, 1917 // *H.Hagedorn – W.B.Thompson Papers*. Box 19. MD LC.
- ²⁹ *S.Washburn* to *R.Lansing*, June 29, 1917 // *St. Washburn Papers*. Box 1. MD LC.

- ³⁰ The Literary Digest. 1917. August 25. P. 14-15.
- ³¹ Ibid.
- ³² F.McCormick to H.Scott, July 24, 1917 // H.Scott Papers. Box 71. MD LC.
- ³³ L.Colcord to E.House, June 4, 1917 // E.House Papers. Box 29. F. 905. New Haven, Conn. Yale University Sterling Library. (Далее: Yale-Sterling).
- ³⁴ R.Robins to wife, Aug. 8, 1917 // R.Robins Papers. Box 13. SHSW; S.Washburn to H. Johnson // S.Washburn Papers. Box 1. MD LC.
- ³⁵ R.Lansing to W.Wilson, Aug. 9, 1917 // PWW. Princeton, 1983. Vol. 43. P. 413, 416.
- ³⁶ W.Wilson to R.Lansing, Aug. 14, 1917 // Ibid. P. 460-461; H.Scott to W.G.Sheppard, Aug. 14, 1917 // H.Scott Papers. Box 29. MD LC.
- ³⁷ *Bakhmeteff B.* Manuscripts. Oral History Memoirs // B.Bakhmeteff Papers. Box 38. P. 353. BA CU.
- ³⁸ C.Spring Rice to E.Drummond, Aug. 9, 1917 // C.Spring Rice Personal Papers. FO 800/242. PRO. London.
- ³⁹ E.House to W.Wilson, July 23, 1917 // PWW. Princeton, 1983. Vol. 43. P. 249.
- ⁴⁰ F.Lane to W.Wilson // Ibid. P. 424.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ: СОВЕТСКАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЧУДЕ» США 1920-х ГГ.

Образ страны, существующий в массовом сознании, как правило, обобщенный и собирательный. Он вбирает в себя огромную гамму представлений о государственном и политическом устройстве страны, о ее экономике, внешней и внутренней политике, истории, литературе, искусстве, науке и религии. Содержание образа предопределяется объективными и субъективными предпосылками. Образ страны в сознании населения постепенно трансформируется под влиянием как изменений объекта, так и субъективного восприятия этих изменений.

Представления об образе страны являются органической частью духовной жизни общества, которая складывается из идей, концепций, мировоззрений и чувств, господствующих в данное время в данном обществе. Они оказываются как бы своеобразным сгустком общественной психологии своего времени. Восстанавливая эти представления, мы до известной степени проникаем в толщу духовной жизни общества, начинаем понимать его отношения к окружающему миру, а также господствующую систему ценностей данного общества¹. Коррективы в ортодоксальную враждебность правящего советского режима к капиталистическому миру вносили экономика и необходимость добиться международного признания СССР.

Интерес к Соединенным Штатам Америки, как одной из самых развитых стран мира, проявился буквально сразу после победы Октябрьской революции. Интерес был практический, так как в первые послереволюционные десятилетия советское общество переживало эпоху своеобразной технологической эйфории. Наука и техника осознавались как величайшие цен-

ности, как рычаги преобразования мира. Америка же, по словам В.И.Ленина, «заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники»². Весной 1918 г. вождь призывал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы. Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование = социализм»³. Традиционная ориентация на развитие торгово-экономических связей со странами Европы, активно выступившими против Советской России в период Гражданской войны, по мнению советского руководства, в меньшей степени отвечала интересам страны, тем более, что в качественном и количественном отношениях промышленность стран Европы явно уступала развившейся за период мировой войны промышленности США. О месте США в будущих внешнеторговых операциях страны Ленин говорил: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, со всеми странами, но особенно с Америкой»⁴. В первую очередь его интересовали американская техника и организация труда. Американскому концессионеру А.Хаммеру Ленин признавался: «Соединенные Штаты и Россия дополняют друг друга. Россия — отсталая страна, обладающая огромными неразработанными природными богатствами. США могли бы здесь найти сырье и рынок, сначала для машин, а позже и для промышленных товаров. Россия же, прежде всего, нуждается в американской технике и технологии, американских инженерах и специалистах»⁵. В области организации труда Ленин считал жизненно необходимым перенять рекомендации Ф.Тейлора: «Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее»⁶.

Не вызывает сомнения тот факт, что Америка и, прежде всего, ее экономика и организация производства вызывали повышенный интерес Советской России и Советского Союза. Это объяснялось тем, что СССР в 20-е гг. начал восстанавливать разрушенное хозяйство, осуществлять переход к НЭПу и поз-

же к политике индустриализации. В период поиска практических путей осуществления социально-экономических преобразований возрастал интерес к истории, экономике, политике других стран, но особенно к Америке.

Практический интерес не ограничивался заимствованием: Америка служила в какой-то мере моделью, на которой проектировались некоторые проблемы советской действительности. При обсуждении этих проблем опыт Америки фигурировал очень часто. Возникла мысль: а как эта проблема решена в Соединенных Штатах и какие получились результаты? Приемлемо такое решение для России или нет?

Не случайно, И.В.Сталин в беседе с американским ученым У.Кэмпбеллом в январе 1929 г. сказал: «Мы следим за САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты. — *Н.Ф.*), так как эта страна стоит высоко в научном и техническом отношении. Мы бы хотели, чтобы люди науки и техники в Америке были нашими учителями в области техники, а мы их учениками»⁷.

В СССР много и на различных уровнях говорилось об особой применимости американского опыта и продукции для советского народного хозяйства. Для развивающейся советской индустрии в американской экономике наибольший интерес представлял процесс организации производства. В этой области следовало по американскому примеру развивать транспортные сети, наиболее быстро внедрять в промышленность результаты экспериментов, а также изобретательство и рационализацию. В области электротехники, разработка проекта гидроэлектростанции на Днестре была поручена американской инженерной фирме. В деле металлургии американский опыт считали очень важным. Для ознакомления с ним советским инженерам предполагалось организовать стажировки в США. В начале 20-х гг. в Советскую Россию завозился в основном американский хлопок, что способствовало распространению американских технологий его обработки на хлопкоочистительном оборудовании. По мнению инженера В.М.Васильева, «американская техника была более компактна и не требовала большого количества обслуживающего персонала»⁸.

Таким образом, вслед за В.И.Лениным руководители партии и члены правительства указывали на наличие «неслыханных, чудовищных богатств Америки» и на необходимость немедленного использования американского опыта, техники и технологий в деле построения социализма в Советском Союзе. Остановившись на точке зрения представителей политической элиты на возможность контактов с Соединенными Штатами, следует отметить, что именно она в послереволюционный период вносила наибольший вклад в формирование у советских людей определенных представлений о внешнем мире и конкретно об Америке.

Довольно интересные рассуждения о США содержала работа Л.Д.Троцкого «Европа и Америка». В ней автор давал следующую характеристику Соединенным Штатам: «Главная фабрика мира, главный банк мира и главный торговый склад»⁹. По мнению Троцкого, самым убедительным доказательством богатства Америки была ее политика предоставления иностранных займов. Он указывал на то, что «страна с населением в 115 миллионов является в полном смысле судьей и распорядителем Европы. Европейскому буржуа не хочется верить, что он отходит на задворки, что хозяином капиталистического мира являются США»¹⁰.

Идентичная точка зрения на Соединенные Штаты была высказана в работе публициста М.В.Барановской «Царь-доллар». «США – самая богатая в мире страна, ее промышленность не имеет равной в мире. Они производят до половины всего мирового богатства. США – первая в мире страна не только по промышленности, богатству, но и технике»¹¹.

Советские наблюдатели в своих работах часто анализировали «американское чудо», объясняя возвышение этой страны рядом объективных причин. Называя Америку страной неограниченных возможностей, Л.Д.Троцкий видел причины экономического могущества США, во-первых, в их географических особенностях. Он считал, что «природа создала в Америке все условия для мощного хозяйственного расцвета»¹². Во-вторых, автор указывает на наличие в Америке специфическо-

го человеческого потенциала, благодаря которому она добилась таких высоких результатов во всех областях. «Европа выбрасывала за океан, волну за волной, такие элементы населения, которые лучше всего были пробуждены, подготовлены, закалены для развития производительных сил»¹³. Вероятно, Троцкий предполагал, что личность, принимающая решение эмигрировать, обладала поистине силой воли, решимостью, смелостью, готовностью идти на крутую ломку своей жизни, на риск, на встречу с новым и неизведанным, что ей были свойственны вера в свои силы и в возможность собственными силами изменить к лучшему свою судьбу.

В отношении американцев к труду, в готовности максимального использования человеческих сил и способностей, – вот в чем инженер Я.Дорфман видел одну из главных причин успехов Америки. «Односторонность, способность с головой окунуться в практическую жизнь и целыми днями высиживать в учреждении, не бросая через окно тоскующих взглядов на улицу, отсутствие интереса к постороннему, не деловому миру» – вот те качества американцев, которые, по мнению автора, обеспечили им перевес над другими народами¹⁴.

Определяя источники экономического взлета Соединенных Штатов, советские наблюдатели отмечали также факторы небывалого технического прогресса, изменения не только количественные, но и качественные, т.е. в методах производства.

Особую роль в экономической жизни США сыграл автомобиль. Автомобильная промышленность стала барометром состояния американской экономики. Развитие американской автомобильной промышленности связано с именем Генри Форда. В Советском Союзе интерес к личности Форда и системе «фордизма» был обусловлен, с точки зрения ученого-аналитика М.Рубинштейна, тем, что изучение и использование для строительства социализма современного технического опыта США в наиболее развитом и совершенном виде давало нам возможность перескочить через отдельные этапы технического развития. Этому способствовало, по мнению автора, то, что «многие элементы техники и организации производства Соеди-

ненных Штатов, приспособленные к нашим условиям, могли бы дать громадные результаты, особенно в решении задачи, поставленной Советским Союзом – в относительно минимальный исторический срок нагнать и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран»¹⁵.

Непосредственное знакомство с принципами фордизма и, главное, с готовым продуктом производства произошло после подписания в 1929 г. договора с компанией Форда о технической помощи строительству автомобильного завода в Нижнем Новгороде. Нижегородский завод стал выпускать сделанные по фордовской лицензии легковые автомобили. Форд приобрел еще большую популярность.

Отношение к Г.Форду на протяжении 20-х гг. было амбивалентным. При формировании образа Форда в основе были не реальные обстоятельства биографии, а исходящие из нашей шкалы ценностей представления, отбиралось наиболее важное и отбрасывалось несущественное. Так, в первой половине 20-х гг. Форд отождествлялся с вожаком технологии, образ Форда – это образ выдающегося организатора, наладившего массовое производство дешевых автомобилей. Инженер Н.Асов в 1925 г. писал: «Форд – это личность невероятно талантливая, граничащая с гениальностью. Ум и талант Форда обладают наибольшей силой в области техники, машиноведения. С несокрушимой настойчивостью, с неослабной энергией он работает над своей задачей, не смущаясь неудачами, не складывая оружия, пока не выходит победителем»¹⁶. Лишь мимоходом Н.Асов напоминает, что Форд предприниматель, капиталист: «Энергия и великий ум Форда направлены так, что он себя и своих личных интересов не забывает, но было бы несправедливо утверждать, что он думает только о себе и не радуется об общем благе. Струя общественности бьет в его душе необычайно высоко»¹⁷.

Такое отношение к Г.Форду можно объяснить тем, что организаторские способности, инициативность, деловая хватка – все эти качества высоко оценивались и занимали важное место в системе ценностей складывающейся пролетарской культуры. Хорошо известно, какое значение придавал В.И.Ленин обуче-

нию «американской деловитости». В этом отношении Форд объявлялся примером для «красных директоров».

Однако стремление представить в средствах массовой информации позитивные картины фордовского производства приводило к тому, что в массах стали распространяться весьма нелестные для существующего режима оценки и сравнения. Поэтому параллельно с работами, содержащими положительные отзывы о Форде и его системе производства, стала появляться литература иной окраски, более идеологизированная. Даже названия книг говорили сами за себя: «Суд для Фордом», «Легенда о Форде» и т.д. Авторы этих книг считали, что они должны дать «научную, т.е. марксистскую характеристику и оценку фордизму»¹⁸. Автор книги «Легенда о Форде» О.А.Ерманский считал, что фордовское воспитание наносит «огромный вред социализму и революции, потому что развивает в рабочих алчность наживы и чувства собственника, придает лоск буржуазным культурным желаниям, а это приводит к ненависти общественному и социализму»¹⁹.

В конце 20-х гг. на страницах журналов «Мировое хозяйство и мировая политика» и «Плановое хозяйство» появлялись научно-аналитические работы посвященные отдельным сторонам хозяйственного развития США. Авторы статей, ссылаясь на американские источники, отмечали огромную техническую мощь добывающей и тяжелой промышленности: угольной, нефтяной, металлургической, транспортной. В работах Рубинштейна подчеркивалась высокая степень рационализации этих производств. Основными моментами рационализации, по мнению автора, являлись: широчайшее использование науки, «замена эмпирики ремесленного типа научным анализом»; массовое производство, которое делает возможным применение ряда специальных машин и производственных методов; специализация предприятий и широчайшее использование «отбросов» производства, максимальное сокращение непроизводительных «растрат»²⁰.

Журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» обращал внимание на серийность и стандартизацию производства: «аме-

риконец рождается в стандарте и умирает в стандарте...»²¹ В статье «О перспективах автомобильной промышленности в США» И.Фельдман указывал, что в Соединенных Штатах «значительно большее, чем в Европе, стандартизирование орудий производства и нормализация привычек и вкусов потребителей при массовом производстве»²².

Но у определенной части советских наблюдателей проявлялось и критическое видение развития американской промышленности. Интерес представляют работы видного деятеля большевизма, экономиста, академика, писателя – В.В.Оболенского (Н.Осинского). В конце 1917 г. Оболенский получил поручение Совнаркома разработать проект декрета о создании высшего экономического органа, получившего название ВСНХ (Высший совет народного хозяйства), став первым его председателем. В 20-е гг. он возглавлял Институт мировой экономики, был управляющим ЦСУ СССР (Центральное Статистическое управление). Много путешествуя, хорошо зная иностранные языки, В.В.Оболенский оставил ряд работ, посвященных США, как научного, так и публицистического характера.

Побывав в Америке в 1927 г., он расценил как предрассудок мнение, что Соединенные Штаты – страна исключительной техники и пришел к выводу, что оценка американской промышленности в советской прессе преувеличена. Первое, с его точки зрения, что было характерно для американского товара, – его низкое качество, особенно в текстильной промышленности: «В Америке трудно купить хорошие платье, белье, чулки...»²³ Низким качеством отличались американские лезвия, мыло и спички, плохим вкусом – американский сахар и хлеб. Несовершенно было железнодорожное движение, трамваи в Америке плохи: «дергает таким образом, как в России только в 1919 году. Во всем мире этого не существует, это специально имеется только в Америке»²⁴. Вывод автор делает сам за себя: «Америка представляет собой очень крупную по масштабу страну, но в техническом и экономическом построении ее гнездится масса дефектов. После того как она разбогатела, к ней начали относиться идолопоклоннически, и об Америке

появилось такое представление, что это будто бы самая совершенная во всех отношениях и над всеми доминирующая страна. В действительности – в ней по всему обширному фронту зияют самые значительные прорехи»²⁵. Комментируя выводы Н.Осинского, хочется привести слова Д.Бедного, сказанные им еще в 1922 г.:

Чтоб учась у буржуев упорно
И с наивозможной поспешностью,
Мы не обольщались их внешностью,
Чтобы при взгляде на буржуазное сало
У рабочих под ложечкой не сосало,
И чтобы они мотали на ус, как важно выдержать искус...²⁶

В целом успехи, приведшие к превращению Америки в самую могущественную в экономическом отношении страну мира, вызывали у большинства советских людей только удивление и любопытство, в котором нельзя было заметить ни зависти, ни восхищения. Связано это было с убеждением большинства в том, что американское процветание непрочно и недолговечно. К концу 20-х гг. окончательно завершилось расслоение целостного образа США на чуждую социально-политическую систему с опасными буржуазными ценностями, с одной стороны, и заслуживающую копирования и присвоения технологию – с другой.

Считалось, что упадок капиталистической системы достиг такой качественно новой стадии, когда экономические, социальные и политические противоречия, внешнеполитические конфликты поставили эту систему в постоянное кризисное состояние, не устранимое периодами относительного подъема. «Американское хозяйство все более и более начинает походить на хронически больного нервного инвалида, измеряющего каждый час свою температуру и пульс, и каждую неделю вес, бегущего от одного статистического психоанализа или экономического знахаря к другому, каждый день ожидающего нового чуда или катастрофы», – сообщал в 1930 г. в своей работе «Конец американского процветания» экономист Е.Варга²⁷.

К концу 20-х гг. советские обозреватели и аналитики смотрели на период «просперити» как на красивую сказку с печальным концом, потому что в большинстве своем считали, что «неприступные твердыни американского капитализма не удержатся на своем гнилом фундаменте, рухнут, подобно подхваченному ветром карточному домику»²⁸.

В целом представление об экономическом развитии США носили позитивный характер, но и они не были лишены идеологической окраски. Отдавая должное высоким достижениям американской экономики и техники, советские граждане смотрели на незнакомую страну сквозь кривое зеркало советской пропаганды, они «черпали» из США все то, что могло пригодиться в деле строительства социализма, остальное же оценивалось ими со знаком «минус».

¹ См.: Англия и англичане глазами русских, 1825-1853. М., 1982.

² Ленин В.И. Письмо к американским рабочим // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 49.

³ Он же. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала // Там же. Т. 41. С. 550.

⁴ Он же. Арманду Хаммеру // Там же. Т. 54. С. 10.

⁵ Хаммер А. Мой век XX. Пути и встречи. М., 1988. С. 93.

⁶ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Избранные сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 179.

⁷ Сталин И.В. Запись беседы с г-ном Кэмпбеллом // Сочинения: в 13 т. Т. 13. М., 1951. С. 149.

⁸ Васильев В.М. Сто дней у Форда. М., 1930. С. 60.

⁹ Троцкий Л.Д. Европа и Америка // Мировое хозяйство и мировая политика. 1926. № 1. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Барановская М.В. Царь-доллар: (Политико-экономический очерк Америки). М.; Л., 1927. С. 6-7.

¹² Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 8.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Дорфман Я.Г. В стране рекордных чисел: Очерк Америки. М.; Л., 1927. С. 42.

¹⁵ Рубинштейн М.И. Непрерывная работа. Конвейер в капиталистических государствах // Мировое хозяйство и мировая политика. 1926. № 10-11. С. 15.

- ¹⁶ *Асов Н. Г.* Форд — американский король автомобилей и тракторов. Его жизнь, дела и помыслы. М.; Л., 1925. С. 41.
- ¹⁷ Там же. С. 42.
- ¹⁸ *Барановская М.В.* Американские тред-юнионы. М., 1930. С. 3.
- ¹⁹ *Ерманский О.А.* Легенда о Форде. М., 1926. С. 6.
- ²⁰ *Рубинштейн М.* Противоречия американского капитализма. М., 1929. С. 54.
- ²¹ *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 9.
- ²² *Фельдман И.О.* О перспективах автомобильной промышленности в США // Плановое хозяйство. 1926. № 5. С. 162.
- ²³ *Осинский Н.* По ту сторону океана. М., 1926. С. 10.
- ²⁴ *Лидинский П.* «Нью-Дил» // Мировое хозяйство и мировая политика. 1934. № 12. С. 12.
- ²⁵ *Осинский Н.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁶ Правда. 1922. № 17.
- ²⁷ *Варга Е.* Конец американского процветания. М.; Л., 1930. С. 44.
- ²⁸ *Ляс М.А.* Триумф лицемерия. М., 1929. С. 11.

АМЕРИКА В СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЕ 1920-1930-х ГОДОВ

В советской картине мира 1920-1930-х годов Соединенные Штаты Америки, а точнее, Северо-Американские Соединенные Штаты, САСШ, как принято было называть их в те годы, занимали особое место (в данном случае речь идет и о пропаганде, и о массовых стереотипах)¹. С одной стороны, на США распространялись все негативные характеристики капиталистической страны. С другой – и на официальном уровне, и в массовом сознании, несомненно, присутствовали самые позитивные оценки американской деловитости, эффективности, технической изобретательности².

Положительные оценки США, звучавшие в СССР, охотно подмечали и тиражировали американские дипломаты и журналисты, а следом за ними и американские исследователи, порой явно преувеличивая степень «любви» простых советских людей к заокеанскому «дядюшке»³.

Вместе с тем, как отмечает Ф.Баргхорн, «обвинения, которые советская литература предъявляла Америке, были, к сожалению, по крайней мере частично оправданы. Однако советская критика американской жизни была столь резкой и необъективной, что в большинстве случаев представляла собой карикатуру»⁴. К сожалению, как раз образ Америки в советской политической карикатуре пока не привлекал специального внимания исследователей.

Для нас карикатурный образ Америки – это, в первую очередь, сухощавый пожилой джентльмен с козлиной бородкой, в неизменном цилиндре, фраке и полосатых брюках, дядя Сэм, или, как произносили в Советской России в 1920-1930-е годы, дядя Сам (прототипом этого персонажа был некий Сэмюэль Уилсон, государственный инспектор поставок в американскую армию во время англо-американской войны 1812-1814 гг.).

Карикатура обладает несомненной ценностью как исторический источник, хотя лишь в самые последние годы в российской историографии появились работы, где она предстает именно в этом качестве⁵.

Изучение советской политической сатиры (карикатуры в том числе), представлявшей собой «своеобразное сочетание политики, идеологии и собственно популярной литературы»⁶, особенно на протяжении относительно долгого периода, скажем, двух десятилетий, позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ.

Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной — помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником ее могла служить лишь кинохроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах. И поэтому любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе, составляли часть привычной повседневности, и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. И поэтому образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей

соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. «В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно. Ведь никто не удивляется, когда Ефимов или кто-нибудь другой из карикатуристов ставит Макдональда в самые неожиданные положения, в которых тот в действительности никогда не был. Мы очень хорошо знаем, что *это* большая правда, чем лучшая фотография Макдональда, потому что этим искусственным положением, неправдоподобным положением карикатуры *выясняет внутреннюю правду* (курсив мой. — А.Г.) ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием», — говорил А.В.Луначарский⁷.

В образном ряду, формирующем представления о внешнем мире, политическая карикатура занимает особое место. С одной стороны, она отличается, как правило, особой емкостью образа, явной эмоциональностью (с ироническим или саркастическим оттенком), и, в ее советском варианте, абсолютной идеологизированностью. «В листовках ли, плакатах, лубочных картинках на печатном поле газетных полос, карикатура всегда четко и ясно разрешала тот или иной политический момент даже перед теми, кто менее всего посвящен в события политического дня. Масса знакомится с политическим моментом еще до прочтения передовицы, до отдельных статей на определенную тему», — подчеркивалось в одной из брошюр того времени⁸. С другой стороны, карикатура — часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской «развлечения», но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась и накладывала несомненный отпечаток на формирование образа иной страны или культуры в целом. «В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя», — отмечает современный исследователь⁹. Оставляя в стороне многие нюансы, карикатура формирует упрощенную картину реальности, в свою очередь, опира-

ясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Образ страны или группы стран в карикатуре подменяется маской, упрощенной до примитивизма и за редким исключением откровенно черно-белой в своих оценках. Но и эти маски (которые могут меняться, иногда почти мгновенно, исчезать и возникать вновь) тем не менее остаются важной составной частью образа, в значительной мере определяя его эмоциональную окраску.

Как отмечал видный критик В.П.Полонский, «карикатура принадлежит к самому меткому виду оружия. Карикатура казнит смехом. А от смеха не спасает ничто – ни миллионная армия, ни наемные перья, ни каменные стены. Оттого-то искусство карикатуры – могучее искусство. Оно дается немногим. Карикатура – как и плакат – орудие борьбы. Когда карандашом художника перестает водить боевая задача – пафос карикатуры гаснет. Она потухает, как электролампа, в которой перегорела нить»¹⁰.

Еще более определенно о советской политической карикатуре высказался видный коминтерновец Ф.Кон во введении к одному из альбомов, изданному в 1931 г.: «Часовой, вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»¹¹. Необходимо отметить, что термин «политическая карикатура» в СССР межвоенного периода применялся исключительно к карикатуре на международные темы. Карикатуры, посвященные внутренней жизни СССР, независимо от темы и сюжета, таковыми не считались. Порой подобная практика вызвала обоснованные возражения, однако продолжала оставаться общепринятой. В данном очерке мы будем пользоваться именно этой терминологией.

По мнению Б.Ефимова, уже к началу 1920-х годов карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе, где, по его словам, карикатуры носили по преимуществу развлекательно-бытовой характер и появлялись главным образом в воскресных, спортивных или

юмористических выпусках. «Не удивительно, что буржуазная пресса была определенно озадачена активностью советской сатиры, когда “Правда” — газета мирового значения, а вслед за ней “Известия” и другие советские газеты придали карикатуре значение важного и ответственного политического материала, используя ее как острое и сильное агитационное оружие» — писал в своих воспоминаниях Б.Ефимов¹². Тут же он приводит ряд примеров перепечатки советских (в частности, своих собственных) карикатур западными изданиями. По мнению художника, это говорило о «небывалом внутреннем и международном резонансе», который получала советская карикатура.

Вышедшая в 1930 г. брошюра так определяла задачи советской политической карикатуры: «Существует ходкое суждение о том, что карикатура является всемирной историей в эпиграммах. Это несомненно. Но советская политическая карикатура может к этому присоединить и то, что является отличительным для характеристики рабочей карикатуры, это — обличительный жар, который вскрывает и разит капиталистический мир... Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблачением, где едким смехом уничтожается притязание врага и *открывается путь к постижению истинного смысла политического события* (курсив мой. — А.Г.)»¹³.

Не случайно вводные статьи (иногда весьма развернутые) к альбомам карикатур, выходившим в 1920-1930-е годы, в ряде случаев писали видные политические деятели, такие как А.В.Луначарский или Феликс Кон. Автором предисловий к двум изданиям карикатур Б.Ефимова, опубликованным в 1932 и 1938 гг., был Е.А.Гнедин¹⁴. «Если бы можно было развернуть рисунки Ефимова в виде фильма, то перед нами открылось бы чудовищное зрелище кризиса капиталистической системы, лицемерной комедии буржуазной дипломатии, зловещей трагедии подготовки империалистической войны», — писал Гнедин в 1932 г.¹⁵ В предисловии к альбому 1938 г. он особо подчеркивал роль включенных в него рисунков как «*политического* (курсив документа. — А.Г.) разоблачения фашистских агрессор-

ров и их пособников» и определял альбом как «своеобразный политический памфлет»¹⁶.

Особенно важна была пропагандистская функция карикатуры в кризисных ситуациях. В 1934 г. в журнале «Крокодил» была опубликована подборка карикатур времен первой мировой войны (английских, немецких, русских). В редакционном комментарии подчеркивалось: в случае новой войны этой «буржуазной отраве» будет «противопоставлено разящее оружие большевистской сатиры»¹⁷.

Политическая карикатура публиковалась в газетах, журналах, в том числе специальных (сатирических или юмористических). Расцвет ее приходится на 20-е годы, когда работали наиболее интересные советские карикатуристы, сложившиеся как мастера еще до революции (в основном вокруг журнала «Новый Сатирикон» – Дени, Моор, Черемных и др.), выходило множество сатирических журналов как в столице, так и в провинции, вплоть до уездных городов. Большинство из них, однако, существовали лишь несколько месяцев. Более или менее стабильными оказались (среди столичных) московские журналы «Смехач» (1924-1928) и сменивший его «Чудак» (1928-1930), петроградские «Бегемот» (1924-1928), «Пушка» (1926-1929) и «Ревизор» (1929-1930). Однако с 1930 г. количество журналов резко сокращается, вновь возникающие существуют лишь несколько месяцев. В Ленинграде с 1930 г. сатирических журналов практически не издавалось; было два или три журнала в республиках, на языках титульных наций. Особняком стоят специализированные журналы «Лапоть» (1924-1933), предназначенный для крестьян, и «Безбожник» (1923-1941)¹⁸. Политические карикатуры регулярно печатались также в «Правде», «Известиях», «Труде» (в последнем случае, однако, в основном с 1939 г.), регулярно выходили в виде альбомов видных карикатуристов. Но, конечно, наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был «Крокодил», который издавался в Москве с 1922 по 2000 год с периодичностью в среднем 3 раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания – 150 тыс. экз. в 1923 г.,

500 тыс. в 1933 г., 275 тыс. в 1939 г.¹⁹ Материалы «Крокодила» и положены в основу данного очерка.

Сатирическая печать неоднократно становилась объектом пристального внимания высшего партийного руководства. Так, в мае 1927 г. было принято постановление отдела печати ЦК ВКП(б) «О сатирико-юмористических журналах», опубликованное в журнале «Красная печать». В постановлении констатировалось: «Наличие у семи основных сатирико-юмористических журналов²⁰ полумиллионного тиража свидетельствует о наличии широкого интереса к литературе этого рода и выдвигает необходимость большего, чем до сих пор, использования ее партией в целях культурного воспитания широких слоев рабочих и крестьян и как оружие критики и борьбы с недостатками и болезненными явлениями во всех областях нашего строительства». Однако, по мнению авторов постановления, задачи, стоявшие перед сатирическими журналами, решались ими неудовлетворительно. Завершалось постановление призывом к существующим журналам стать «органами бичующей политической сатиры», нацеленной «против классовых врагов внутри и за пределами СССР и против враждебной пролетариату (в частности, социал-демократической) идеологии»²¹.

В августе 1928 г. последовало постановление секретариата ЦК ВКП(б) «О сатирических журналах», в котором газетному сектору Агитпропотдела ЦК и его заведующему С.Б.Ингулову поручалось не реже чем раз в два месяца проводить специальные совещания редакторов сатирических журналов с целью их инструктирования. Одновременно было решено некоторые журналы закрыть, а другим предлагалось перестроить свою работу²². Речь в первую очередь шла, как подчеркивалось в записке С.Б.Ингулова (которая и явилась поводом для обсуждения вопроса на секретариате), о том, что журналы начали, «конкурируя друг с другом, все больше и больше приспосабливаться к своей служилой и интеллигентской аудитории, сбиваться на обывательщину и мещанское зубоскальство и отходить от основных задач советской бичующей сатиры, назначением которой является борьба против проникновения в нашу

жизнь, быт и строительство явлений классового перерождения, бюрократизма, идеологической пошлости и стихии нэпа». Характерно, что один из журналов, «Лапоть», рассчитанный прежде всего на крестьянскую аудиторию, критиковался в записке за то, что «вместо активного проведения классовой политики в деревне поверхностно и беззубо острит на международные темы»²³.

И впоследствии (в частности, в 1940-1950-е годы) принимались специальные постановления ЦК на эту тему, в том числе посвященные работе журнала «Крокодил»²⁴.

Темы карикатур для газеты «Правда» (реже «Известий») иногда задавались «сверху», что же касается журналов, если верить воспоминаниям Б.Ефимова, темы рисунков определялись редакционной коллегией. Их обычно предлагали сатирики-«темисты», темы обсуждались редакцией и только после этого за нее брался кто-то из карикатуристов. Готовая карикатура обсуждалась вновь и, после необходимой доработки, шла в печать. Этот процесс занимал в среднем две недели²⁵. Конечно, иногда публиковались карикатуры, полученные в готовом виде от карикатуристов, не работающих в данном журнале, или даже от читателей (в «Крокодиле», например, время от времени появлялись подборки читательских карикатур), порой перепечатывались рисунки из иностранных журналов.

Для советской политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня – эпитафия (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; подписи под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющие надписи на тех или иных элементах рисунка. Не случайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что «любят читать карикатуры»²⁶.

Изучение политической карикатуры позволит лучше понять и проанализировать все зигзаги советской пропаганды в 20-30-е годы, вплоть до начала второй мировой войны, представить их в виде сменявших друг друга образов, которые про-

паганда пыталась закрепить в массовом сознании. Характерной особенностью политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких «масок» – империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда – с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши); социал-демократ; полицейский. Вот как, например, характеризует советский искусствовед типичный образ капиталиста в рисунках одного из видных карикатуристов того времени: «Тип капиталистов в плакатах и журнальных рисунках Черемныха двадцатых и начала тридцатых годов, хотя и имел несколько особый оттенок, в целом мало отличался от изображения капиталиста в работах Моора, Дени и других художников. Это – жирное, хищное лицо с оскаленными клыками, толстая фигура, одетая в черный фрак и белую манишку, это – лоснящийся черный цилиндр на голове, золотые кольца на руках с отточенными, как когти зверей, ногтями. Именно таким долгое время изображали художники капиталиста, как образ хищничества, беспощадности, наглости и чревоугодия»²⁷.

В подобной роли выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали – подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко. Разумеется, были и персонажи-символы – Марианна, Джон Буль, британский лев... И дядя Сам в этом ряду занимал почетное место.

Говоря о советской политической карикатуре, как и вообще сатире на международную тему, нельзя не отметить еще один важный нюанс. Сатириков нередко критиковали за «копание в мелочах», требовали поднимать принципиальные вопросы общественной жизни, однако здесь любого автора частушек, фельетонов, карикатур подстерегали различные, иногда весьма значительные неприятные последствия. «Выход был найден.

Сатира и юмор взялись за иностранный капитал. Здесь и критика, здесь и мировой масштаб. Да и вся страна жила мировыми проблемами. Слова: Лига наций, Чемберлен, Чичерин, ультиматум и другие – не сходили со страниц газет...» – подчеркивает в своем исследовании советской повседневной жизни 1920-1930-х годов Г.В.Андреевский²⁸. Но и здесь легко было вызвать неудовольствие соответствующих инстанций, о чем говорит карикатура И.А.Малютина с красноречивым названием «Зачемберленились», опубликованная в «Крокодиле» в январе 1926 г. Речь шла о том, что многие сатирики и карикатуристы занимались только внешнеполитическими сюжетами и не беспокоили «внутреннего врага»²⁹. В результате, уже в конце того же, 1926 года, на карикатуре Ю.Ганфа «Лекарь Крокодил» предлагал тому же Чемберлену: заходите в следующий номер, сейчас я занят внутренними болезнями...³⁰

Внимание советской сатиры к международной тематике то заметно увеличивалось, то снижалось. Это было связано с множеством причин, в первую очередь, конечно, с ситуацией внутри страны и с той оценкой международной обстановки, которая давалась политическим руководством.

Так, если посмотреть материалы «Крокодила» с 1922 по 1939 год, окажется, что наибольшее количество карикатур на международную тематику (180 карикатур в 48 номерах) было опубликовано в 1923 г., когда в СССР всерьез ожидали начало мировой революции. На втором месте – 1936 (обострение международной ситуации, война в Испании) и 1939 (международный кризис, начало второй мировой войны, советско-финская кампания) годы, когда в годовом комплекте из 36 журналов появилось соответственно 145 и 148 карикатур. На третьем месте – 1932 год, канун прихода Гитлера к власти в Германии (131 карикатура в 36 номерах). А меньше всего внимания внешнему миру «Крокодил» уделял в 1927-1928 годах, годах завершения нэпа и начала индустриализации (соответственно 26 и 12 карикатур в 48 номерах журнала за год). Даже знаменитая «военная тревога» 1927 г. не изменила ситуации.

Всего за эти годы вышло около 700 номеров журнала, в которых было опубликовано почти 1600 карикатур на международную тематику. Какие же страны в большей степени привлекали внимание советских карикатуристов? Первое место, безусловно, принадлежало Германии – более 550 карикатур (свыше 30%) так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты. Великобритания занимает почетное второе место (свыше 300 карикатур или чуть меньше 20%). На третьем месте Франция (более 250 карикатур, примерно 15%), на четвертом – Польша, на пятом и шестом соответственно Япония и США, а затем вновь европейские страны – Италия и, с большим отрывом, Финляндия.

* * *

Первый номер «Крокодила» вышел в конце августа 1922 г., и уже во втором номере журнала появилась карикатура И.А.Малютина «Самогонный аппарат», на которой США, Англия и Франция сосали кровь из худой, оборванной Германии³¹. Всего Соединенным Штатам в той или иной мере было посвящено примерно 160 карикатур, или 10% от их общего числа. Разумеется, многие карикатуры разоблачали общие пороки капитализма (что, конечно же, касалось и США), но если в них не было прямого указания (или хотя бы намек) на американские реалии, они здесь не учитывались.

В советской пропаганде США рассматривались как крупнейшая капиталистическая страна, важный фактор на мировой арене, и одновременно как важнейший соперник СССР в социальной области. «Советские журналисты в 1920-е годы указывали на американскую промышленность и технологию, когда писали о перспективах социалистического общества; они подчеркивали американские бедность и расизм, когда обличали капитализм; и они обращались к Америке, когда думали о возможных капиталистических партнерах для экономического развития своей страны», – пишет американский исследователь Дж.Брукс³².

При этом примерно две трети карикатур, относящихся к США, касались ее внешней политики, отношений с другими странами, роли в мире, и только треть затрагивала реалии собственно американской жизни.

Если говорить о внешней политике США, можно выделить несколько крупных тем, которые прежде всего интересовали советских карикатуристов.

В двадцатые годы на первый план выступила проблема «Америка и послевоенная Европа», причем содержание большинства карикатур, связанных с европейско-американскими отношениями, определяет название одной из них – «Европа, придавленная долларом»³³.

Одним из первых откликнулся на эту тему художник М.М.Черемных, чей рисунок «Жирная Америка и тощая Европа» сопровождался следующим рифмованным комментарием:

Царит Америка на рынке,
Копит и доллары, и жир.
Американские ботинки
Подошвой закрывают мир.
Европа смотрит взглядом тусклым –
Товара нет и порван зонт.
И под дождем штыков французских
Европы мрачен горизонт³⁴.

Экономическая зависимость стран Европы от Америки, ставшей в годы первой мировой войны общеевропейским кредитором, постоянно вызывала саркастические комментарии советских сатириков.

Впрочем и европейские страны порой изображались самым нелицеприятным образом. Например, дежурившая «на международной улице»³⁵ кокетка-Франция обращалась к богатому дяде Саму: «Мужчина, дайте займы, получу с Германии, отдам»³⁶.

Один из художников задался вопросом – «Как кто сидит». Америка удобно устроилась на нескольких стульях, придавив при этом несколько европейских стран, в том числе Францию, а Германия и Польша (изможденная женщина и усатый коро-

тышка в конфедератке) с трудом уместились на одном стуле в Совете Лиги наций³⁷.

На рисунке Ю.Ганфа, появившемся на обложке «Крокодила» в 1933 г., в игорном доме «Европа» за столом расположились игроки – Америка, самодовольная, вальсяжая, с кучей выигранных монет перед ней; Франция, опять-таки – девица нестрогого поведения, с кучкой монет поменьше; Германия, одетая в рванье, с трубкой во рту и без единой копейки; наконец, Англия с жалкой кучкой оставшихся монет, вся в поту. Америка, свысока поглядывая на Англию, напоминает: «А у вас, Англия, есть еще зарплаты, пособия, деньги на образование»³⁸.

Конечно, не был обойден вниманием советских сатириков и пресловутый план Дауэса³⁹. Он расценивался как «новый метод переливания крови» – пользуясь этим методом, капиталисты сосали кровь из рабочих (вариант – Англия и Франция сосали кровь у побежденной Германии, тем временем Америка, в свою очередь, сосала кровь у них). А за океаном гангстеры планировали ограбление квартир по образцу «плана Дауэса»⁴⁰.

Огромный дядя Сам (созвучие имени и местоимения неоднократно обыгрывалось советскими карикатуристами – например, «Сам приехал»), «ответственный съемщик» жилищного кооператива «Мировое капиталистическое хозяйство», свысока поглядывал на маленьких европейцев, то требовал с них долги, то давал в долг... В конце концов, на новогодней карикатуре 1933 г. дядя Сам за долги просто повесил печать на Европу и европейцев⁴¹.

Следующий круг проблем, к которому постоянно возвращались советские карикатуристы, в том числе и применительно к США, включал в себя возобновление гонки вооружений и нарастание угрозы новой войны⁴².

Период 1920-1930-х годов часто именуется межвоенным периодом, и для этого есть все основания. Довольно долго мир, прежде всего, конечно, Европа, приходил в себя после первой мировой войны. Но не успели еще излечиться все раны, как на горизонте замаячила вторая мировая... Некоторые западные

историки даже предлагают рассматривать первую и вторую мировые войны как одну войну в двух действиях – слишком очевидны были минусы Версальской системы, слишком много нерешенных вопросов оставила Великая война 1914-1918 гг.

Воспоминания о предыдущей войне и страх перед будущей способствовали попыткам западной дипломатии 1920-х годов изменить традиционные правила игры. Видные политики один за другим получали за свою деятельность Нобелевские премии мира – их лауреатами стали министры иностранных дел Великобритании О.Чемберлен (1925), Франции А.Бриан (1926), Германии Г.Штресеман (1926), вице-президент США Ч.Дауэс (1925) и государственный секретарь Ф.Келлог (1929). Позднее, в 1937 г., уже за деятельность на посту председателя Всеобщей конференции по разоружению, Нобелевским лауреатом стал А.Гендерсон, министр иностранных дел Великобритании в 1929-1931 гг. Была создана Лига наций, подписан пакт Бриана–Келлога, созывались конференции по разоружению, – и все это давало множество тем для советских карикатуристов. Впрочем, как бы ни изощрялись они, разоблачая военные приготовления Запада и лицемерие сторонников разоружения, как бы ни был оправдан их скептицизм, следует все же признать, что державы-победительницы (США в том числе) войны действительно не хотели.

Но, вместе с тем, как показала история международных отношений межвоенного периода, еще менее того они хотели разоружаться; по крайней мере, все усилия, затраченные на проведение конференций и переговоров по разоружению, принесли даже меньше результатов, чем Гаагские мирные конференции рубежа веков⁴³.

Пацифизм на Западе был в те годы достаточно популярен; однако советская дипломатия относилась к представителям этого общественного движения весьма скептически. В частности, все попытки западных пацифистских организаций завязать отношения с советской общественностью не встретили никакого отклика. Причиной послужило то, что в таких организациях видную роль играла церковь; кроме того, хотя антивоен-

ные настроения на Западе преобладали, пацифистские организации как таковые особо влиятельными не были⁴⁴. Да и само понятие «пацифизм» (точнее, «буржуазный пацифизм») не очень-то соответствовало общепринятым советским ценностям, в число которых, несомненно, входила и ненависть к классовому врагу, в том числе и зарубежному⁴⁵.

Любые, достаточно, впрочем, робкие и безрезультатные, попытки западной дипломатии ограничить гонку вооружений, заранее вызывали скептическое отношение советских сатириков. Идеи демократического пацифизма, достаточно актуально звучащие и сегодня призывы воспитывать отвращение к войне и насилию, начиная со школы, и т.п. — все это являлось лишь благодатным материалом для карикатуристов⁴⁶. Так, на рисунке Ю.Ганфа «Это называется демократический пацифизм» полтора десятка западных стран, в том числе США, шли друг за другом по кругу, угрожая оружием впереди идущему и чувствуя угрозу со стороны последующего...⁴⁷ В Америке же, в частности, по свидетельству одного из советских художников, похороны пацифизма состоялись осенью 1924 г.⁴⁸

То Чемберлен, то Пуанкаре, то дядя Сам спускали с поводка бронированное чудище — войну — огромную, страшную, в противогазе, ошетилившуюся пушками, на танковых гусеницах... Даже, казалось бы, шаг, определенно ведущий к укреплению мира, — подписание пакта Бриана-Келлога и присоединение к нему СССР в августе 1928 г.⁴⁹ — так отразился в «Крокодиле»: западные дипломаты на рисунке подписывают пакт, приговаривая: «С удовольствием подписали бы и двумя руками». Но свободна только одна — каждый из них держит за спиной пистолет или бомбу. На карикатуре, появившейся на обложке журнала в начале 1929 г., пакт обсуждали красноармейцы. Один говорил: «С буржуями подписали мирный пакт, значит, нам домой». Второй довольно остроумно (хотя и чисто по-советски) отвечал: «С ними, как в загсе — сегодня расписались, завтра драка, буржуйской подписи не верь...»⁵⁰ Впрочем, карикатуристы лишь следовали общему курсу советской политики — так, нарком иностранных дел Г.В.Чичерин в августе

1928 г., незадолго до того, как СССР присоединился к пакту Бриана–Келлога, подчеркивал в интервью «Известиям», что «в действительные цели инициаторов этого пакта, очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР... пакт Келлога есть составная часть подготовки войны против СССР». А «всесоюзный староста» Калинин в марте 1929 г., уже после присоединения СССР к пакту, в публичном выступлении заявил, что пакт «рассчитан на завуалирование перед широкими массами опасности будущей войны»⁵¹.

Опубликованная в первом номере «Крокодила» за 1929 год карикатура Ю.Ганфа «Буржуазная Европа вкушает мир» как бы подводила итог всей западной дипломатии 1920-х годов. Несмотря на название, картина на рисунке представляла отнюдь не идиллическая. Вечерний город; в окнах военные, склонившиеся над картами, и фашисты, собравшиеся вокруг стола со свастикой; буржуа внимательно слушают кюре и генерала; обыватели тем временем развлекаются, наблюдая канкан и стриптиз. А на улице – рабочая демонстрация, в порту военные корабли с флагами США, Франции, Англии, Японии. И над всем этим нависает огромная фигура в форме, противогазе, с винтовкой⁵².

Уже в 1922-1923 гг. понятие «гонка вооружений» прочно обосновалось среди основных стереотипов, внедрявшихся советской пропагандой, в том числе и средствами политической сатиры⁵³. Время от времени появлялись карикатуры, на которой небо покрывали боевые самолеты, а море – боевые корабли, так, что даже акулам некуда было деться⁵⁴.

Как ни странно, в начале 1920-х годов Америка, отнюдь не самый активный участник гонки вооружений, становится одной из основных мишеней советских сатириков, клеймивших эту гонку. Так, только в 1923 г. в «Крокодиле» из шести карикатур, посвященных этой теме, пять относились именно к Америке⁵⁵ (шестая затрагивала Францию и Англию). При этом главный мотив всех опубликованных карикатур отражал даже не столько гонку вооружений как таковую, сколько лицемерие

американской внешней политики. Так, провозглашая «мир на земле», американское правительство одновременно наращивало производство боевых самолетов и военных кораблей. По авторитетному свидетельству карикатуриста М.Черемных, госсекретарь США Юз, употребивший это выражение, оказывается, попросту «предал мир земле», содействуя при этом гонке вооружений на море и в воздухе...⁵⁶

С конца 1920-х годов одним из повторяющихся сюжетов советской карикатуры становится уже не просто гонка вооружений, а опасность новой мировой войны. Неоднократно появляются карикатуры, персонально изображающие виновников будущей войны, уже известных карикатуристам поименно.

Так, в сентябре 1927 года Ю.Ганф объявил парад-алле, на который вышли «чемпионы войны». Помимо таких значимых (и знаковых для советской карикатуры) фигур, как О.Чемберлен и Пуанкаре, Муссолини и Пилсудский, Америку в этом ряду представлял президент Кулидж⁵⁷.

Примерно через два года в «Крокодиле» вновь появились портреты виновников будущей войны. Муссолини, Пуанкаре, Пилсудский сохранили свои места; Чемберлена сменил Черчилль; были изображены также Чан Кайши и (впервые на страницах «Крокодила») Гитлер. Что же касается США, от их имени на сей раз почему-то выступал генерал Першинг (можно лишь предположить, что как раз в это время отставной генерал, занимавший в последние годы почетный, но вряд ли влиятельный пост председателя комиссии по военным памятникам, позволил себе какое-нибудь резкое высказывание в отношении СССР)⁵⁸.

Впрочем, в эти годы Америка, как и другие западные державы, выступала не только в роли инициатора войны, но и как сторонник печально известной политики «умиротворения». Конечно, Англия и Франция упоминались в этом качестве намного чаще, но время от времени к ним присоединялся и дядя Сам. Так, на одной из карикатур 1938 года с красноречивым названием «Кто как борется за мир» Америка, глядя на заповоивших международную арену многочисленных хищников

(кобра со свастикой, тигр, волк) и парочку грабителей (фюрер и дуче), а также частокол японских штыков на восходящем солнце, заявляет: «Мой небоскреб с краю, ничего не знаю»⁵⁹.

И все же в советской карикатуре тех лет, посвященной опасности новой мировой войны, преобладали европейские сюжеты, в которых дяде Саму доставались лишь эпизодические роли. В какой-то степени это компенсировалось вниманием к политике США в Тихоокеанском регионе.

В 1920-е годы главной темой служила борьба империалистических держав за экономические и политические позиции в Китае. Так, на карикатуре 1929 года британский лев, японский бульдог, американский гриф-стервятник рвали на части окровавленный Китай⁶⁰. Но чаще Америка выступала в роли своеобразного коммивояжера, который силой заставляет покупать собственные товары⁶¹.

В начале 1930-х годов Япония разворачивает широкомасштабную агрессию в Северо-Восточном Китае. Попытки США закрепить свое присутствие в Китае, прикрываясь защитой жизни и собственности американских граждан; военно-морское соперничество США и Японии; претензии на раздел европейских колоний (в частности, голландской Индонезии) — все это находило свое отражение в карикатуре⁶².

Если Запад хотя в некоторой степени надеялся на дипломатию в деле предотвращения войны, в советском обществе царили иные настроения. Войну ожидали постоянно, причем никакой агрессивной составляющей в этих ожиданиях не было.

Возможность войны с «капиталистическим окружением» (по инициативе последнего) в 20-е годы, вопреки расхожим современным представлениям, ощущалась гораздо более остро, чем в 30-е. Причин для этого много: живая память о мировой и гражданской войнах с участием иностранных держав; советская пропаганда, в которой эта тема муссировалась постоянно; особенности восприятия, когда доходившая, например, до деревни внешнеполитическая информация многократно искажалась и «перекраивалась» по законам мифологического сознания⁶³. В сводках ОГПУ постоянно встречались утвер-

ждения, что «грамотные крестьяне, читая в газетах о военных приготовлениях в Польше, Румынии и Англии, находят, что война неизбежна»⁶⁴. Среди наиболее вероятных противников СССР в массовом сознании фигурировали Англия, Франция, США, Япония, Румыния, Польша, Финляндия (Италия и Германия до 1933 года упоминались гораздо реже).

В такой ситуации неудивительно, что тема войны капиталистического мира (в разных комбинациях) против СССР не сходила со страниц газет и журналов, постоянно воспроизводилась в речах советских лидеров, и, конечно, служила постоянной темой для политических карикатуристов. Любопытно, однако, что, в отличие от массового сознания, в советской пропаганде, в частности, в политической карикатуре Соединенные Штаты в качестве вероятного противника СССР встречались намного реже, чем остальные крупные державы. Очевидно, что это не случайность, а отражение серьезных расчетов советского руководства на экономическое сотрудничество с США⁶⁵, а в перспективе – и на политическое, в том числе в военной области, особенно в свете агрессии Японии на Дальнем Востоке, которая с начала 1930-х годов вызывала особое беспокойство не только в СССР, но и в Соединенных Штатах. Конечно, после установления дипломатических отношений с США в 1933 г. надежды на подобное сотрудничество усилились. Кстати, само установление отношений с США также нашло отражение в карикатуре и именно в связи с ситуацией на Дальнем Востоке, что, конечно же, не было случайностью. На рисунке 1933 г. «Два пути в Америку» Литвинов прибывал в Америку на пассажирском пароходе и с предложениями о сотрудничестве, в то время как Япония отправляла к американским берегам множество дредноутов⁶⁶.

Если уж американская тема возникала в карикатурах, посвященных нарастанию военной угрозы для СССР, то речь обычно заходила не столько о Соединенных Штатах, сколько об отдельных политических деятелях, чем-то не угодивших советскому руководству. Так, на многофигурной композиции,

озаглавленной «Крестовый поход. Капиталисты мира против большевиков», опубликованной в январе 1925 года, среди более чем двух десятков как узнаваемых (или попросту названных) политиков, так и собирательных фигур (английские консерваторы, эмигранты, социал-демократы и пр.) США были представлены лишь все тем же государственным секретарем Юзом, колесницу с которым, повинаясь фантазии автора, тащили рабочие. На карикатуре 1931 года оркестр под управлением дирижера Юнга исполнял «Нападение на СССР». И, наконец, уже в конце 1936 г. на рисунке Кукрыниксов «Иностранный легион Третьей империи» Гитлер и Муссолини принимали парад, среди участников которого был небезызвестный издатель Херст. Руки у него, как, впрочем, и у всех остальных персонажей, были по локоть в крови (возможно, авторы имели в виду кровь испанских республиканцев – гражданская война в Испании была в самом разгаре)⁶⁷.

В 1930 г. появились две карикатуры со сходным сюжетом (не исключено, что этот сюжет был предложен кем-то из «темистов»⁶⁸, и два художника по-своему воспроизвели его). На одной из них, принадлежащей М.Черемных и помещенной на обложке «Крокодила», огромный, краснощекий красноармеец с винтовкой в руке иронически поглядывал на хищную «империалистическую» руку, тянущуюся к карте пятилетки. Особое внимание привлекали запонка, на которой были изображены английский и американский флаги, буквы СД (имелась в виду социал-демократия) и свастика. А с одного из когтей капала кровь, и надпись поясняла – «КВЖД» (имелся в виду, конечно, известный конфликт 1929 г.)⁶⁹. Изучив карикатуру, внимательный читатель мог сделать вывод о том, кто считался главным противником СССР. Любопытно сравнить ее с рисунком Б.Ефимова, который также нарисовал улыбающегося красноармейца с винтовкой на фоне знамени с надписью «Пятилетку в 4 года!». Перед ним бессильной злобой исходили на сей раз уже семь голов (не рук!), на преувеличенно длинных шеях (намек на «гидру империализма»?). Как бы в порядке значимости, сверху вниз, шли: британский империалист

(цилиндр одновременно напоминал имперскую корону), немецкий фашист в каске со свастикой, социал-демократ, папа римский Пий XI, японский военный, французский военный, и, наконец, маршал Пилсудский⁷⁰. Таким образом, относительно трех «главных» врагов (фашист, социал-демократ, Великобритания) расхождений не было, а вот американский империализм из этого ряда выпадал.

Возможно, тут сыграли роль личные вкусы (или устоявшиеся стереотипы) автора карикатуры. Тот же Черемных еще дважды на многофигурных композициях, которые изображали разного рода враждебные действия, направленные против СССР, включал в перечень персонажей американским империалистов⁷¹. Другие авторы в межвоенный период склонны были в подобных ситуациях об Америке забывать.

Время от времени на страницах «Крокодила» появлялись и рисунки, связанные с американо-советскими двусторонними отношениями. В 20-е годы заметное место занимала проблематика, связанная с экономическим сотрудничеством. Сюжеты при этом могли быть самыми разнообразными – так, на одной карикатуре на дядю Сама наезжал советский трактор (намек на то, что в СССР налаживалось производство собственных тракторов, что вело к сокращению их импорта из Америки; впрочем, в данном случае карикатурист скорее выдавал желаемое за действительное)⁷²; на другой симпатичный Форд в новом автомобиле соглашался подвезти советского рабочего до Нижнего Новгорода, где как раз планировалось строительство автозавода по американским образцам и с помощью американских специалистов⁷³.

В карикатуре находили отражение и советские закупки в Америке, и попытки наладить советский экспорт (на одной из карикатур американские покупатели «воротили нос» от испорченных советских продуктов, и при этом симпатии карикатуриста явно были на их стороне)⁷⁴.

На одном из рисунков затрагивались тема советских (т.е. царских) долгов Америке; впрочем, дядя Сам стоял в очереди в

Наркомфин далеко не первым, к тому же у кассы висело объявление «Не выдаются и не будут»...⁷⁵

Летом 1923 г. СССР посетила представительная американская делегация, в которую вошли члены конгресса и сенаторы США. Многие члены делегации после окончания поездки призывали к дипломатическому признанию СССР и расширению советско-американской торговли⁷⁶. Неудивительно, что эта делегация привлекла особое внимание советских сатириков. Только в «Крокодиле» появилось три карикатуры на эту тему; впрочем, они носили скорее иронический характер (так, например, предлагалось открыть для гостей, непривычных к бытовым условиям послереволюционной России, специальную «сенаторию»)⁷⁷.

Таким образом, внешняя политика Америки, в том числе в отношении СССР, оценивалась советской карикатурой менее однозначно по сравнению с внешней политикой других ведущих капиталистических стран.

Представления о роли СССР и его позициях относительно капиталистического мира в целом, а также Америки в частности, хорошо иллюстрируют две карикатуры Ю.Ганфа. На первой, опубликованной в 1929 году, на большую дистанцию бегут Америка, Англия, Германия, Франция, их догоняет СССР. На второй карикатуре, датированной 1939 годом, примерно та же картина. Толстые Америка и Европа бегут по кочкам, молодой атлет, СССР, догоняет их по ровной дорожке. Исторический оптимизм, пронизывающий эти карикатуры, независимо от желания автора, несколько омрачался тем, что за прошедшие десять лет СССР так и не смог расстаться с ролью догоняющего⁷⁸.

Казалось бы, в советской пропаганде не подвергалось сомнению коммунистическое будущее Америки. Так, на рисунке художника И.Малютина, счастливая статуя Свободы вместо факела вздымала вверх красный аэроплан со знаменем, на котором был начертан известный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Под карикатурой была следующая стихотворная подпись:

Подобно ласточкам летящим
за океаны полетим,
и факел чадный и дымящий
заменим знаменем своим!⁷⁹

Характерно, однако, что рисунок этот датирован 1923 годом; позднее карикатур со сходным сюжетом в «Крокодиле» применительно к США не появлялось.

* * *

Что касается отражения внутренней политики и повседневной жизни Америки в советской карикатуре, здесь добродушная ирония встречалась нечасто; преобладали все те же сатирические, порой гротескные черты, что и в изображении европейских стран. Тематика карикатур имела свою, на первый взгляд легко объяснимую специфику (так, применительно к США отсутствовала колониальная тема, зато выделялись сюжеты, связанные с гангстеризмом и расовой сегрегацией). Но, если присмотреться, можно подметить и гораздо более существенные отличия.

В карикатурах, посвященных США, практически отсутствуют сюжеты, связанные с рабочим (и шире – революционным) движением (за исключением нескольких лет мирового кризиса, о чем речь пойдет дальше), в то время как для Европы подобная тематика была одной из наиболее характерных⁸⁰. Пожалуй, единственное исключение – карикатура «Верный диагноз», опубликованная весной 1927 года. На рисунке доктор сообщает тяжело больному американскому империализму, что его смерть у порога (смерть олицетворяет рабочий с огромным молотом)⁸¹.

Впрочем, еще несколько карикатур косвенно затрагивают тематику рабочего движения. Одна касается применения газа для разгона рабочей демонстрации (следовательно, демонстрации были), вторая разоблачает штрейкбрехеров (что, вообще-то говоря, предполагает наличие забастовочного движения)⁸². И все-таки появление этих карикатур, к тому же разделенных

десятилетним промежутком, представляется скорее случайностью, чем закономерностью.

Даже такая, казалось бы, благодарная тема, как репрессии против прогрессивных деятелей (в самом широком смысле этого слова), постоянно встречающаяся в карикатурах на европейские темы, применительно к Америке поднималась лишь дважды, и оба раза – в 1923 г. Речь шла, во-первых, об аресте писателя Э.Синклера, и, во-вторых (случай, действительно заслуживавший самой язвительной карикатуры), об аресте в Нью-Йорке 10-летнего мальчика за продажу брошюры с текстами песен, в т.ч. «Интернационала»⁸³.

Чем объяснить подобное умолчание? По всей видимости, существовал комплекс причин. Во-первых, Америка не рассматривалась в качестве страны, где реально возможен (в отличие, скажем, от Германии 1920-х годов) революционный взрыв, по крайней мере, в обозримом будущем. Во-вторых, американская коммунистическая партия всегда оставалась политическим маргиналом⁸⁴, а американские профсоюзы, даже по сравнению с западноевропейскими, однозначно рассматривались как реакционные (АФТ⁸⁵, например, в отличие от британских тред-юнионов, активно выступала против признания СССР). Наконец, не исключено и то, что советские пропагандисты сознательно избегали некоторых сюжетов, чтобы не раздражать потенциально важного партнера, который к тому же долгое время отказывался установить дипломатические отношения с СССР, в том числе и с постоянными ссылками на советскую пропаганду⁸⁶.

Что касается отношения советской прессы к американским профсоюзам, оно лучше всего характеризуется карикатурой с нейтральным названием «Могила Сэмюэля Гомперса»⁸⁷. Зато подпись к рисунку, изображавшему роскошную могилу известного «социал-предателя», поясняла, что именно здесь зарыта собака...⁸⁸

Конечно, тяжелое положение американских рабочих время от времени подчеркивалось средствами карикатуры. Но и здесь имеется существенное отличие. Такие темы, как нищета, безработица или низкая заработная плата применительно к США

советских карикатуристов не интересовали. Их первоочередной мишенью являлись характерные для начала 20-х годов, пусть непоследовательные, редкие и малоэффективные, попытки улучшить положение наемных работников. В частности, высмеивались такие меры, как решение Г.Форда принимать на работу инвалидов (очевидно, в первую очередь инвалидов только что закончившейся войны), организация врачебных консультаций по радио для лечения моряков в открытом море, меры по улучшению условий труда (например, окраска стен рабочих помещений в соответствующий цвет) и пр.⁸⁹ Конечно, все это вряд ли можно было назвать существенными социальными реформами, но, по крайней мере, такие шаги не ухудшали положения трудящихся; впрочем, большевистская пропаганда всегда выступала против «теории малых дел».

Любопытна карикатура, вошедшая в цикл под общим названием «Чего добились меньшевики для рабочих». Под меньшевиками понималась западная социал-демократия, в Америке практически отсутствующая. Тем не менее и США попали в этот цикл. По версии художника, загадочные «американские меньшевики» бесплатно предоставляли рабочим мебель и электричество – в виде электрического стула (возможно, имелся в виду приговор, за несколько лет до этого вынесенный Сакко и Ванцетти)⁹⁰.

Осенью 1929 года разразилась «Великая Депрессия»⁹¹. Впрочем, советские сатирики, озабоченные в те годы в первую очередь сюжетами из советской жизни, ее не заметили. Первая карикатура на тему кризиса в США появилась лишь в конце января 1930 г. На ней бывший кайзер Вильгельм показывал самоуверенному банкиру Моргану на рабочую демонстрацию. И называлась карикатура красноречиво: «Надолго ли?»⁹²

Казалось, кризис, охвативший весь западный мир, оправдывал самые смелые предсказания советской пропаганды. Массовая безработица, крах банков и закрытие предприятий, резкое снижение жизненного уровня рабочих и разорение фермеров... все это отражалось в советской печати, в том числе, конечно, и в карикатуре. Но, по сравнению, скажем, с началом

1920-х годов, очень приглушенно звучала тема рабочего движения (и тут речь шла за небольшими исключениями в основном о Германии) и практически отсутствовали предреволюционные мотивы. Да и количество карикатур, посвященных кризису, на удивление невелико.

В течение всего 1930 года тема кризиса почти не встречается на страницах «Крокодила»; США, по крайней мере, не упоминаются в этой связи ни разу. В 1931 году ситуация несколько меняется.

Здесь необходимо отметить важную черту, характерную для советской политической карикатуры. Нередко в ряду публикаций, посвященных какому-то конкретному сюжету, доминировала одна знаковая личность, причем не всегда, что называется, «по заслугам»⁹³. В карикатурах, освещавших американский кризис, таким персонажем, конечно же, был президент Гувер⁹⁴.

Как отмечает современный российский исследователь, с началом экономического кризиса имя Гувера в советской (да и американской) прессе становится нарицательным: «он стал воплощением социальных несчастий. Его именем называли поселки безработных, очереди за хлебом»⁹⁵.

Из десятка карикатур на тему кризиса в США, появившихся в «Крокодиле» в 1931-1932 гг., Гуверу посвящена почти половина. Он хоронит американское процветание; выступает в роли пожарного (заливает огонь демонстраций протеста из пожарной кишки с надписью «отсрочка платежей»; «кишка тонка» – злорадно комментирует карикатурист), безработного (очевидно, намек на скорое переизбрание), больного (просит рецепт спасения капитализма)...⁹⁶

На остальных рисунках преобладают персонажи обобщенные, в частности, американский капиталист, он же – дядя Сам. На карикатуре, посвященной началу предвыборной президентской кампании (август 1932 г.), дядя Сам рекламирует полное процветание. Но если посмотреть на него со спины (а художник любезно предоставляет нам такую возможность), нетрудно разглядеть драные

фрак и штаны. И тот же дядя Сам, уже весной 1933 года, грустно играет на арфе в виде доллара, но с порванными струнами⁹⁷.

Общее положение Америки в эти годы расценивалось крайне пессимистично. Колумб, глядя на закрытые банки, грустно комментировал: «Эту Америку мне уже не открыть»⁹⁸. А все тот же американский капиталист, по поводу статистических данных, говорящих о том, что промышленность США откатилась назад на 50 лет, не без иронии замечал: «Страна на 50 лет помолодела, а я настолько же постарел»⁹⁹.

Иногда в качестве героя карикатуры выступал сам кризис как таковой. Однажды он появился в виде огромного безработного, шагающего по небоскрегам (по совместительству этот безработный выступал и в роли Нового года, о чем свидетельствовала надпись «1932»), в следующий раз – в виде огромного паука, держащего в своей паутине те же небоскребы¹⁰⁰.

В 1933 г. новый президент, Ф.Д.Рузвельт начал проводить свой знаменитый «Новый курс», и постепенно Америка, как, впрочем, и остальные западные страны, начала выходить из кризиса. Однако советская пропаганда долго отказывалась это замечать. Так, в своей речи на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. И.В.Сталин приводил данные о том, что с 1933 г. в развитых капиталистических странах начался, по сравнению с 1930-1932 годами, постепенный рост производства, и тут же, через несколько абзацев, утверждал, что «в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах»¹⁰¹.

Конечно, сатира не могла не придерживаться тех же самых позиций. Своеобразный итог и кризису, и политике президента Рузвельта «Крокодил» подвел уже в апреле 1935 г. Два американских капиталиста с горечью комментировали: «В Нью-Йорке за три года ничего не изменилось, тот же безработный спит на том же месте...»¹⁰²

Зато кризис, начавшийся в 1937 г., оказался практически незамеченным советской карикатурой.

Выступая на XI съезде компартии Грузии в июне 1938 г., первый секретарь ЦК Л.П.Берия подчеркивал, что «одной из главных особенностей нынешнего международного положения является кризис перепроизводства, возникший в Соединенных Штатах Америки... Америка, как и в 1929 году, становится очагом назревающего мирового экономического кризиса, неизбежно порождаемого противоречиями самого капиталистического общества»¹⁰³. Через несколько месяцев, в марте 1939 г., на XVIII съезде ВКП(б) уже И.В.Сталин подчеркнул, что новый кризис, захвативший прежде всего США, в худшую сторону отличается от предыдущего, он будет более тяжелым, с ним труднее будет бороться, и ресурсов для выхода из кризиса у капитализма будет гораздо меньше¹⁰⁴. Казалось бы, в условиях нового кризиса для советской пропаганды, политической сатиры в том числе, открывается широкое поле деятельности.

Однако в «Крокодиле» Америка в 1937-1939 гг. если и затрагивалась, то лишь применительно к международной ситуации (единственным намеком на экономический кризис в США являлась карикатура, появившаяся в январе 1939 г., на которой американскому актеру дали лучшую роль в Голливуде – обедающего...¹⁰⁵)

Внутриполитическая жизнь США отражалась советской карикатурой крайне скупой. Вообще, если брать советскую прессу в целом, многие связанные с ней сюжеты привлекали внимание обозревателей¹⁰⁶. Но «Крокодил», например, совершенно не замечал межпартийной борьбы в Америке (хотя здесь, конечно, открывались определенные возможности для политической сатиры). Президентские выборы и выборы в конгресс за весь период упомянуты лишь несколько раз, и то в связи с одним и тем же сюжетом: покупка голосов избирателей. Так, в 1924 г. по поводу переизбрания на пост президента К.Кулиджа отмечалось, что голоса фермеров обеспечил рост цен на хлеб; на карикатуре вновь избранный президент был изображен пьющим за дорогой хлеб и дешевых избирателей¹⁰⁷. На самом деле переизбрание Кулиджа объяснялось тем, что именно на

годы его правления пришлось знаменитое американское «процветание» 1920-х гг.; кстати, сам Кулидж понимал его непрочность и отказался от нового выдвижения своей кандидатуры на пост президента в 1928 г., как раз накануне «Великой депрессии». С тех пор имя Кулиджа прочно связывалось с процветанием, а имя его преемника Гувера – с кризисом.

Президентские выборы 1932 и 1936 гг., на которых победил Ф.Д.Рузвельт прошли практически незамеченными сатириками «Крокодила», а по поводу выборов в конгресс в 1937 г. появилась лишь дежурная карикатура о кандидате, который сначала покупал голоса избирателей, а потом продавал их интересы¹⁰⁸.

Советская публицистика 1930-х годов большое внимание уделяла коррупции, поразившей политическую систему США (тем более, что богатый материал для этого давала американская пресса, в которой нередко появлялись соответствующие разоблачения)¹⁰⁹. Но на страницах «Крокодила» и этот сюжет затрагивался лишь эпизодически¹¹⁰.

Довольно регулярно в журнале можно было встретить изображение тех или иных видных политиков США. Особый интерес почему-то вызывал Ч.Э.Юз. В 1923-1925 гг. его изображение появлялось на страницах «Крокодила» восемь раз – шесть раз в качестве государственного секретаря и дважды после отставки с этого поста в 1925 г.¹¹¹ Помимо президентов Кулиджа и Гувера, встречались – исключительно в политическом контексте – также «ядовитая гадина» Херст¹¹², летчик Ч.Линдберг, писатель Э.Синклер, профсоюзный деятель С.Гомперс, гангстер Аль Капоне и др. Но самое интересное, что ни разу в «Крокодиле» с 1932 по 1945 г. не появилось карикатуры, где был бы изображен (неважно, иронически или с симпатией) Ф.Д.Рузвельт, не только президент США в эти годы, но и уважаемый союзник СССР в войне 1941-1945 гг.

Помимо политики, еще одна тема служила постоянным источником вдохновения для карикатуристов. Речь идет о т.н. «американском образе жизни» с его спецификой. «Подлинный лик заграницы, и звериный оскал, и гнилое нутро»¹¹³ советская

карикатура постоянно разоблачала применительно к миру капитализма в целом. Но некоторые черты американского быта даже на фоне межвоенной Европы вызывали недоумение и саркастические комментарии.

Среди встречающихся в «Крокодиле» сюжетов можно отметить критику американского правосудия (немыслимые по европейским меркам сроки заключения в несколько десятков лет; коррумпированность; особого внимания удостоился знаменитый «обезьяний процесс» 1925 г.)¹¹⁴. В 1935 г. интерес карикатуристов вызвал американский спорт, в частности, регби, отличавшийся повышенным уровнем насилия, и церковь, которая уже в те годы пыталась различными путями привлечь верующих¹¹⁵.

Но вне конкуренции были две темы из американской повседневности. Это — организованная преступность и расовая сегрегация.

Из многотрудной жизни заокеанских гангстеров карикатуристы выделяли два основных мотива. Практически не встречались карикатуры, связанные со столь экзотической чертой американской жизни, как «сухой закон» и контрабанда спиртного, зато неоднократно подчеркивалась, во-первых, безнаказанность крупных гангстеров (что лишний раз позволяло напомнить о коррумпированном правосудии)¹¹⁶, и, во-вторых, комментировались громкие дела, связанные с похищениями людей, в первую очередь детей. Причем «киднеппинг» (термин, вошедший в те годы и в русский язык) изображался как совершенно рядовое явление¹¹⁷.

Столь же привычными, обыденными выглядели в представлении советских авторов расправы над чернокожими жителями Америки, знаменитые «суды Линча». Пастор прерывал собрание христианской молодежи, чтобы повесить негра; плантатор радовался достижениям технического прогресса: репортаж о суде Линча можно было услышать по радио; даже вид негра, играющего на скрипке, вызывал у слушателей мысли о виселице... И, возможно независимо даже от замысла ка-

рикатуриста, именно обыденность таких ситуаций вызывала наиболее сильное впечатление у читателя¹¹⁸.

1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война. В первые месяцы войны советская пропаганда оказалась в состоянии полной неопределенности, что отразилось и на карикатуре¹¹⁹.

Мгновенно (и уже до 22 июня 1941 г.) из печати исчезают все карикатуры, изображающие Германию и Италию. Мишенями карикатуристов становятся сначала Япония (события на реке Халхин-Гол), затем Польша («освободительный поход» Красной Армии) и, наконец, Финляндия (советско-финская война). Тема Англии и Франции во второй половине 1939 г. возникает лишь в связи с тяготами войны для рядовых европейцев. А дядя Сам занялся любимым делом, бизнесом: продавал оружие и считал барыши, заработанные на войне...

Постепенно международная тематика возвращается на страницы «Крокодила»¹²⁰, и там дядя Сам занимает достаточно заметное место. По-прежнему он наживается на торговле оружием, а также стремится подобрать оставшиеся без присмотра колониальные владения Англии, Франции, Голландии в Тихоокеанском регионе.

Но вот начинается Великая Отечественная война, и США становятся союзниками СССР. Советская пропаганда в очередной раз делает крутой поворот¹²¹. Впрочем, специфика изображения Америки в советской карикатуре в годы второй мировой войны выходит за рамки данного очерка.

* * *

Какой же Америка предстала перед глазами читателя «Крокодила»?

Это, в первую очередь, страна небоскребов; «одноэтажная Америка», по известному выражению И.Ильфа и Е.Петрова, на страницы «Крокодила» практически не попадала.

Америка – страна технических новинок, хотя «Крокодил», в силу собственной специфики, и склонен был рассматривать их с иронией.

Это страна, больная коррупцией; страна, где гангстеры похищают детей, проповедники линчуют негров, а банкиры выбрасываются из окон; страна, в которой процветание сменяется кризисом (но не наоборот); страна, которая лицемерно провозглашает миролюбие и одновременно поддерживает гонку вооружений.

Наконец, Америка – страна-ростовщик, страна-торговец оружием, которая стремится наживаться на несчастьях других...

Визуальные характеристики, которые формировала советская карикатура, вряд ли изменились и в годы Великой Отечественной войны. Советская карикатура просто не ставила перед собой задачу создания позитивных представлений о союзниках (важно подчеркнуть, что советская пропаганда в целом, хотя и очень непоследовательно, подобную задачу в годы войны все же выполняла; данный вывод относится лишь к политической карикатуре).

Более того, в годы войны на оккупированных территориях немцы пытались вести антисоветскую пропаганду, используя советский опыт, в том числе и по формированию визуальных образов мира. Как замечает современный исследователь, «немцы пытались учесть специфику восприятия наглядной агитации советскими людьми, которая заключалась в том, что они (сельское население) были приучены к моментальному восприятию лозунгов и зрительного образа»¹²².

В послевоенные годы в условиях «холодной войны» и жесткой антиамериканской пропаганды негативные черты американской политики и образа жизни стали доминирующей темой для советских карикатуристов.

В своих воспоминаниях старейший карикатурист Б.Е.Ефимов со знанием дела утверждает: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»¹²³.

С этим согласно и большинство исследователей. Как отмечает А.В.Дмитриев, «из-за использования визуального канала воздействия или критически нацеленного на отдельную важную тему символа политическая карикатура становится действенным средством формирования общественного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять, *и ее воздействие довольно заметно до нашего времени* (курсив мой. – А.Г.)»¹²⁴.

Подводя итог, можно сказать, что образы внешнего мира, Америки в том числе, созданные карикатуристами в 1920-1930-е годы, во многом определили внешнеполитические стереотипы, воспринятые значительной частью советского общества того времени¹²⁵.

Более того, стереотипы, сформировавшиеся в межвоенный период не в последнюю очередь под воздействием политической карикатуры, отличались большой устойчивостью и в значительной степени сохраняли свое воздействие до конца 1980-х годов, да и сейчас время от времени проявляют себя в общественном сознании.

¹ О восприятии США в России с начала XX века до начала 1920-х гг. см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 45-52; Хмелевская Ю.Ю. Американская помощь голодающим в Советской России в 1921-1923 гг.: забытая страница истории или идеологическая манипуляция // Проблемы российской истории. Вып. 4. Магнитогорск, 2004. С. 65-90.

² См.: Фролова Н.С. «Восхитительный и пугающий дядюшка Сэм»: образ жизни американцев в 20-е годы через советскую призму // Проблемы российской истории. Вып. 1. Магнитогорск, 2002. С. 356-371; Она же. «Сумасшедший дом и его обитатели» – политическая система США в оценке советских обозревателей 1930-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 369-391; Шведов С. Образ Генри Форда в советской публицистике 1920-1930-х годов // Взаимодействие культур СССР и США, XVIII-XX вв. М., 1987. С. 133-142; Brooks J. The Press and Its Message: Images of America in the 1920s and 1930s // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society & Culture. Bloomington, 1991. P. 231-252;

Rogger H. How the Soviets See Us // Shared Destiny. Boston, 1985. P. 107-146; etc.

³ См., в частности: *Barghoorn F.C.* The Soviet Image of the United States: A Study in Distortion. N.Y.; L., 1969. P. 3-37.

⁴ Ibid. P. 23.

⁵ См., например: *Голубев А.В.* Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа [Варшава], 2003. Т. 3, № 3 (8). С. 125-169; *Он же.* «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20-30-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 472-498; *Он же.* «Наш ответ Чемберлену»: Советская политическая карикатура 1920-1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 2. С. 122-139; *Орлов И.Б.* «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // История России, XIX-XX вв.: Новые источники понимания. М., 2001. С. 230-236; *Филиппова Т.А.* Аспиды и готтентоты: Немцы в русской сатирической журналистике // Родина. 2002. № 10. С. 31-37; *Шаттенберг С.* Техника – политична: О новой советской культуре инженера в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-30-е годы. СПб, 2000. С. 193-217.

⁶ *Орлов И.Б.* Указ. соч. С. 231.

⁷ Цит. по: *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 68-69. Борис Ефимович Ефимов (род. в 1900), российский график, народный художник СССР (1967), действительный член Академии художеств СССР (1975), Герой Социалистического Труда (1990). С 1922 г. сотрудничал в газетах «Правда», «Известия», журнале «Крокодил». Лауреат Сталинских и Государственной премий (1950, 1951, 1972). Джеймс Рамсей Макдональд (1866-1937), один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929-1931 гг. премьер-министр Великобритании. Правительство Макдональда в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР, а в 1929 г. восстановило их после разрыва 1927 г. В 1931 г. возглавил коалиционное (т.н. национальное) правительство (1931-1935). В качестве одной из знаковых фигур международной социал-демократии был любимым персонажем советских карикатуристов

⁸ *Варшавский Л.* Наша политическая карикатура. М., 1930. С. 9.

⁹ *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 69.

¹⁰ Цит. по: *Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий: О том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 126-127.

¹¹ Лицо врага. Рисунки Б.Ефимова. М., 1931. С. 3.

- ¹² *Ефимов Б.* Сорок лет: Записки художника-сатирика. М., 1961. С. 88.
- ¹³ *Варшавский Л.* Указ. соч. С.8.
- ¹⁴ Евгений Александрович Гнедин (1898-1983) в 1932 г. был заместителем заведующего иностранным отделом «Известий»; в 1938 г. он был заведующим отделом печати Наркомата иностранных дел, поэтому предисловие подписал псевдонимом.
- ¹⁵ *Ефимов Б.* Выход будет найден: Политические карикатуры. М.; Л., 1932. С. 5.
- ¹⁶ Поджигатели войны. Карикатуры Бор.Ефимова. М., 1938. С. 3.
- ¹⁷ Крокодил. 1934. № 20-21. С. 19.
- ¹⁸ Полный перечень сатирических изданий см.: *Стыкалин С., Кременская И.* Советская сатирическая печать, 1917-1963. М., 1963. С. 458-466.
- ¹⁹ С 2002 г. тиражом 35 тыс. издается журнал «Новый Крокодил», форматом и некоторыми рубриками напоминающий знаменитого предшественника.
- ²⁰ Имелись в виду «Бегемот», «Бич», «Бузотер», «Крокодил», «Лапоть», «Пушка», «Смехач».
- ²¹ Цит. по: «Счастье литературы»: Государство и писатели, 1925-1938 гг.: Документы. М., 1997. С. 59; *Стыкалин С., Кременская И.* Указ. соч. С. 23.
- ²² Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917-1953 гг. М., 2002. С. 131.
- ²³ «Счастье литературы»... С. 56, 58.
- ²⁴ См.: *Стыкалин С., Кременская И.* Указ. соч. С. 203-209.
- ²⁵ *Ефимов Б.* Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 198.
- ²⁶ *Ефимов Б.* Политическая карикатура, 1924-1935. М., 1935. С. 5.
- ²⁷ *Костин В.И.* Михаил Михайлович Черемных. М., 1957. С. 14.
- ²⁸ *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20-30-е годы). М., 2003. С. 410.
- ²⁹ Крокодил. 1926. № 2. С. 3. Иван Андреевич Малютин (1891-1932) – художник-карикатурист, один из основателей «Окон РОСТА» и «Крокодила».
- ³⁰ Там же. № 43. С. 1. Юлий Абрамович Ганф (1898-1973) – график, народный художник России (1964). Работал в газете «Правда», журнале «Крокодил».
- ³¹ Крокодил. 1922. № 2. С. 12.
- ³² *Brooks J.* Op. cit. P. 235.
- ³³ Крокодил. 1926. № 6. С. 1.

- ³⁴ Там же. 1923. № 3. С. 536. Михаил Михайлович Черемных (1890-1962) – график и карикатурист, народный художник РСФСР (1952), действительный член Академии художеств (1958), один из основателей «Окон РОСТА», «Крокодила». Лауреат Сталинской премии (1942).
- ³⁵ Так была озаглавлена карикатура.
- ³⁶ Крокодил. 1926. № 9. С. 1.
- ³⁷ Там же. № 13. С. 9.
- ³⁸ Там же. 1931. № 22. С. 1.
- ³⁹ «План Дауэса» – репарационный план для Германии, разработанный международным комитетом экспертов под руководством американского банкира (позднее вице-президента США) Ч.Г. Дауэса (1865-1951) и утвержденный 16 августа 1924 г. на Лондонской конференции держав-победительниц в Первой мировой войне. Предусматривал предоставление Германии займов и кредитов для восстановления ее промышленного потенциала. В 1929-1930 гг. был заменен т.н. «планом Юнга».
- ⁴⁰ Крокодил. 1922. № 2. С. 12; 1925. № 2. С. 3; № 12. С. 12; 1932. № 10. С. 1. Одна из подписей к карикатуре утверждала: «Всем Германия заплатит // Впрочем, это ведь вопрос...» См.: Крокодил. 1922. № 4. С. 7.
- ⁴¹ Там же. 1924. № 16. С. 2.; 1926. № 6. С. 1; № 9. С. 1; № 13. С. 9; 1927. № 6. С. 9; 1929. № 40. С. 7; 1931. № 20. С. 4; № 22. С. 1; 1933. № 2. С. 7.
- ⁴² Подробнее о том, как в 1920-1930-е годы рост военной угрозы комментировала советская карикатура, см.: *Голубев А.В.* «Наш ответ Чемберлену»...
- ⁴³ На 1-й (1899) и 2-й (1907) мирных конференциях в Гааге были приняты 16 конвенций, которые содержали положения о мирном разрешении международных споров, нейтралитете, защите мирных жителей, режиме военнопленных, участии раненых и больных и т.д.
- ⁴⁴ Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. М., 2004. С. 119-165.
- ⁴⁵ Об этом см., в частности: *Вихавайнен Т.* Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004. С. 307-310.
- ⁴⁶ Крокодил. 1923. № 6. С. 577; 1924. № 28-29. С. 13.
- ⁴⁷ Там же. 1924. № 28-29. С. 13.
- ⁴⁸ См.: *Ротов К.* Прискорбный случай // Крокодил. 1924. № 22. С. 13. Константин Петрович Ротов (1902-1959) – известный карикатурист, много лет сотрудничал в «Крокодиле».

- ⁴⁹ «Пакт Бриана–Келлога» или договор о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики был подписан в Париже 27 августа 1928 г. представителями Германии, Бельгии, США, Франции, Великобритании, Италии, Японии, Польши, Чехословакии. От имени СССР пакт подписал временно исполняющий обязанности наркома по иностранным делам М.М.Литвинов 6 сентября 1928 г.
- ⁵⁰ Крокодил. 1928. № 32. С. 5; 1929. № 7. С. 1.
- ⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1966. С. 463, 464; Т. XII. М., 1967. С. 105.
- ⁵² Крокодил. 1929. № 1. С. 12.
- ⁵³ См.: Там же. 1922. № 8. С. 7; 1923. № 21. С. 802; 1931. № 13. С. 14; и др.
- ⁵⁴ Там же. 1928. № 7. С. 7.
- ⁵⁵ Там же. 1923. № 16. С. 745; № 20. С. 806; № 21. С. 811; № 28. С. 946; № 41. С. 1158 (в 1923 году нумерация страниц «Крокодила» была единой в течение всего года).
- ⁵⁶ Там же. № 16. С. 745. Чарльз Эванс Юз (1862-1948) – американский государственный и политический деятель, в 1921-1925 гг. государственный секретарь. Председатель Вашингтонской конференции (1921-1922), один из инициаторов разработки «плана Дауэса».
- ⁵⁷ Крокодил. 1927. № 33. С. 1. Калвин Кулидж (1872-1933) – президент США в 1923-1929 гг. (вице-президент в 1921-1923 гг.). Правительство Кулиджа содействовало восстановлению военного и промышленного потенциала Германии, проводило политику непризнания СССР.
- ⁵⁸ Крокодил. 1929. № 28. С. 4-5. Джон Джозеф Першинг (1860-1948) – генерал армии (1919). В 1917-1918 гг. командовал американскими экспедиционными силами в Европе. В 1921-1924 гг. начальник штаба армии США.
- ⁵⁹ Крокодил. 1938. № 5. С. 8-9.
- ⁶⁰ Там же. 1929. № 28. С. 6-7.
- ⁶¹ Там же. 1924. № 17. С. 12; 1925. № 13. С. 5; 1927. № 10. С. 1.
- ⁶² Там же. 1932. № 6. С. 1; 1933. № 12. С. 1; № 14. С. 3; 1938. № 26. С. 13.
- ⁶³ Подробнее см.: Голубев А.В. Угроза войны в массовом сознании советского общества 1920-30-х гг. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 403-410; Кудюкина М.М. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. // Номо Belli – человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 2000. С. 261-262; Лившин А.А., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002. С. 175-189; Симонов Н.С. «Крепить оборону страны Сове-

- тов»: «Военная тревога» 1927 года и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155-161; и др.
- ⁶⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 71.
- ⁶⁵ Например, в 1927/1928 финансовом году, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, во внешней торговле СССР США занимали второе место (после Германии). На долю США приходилось примерно 12,5% внешнеторгового оборота СССР, в том числе почти 20% импорта (для сравнения: доля Англии в тот же период составила лишь 11,5%, доля Франции – 4,5%). См.: Документы внешней политики СССР. Т. XI. С. 673-691.
- ⁶⁶ Крокодил. 1933. № 32. С. 12.
- ⁶⁷ Там же. 1925. № 4. С. 8-9; 1931. № 12. С. 4; 1936. № 35. С. 1. Оуэн Юнг (1874-1962) – председатель электротехнического треста Моргана, один из авторов плана получения репараций с Германии (т.н. «Плана Дауэса»). В 1929 г. был назначен председателем комитета экспертов по выработке нового плана («План Юнга», действовал в 1930-1931 гг.); Уильям Рэндолф Херст (1863-1951) – газетный магнат, владелец ряда американских и английских газет и журналов. В 1930-е годы выступал в поддержку фашистских режимов в Италии и Германии.
- ⁶⁸ Так называли сатириков, предлагавших художникам темы для будущих карикатур; к сожалению, они, за редким исключением, оставались безымянными. См.: Ефимов Б. Мне хочется рассказать. С. 198.
- ⁶⁹ Крокодил. 1930. № 5. С. 1
- ⁷⁰ Карикатура вошла в альбом: Ефимов Б.Е. Карикатура на службе обороны СССР. М.; Л., 1931. С. 20.
- ⁷¹ См.: Крокодил. 1930. № 7. С. 1; 1932. № 8. С. 6-7.
- ⁷² Там же. 1923. № 7. С. 594.
- ⁷³ Там же. 1929. № 25. С. 1. Генри Форд (1863-1947) – американский инженер, изобретатель и промышленник, один из пионеров автомобилестроения и основателей автомобильной промышленности.
- ⁷⁴ Крокодил. 1924. № 5. С. 12; 1926. № 18. С. 10.
- ⁷⁵ Там же. 1928. № 46. С. 4.
- ⁷⁶ Подробнее об этом см.: Filene P. Americans & the Soviet Experiment, 1917-1933. Cambr. (Mass.), 1967. P. 74-75.
- ⁷⁷ Крокодил. 1923. № 34. С. 1039; № 35. С. 1060; № 37. С. 1081.
- ⁷⁸ Там же. 1929. № 19. С. 1; 1939. № 9. С. 1.
- ⁷⁹ Там же. 1923. № 27. С. 932.

- ⁸⁰ Подробнее см.: Голубев А.В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры; Он же. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20-30-х гг.
- ⁸¹ Крокодил. 1927. № 13. С. 7.
- ⁸² Там же. 1924. № 2. С. 15; 1934. № 26. С. 7.
- ⁸³ Там же. 1923. № 24. С. 881; № 48. С. 1261.
- ⁸⁴ «В Советском Союзе существует искреннее восхищение перед американской технической эффективностью и полное осознание того факта, что коммунистическое движение в Соединенных Штатах остается совершенно беспомощным», — сообщал в июле 1935 г. первый посол США в СССР У.К.Буллит. См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Soviet Union, 1933-1939. Wash., 1952. P. 227.
- ⁸⁵ Американская Федерация труда — крупнейшее профсоюзное объединение США, возникшее в 1881 г.
- ⁸⁶ Так, если британское правительство, например, возражало (порой в ультимативной форме) прежде всего против ведения советской пропаганды в самой Англии и ее колониях, то американский посол летом 1935 г. выступил с протестом против проведения очередного, 7-го конгресса Коминтерна в Москве, особенно — против участия в нем представителей американской компартии.
- ⁸⁷ Сэмюэл Гомперс (1850-1924) — председатель Американской федерации труда в 1882-1924 гг.
- ⁸⁸ Крокодил. 1925. № 2. С. 13.
- ⁸⁹ Там же. 1923. № 5. С. 576; № 11. С. 671; № 17. С. 764.
- ⁹⁰ Там же. 1925. № 34. С. 4. Процесс рабочих Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти, обвиненных в убийстве, состоялся в 1920-1921 гг. В июле 1921 г. они были приговорены к смертной казни. Несмотря на многочисленные выражения протеста, приговор был приведен в исполнение в августе 1927 г.
- ⁹¹ «Великая Депрессия» — наиболее продолжительный экономический кризис в истории промышленно развитых стран. Начался после «черной пятницы» — краха котировок акций на Нью-Йоркской бирже 25 октября 1929 г. Стоимость акций упала на 90%, массовое разорение мелких вкладчиков в США сразу же сказалось на торговле и промышленности. Кризис быстро распространился на другие страны, в первую очередь Великобританию и Германию.
- ⁹² Крокодил. 1930. № 4. С. 6.
- ⁹³ Так, в карикатурах, посвященных так называемой «военной тревоге» 1927 года, главным героем выступал О.Чемберлен. См. об этом: Голубев А.В. «Наш ответ Чемберлену»... С. 131-133.

- ⁹⁴ Герберт Кларк Гувер (1874-1964) – президент США в 1929-1933 гг. В 1919-1923 гг. руководил АРА («Американская администрация помощи»), созданной для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в первой мировой войне, в том числе с 1921 г. и РСФСР.
- ⁹⁵ *Фролова Н.С.* «Сумасшедший дом и его обитатели»... С. 374.
- ⁹⁶ Крокодил. 1931. № 5. С. 5; № 20. С. 16; № 23-24. С. 5; 1932. № 1. С. 4.
- ⁹⁷ Там же. 1932. № 24. С. 1; 1933. № 10. С. 5.
- ⁹⁸ Там же. 1931. № 3. С. 4.
- ⁹⁹ Там же. 1932. № 24. С. 2.
- ¹⁰⁰ Там же. 1932. № 1. С. 2; № 33. С. 3.
- ¹⁰¹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 9-10.
- ¹⁰² Крокодил. 1935. № 10. С. 1.
- ¹⁰³ *Берия Л.П.* Под великим знаменем Ленина–Сталина: Статьи и речи. Тбилиси, 1939. С. 130.
- ¹⁰⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1939. С. 10.
- ¹⁰⁵ Крокодил. 1939. № 2. С. 7.
- ¹⁰⁶ Подробнее о том, как в советской прессе оценивалась политическая система и политическая жизнь США 1930-х годов см.: *Фролова Н.С.* «Сумасшедший дом и его обитатели»...
- ¹⁰⁷ Крокодил. 1924. № 28-29. С. 4.
- ¹⁰⁸ Там же. 1937. № 34. С. 14.
- ¹⁰⁹ См.: *Фролова Н.С.* «Сумасшедший дом и его обитатели»... С. 374.
- ¹¹⁰ Крокодил. 1924. № 5. С. 9; № 9. С. 2.
- ¹¹¹ Там же. 1923. № 16. С. 745; 1924. № 24. С. 8-9; С. 13; 1925. № 2. С. 4; № 3. С. 12; № 4. С. 8-9; № 6. С. 13; № 8. С. 9.
- ¹¹² Там же. 1936. № 30. С. 4; № 35. С. 1.
- ¹¹³ Там же. 1932. № 29-30. С. 7.
- ¹¹⁴ Там же. 1925. № 32. С. 2; 1932. № 11. С. 6; 1933. № 8. С. 12; 1936. № 26. С. 11
- ¹¹⁵ Там же. 1935. № 9. С. 16; № 13-14. С. 14, 15.
- ¹¹⁶ Там же. 1932. № 19. С. 12; 1935. № 11. С. 16.
- ¹¹⁷ Там же. 1932. № 20. С. 12; 1936. № 3. С. 3; № 4. С. 5; № 18. С. 7.
- ¹¹⁸ Там же. 1923. № 24. С. 891; 1924. № 11. С. 11; 1932. № 25-26. С. 4; № 36. С. 1.
- ¹¹⁹ Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Ансамбль международной свистопляски»... С. 491-492; *Он же.* «Наш ответ Чемберлену»... С. 138-139; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М., 1997.

¹²⁰ В частности, этим сюжетам был полностью посвящен восьмой номер «Крокодила» за 1940 г. под общим названием «Сегодня «Крокодил» принимает иностранных гостей».

¹²¹ См. об этом: *Голубев А.В.* «Царь Китаю не верит...»: Союзники в представлении российского общества, 1914-1945 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 1. М., 2000. С. 317-355; *Он же.* Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941-1945 гг.) // *Военно-историческая антропология*, 2002: Ежегодник. М., 2002. С. 334-345; *Он же.* Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // *Социальная история*, 2001-2002: Ежегодник. М., 2004. С. 126-146.

¹²² *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада: В 2 кн. СПб.: М., 2002. Кн. 1. С. 169.

¹²³ *Ефимов Б.Е.* Сорок лет: Записки художника-сатирика. С. 90.

¹²⁴ *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 74.

¹²⁵ Подробнее см.: *Россия и Запад...* С. 69-95; *Яковенко И.Г.* Динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х годов // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 2. М., 2002. С. 387-399.

ОТ ПЛОЩАДИ ДЖЕКСОНА К КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ: ДОНАЛЬД РЕНШОУ И ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ В РОССИИ 1921-1923*

25 сентября 1921 года Дональд Реншоу писал домой отцу в Новый Орлеан: «Если Москва – ее сердце, тогда действительно Россия, простирающаяся за Москву, – близка к смерти»¹. Реншоу, сотрудник московского отделения Американской администрации помощи Герберта Гувера (American Relief Administration), известной в России как АРА, был всего лишь три дня в Москве, когда писал эти слова; в следующие два года он стал свидетелем многих раздирающих душу сцен. Пребывание в Москве в трагический период русской истории позволило ему сделать проникательные наблюдения над русской политикой и обществом, но еще важнее, что его письма представляют свидетельство очевидца голода и лишений русского народа после большевистской революции 1917 г.

После захвата большевиками власти осенью 1917 г. быстро последовало заключение сепаратного мира с Германией и выход России из Первой мировой войны. Хотя в эти первые нестабильные месяцы нового режима Ленин и большевики стремились укрепить свою власть, им не удалось подавить всю политическую оппозицию. К лету 1918 г. разразилась гражданская война, длившаяся три года. Противники большевиков представляли собой разнородную массу из марксистов и монархистов, которых поддерживали западные демократии, но они не могли конкурировать с силой большевиков в крупных городах или с жестокостью Красной армии Троцкого. Более того, Ленин и большевики использовали централизованную экономическую систему так называемого «военного комму-

* Перевод с английского И.М.Супоницкой. Печатается в авторской редакции. — *Прим. ред.*

низма» для установления государственного контроля над промышленностью и проведения насильственной конфискации зерна. Военный коммунизм позволил большевистскому правительству укрепиться в период кризиса и, в конечном счете, способствовал разгрому белых. Однако он поставил русское крестьянство, традиционно ведущее натуральное хозяйство, в тяжелое положение.

Голод поразил Россию в начале лета 1921 г. Семь лет войны, революции, гражданской войны, а также насильственная конфискация зерна привели к разорению крестьянское население России². Сельскохозяйственное производство уже было на опасно низком уровне, а когда Поволжье весной 1921 г. поразила засуха, кризис быстро перешел в голод. Хотя новое коммунистическое правительство не хотело обращаться к Западу за помощью, один из самых известных писателей страны Максим Горький понял ее необходимость. 13 июля 1921 г. он призвал мир помочь России³.

Администрация американской помощи Герберта Гувера откликнулась одной из первых. Созданная в январе 1919 г. по приказу президента Вудро Вильсона, АРА была сначала правительственным агентством, но под руководством Гувера трансформировалась в частную организацию помощи, освободив себя таким образом от бюрократических и политических конфликтов⁴. После призыва Горького Гувер и АРА быстро написали ответ, предложив гуманитарную помощь Советской России. Связав себя обязательствами, АРА пришлось искать финансовую поддержку своим операциям. Финансовая и материальная помощь шла во многих формах и от различных организаций — от конгресса и Зерновой корпорации США, Американского Красного Креста, военного департамента США, Молодежной христианской организации (YMCA) и Молодежной женской христианской организации (YWCA). На призыв АРА о помощи откликнулись также религиозные группы: Национальный лютеранский совет, Конвенция южных баптистов (the Southern Baptist Convention), Еврейский комитет совместного распределения (Jewish Joint Distribution Committee) и Нацио-

нальная католическая ассоциация социального обеспечения (the National Catholic Welfare Association); все они согласились работать вместе с АРА. Более того, советское правительство предоставило около 10 млн долл. в золоте для деятельности АРА. В конечном счете, ей удалось мобилизовать свыше 62 млн долл. для голодающих в России⁵.

АРА предложила помощь на следующих условиях: 1) должны быть отпущены граждане США, содержавшиеся в качестве политических заключенных; 2) советские руководители в Москве должны признать необходимость внешней помощи; 3) работникам АРА должна быть гарантирована свобода передвижения; 4) советское правительство должно оплатить транспортировку и хранение поставок АРА. И, наконец, было повторено, что гуманитарная помощь будет предоставлена от частной организации, а не от правительства США. Представители АРА и советского правительства встретились в августе 1921 в Риге, чтобы договориться о деталях. Взаимное недоверие сделало переговоры трудными, но соглашение, в конце концов, было достигнуто. Гувер назначил директором проекта АРА в России полковника Уильяма Н.Хаскелла, и начался набор штата сотрудников⁶.

Дональд Реншоу оказался одним из них. Он родился в 1889 г. в известной, но бедной креольской семье Нового Орлеана, Луизиана. Подобно другим уважаемым семьям Юга, семья Реншоу обеднела в тяжелые времена после Реконструкции. Хотя она сохранила свой социальный статус, ее финансовое положение было разрушено настолько, что соседи порой оставляли на пороге дома Реншоу сумки с овощами⁷. Несмотря на эти трудности, у Дональда было хорошее образование: он посещал иезуитский колледж Непорочного Зачатия, заслужил стипендию в Тулейнском университете, получив степень инженера по техническому и гражданскому строительству. После окончания университета недолго работал как инженер-механик, с началом Первой мировой войны вступил в армию. Он был в Европе, когда она завершилась. Вернувшись домой, несколько лет работал в «Реншоу мотор компани» в Гедане (Gue-

udan), Луизиана, которая занималась снабжением запасными частями и обслуживанием машин Форда. Однако в 1920 г. Дональда и его семью постигло несчастье, его младший брат Уилли двадцати лет погиб, когда перегонял трактор Форда в «Реншоу мотор компани». Семья была в отчаянии, особенно Дональд, чувствовавший свою вину за случившееся. Он немедленно закрыл компанию и в 1921 г. снова уехал в Европу на этот раз со своим старшим братом Ивэном⁸. Братья планировали поехать в Бельгию и во Францию и посетить родственников и друзей за границей⁹.

Когда они были в Париже, Дональд узнал, что есть вакансии в Администрации американской помощи в России. Возможность получить там работу привлекла его, поскольку он очень хотел побывать в этой стране, но чувствовал, что условия для путешествия в качестве туриста слишком тяжелые. Он быстро связался с АРА и в августе прошел собеседование в Лондоне. Оно оставило у него хорошее впечатление: «Кажется, что им требовался только высший сорт людей – с образованием, умом, хорошим воспитанием»¹⁰. Очевидно, сочли, что он обладает этими качествами, потому что он был быстро принят, как и его брат, Ивэн, по его рекомендации. Почти немедленно они отправились в Москву.

Первое письмо Дональда из Москвы задает тон другим. После прибытия в конце сентября в столицу России Дональд писал: «Условия жизни людей ужасны. Нужно длинное письмо, чтобы дать тебе истинную картину...»¹¹ К счастью, через три дня Дональд нашел время, чтобы подробно описать условия в России: «Страшно видеть страну в агонии смерти, так как Россия умирает. Миллион человек умрет от голода до весны... Я разговаривал с архитектором, строившим особняк, в котором мы находимся... и он сказал, что не переживет зиму, ибо этим утром продал на хлеб свое последнее пальто, и у него не осталось ничего, что можно было бы продать». Город в руинах, здания разваливаются, «омерзительные тротуары», везде нищие, и все это, замечает иронически Реншоу, происходит под сверкающими золотыми куполами московского Кремля¹².

Ясно, что перед АРА стояла трудная задача. Представительство со временем должно было состоять из 25 отделений. Дональду поручили контролировать помощь в Москве, тогда как Ивэна послали в Поволжье¹³. Поволжье было главным центром оказания помощи голодающим, поскольку там голод принял самые угрожающие размеры. Как отмечал Дональд, «родители топили своих детей, чтобы избавить их от мук голода...»¹⁴ Однако и Москва нуждалась в гуманитарной помощи. Хотя настоящего голода столица России не знала, но и в ней было много детей и взрослых, которые недоедали, их число росло, так как крестьяне из районов голода в поисках пищи стекались в города. Дональд описывал отчаянную ситуацию в Москве: «Странно видеть город в миллион и более жителей, все из которых в лохмотьях. Я говорю это в буквальном смысле... Я не видел ни одного мужчины, женщины или ребенка, которого можно было бы считать даже приблизительно хорошо одетым. Каждый выглядит, как бродяга»¹⁵.

Во время пребывания в России АРА столкнулась с рядом сложных проблем. Одна из них – организация штаба в Москве. Первая американская группа прибыла в Москву в субботу днем, 27 августа 1921 г., с наивной верой, что они немедленно начнут создавать свое представительство. Советские власти сразу сказали, что у них недостаточно жилья для размещения сотрудников АРА. Кроме того, американцы узнали, что в этот день уже слишком поздно, чтобы достать для них даже кроватей, а поскольку следующий день был днем отдыха, то до понедельника об этом некому было сообщить. Не стоит и говорить, что вопрос о размещении самого штаба даже не стоял.

Несмотря на такое неблагоприятное начало, в следующую неделю АРА нашла здание для московского офиса, и ее представитель был послан на склад вещей, конфискованных правительством из домов богатой буржуазии, где выбрал мебель, ковры и другие предметы обстановки для офиса. Однако, когда АРА была готова привести в порядок свои офисы, обнаружилось, что многие из русских, которые, как предполагалось, будут помогать, не смогли прийти. К счастью, другие все-таки

появились и работали бесплатно, в знак признательности к усилиям АРА¹⁶.

Проблемы, возникшие перед АРА при размещении офиса, стали типичными, они отражали фундаментальное противоречие, существовавшее между русскими и американскими работниками, которое, как утверждают многие, сохраняется до сих пор. В общем, АРА столкнулась с другим отношением к работе и успеху, с бесполезностью работы. Многие русские сотрудники, казалось, были склонны к опозданию, воровству, у них отсутствовал энтузиазм и оптимизм. Что же касается голода, то русские не могли понять настойчивости американцев, стремившихся все делать с головокружительной быстротой. Для русских голод был ужасной катастрофой, но отнюдь не новым явлением, даже когда голодные были накормлены, появлялись новые жертвы. Однако американцы с молодой энергией и ужасом перед нищетой, царившей вокруг них, работали подолгу и были постоянно шокированы апатией и фатализмом русских¹⁷.

Возможно, наиболее постоянной проблемой, которая мучила АРА в течение ее пребывания в России, было вмешательство коммунистического правительства. В конце концов, было явно нечто ироничное в том, что капиталистический враг просачивается в русскую сельскую местность, чтобы руководить гуманитарной помощью. Дональд также осознавал это: «Насколько сильно они хотят хлеба, настолько же горько для них принимать белый хлеб из рук белых воротничков»¹⁸. Несмотря на настойчивое требование советской власти и уверения АРА, что ее работники будут воздерживаться от всякого рода политического участия, Ленин относился к ним с недоверием. В августе 1921 г. он писал Вячеславу Молотову, товарищу по революции и члену Центрального Комитета: «Принимая во внимание соглашение с американской организацией Гувера, мы можем ожидать прибытия большого количества американцев. Мы должны позаботиться о наблюдении и разведке. Главное – найти и мобилизовать максимум коммунистов, знающих английский язык, чтобы предложить их в комиссию Гувера...»¹⁹ Таким образом, советское правительство постоянно вмешивалось

в деятельность АРА. Вскоре после своего прибытия Дональд жаловался: «Рука правительства чувствуется везде, и эта рука везде мешает»²⁰. Брат Дональда Ивэн, следивший за операциями АРА в Симбирске, писал о том же: «Большевики хотят руководить всей нашей программой, а поскольку мы не можем этого позволить, происходят бесконечные споры...»²¹

Администраторы АРА постоянно сталкивались с проблемой воровства. Когда первый корабль прибыл в порт Петербурга, контролер АРА Дональд Лори заметил, что грузчики носили джутовые мешки с мукой и рисом так грубо, что они часто разрывались, после чего грузчики наполняли свои карманы и шапки просыпавшимся товаром. После попыток остановить воровство он обратился к советскому чиновнику, который объяснил, что подобное воровство – нормальное явление, и АРА должна считать, что ей повезло, поскольку такой груз мог подвергнуться мародерству, а для грузчиков это стало стимулом к работе, иначе они разгружали бы его целыми днями²². Вскоре после прибытия Дональд понял причины распространённости воровства: «Поскольку правительство управляет всем... практически каждый находится на службе у правительства, и практически каждый ворует»²³. Несмотря на постоянство этой проблемы, Дональд выражал скорее симпатию, чем неприязнь, к русскому народу, полагая, что такие действия вызваны отчаянием. В марте 1921 г. он писал: «Вчера один из наших сотрудников, русский православный священник, был пойман на воровстве и признался в нем. Он сказал, что ему нужны ботинки. Я не арестовал его, потому что не хотел ослаблять то небольшое влияние, которое все еще оказывает церковь в этой несчастной стране»²⁴.

В дополнение к проблемам правительственного вмешательства и безудержного воровства АРА столкнулась с другим серьёзным вопросом – установлением надёжной системы транспортировки и распределения продуктов. Она пыталась работать главным образом через уже существовавшие русские комитеты и организации, используя русских работников на всех уровнях процесса, чтобы дополнить ими штат из 60 американ-

цев²⁵. Сначала АРА была занята только питанием детей до 14 лет, снабжая их одноразовым питанием. Как заметил Дональд, этого было недостаточно, но предполагалось, что помощь лишь дополнит питание, получаемое детьми дома или в школе. Пища распределялась между детьми двумя способами: или ее посылали в детские приюты порциями, уже предназначенными для каждого ребенка на день, или организовывались кухни, где детей принимали по предъявлению продуктового талона²⁶.

Число детей, получавших такую помощь, было значительным. В октябре 1921 г., как сообщал Дональд, АРА кормила в Москве ежедневно 25 тыс. детей²⁷. Это число неуклонно возрастало, и годом позднее Бюллетень АРА сообщал: в московском регионе АРА кормила 38 тыс. детей в день²⁸. В начале 1922 г. к списку получателей добавились беженцы, студенты университетов и пациенты больниц²⁹. Так, к октябрю 1922 г. 73 кухни АРА в Москве кормили в день в общей сложности свыше 57 тысяч человек. Многих россиян это питание спасало от смерти, другим давало чувство надежды. Один студент из университета писал: «До разрешения питаться в одной из кухонь АРА я мог получить горячую пищу только один раз в два дня, без жира или с небольшим его количеством. Заниматься было невозможно из-за ужасных головных болей. Уверенность в том, что завтра у меня будет хорошая еда, придает энергию моим занятиям»³⁰. В дополнение к раздаче пищи АРА сделала прививки приблизительно 60 тыс. детей, а также распределяла одежду³¹. 21 ноября 1921 г. Дональд писал домой отцу: «В прошлую субботу я распределял одежду для 1600 детей. ...Хотя на земле уже лежал снег, они были буквально в лохмотьях. Очень трогательно видеть, как их лица загорались, когда им давали свитер или костюм»³².

Несмотря на энергичную деятельность АРА, зимой 1921-1922 г. многие россияне жестоко страдали от голода, порой питались домашними животными, а в самых экстремальных случаях прибегали к убийству, чтобы своровать пищу. Во многих местах сообщалось даже о каннибализме. В дополнение к

сведениям об ужасающих размерах голода в одном из писем Дональда, хранящихся в его бумагах, есть несколько фотографий каннибалов, схваченных на месте преступления³³. Проблема каннибализма была настолько серьезной, что власти запретили продажу мелко нарубленного мяса и отбивных котлет³⁴. К концу 1922 г., когда голод стал ослабевать, по крайней мере, 5 миллионов человек умерло от голода и болезней³⁵.

Хотя письма Дональда были посвящены в основном описанию его работы и условий жизни русских людей, он также общался о других сторонах советской действительности. Он выражал отвращение к советскому правительству и идеологии коммунизма, заявляя, что они приводят к «моральной смерти» русских людей³⁶. Дональд подозревал, что его письма прочитывались, и к концу своего пребывания в Москве писал, что теперь редко выходит на улицу, потому что «когда мы выходим, за нами так внимательно наблюдают, что это совсем не смешно»³⁷. Ему была особенно неприятна советская атака на религию и осквернение русских православных церквей: «Ужасно видеть грабеж церквей, который продолжается сейчас. Большие толпы народа собираются в знак протеста, но их отгоняют солдаты Красной Армии. Правительство с помощью плакатов и газет в самом деле ведет пропаганду против церкви, но без малейшего эффекта»³⁸. Среди материалов коллекции Реншоу в Музее штата Луизианы есть плакаты советской пропаганды, направленные против богатства церкви среди голода и утверждающие, что его следует конфисковать, поскольку «один фунт серебра мог бы спасти семью из пяти человек до нового урожая»³⁹.

Описания Дональдом жизни в Москве обнаруживают новую социальную структуру, возникшую на волне революции. Он рассказывает о своей хозяйке «средних лет леди старого режима», но она не была типичной хозяйкой, потому что, как он позднее заметил, сдает сотрудникам АРА свою «посуду ... чрезвычайно красивую, отделанную золотом ... первоначально состоявшую из 600 приборов». Более того, у этой «средних лет леди старого режима» до революции были слуги: старая слу-

жанка ее семьи стала прислугой в столовой Реншоу. Даже эта простая женщина чувствовала трагизм социальной перемены, как передают, она плакала перед своей прежней хозяйкой: «О, госпожа, госпожа, мы потеряли наших людей и теперь должны служить иностранцам»⁴⁰. В подобном социальном составе служащих не было ничего необычного, Ивэн также сообщал, что его хозяйка — бывшая баронесса⁴¹.

Многие наблюдения Дональда российской жизни в начале 1920-х годов удивительно напоминают события 90-х гг. XX века, когда Россия пыталась трансформироваться в капиталистическое общество. Так, например, Дональд описывал положение русского рубля: «В течение десяти дней он опустился по отношению к доллару с четырех миллионов до двадцати трех. Конечно, цены немедленно подскочили вверх, и все зарплаты приходится регулировать. Как только ситуация начинает приходить в порядок, рубль снова слабеет... Это своего рода свободная игра с рублем, за которым всегда первый ход. В результате никто не пытается спасти какие-либо деньги... Как только человек получает какие-то бумажные деньги, он должен сразу их истратить, чтобы избежать потери. Именно по этой причине в магазинах всегда толпится народ. Один из наших курьеров (sic) рассказал мне на днях, что он пытался в течение года скопить деньги на пару ботинок. Как раз в то время, когда он скопил достаточно денег, рубль упал, а с ним и всякая надежда купить какие-нибудь ботинки. Естественный вопрос: как живут люди? Я нахожусь здесь в течение четырнадцати месяцев и не могу дать на него лучшего ответа, чем можешь ты, кроме такого, что люди не живут, но просто выживают»⁴².

В письмах Дональда постоянно чувствуется тоска по дому, он пытался обратиться с замечаниями и вопросами ко многим членам своей семьи, отмечая дни рождения и другие важные события. Новости из дома были очень важны для него. В конце 1921 года он писал, что друг прислал ему экземпляр *Times-Picayune*, от чего он получил огромное удовольствие, но спрашивал, может ли его сестра узнать счет футбольного матча ко-

манды Тулейна? Более того, он скучал по хорошей кухне Луизианы. В том же письме отцу он пишет: «Ивонна в одном из последних писем упомянула, что м-р Уилсон обещал тебе несколько уток. Завидую. Пока мы не можем получить никаких удовольствий. У нас, по сути, небольшой выбор пищи. Картофель и морковь – единственные овощи и мясо; нет ничего, чем можно было бы похвастаться. Рыбу абсолютно невозможно достать, а устрицы и моллюски здесь совершенно неизвестны»⁴³. И все же, хотя Дональд продолжал скучать по дому, видно, что к 1922 г. Россия уже глубоко вошла в его душу. Будучи в Париже по делам АРА, он писал: «Париж поистине такой же замечательный, как всегда... но мое сердце стремится назад в ту трагическую страну, где происходит одна из величайших драм всех времен»⁴⁴.

В январе 1923 года, когда, по крайней мере, миллион детей все еще зависел от иностранной помощи, АРА официально заявила, что ее миссия окончена, и начала планировать свой уход из Советского Союза. Это решение было принято в большой степени в ответ на возобновление советской властью в 1922 г. экспорта зерна. Хотя в АРА осознавали, что все еще много людей нуждаются в помощи, ее политика всегда состояла в том, чтобы предложить лишь дополнительную помощь к той, которую оказывает советское правительство; если же советское правительство было готово экспортировать столь много зерна – 400 тыс. тонн к маю 1923 г., значит, для АРА пришло время уезжать. Ее офис в Москве закрылся 20 июля 1923 г.⁴⁵

Дональд предсказывал, что перед его отъездом из Москвы «слово американец будет приветствовать каждый русский ребенок, который его слышал»⁴⁶. Как он и предсказал, Дональда осыпали благодарностью русские дети и взрослые. Различные группы и организации посылали ему благодарственные письма, некоторые из них были украшены рисунками и раскрашены по краям. Самое примечательное – десятифутовое послание, написанное от руки, со светящимися буквами на плотной бумаге с благодарностью АРА и лично Дональду за помощь русским людям во время страшной нужды⁴⁷.

Но если русские люди были щедры в выражении своей благодарности, то советское правительство – нет. Было, конечно, несколько официальных выражений признательности, подобно публикации в газете «Правда» в августе 1922 г. Однако вскоре после отъезда АРА советские руководители стали рисовать другую картину⁴⁸. Даже когда АРА покидала страну, советское правительство развязало недоброжелательную пропагандистскую кампанию. Начиная с 1924 г. она переросла в полномасштабную атаку: прежняя связь с АРА стала основанием для ареста, советских граждан обвиняли в том, что они принимали пищу как плату за работу шпиона. Подобный взгляд проник также в официальную историю страны. Даже в 1950 г. Большая советская энциклопедия сообщала, что АРА под видом милосердия занималась шпионажем и подрывной деятельностью. Но и после смерти Сталина Советскому Союзу очень не хотелось выражать какую-либо искреннюю благодарность. В 1959 г. советский лидер Никита Хрущев в своей речи в Лос-Анджелесе продемонстрировал это нежелание. Он отдал дань работе АРА в России, но также заметил, что солдаты США сражались против большевиков, способствуя тем самым гражданской войне и созданию условий, приведших к голоду. Еще раз достижения АРА были принижены⁴⁹.

К счастью, Дональд Реншоу не нуждался в признательности советского правительства, чтобы сохранить добрые чувства о работе в России. Подобно многим сотрудникам АРА, он был предан своей работе и любил ее, часто оставаясь на ней до поздней ночи. Более того, его усилия шли дальше простого обеспечения питанием детей Москвы. В декабре 1921 г. Дональд потратил собственные деньги для покупки 30 рождественских елок, по одной на каждую столовую, и организовал добровольцев, чтобы их украсить, найти музыку и раздать небольшие подарки⁵⁰. Из его писем видно, что он полюбил русских детей: «Русский ребенок – это чудо, красивый, несколько не робкий, несколько не застенчивый и несколько не склонный рисоваться. Они поистине растут малышами, которым приходится получать много жестоких уроков, чтобы узнать,

как самим заботиться о себе»⁵¹. Этот опыт во многих отношениях глубоко повлиял на Дэвида. В январе 1922 г. он писал: «Я вижу, что конгресс решил помочь и послать свыше тридцати миллионов бушелей зерна. Когда я был дома, я был решительно против нашей помощи иностранцам. Я изменил свой взгляд в этом вопросе, поскольку ужасно видеть, как голодают люди»⁵². В следующий месяц он уточнил свою мысль: «Я уверен, что мое пребывание в России окажет влияние на мою последующую жизнь, и я равно уверен, что стану лучше из-за пребывания там»⁵³.

Опыт Дональда в России был только началом его долгой карьеры в администрации США, как дома, так и за границей. После отъезда из России летом 1923 г. он поступил на службу в Бюро иностранной и внутренней торговли США в Министерстве торговли, работал в Бомбее, Калькутте, Батавии, Сингапуре и Бангкоке. Позднее был помощником торгового атташе в Лондоне и Берне. Во время президентства Франклина Рузвельта он стал посредником между Министерством торговли и Администрацией национального восстановления (НРА). Этот пост он занимал до 1934 г., когда был назначен специальным помощником генерала Хью С. Джонсона, руководителя НРА, а вскоре стал исполняющим директором НРА в Калифорнии и директором Национального Совета по чрезвычайному положению этого штата. Во время войны Дэвид служил в Сан-Франциско директором Совета по военному производству на Западе. После отставки возвратился в Новый Орлеан, где умер в 1961 г.⁵⁴

Хотя в письмах Дональда более позднего времени не упоминается о его опыте в России, очевидно, что работа там осталась очень важной для него. В 1941 г. после посещения библиотеки Гувера в Стэнфорде Дональд писал экс-президенту Гуверу: «Двадцать лет назад для меня было честью служить в России под Вашим руководством в Вашем крестовом походе за сохранение достоинства человека с помощью удовлетворения тех физических потребностей, в противном случае это могло бы привести к массовому отказу от духовной свободы. Я снова

готов служить такого рода делу, если потребуют обстоятельства. А пока я благодарю Вас за то, что вы научили меня столь многому в понимании реальных ценностей жизни»⁵⁵.

¹ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, September 25, 1921. Все письма, приведенные в этой статье, находятся в архиве семьи Реншоу. V.: The Renshaw Family Papers, Special Collections, Howard Tilton Library, Tulane University, New Orleans, Louisiana. (Далее – RFP).

² Существует удивительно мало специальных исследований, посвященных голоду в России 1921-1923 гг.; большинство книг о голоде написано в связи с изучением других тем. Наиболее полезные работы: *Fisher H.H.* The Famine in Soviet Russia, 1919-1923: The Operations on the American Relief Administration. N.Y., 1927; *Surface F., Bland R.* American Food in the World War and Reconstruction Period: Operations of the Organizations under the Direction of Herbert Hoover, 1914 to 1924. Stanford, 1931; *Weissman B.* Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921-1923. Stanford, 1974. Другие источники по истории помощи голодающим см.: *Patenaude B.M.* Herbert Hoover's Brush with Bolshevism. Wash., 1992; *Hiebert P.* Feeding the Hungry; Russian Famine, 1919-1925: American Mennonite Relief Operations. Scottdale, 1929; *Golder F.* On the Trail of the Russian Famine. Stanford, 1927; *McElroy R.W.* Morality and American Foreign Policy: The Role of Moral Norms in International Affairs. Ph.D. diss. Stanford University, 1989; *Trott M.A.* Soviet Medicine and Western Medical Charity, 1917-1927. Ph.D. diss. University of Virginia, 1996; *Engerman D.C.* America, Russia and the Romance of Economic Development. Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 1998.

³ *Weissman B.* Op. cit. P. 3, 6, XI.

⁴ Ibid. P. 29, 35.

⁵ *Surface F., Bland R.* Op. cit. P. 245-247.

⁶ *Weissman B.* Op. cit. P. 52, 65, 74.

⁷ *Merz N.* In Memory of Golden Cupolas // Research Paper. Stanford University. 1994. P. 1-2. М-р Мерц, не прямой потомок Дональда Реншоу, смог побеседовать с несколькими оставшимися в живых членами большой семьи Реншоу.

⁸ New Orleans Times Picayune. February 16. 1934; New Orleans States Item. May 3. 1961.

⁹ *Merz N.* Op. cit.

¹⁰ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, September 6, 1921.

- ¹¹ Ibid. September 22, 1921.
- ¹² Ibid. September 25, 1921.
- ¹³ *Fisher H.H.* Op. cit. P. 555.
- ¹⁴ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, September 25, 1921.
- ¹⁵ Ibid. October 3, 1921.
- ¹⁶ *Fisher H.H.* Op. cit. P.71-76.
- ¹⁷ Ibid. P. 94. Например, в декабре 1921 г. Дональд писал: «Я только что получил очень радостное письмо от Ивэна, я надеялся, что он сможет приехать в Москву на Рождество, но пишет, что не сможет этого сделать, поскольку ужасно занят. Быть занятым – типично для каждого из нас. Так много нужно сделать, и все должно быть сделано сразу. Но работа интересная, и американский персонал самого высокого уровня» (Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, December 12, 1921).
- ¹⁸ Ibid. December 29, 1921.
- ¹⁹ *The Unknown Lenin.* New Haven, 1996. P. 133.
- ²⁰ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, October 1, 1921.
- ²¹ Evan Renshaw, Simbirsk, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, November 16, 1921.
- ²² *Fisher H.H.* Op. cit. P. 80-81.
- ²³ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, October 1, 1921.
- ²⁴ Donald Renshaw, Moscow, to Marguerite Renshaw, New Orleans, March 30, 1922.
- ²⁵ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, October 5, 1921; *Weissman B.* Op. cit. P. 81.
- ²⁶ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, October 5, 1921.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ ARA Bulletin. Series 2. No. 29. October 1922 // RFP.
- ²⁹ Donald Renshaw, Moscow, to Marguerite Renshaw, New Orleans, March 30, 1922.
- ³⁰ Donald Renshaw, Report from Moscow District. July 26. 1922 // RFP.
- ³¹ ARA Bulletin. Series 10. No. 7 // RFP.
- ³² Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, November 21, 1921.
- ³³ Ibid. December 29, 1921.
- ³⁴ *Fisher H.H.* Op. cit. P.109.
- ³⁵ *Patenaude B.M.* Op. cit. P. 1.

- ³⁶ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, September 25, 1921.
- ³⁷ Ibid. December 29, 1921.
- ³⁸ Ibid. April 8, 1922.
- ³⁹ Poster. C. 1921-1923 // Louisiana State Museum. New Orleans. Louisiana.
- ⁴⁰ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, December 29, 1921.
- ⁴¹ Evan Renshaw, Simbirsk, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, November 5, 1921.
- ⁴² Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, December 5, 1922.
- ⁴³ Ibid. December 12, 1921.
- ⁴⁴ Donald Renshaw, Paris, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, February 22, 1922.
- ⁴⁵ *Weissman B.* Op. cit. P. 142-144, 172, 178.
- ⁴⁶ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, November 21, 1921.
- ⁴⁷ Эти материалы находятся в Музее штата Луизиана (Louisianian Ranked First in the Hearts of Soviet Russia // *The Progress*. January 7. 1938).
- ⁴⁸ ARA Bulletin. 45 // RFP.
- ⁴⁹ *Weissman B.* Op. cit. P. 166-67, 182-190.
- ⁵⁰ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw and Family, New Orleans, December 3, 1921.
- ⁵¹ Donald Renshaw, Moscow, to Judge Henry Renshaw, New Orleans, November 21, 1921.
- ⁵² Ibid. January 3, 1922.
- ⁵³ Ibid. February 22, 1922.
- ⁵⁴ Donald Renshaw Assists Johnson. February 16. 1934; Renshaw Named as NRA Director // *New Orleans Times Picayune*. June 21. 1934; NRA Director for Cal. Asks Co-operation // *Los Angeles Evening Herald Express*. June 29. 1934; *Louisianian Ranked First in Hearts of Soviet Russia* // *The Progress*. January 7. 1938; *Ex-Diplomat Renshaw Dies Here at 71* // *New Orleans States-Item*. May 3. 1961.
- ⁵⁵ Donald Renshaw, Woodacre, CA, to Herbert Hoover, Palo Alto, CA, June 22, 1941.

МОДЕРНИЗАЦИЯ «С ТОГО БЕРЕГА»: АМЕРИКАНСКИЕ ЭКСПЕРТЫ И ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ПЯТИЛЕТКА*

«Лучшее народное хозяйство стоит немного крови»¹.

Решение одной из непростых задач для современной российской историографии, т.е. расчет числа погибших насильственной смертью в годы преобразований советской деревни на протяжении первых пятилеток, привлекло к себе внимание ученых некоторых стран². Надеемся, что научное обсуждение проблемы ущерба, который понесла экономика Советского Союза в результате сталинских экспериментов, будет продолжено по мере рассекречивания архивных материалов.

Пока содержание литературы о западных откликах на первые пятилетки остается прежним, особенно у исследователей правой ориентации. До сих пор работы о Советском Союзе глазами американцев проникнуты духом политической борьбы 1930-1950-х гг. Другими словами, историки пользуются взглядами и аргументацией именно этих источников, хотя вполне очевидна их ограниченность³.

В этой статье автор предлагает свою оценку американских откликов на события в СССР, в частности, на голод 1932-1933 гг., который охватил основные зернопроизводящие районы страны. Не ставя цель поиска опровержений давно известным аргументам, мы предполагаем остановиться на общих предположениях американских экспертов, редко соглашавшихся друг с другом. Самыми важными для данной статьи являются мнения так называемых «экспертов» по Советскому Союзу, в основном, ученых и журналистов, большинство из которых часто общались с чиновниками и деятелями американского госдепартамента.

* Печатается в авторской редакции. — Прим. ред.

Между ними существовали серьезные разногласия как в области экономической деятельности, так и в сфере внешней политики Советского Союза, который был признан США только осенью 1933 г. Однако имелись и общие точки зрения, например, по вопросу о месте русских крестьян в «современную индустриальную эпоху», который и находится в фокусе внимания автора статьи.

Начнем с того, что отметим интерес американских исследователей к поведенческим моделям деревенских жителей. Гарвардский политолог Брюс Хоппер упоминал крестьянскую «неприязнь к режиму» как одну из причин слабого экономического развития России. Географ Йельского университета Эльсворт Хатингтон согласился с Хоппером в том, что главной проблемой индустриализации является «отсутствие инициативности» у крестьян. Аналогичного мнения придерживались и журналист Ханс Кон, а также экономист Кальвин Гувер, живший в СССР в 1929-30 гг., причем последний прямо заявил, что крестьяне «ленивы от рождения», согласившись с журналистом Эллери Вальтером. Социолог Джордж Дей пришел к выводу, что «отсутствие чувства времени» у крестьян свидетельствовало об их «детской наивности». Как писал экономист Карл Шульц, русским не хватало качеств создателей «современного механического завода»⁴. Следует заметить, что двое из упомянутых специалистов высказались против признания США Советского Союза, а двое – в поддержку этого решения (мнение одного осталось неизвестным).

Почти всем американцы рассматривали поведение русских крестьян как «ленивое», однако исследователи видели разные причины лени. Для некоторых она была наследством «славянской крови»⁵. Другие обвиняли русский климат и топографию: «долгие, холодные, скучные, безработные зимы» или «значительные колебания русского климата»⁶. А политолог Колумбийского университета Дж.Бартлет Бребнер сделал вывод, что «равнина-де заставляет крестьянина испытывать скуку»⁷.

Эти объяснения кажутся любопытными и даже немного забавными, но важно понимать, что если причины лени лежат

только в климате или географии, то все стремления крестьян не имеют смысла, так как они не могут изменить себя. Итак, для многих американцев эта пассивность означала, что «прогресс» в условиях жизни крестьян могут произойти только в силу внешних причин.

К этому выводу пришли американские эксперты по СССР, написавшие о русских крестьянах как о препятствии экономического развития и прогресса вообще. Аналогично стороннику признания СССР, экономисту Рексфорду Тэгвеллу, который назвал крестьян «весомой бесформенной массой», Гэрберт Гувер, бывший противником нормализации советско-американских отношений, называл их «неимоверно косными»⁸.

Дело доходило до того, что в Америке иногда высказывались сравнения сельских жителей в России со скотом, особенно среди экспертов, высказывавшихся за признание. Луи Фишер (журналист, женатый на русской и проживший в Москве в течение 10 с лишним лет) ругал «бычьей невозмутимостью» (*bovine equanimity*) крестьян, а писатель Вальдо Франк поражался, что «они (т.е. крестьяне. — Д.Э.) являются мужчинами и женщинами, однако их поступки напоминают действия скота»⁹.

Американцы приписывали русским крестьянам индивидуализм как одно из противоречивых и отрицательных качеств характера. Можно сказать, что такая оценка имела два объяснения. Во-первых, просто политическое: советское правительство старалось перевести деревню на коллективную основу, и крестьяне стали помехой этой политике, поскольку они отказывались «идти» в колхозы. Такое мнение имело место в трудах целого ряда американских журналистов: Уильяма Хенри Чемберлина (корреспондента газеты «Кристиан Сайенс Монитор» в Москве на протяжении более 15 лет), Этана Кольтона, Джорджа Коунтса, Артура Фейлера, Лазаря Волина, Эллери Вальтера¹⁰.

Но существовала и вторая, более глубокая причина «крестьянского индивидуализма», анализ которой обнаруживает интересную линию американской общественной мысли. Несмотря на то, что многие считали и считают американскую культуру

абсолютно индивидуалистической, издавна существовало мнение, согласно которому не менее важны отношения между человеком и обществом. И это представление укрепилось в 1920-е гг., причем в двух важных трудах об индивидуализме. И политик Гэрберт Гувер и философ Джон Дьюи писали о том, что «современный индивидуалист» должен иметь тесные связи с обществом и людьми в политической, экономической и социальной сферах. Дьюи назвал людей без подобных связей «чудовищами»¹¹. Поэтому другие авторы – Шервуд Эдди, Маурис Хиндус и Кальвин Гувер – имели в виду более широкое значение этого понятия, когда писали об «индивидуализме» крестьян, не желавших образовывать прочные связи с государством или обществом¹².

Ряд других качеств сельских жителей говорил американцам, что крестьяне жили в неразрывной связи с миром природы и не умели контролировать свои «естественные порывы». У них были, кроме этого, по мнению американцев, «наивный мистицизм, отсталость и естественная девственность»¹³. Несмотря на то, что у крестьян была «прелесть сельской уникальности», они были «полунигилистами и полуварварами», «предпочитая отсутствие всякого правительства»¹⁴. Русские крестьяне жили «инстинктивной жизнью», как писал профессор образования Томас Вуди, нельзя считать их реакции на какие-либо условия осмысленными, потому что это только «ощущения»¹⁵. Все эти качества – непригодность к работе, отсутствие контроля над собой и некоторые другие – приводили американцев к выводу о том, что крестьяне жили не в текущем временном измерении, а в прошлом, традиционном (pre-modern) обществе.

Изменения этого крестьянского мира американцам казались необходимыми, но сложными. В таком традиционном обществе привычки и организованность были не только «препятствиями», как считал видный философ Хорас Каллен¹⁶, они облегчали задачу «модернизации» советской деревни. Во-первых, у крестьян было терпение и готовность жертвовать собой. Такое терпение имело как отрицательный, так и положитель-

ный смысл для американцев. С одной стороны, терпение являлось «одним из худших проклятий» России из-за того, что русские не стремятся к самосовершенствованию. Бизнесмен Элая Фридмэн называл также «флегматичность» и «летаргию», обнаружив в то же время положительную сторону этих качеств: терпение «дает возможность пережить такое огромное и трудное испытание», каким для крестьян являлась первая пятилетка¹⁷.

С другой стороны, давнишняя идея о том, что все русские долготерпимы, заслоняла для американских исследователей недостатки крестьянской жизни. Журналист Чемберлин считал долготерпимость «качеством национального характера», подчеркивая «стойкость полуазиатского крестьянства»¹⁸. С ним соглашался политолог Хоппер, который писал о «вечном терпении, присущем характеру русского народа»¹⁹. Г.Гувер даже создал макроэкономическую модель, в которой одним из факторов выступает «долготерпение»: «Бремя лишений, которое выносит русский народ, когда он обеспечивает пятилетку капиталом, требует от него азиатской покорности непостижимым предначертаниям судьбы»²⁰.

Вообще Г.Гувер нередко писал (особенно в своей книге «Экономическая жизнь Советской России») о русском терпении и его экономических последствиях, связывая это качество с «азиатским характером» восточных славян. Он прямо указывал, что русские «по существу являются» азиатским народом. Эту аналогию так часто использовали американцы, что советский посол в Вашингтоне жаловался на «избитый мотив» восточного склада русской души в американской прессе²¹. Англичанин Бернард Пэрс, давний знакомый всех американских ученых и большой знаток России, также отмечал русское терпение. Как и некоторые американцы, он утверждал, что оно являлось немаловажной составной частью русского характера: «Эти достижения (первой пятилетки. — Д.Э.) доказали, что никакой режим не может отнять у русского народа его способность жертвовать собой, идеализм и страдания...» Нужно здесь отметить, что некоторые авторы, согласившись друг с другом в

оценке «русского характера», по-разному относились к Советскому Союзу. Так, Гувер высказывался против признания, а Хоппер и Пэрс – за. Одну из самых резких полемик 30-х годов в США вызвала книга И.Лайонса «Красное десятилетие», в которой жизнь русских крестьян связывалась со «всеобщей привычкой... фатального принятия ими страданий и тирании»²².

Итак, нами рассмотрены русское долготерпение и неспособность к изменению в направлении прогресса. Сочетание этих двух качеств привело нас к заключению, что, во-первых, если модернизация происходит в России, она не может рассматриваться как «внутренняя»; и, во-вторых, только навязанной извне модернизацией может быть обусловлено долготерпение русского крестьянства. В этом случае, те люди, которые желали этой «модернизации», были способны планировать методы «принудительного развития», что вызывало удивление и зависть американцев к планам большевиков²³.

Как хорошо знала советская верхушка, образование и так называемый «психологический фронт» имели большое значение в «борьбе за социализм» в деревне. Американцы, которые интересовались образованием, написали много книг и статей о том, что школы и университеты в США могли бы перенять советский опыт. Три ученых из разных университетов: Колумбийского – Коунтс, Чикагского – Харпер и Пенсильванского – Вуди, подчеркивали важность «гражданственного образования» (т.е. образования для становления человека в качестве гражданина, *civil education*). Они соглашались, что такие программы важны не только потому, что обеспечивали опору советской власти, но также и тем, что «создавали нового человека». Харпер заимствовал фразу «психологический фронт» у большевиков и оценивал эту борьбу за него как важнейший фактор для успешного завершения пятилетки²⁴.

* Автор, очевидно, имеет в виду, что модернизация была не результатом естественного развития общества, а была ему навязана «сверху». — *Прим. ред.*

Эти авторы положительно относились к советской системе образования, так как она «изменяет человеческую психологию в таких формах, что трудно было и ожидать». Вуди назвал двенадцать качеств «нового человека» в Советской России, который в результате полученного образования становился светским общественным активистом, верующим в диктатуру партии и всеобщий труд, и даже «бесполом»²⁵. Со своей точки зрения, разумеется, мы можем спорить с ним по этому вопросу, но надо признать, что эти качества нового человека имеют больше политическое, чем психологическое значение. Поскольку в работе Вуди делался акцент на «слиянии» политических целей власти с задачами «человеческого развития», постольку можно сказать, что его работа не критично усваивала опыт большевиков.

Другой американец, журналист Чемберлин, считал, что после того, как завершились мировая война, революция и восстановление народного хозяйства, люди, наконец, смогли взглянуть на крестьянина как на «нормального человека», а не как на «мистического идола в овечьей шкуре». В связи с этим закономерно поставить вопрос о «человеческом материале» и о формировании из него «нового человека», поскольку многие американцы положительно смотрели на процесс трансформации «человеческого материала» даже без согласия составляющих его «элементов». Один участник движения «Психологической гигиены» (mental hygiene), профессор медицинского факультета Гарвардского университета, отметил с удовлетворением и даже с некоторой завистью советские попытки перестроить и контролировать «русскую массу»²⁶.

По мнению американских экспертов, задача «социализации» крестьян предполагала изменение их «индивидуалистических» качеств личности через коллективизацию. Она требовала тяжелой и напряженной работы в деревне. Эксперты, специализирующиеся в области образования и экономики, иногда сравнивали проблему социализации с проблемой национализации. Эти эксперты надеялись решить проблему крестьянского сопротивления социализации. По словам экономиста Карла

Шольца, необходимо было «включить крестьян в новую промышленную ткань» с помощью пропаганды и образования. Еще одной задачей социализации, по мнению экономиста Гувера, являлась «стандартизация» человека²⁷. Таким образом, американские журналисты и ученые были равнодушны к судьбе русских крестьян, сосредоточившись на их «перестройке».

До настоящего времени большая часть исторической литературы рассматривает этих экспертов только как политических сторонников существовавшего в СССР режима, называя их даже «сталинистами» в связи с поддержкой Советского Союза всей доступной им аргументацией. Думается, что этот американский взгляд на русских имел более глубокую причину, чем та, на которую указывает большинство современных историков. Необходимость «модернизации» и преобразования традиционной крестьянской жизни понималась американскими экспертами, поэтому они и поддерживали цели и методы советского руководства по отношению к деревне, а не из-за того, что они были прокоммунистически настроены.

Можно здесь отметить еще одну причину, которая обусловила положительное отношение американского общественного мнения к Советскому Союзу. Многие из американских экспертов считали, что «жесткие» отклики на трудности (репрессии) в России были неизбежны и объективны. Подобной формой «объективности» особенно дорожили журналисты и некоторые ученые. Самый известный вариант такого поведения был у Вальтера Дюранти – московского корреспондента «Нью-Йорк Таймс», получившего премию Пулитцера в 1932 г. Когда он смотрел на трудности и жертвы, он обычно говорил: «Нет омлета без разбитых яиц» (или, по русской поговорке, «Лес рубят, щепки летят»). Даже в художественной литературе этого периода создан образ одного журналиста, похожего на Дюранти, который употреблял эту фразу применительно ко всякому неблагоприятному стечению обстоятельств²⁸.

После того, как немецкий корреспондент Пауль Шефер был выслан из Москвы из-за критических статей в отношении советского режима, американский историк Самуэл Харпер со-

общил в рецензии на новые книги о Советском Союзе, что Шефер «слишком чувствительный человек» и из-за его обидчивости он не может адекватно оценить происходящие там события²⁹. Другие ученые тоже пытались показать свою «жесткость». Так, например, политолог Хоппер сформулировал общее правило, в соответствии с которым человеческий прогресс «идет не по середине дороги, а только по краям». Даже Г. Гувер (гораздо хуже относившийся к СССР, чем Хоппер) все же неохотно признавал «смелость новых экспериментов», проводимых советским государством³⁰. Многие ученые отмечали в своих рецензиях заслугу данных авторов в том, что они писали о бедствиях максимально объективно³¹. Эти рецензенты объясняли и даже защищали сталинскую политику принуждения, основываясь на том, что она была «историческим наследством России»³². Следует также отметить, что они не преуменьшали ущерба «большого скачка», а, наоборот, признавали его и оправдывали необходимость. Историк Харпер, например, резюмировал, что экономическая политика в России состояла в «строительстве ради самого строительства». Журналист Хиндус писал, что первая пятилетка стала «победоносной», несмотря на огромные людские потери³³.

Одним из бедствий, которое унесло многочисленные жизни, был голод 1932-33 гг., охвативший большую часть Советского Союза, особенно его зернопроизводящие районы³⁴. Накануне голода Хиндус в начале своей книги «Великое нападение» поместил следующий диалог:

«Допустим, в России возникнет голод, – сказал мой собеседник, хорошо известный американский бизнесмен, – что тогда будет происходить?

- Естественно, будут умирать люди.
- И, скажем, при этом умрут три-четыре миллиона, что тогда?
- Революция не остановила бы движения вперед.
- И Сталин сохранился бы у власти?
- Может быть, да, а может быть, и нет, но Революция все равно бы продолжалась».

Через сотню страниц Хиндус описывал реальные условия жизни советской деревни. Он обвинял самих крестьян в том, что они потеряли «гармонию с природой». Хиндус положительно оценил коллективизацию за то, что она сэкономила ресурсы и «ликвидировала многочисленные потери»³⁵. По мнению Хиндуса, крестьяне сами виноваты в своих проблемах.

Та же тема была затронута в статьях Луи Фишера, левого журналиста и корреспондента американского журнала «*Nation*»: «Крестьяне сами навлекли на себя это бедствие (коллективизацию. — Д.Э.). Оно явилось страшным уроком с огромной ценой. История может быть жестокой... и нельзя преуменьшать трагедию коллективизации». Он высказал это мнение только в 1935 г. Во время голода Фишер отрицал то, что русские голодали, обвиняя газеты Херста в том, что они распространяли «клевету» о «так называемом голоде» в Советском Союзе³⁶. Только в 1949 г. он выступил с самокритикой, признав, что видел тяжелое состояние советской деревни в конце первой пятилетки.

Неудивительно, что «товарищ» Анна Луис Стронг тоже поддерживала советскую экономическую политику, ведь она была убежденным сторонником СССР. О «риске голода» она думала только в контексте «решения аграрной проблемы, которая еще не урегулирована нигде в мире»³⁷.

Не только сторонники Советского Союза, но и его противники оправдывали политику «сплошной коллективизации», несмотря на массовый голод. Так, например, Гувер ставил вопрос о самой «возможности» голода. Он считал, что советское руководство способно осуществить свои планы, так как это сделать ему позволят русские крестьяне, «пассивные и полуазиатские» по своей природе. Русский крестьянин «так ленив, что без стимула голода он никогда не начал бы работать»³⁸. Другими американскими экспертами голод объяснялся как обыкновенное явление в России. Например, политолог Бребнер назвал голод «повторяющимся феноменом в Стране Голода». Журналист Чемберлин, резко выступавший против большевиков из-за голода, тем не менее считал, что «полуазиатское крестьянство»

может все стерпеть, и его восстановление будет проходить «быстрее, чем в стране, не имеющей народа с таким долготерпением»³⁹. Крайнюю точку зрения об «исторической закономерности» голода высказал Хоппер, утверждавший, что «Россия психологически готова голодать ради своего величия»⁴⁰.

Основываясь на этих мнениях, американские эксперты, пишущие о делах в России, реагировали на известия о голоде в России довольно мягко. Правда, необходимо отметить, что, во-первых, Народный Комиссариат Иностранных Дел старался – и успешно – контролировать передвижение и переписку иностранных корреспондентов в Москве. Известий о тяжелых условиях в советской деревне поступало на Запад довольно много, но журналистам было запрещено выезжать и лично знакомиться с ситуацией на местах. Однако, несмотря на советскую цензуру и мнения многих американских экспертов, некоторые американские исследователи знали о реальных проблемах в СССР. Большинство из них работало на экономических факультетах университетов – например, Фейлер и Волин⁴¹.

Тем не менее, вопреки разногласиям между экспертами, существовало их взаимопонимание по поводу сущности процесса экономического развития России. Именно поэтому тот факт, что голод унес миллионы жизней, был оправдан доводами о «непригодности» крестьян к современной жизни, необходимостью индустриализации любой ценой и т.д. Следовательно, американские отклики на голод 1932-33 гг. следует рассматривать не как заговор американских левых⁴², а в качестве своеобразного «консенсуса», сложившегося между частью американских экспертов и большевистской верхушкой по данной проблеме.

«Наверное, мы, думающие только о конечной победе, никогда не останавливаемся, чтобы подсчитать ей цену», – писал американский писатель Грэнвил Хикс⁴³.

¹ Chase S. A New Deal. N.Y., 1933. P. 155.

² Conquest R. Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine. N.Y., 1986; Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о

- голоде 1932-33 гг. и «демографической катастрофе» 30-40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 116-121; *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 г.: сколько их (анализ демографической статистики в ЦГАНХ) // История СССР. 1991. № 5. С. 18-26; *Мерл С.* Голод 1932-33 годов: геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49-61.
- ³ В первую очередь см.: *Hollander P.* Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba. N.Y., 1981; *Draper T.* American Communism and Soviet Russia: The Formative Period. N.Y., 1964; *Feuer L.* Travellers to the Soviet Union, 1917-32: The Formation of a Component of New Deal Ideology // *American Quarterly*. 1962. Vol. 14, N 2. P. 119-149. Общая литература по этому вопросу невелика. См.: *Frank A.* Warren Liberals and Communism: The «Red Decade» Reconsidered. N.Y., 1966; *Pells R.* Radical Visions and American Dreams: Culture and Social Thought in Depression Years. Middletown, 1973. Любопытно отметить, что в последнее время вышли переиздания этих книг. Кроме того, см.: *Lyons E.* The Red Decade: The Stalinist Penetration of America. Indianapolis, 1941.
- ⁴ *Hopper B.* What Russia Intends. L., 1931. P. 180; *Huntington E.* Geographic Background of the Revolution // *The New Russia: Between the First and the Second Five Year Plans*. N.Y., 1933. P. 50; *Hoover C.* Economic Life of Soviet Russia. N.Y., 1931. P. 97; *Walter E.* Russia's Decisive Year. N.Y., 1932. P. 266; *M'Day G.* Russian Student Traits // *Sociology and Social Research*. 1929. Vol. 14, N 1. P. 30; *Scholz K.* Industry and the Second Five Year Plan. P. 85-86.
- ⁵ *Fischer L.* Soviet Journey. N.Y., 1935. P. 206; *Hindus M.* The Great Offensive. N.Y., 1933. P. 61.
- ⁶ *Huntigton E.* Geographic Background... P. 49. С Хэнтигтоном согласен М.Хиндус: *Hindus M.* Great Offensive. P. 68-69. Среди их оппонентов были П.Джолли и Б.Хоппер. См.: *Jolly P.* Public Utilities in France // *Harvard Business Review*. 1931. Vol. 9, N 4. P. 410; *Hopper B.* What Russia Intends. P. 119.
- ⁷ *Brebner J.B.* The Ante-Room of Time // *Soviet Russia in the Second Decade: A Joint Survey by the Technical Staff of the First American Trade Union Delegation*. N.Y., 1928. P. 4.
- ⁸ *Tugwell R.* Russian Agriculture // *Soviet Russia in the Second Decade...* P. 57; *Hoover H.* Economic Life. P. 69 100. См. также: *Harper S.N.* Making Bolsheviks. Chicago, 1931. P. 157.
- ⁹ *Fischer L.* Soviet Journey. P. 132; *Frank W.* Dawn in Russia. N.Y., 1932. P. 83, 99. Эта аналогия напоминает мнение Эндрю Уайта, американского посланника в России в 1880 гг., ставшего впослед-

ствии основателем Корнуэльского университета, который писал: «Как было бы просто неразумно ожидать бунта домашнего скота против пастухов, так и надеяться на восстание русского крестьянства против аристократии». См.: *The American Image of Russia, 1775-1917*. N.Y., 1974. P. 22.

- ¹⁰ *Chamberlin W.H.* The Ordeal of the Russian Peasantry // *Foreign Affairs*. 1934. Vol. 12, N 3. P. 497; *Idem.* Russia's Iron Age. Boston, 1934. P. 68; *Idem.* The Soviet Planned Economic Order. N.Y., 1931. P. 7-8; *Colton E.T.* The XYZ of Communism. N.Y., 1931. P. 163; *Counts.* Soviet Planning Experiment of Bolshevism. London, 1930. P. 231; *Walter E.* Russia's Decisive Year. P. 266; *Volin L.* Agrarian Collectivism in the Soviet Union // *Quarterly Journal of Economics*. 1937. Vol. 51, N 5. P. 617.

- ¹¹ *Hoover H.* American Individualism. Garden City; N.Y., 1922. Статья Дж.Девэйса «Individualism, Old and New» впервые была опубликована как серия статей в номерах журнала «The New Republic» за январь—апрель 1930 г.; в том же году она была издана в Нью-Йорке отдельной книгой.

Автор использовал текст из собрания сочинений Дж.Дьюи: *Dewey J.* The Later Works. Carbondale, 1984. Vol. 5. P. 80. См. также новую литературу про «американский индивидуализм»: *McClay W.* The Masterless: Self and Society in Modern America. Chapel Hill, 1994 (особенно гл. 5).

- ¹² *Eddy S.* Russia Today: What Can We Learn From It? N.Y., 1934. P. 141; *Hindus M.* Humanity Uprooted. N.Y., 1930. P. 169; *Hoover H.* Economic Life... P. 85. См. также рецензии Б.Хоппера и Г.Вернадского, соответственно в: *American Political Science Review*. 1935. Vol. 29, N 2. P. 309; *Slavonic and Eastern European Review*. 1933. Vol. 10, N 30. P. 722.

- ¹³ *Watkins G.S.* Social Change in Russia // *Sociology and Social Research*. 1931. Vol. 15, N 4. P. 346; *Fischer L.* Soviet Journey. P. 307.

- ¹⁴ *Maynard J.* Collective Farming in the USSR // *Slavonic and East European Review*. 1937. Vol. 14, N 43. P. 68-69; *Lawton L.* Economic History of Soviet Russia. L., 1933. Vol. 12. P. 610 (американский историк Геройд Робинсон в своей рецензии на эту книгу согласился с Л.Лаутоном, см.: *American Political Science Quarterly*. 1934. Vol. 49, N 3. P. 451-453). Объяснение ультра-консерватора Джона Уолтерса совпадает с этой точкой зрения, см.: *Walters J.* Red Justice. Madison, 1933. P. 5; *M'Day G.* Russian Student Traits. P. 34.

- ¹⁵ *Frank W.* Dawn in Russia. P. 99; *Woody T.* New Minds: New Men? The Emergence of the Soviet Citizen. N.Y., 1932. P. 315.

- ¹⁶ *Kallen H.* Frontiers of Hope. N.Y., 1929. P. 329.

- ¹⁷ *Fischer L.* Soviet Journey. P. 132; *Fridman E.* Russia in Transition: A Business Man's Appraisal. N.Y., 1932. P. 13.
- ¹⁸ *Chamberlin W.H.* Soviet Russia... P. 436; *Idem.* The Balance Sheet of Five-Year Plan // Foreign Affairs. 1934. Vol. 11, N 4. P. 463; *Idem.* The Ordeal of the Russian Peasantry. P. 497-505.
- ¹⁹ *Hopper B.* What Russia Intends. P. 149, 133; *Idem.* The Soviet Touchstone: Industrialisation // Foreign Affairs. 1930. Vol. 8, N 2. P. 79.
- ²⁰ К.Гувер в своем выступлении на «круглом столе»: Russian Economic Situation // American Economic Review. 1931. Vol. 21, N 1. P. 44.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Пап. 122. Д. 107. В данной статье автор не подвергает всестороннему анализу мнение американцев о том, что русские являются «азиатским народом», а лишь рассматривает ту часть этой характеристики, которая связана с безграничным терпением русского крестьянина.
- ²² *Lyons E.* Red Decade... P. 107.
- ²³ *Chase S.* A New Deal... P. 252. О Чейсе и его мировоззрении см. статью Вестбрука: *Westbrook R.B.* Tribune of the Technostructure: The Popular Economics of Stuart Chase // American Quarterly. 1980. Vol. 32, N 1. P. 387-408.
- ²⁴ Харпер написал две книги о «гражданском образовании»: *Harper S.N.* Civic Training in Soviet Russia. Chicago, 1929; *Idem.* Making Bolsheviks. P. X-XI. См. также: *Woody T.* New Minds: New Men?...; *Counts G.* Soviet Challenge to America. N.Y., 1931.
- ²⁵ *Counts G.* Soviet Challenge... P. 83; *Woody T.* New Minds: New Men?... P. 42, 468-479.
- ²⁶ *Chamberlin W.H.* The Russian Peasant Sphinx // Foreign Affairs. 1929. Vol. 7, N 3. P. 477. Фразу о «человеческом материале» использовали Вера Дин и Брюс Хоппер в своих рецензиях: *American Political Science Review*. 1931. Vol. 25, N 4. P. 1076; 1933. Vol. 27, N 2. Остальные цитаты приведены из следующих изданий: *Hopper B.* The Soviet Economy in a New Phase // Foreign Affairs. 1932. Vol. 10, N 3. P. 455; *Winter E.* Red Virtue: Human Relationships in the New Russia. N.Y., 1933. P. 4; *Sociology and Social Research*. 1937. Vol. 21, N 4. P. 393; *Hindus M.* Has the Five Year Plan Worked? // Harper's Magazine. 1933. Vol. 166. P. 462; *Fridman E.* Russia in Transition... P. 124. Членом движения «психологической гигиены» был доктор Алден Шай (согласно записи разговора с чиновником американского посольства в Стокгольме). См.: U.S. National Archives (далее – USNA). Record Group (далее – RG) 59. File 861.5017. Living Conditions. P. 322.

- ²⁷ *Feiler A.* An Economist's Analysis of Soviet Russia // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1934. Vol. 174. P. 153; *Scholz K.* Industry and the Second Five-Year Plan // *New Russia...* P. 166. Цитата Гувера обсуждается в книге: *Counts G.* Bolshevism, Fascism and Capitalism. New Haven, 1932. P. 288.
- ²⁸ *Duranty W.* I write as I Please. N.Y., 1935. P. 301. Гувер тоже писал о Дюранти, см.: *Hoover H.* Memoirs of Capitalism, Communism and Nazism. Durham, 1965. P. 104. См. также: *Muggeridge M.* Winter in Moscow. Boston, 1934. P. 54-55, 79.
- ²⁹ *Harper S.* New Books on Soviet Russia // *Publisher's Weekly.* 1931. Vol. 119. P. 2778. Работник НКВД сказал прямо о «высылке» Шеффера в 1932 г. См.: АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 15. Пап. 128. Д. 328. Л. 41.
- ³⁰ *Hopper B.* What Russia Intends. P. 1; *Hoover.* Economic Life... P. 326-330.
- ³¹ Это впечатление автора после прочтения статей и рецензий, касающихся истории первых пятилеток. См., напр., рецензию А.Мейндорфа в: *Slavonic and East European Review.* 1930. Vol. 9, N 26. P. 481.
- ³² Об «историческом наследии России» см.: *Fridman E.* Russia in Transition... P. 7; *American Political Science Review.* 1929. Vol. 23, N 1. P. 215; *Tugwell P.* Russian Agriculture // *Soviet Russia in the Second Decade...* P. 102; рецензию Л.Эдвардса (*American Journal of Sociology.* 1928. Vol. 33, N 6. P. 1016). Автор последней рецензии писал, что его мнение разделяет «большинство осведомленных людей».
- ³³ USNA. RG 59. 861.5017. Living Conditions. P. 168; *Hindus M.* Green Worlds: An Informal Chronicle. N.Y., 1935. P. 335.
- ³⁴ В настоящее время существует исследовательская литература о голоде, см. напр.: *Кондрашин В.В.* Голод 1932-33 гг. в деревнях Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Он же.* Голод 1932-33 в деревнях Поволжья // *Вопросы истории.* 1991. № 6. С. 176-181; *Осколков Е.Н.* Голод 1932-33 гг. // *Хлебозаготовки и голод 1932-33 гг. в Северо-Кавказском крае.* Ростов н/Д, 1991.
- ³⁵ *Hindus M.* The Great Offensive... P. 108, 143.
- ³⁶ Первая цитата взята из книги: *Fischer L.* The Soviet Journey. P. 171-182. О скандалах 1932-33 гг. см. журнал «Nation» за июль-август 1932; *Louis Fischer Papers.* Princeton University. Box 35. Резкая критика Л.Фишера содержится в книге: *Crowl J.* Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in the Soviet Union, 1917-1937. Wash., 1982. Ch. 7. См. также: *Crossman R.* The God that Failed. N.Y., 1949.
- ³⁷ *Strong A.L.* The Soviets Conquer Wheat. N.Y., 1931. P. 4.

- ³⁸ Hoover. Economic Life... P. 85-115.
- ³⁹ См. рецензию на книгу Бребнера об американской помощи русским голодающим 1921-23 гг.: *Political Science Quarterly*. 1928. Vol. 43, N 2. P. 317. Также см.: *Chamberlin W.H.* The Ordeal of the Russian Peasantry. P. 505.
- ⁴⁰ *Hopper B.* What Russia Intends. P. 175.
- ⁴¹ *Feiler A.* An Economist's Analysis... P. 156; *Volin L.* Agrarian Collectivism... // *Quarterly Journal of Economics*. 1937. Vol. 51, N 5. P. 619-620. См. также труды других экономистов: *Spalding M.* // *Journal of Political Economy*. 1935. Vol. 43, N 2; *Ladejinsky W.* Collectivisation of Agriculture // *Political Science Quarterly*. 1934. Vol. 49, N 2. P. 222-223.
- ⁴² Самым известным примером этой школы (особенно в России) служит книга Роберта Конквеста: *Conquest R.* Harvest of Sorrow... (см. особенно гл. 18 этой книги). См. также: *Morris W.* Stalin's Famine and Roosevelt's Recognition of Russia. Wash., 1994; *Mace J.* The Politics of Famine: American Government and Press Response to the Ukrainian Famine of 1932-33 // *Holocaust and Genocide Studies*. 1988. Vol. 3, N 1. P. 73-94; *Kuropas M.B.* America's Red Decade and the Great Famine Cover-Up // *The Great Famine in Ukraine: The Unknown Holocaust*. Jersey City, 1983.
- ⁴³ РГАЛИ. Ф. 631. Он. 11. Д. 633. Л. 49.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВОВ

АВПРИ	—	Архив внешней политики Российской империи
АВПРФ	—	Архив внешней политики Российской Федерации
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ГАКК	—	Государственный архив Краснодарского края
МБС истфака МГУ	—	Музей боевой славы исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова
РГА ВМФ	—	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАНИ	—	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	—	Российский государственный архив экономики
РГВА	—	Российский государственный военный архив
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
ЦДНИКК	—	Центр документации по новейшей истории Краснодарского края
ЦДНИРО	—	Центр документации по новейшей истории Ростовской области
SKS	—	Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (Архив Финского Литературного Общества), Kansanrunousarkiston 1918 — muistietokoe. Anni Jortikka 41: 95

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Голубев А.В.</i> Предисловие	3
---------------------------------------	---

I. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

<i>Дубровская Е.Ю.</i> Финляндия, финны и российские военнослужащие в годы Первой мировой войны: взаимные представления и образы	9
<i>Жбанкова Е.В.</i> Европейская культура салонного танца в советской России 1920-1930-х годов	25
<i>Звонарева Л.У. Кудрявцева Л.С.</i> Русский взгляд на датского сказочника	45

II. ВЗАИМОПОНИМАНИЕ ЭЛИТ

<i>Сергеев Е.Ю.</i> Национальная идея в представлениях военной элиты России начала XX века	63
<i>Куликова Г.Б.</i> Советские вожди и зарубежные визитеры	80
<i>Шубин А.В.</i> Народный фронт: изменение в стратегии Сталина	106
<i>Зубков С.А.</i> Хрущев и Запад: механизмы формирования международного имиджа советского лидера	127

III. ВОЕННЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУР

<i>Кудюкина М.М.</i> Красная Армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов	153
<i>Баранов А.В.</i> «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России)	175
<i>Кулешова Н.Ю.</i> Армии капиталистических стран в 1930-е годы: два взгляда советской пропаганды	194
<i>Токарев В.А.</i> «Польша сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год).....	216
<i>Быстрова Н.Е.</i> Организация Варшавского Договора глазами современников и западных исследователей	233

IV. ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ВОЙНЕ

<i>Дорожкин А.Г.</i> Российская капиталистическая индустриализация в освещении германской литературы начала XX в.	253
<i>Черноперов В.Л.</i> Социально-экономические достижения Веймарской республики глазами советских современников	270
<i>Фролова О.Е.</i> Германия, Берлин и немцы в романе В.В.Набокова «Дар»	293
<i>Сенявская Е.С.</i> Сталинградские письма советских и немецких солдат: компаративный анализ ментальностей	311

V. США И РОССИЯ: В ПОИСКАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

<i>Журавлева В.И.</i> Уартон Баркер — «адвокат» России, или как сформировать общественное мнение в США	322
<i>Листиков С.В.</i> Миссия Элиху Рута в России в 1917 г.	342
<i>Фролова Н.С.</i> Индустриализация по-американски: советская научно-техническая интеллигенция об «экономическом чуде» США 1920-х гг.	361
<i>Галубев А.В.</i> Америка в советской карикатуре 1920-1930-х годов	372
<i>Фарроу Л.</i> От площади Джексона к Красной площади: Дональд Реншоу и помощь голодающим в России, 1921-1923	413
<i>Энгерман Д.</i> Модернизация «с того берега»: американские эксперты и первая советская пятилетка	429
Список использованных архивов	445

Редактор-корректор
Пруцкова О.А.

Компьютерная верстка
Васильевой Н.В.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 14.12.06. Формат 60х84/16
Тираж 300 экз. 28 п.л. 25,14 уч.-изд.л.

Заказ № 4

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.